

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2020 Т.11 № 2

**КИТАЙ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ФАКТОР:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВАРИАНТОВ ОТВЕТОВ**

**CHINA AS A GLOBAL FACTOR:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF RESPONSES**

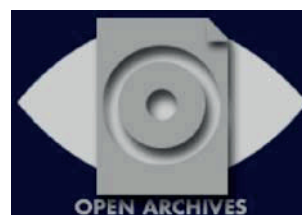

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2020 ● Т. 11 № 2

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл №ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Издано при
поддержке
фонда
развития
МГИМО

Международный редакционный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский у-тет), профессор

Заместитель главного редактора

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Ответственный секретарь

Д.А. Кузнецов

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия

Александр Жейбит, проф., Федеральный у-тет Рио-де-
Жанейро, Бразилия

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва, Россия

Кларс Зегберс, проф., Свободный у-тет Берлина, Германия

Чарльз Зиелер, проф., У-тет Луисвилла, Луисвилл, США

О.В. Зиневич, д.ф.н., проф., НГТУ, Новосибирск, Россия

М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Гэй Кристоферсен, проф., У-тет Джона Хопкинса,
Нинкинский Центр, США-Китай

Айгуль Кульназарова, Ph.D., проф. международных
отношений и международного права, У-тет Тама,
Япония

В.Л. Ларин, д.и.н., проф., акад. РАН, ДВО РАН,
Владивосток, Россия

В.Г. Ледяев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский у-тет),
проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Чинтамани Махапатра, проф., ректор, У-тет им. Джавахар-
лала Неру, Индия

Редакционная коллегия выпуска

Е.В. Колдунова

А.В. Ломанов

В.Г. Ледяев

А.П. Бореев

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

В.В. Михеев, д.э.н., проф., акад. РАН, ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корр. РАН, РГГУ, Москва,
Россия

Е.В. Попов, LL.M.(У-тет Эссека), к.ю.н., доц., МГИМО
МИД РФ, Москва, Россия

В.Д. Соловей, д.и.н., писатель, Москва, Россия

Л.В. Сморгун, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-
Петербург, Россия

М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии (Манчестер-
ский у-тет), проф., ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва,
Россия

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва, Россия

Анн де Тинги, проф., Сьян По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., У-тет мировой экономики и
дипломатии Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

Чжао Хуагэн, проф., Фуданьский у-тет, Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаглеина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Л.И. Шерстова, д.и.н., проф., ТГУ, Томск, Россия

Дэжин Уилсон, заслуж. проф., Уитон Колледж; ассоци-
ированный исследователь, Гарвардский у-тет, США

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй, Китай, Тайвань

Международный научно-консультационный совет

О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., член-
корр. РАН, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия,

зам. председателя

В.В. Гриб, д.ю.н., проф., Издательская группа «Юрист»,
Москва, Россия, председатель

С.И. Лунев, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва,
Россия

Айше Дитрих, проф., Ближневосточный технический
у-тет, Анкара, Турция

Акихиро Ивасита, проф., У-тет Хоккайдо, Саппоро,
Япония

О.В. Павленко, к.и.н., доц., РГГУ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический у-тет, Пекин,
Китай (КНР)

А.Ю. Шутов, д.и.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, зам. председателя

Макет и оформление *А.В. Талалаевского*

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №39

Центр подписки:
+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Печать офсетная
Усл. печ. л. 24,5
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная
Подписано в печать 27.04.2020
Выход из печати: 29.04.2020
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

Точка зрения авторов может не
совпадать с точкой зрения редакции

© Воскресенский А.Д., эмблема, 2020
© Воскресенский А.Д., 2020
© Сравнительная политика, 2020
© Издательская группа «Юрист», 2020

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2020 ● Vol. 11 № 2

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Published
with support
of MGIMO
Endowment
Foundation

International Editorial Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Dr. of Political Science,
PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern
Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

Ekaterina V. Koldunova, Cand. of Political
Science, Associate Professor

Executive Secretary Denis A. Kuznetsov

Tatiana A. Alekseeva, Dr. of Philosophy, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrenitsky, Dr. of History, Professor, Insti-
tute for Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia

Alisher Faizullaev, Professor, University of World Economics
and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Gaye Christoffersen, Professor, Johns Hopkins University,
Nanjing Center, Nanjing, USA-China

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Germany

Michail V. Il'in, Dr. of Political Science, Professor, Higher
School of Economics, Moscow, Russia

Aigul Kulnazarova, Ph.D. Professor of International Rela-
tions and International Law School of Global Studies, Tama
University, Japan

Viktor L. Larin, Dr. of History, Professor, Academician, RAS
Marina M. Lebedeva, Dr. of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Chintamani Mahapatra, Professor at School of International
Studies and Rector, Jawaharlal Nehru University, India

Vasily V. Mikheev, Dr. of Economics, Academician, RAS, Institute
of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

Efim I. Pivovarov, Dr. of History, Professor, Corresponding Member
RAS, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Evgeny V. Popov, Cand. of Law, LL.M (University of Essex),
Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Tatiana A. Shakleina, Dr. of Political Science, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Editorial Board of the Issue

Ekaterina V. Koldunova

Aleksandr V. Lomanov

Valery G. Ledyayev

Arseny P. Boreev

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Cand. of Political
Science, Associate Professor

Valery D. Solovej, Dr. of History, Writer, Moscow, Russia

L.I. Sherstova, Dr. of History, Professor, Tomsk State Univer-
sity, Tomsk, Russia

Leonid V. Smorgunov, Dr. of Political Science, Professor,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Dr. of Political Science, PhD (Univer-
sity of Manchester), Professor, Institute of World Economy
and International Relations, RAS, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Dr. of History, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Cand. of Political Science, Associate Pro-
fessor, Russian International Affairs Council, Moscow, Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Jeanne L. Wilson, Emeritus Professor, Weaton College;
Research Associate, Harvard University, USA

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai,
P.R. China

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de
Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoriya I. Zhuravleva, Dr. of History, Professor, Russian
State University for the Humanities, Moscow, Russia

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville, USA

O.V. Zinevich, Dr. of Philosophy, Professor, Novosibirsk State
Technical University, Novosibirsk, Russia

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science, Aca-
demia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

International Advisory Board

Oleg N. Barabanov, Dr. of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

O.V. Gaman-Golutvina, Dr. of Political Science, Cor-
responding Member RAS, MGIMO University, Moscow,
Russia, Deputy Chair

Vladislav V. Grib, Dr. of Law, Professor, Publishing Group
"Yurist", Moscow, Russia, Chair

Sergey I. Lunev, Dr. of History, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Ayşe Dietrich, Professor, Middle East Technical University,
Ankara, Turkey

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido, Sapporo,
Japan

Olga V. Pavlenko, Cand. of History, Associate Professor,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing,
P.R. China

Andrey Yu. Shutov, Dr. of History, Professor, Moscow State
University, Moscow, Russia, Deputy Chair

Typesetting – Alexey Talalaevsky

Established in 2009
No.39 since 2010

Subscription Centre:
+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing
Conventional printing sheet – 24,5
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 27 April 2020
Printed: 29 April 2020
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

Authors' point of view may not
coincide with that of the Editorial
staff

© Voskressenski A.D., logo, 2020
© Voskressenski A.D., 2020
© Comparative Politics, 2020
© Publishing Group "Yurist", 2020

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

А.Д. Воскресенский. Что такое для нас Китай? / Предисловие к специальным номерам: «Китай как глобальный фактор: сравнительный анализ вариантов ответов» и «Современные международные отношения: теория и практика сравнительного анализа ответов на внешние и внутренние вызовы»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

В.Л. Ларин. «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа

Е.Г. Гарбузарова. Государственный суверенитет в контексте евразийской интеграции

В.В. Кузнецова. Азиатский рынок облигаций в национальных валютах и Китай

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

В.Н. Колотов. Между Пекином и Вашингтоном: основные политические и экономические параметры вьетнамско-китайских отношений на современном этапе

Э.П. Шавлай. Китайский фактор в индийско-американских отношениях

А.В. Куприянов. Китайский фактор в формировании индийского подхода к концепции Индо-Тихоокеанского региона

С.И. Лунев. Проблемы терроризма и подходы к Афганистану в треугольнике Россия-Индия-Китай

Г.А. Сизов. Трансформация роли Китая в афганском вопросе и обеспечении безопасности в Центральной Азии

5 **Alexei D. Voskressenski.** What is China to Us? / Foreword to the Special Issues: “China as a Global Factor: A Comparative Analysis of Responses” and “Contemporary International Relations: Theory and Practice of Comparative Analysis of Responses to External and Internal Challenges”

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

9 **Viktor L. Larin.** “Chinese Expansion” in the Eastern Regions of Russia at the Beginning of the XXI Century: Through the Prism of Comparative Analysis

28 **Elena G. Garbuzarova.** State Sovereignty in the Context of Eurasian Integration

36 **Valentina V. Kuznesova.** Asian Bond Market in Local Currencies and China

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

47 **Vladimir N. Kolotov.** Between Beijing and Washington: The Main Political and Economic Parameters of Vietnam-China Relations at the Present Stage

57 **Ellina P. Shavlay.** Chinese Factor in India-US Relations

68 **Alexey V. Kupriyanov.** Factor of China in Evolution of the Indian Approach to the Indo-Pacific Region

76 **Sergey I. Lunev.** The Problem of Terrorism and Approaches to Afghanistan in the Russia-India-China Triangle

89 **Georgy A. Sizov.** Transformation of the Role of China in the Afghan Issue and Ensuring Security in Central Asia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Подъем Китая и его влияние на мировой и региональные порядки: сравнительный анализ. Материалы круглого стола

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

В.Б. Кашин, А.С. Пятачкова, Л.С. Крашенинникова. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика

В.В. Кузнецова, О.А. Машкина. Глобализация китайского высшего образования как фактор геополитического влияния

Ч. Лу, В.Г. Дацышен. Торгово-экономические связи провинции Хэйлунцзян с Российским Дальним Востоком: сравнительный анализ политики на двух этапах развития

М.В. Кротова. Уроки истории: особенности советско-китайского управления КВЖД в 1920-е годы

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ: КИТАЙ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

А.В. Акимов. Рядом шагает новый Китай

В.Л. Ларин. К познанию «новой реальности» Китая XXI века

Д.А. Кузнецов. Китайская инициатива «Пояса и Пути» и оценка региональных трансформаций

Т. Прокопенко. Интернет и Китай

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

DISCUSSION

97 Rise of China and Its Influence on the World and Regional Orders: Comparative Analysis. Proceedings of the Roundtable Discussion

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

123 **Vasily B. Kashin, Anastasiia S. Piatachkova, Lyubov S. Krasheninnikova.** Chinese Economic Sanctions Policy: Theory and Practice

139 **Valentina V. Kuznetsova, Olga A. Mashkina.** Globalization of Chinese Higher Education as a Factor of Geopolitical Influence

151 **Chunyue Lu, Vladimir G. Datsyshen.** Trade and Economic Relations of the Heilongjiang Province with the Russian Far East: a Comparative Analysis of Policies at Two Stages of Development

166 **Maria V. Krotova.** History Lessons: Features of the Sino-Soviet Management of CER in the 1920's

REVIEWS: CHINA IN COMPARATIVE PERSPECTIVE

177 **Alexander V. Akimov.** New China Is Walking Nearby

182 **Viktor L. Larin.** Exploring "New Reality" of China in the 21st Century

187 **Denis A. Kuznetsov.** Chinese "Belt and Road" Initiative, and Assessment of Regional Transformations

191 **Timur Prokopenko.** Internet and China

194 GUIDE FOR THE AUTHORS

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10014

ЧТО ТАКОЕ ДЛЯ НАС КИТАЙ?

Предисловие к специальным номерам:
«Китай как глобальный фактор: сравнительный анализ вариантов ответов» и
«Современные международные отношения: теория и практика
сравнительного анализа ответов на внешние и внутренние вызовы»

Алексей Дмитриевич Воскресенский

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 1 марта 2020 <i>Принята к печати:</i> 25 марта 2020</p>	<p>Аннотация: Предисловие главного редактора и основателя журнала «Сравнительная политика» к специальным номерам журнала: «Китай как глобальный фактор: сравнительный анализ вариантов ответов» и «Современные международные отношения: теория и практика сравнительного анализа ответов на внешние и внутренние вызовы», в. в котором обосновывается структура номеров журнала и объясняется логика взаимосвязи статей авторов.</p>
<p>Об авторе: д.полит.н., PhD (Манчестерский университет), профессор, Директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, профессор Кафедры востоковедения, Факультет международных отношений, МГИМО МИД России e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Китай; сравнительная политика; современные международные отношения; теория международных отношений</p>	

В последние десятилетия китаеведы, востоковеды и международники достаточно единодушно говорят об усилении структурной роли Востока и, прежде всего, Китая как второй экономики мира в мирополитической и сравнительно-политической картине мира. Мирополитической, поскольку мир на наших глазах становится полицентричным, теория международных отношений критикуется за ее западоцентричность, многими исследователями и политиками постулируется необходимость ее «национализации» и одновременно превращения в «истинно» глобальную с включением глокальных закономерностей как ее необходимой составной части. С другой стороны – и

сравнительно-политической, поскольку объективное отражение новой стадии полицентричности мира и одновременно анализа отражения этой новой стадии в «истинно» глобальной ТМО нуждается в прояснении сравнительно-политических характеристик тех инструментов «незападного» политического развития, которые обеспечили «вхождение» Китая и Востока в глобальный мир как составной части обновленных характеристик этого полицентричного глобального мира. Важнейшей частью новых мировых трендов становятся процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе и той его части, получившей название «Большая Восточная Азия», «внутри» которой теперь постулируется необхо-

димось формирования региона «Индо-Пацифика» как арены сотрудничества и соперничества региональных государств в условиях комплексной трансформации Китая и превращения его как минимум в фактор влияния на макрорегиональном уровне, имеющий уже и несомненные глобальные последствия.

Китай и китайский опыт играют огромную роль как с точки зрения разработки и апробирования аутентичной китайской национальной модели развития, так и с точки зрения анализа его внешней политики, определения им самим места в системе международных отношений и возможных мирополитических конфигурациях будущего.

Опыт Китая по постепенной трансформации своей политико-экономической системы, пока без серьезной потери политической устойчивости, и, одновременно, в условиях продолжающегося (хотя уже и сильно приторможенного) экономического развития в условиях торговой войны с США – уникален, прежде всего потому, что Китай обладал в прошлом уникальным сочетанием политических, исторических, культурных и экономических характеристик, превративших его в центр тогдашней экономической системы, которая, правда, не имела еще всеобщего характера¹. Китай утерял все свои преимущества к концу XIX в., но к началу XXI сумел найти, пройдя период смены политической системы, иностранной агрессии, политической нестабильности, гражданской войны, национальную модель успешных экономических реформ, невзирая на наличие большого и бедного населения, политические, экономические и социальные кризисы. Сегодняшний Китай на наших глазах становится глобальным фактором во всех ипостасях своего развития – мирополитического, внешнеполитического, политико-экономического, социокультурного и др., но одновременно для этой страны вновь встал вопрос: как изменить свою национальную модель развития применительно

к новым условиям уже глобального Китая, отсекая крайности национализма и автаркии с одной стороны, и глобализма с его универсализацией с другой? Противников этого нового глобального Китая в мире также немало. Раскрытию этих тем, хотя и с разных сторон, посвящены №2 и №3 журнала «Сравнительная политика» 2020 года.

№ 2, 2020 открывается компаративистской статьей академика РАН В.Л. Ларина, посвященной объяснению истинной картины так называемой «китайской экспансии» в восточные районы России в начале XXI в. Далее статья Е.Г. Гарбузаровой объясняет, как может и должен трансформироваться суверенитет в контексте евразийской интеграции в том числе и для того, чтобы найти модель успешного сотрудничества с Китаем. В статье В.В. Кузнецовой, в свою очередь, показано, какую роль играет Китай на азиатском рынке облигаций в национальных валютах и какие варианты «мягкой» экономической интеграции в Азии могут осуществляться под воздействием Китая.

Далее рассматриваются основные политические и экономические параметры вьетнамо-китайских отношений на современном этапе (статья В.И. Колотова), китайский фактор в индийско-американских отношениях (статья Э.П. Шавлай), китайский фактор в формировании индийского подхода к концепции Индо-Тихоокеанского региона (статья А.В. Куприянова), проблемы терроризма и подходы к Афганистану в треугольнике Россия-Индия-Китай (статья С.И. Лунева), трансформации роли Китая в Афганском вопросе с точки зрения обеспечения безопасности в Центральной Азии (статья А.Г. Сизова).

В рубрике «Материалы для дискуссии» публикуются тексты выступлений на круглом столе РАМИ-2019 «Подъем Китая и его влияние на мировой и региональные порядки: сравнительный анализ», в которых подробно освещаются все основные аспекты подъема Китая и раскрываются варианты его возможной мирополитической и региональной / регионостроительной роли. Этот круглый стол был организован Центром комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО для обсуждения вопро-

¹ Мэдисон, Э. Контуры мировой экономики в 1-2030 гг.: очерки по макроэкономической истории. Пер. с англ. М.: Ин-т Гайдара, 2015

сов, поднятых в книге «Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы»².

В рубрике «Сравнительный анализ локального опыта» анализируется теория и практика китайской политики в сфере применения экономических санкций (статья В.Б. Кашина, А.С. Пятачковой, Л.С. Крашенинниковой), проблемы глобализации китайского высшего образования как фактора его геополитического влияния (статья В.В. Кузнецовой и О.А. Машкиной), торгово-экономические связи провинции Хэйлуцзян с российским Дальним Востоком (статья Лу Чунье и В.Г. Дацышена), а также уроки некоторых этапов исторического развития советско-китайских отношений (статья М.В. Кротовой).

Завершают этот номер развернутые рецензии уже упомянутой мной выше фундаментальной коллективной монографии «Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы», а также монографии «*China's Belt and Road Initiative. Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus*»³. В последней раскрывается реальное состояние дел в китайском проекте «Пояс и путь» и оцениваются возможности его дальнейшего осуществления в том числе и как уже международного проекта.

Таким образом, в №2, 2020 Китай рассмотрен всесторонне, но «изнутри» и «со всех сторон». В №3, 2020 избран другой подход, поскольку номер посвящен теории и практике ответов на внешние и внутренние вызовы в современной системе международных отношений. Китай как бы вынесен «за скобки», но незримо присутствует как референтная точка при рассмотрении каждого из вопросов, свя-

занных с функционированием современной системы международных отношений.

Открывается №3, 2020 статьей С.К. Песцова и А.Б. Волынчука, в которой объяснена роль категории напряженности в международных сферах как концептуальной основы для сравнительных исследований. Далее в статье В.В. Вершининой анализируется роль держав «среднего уровня» в международных отношениях, а в статье М.Е. Попова раскрыты методологические и концептуальные подходы к авторитарному либерализму в современной Европе. Все три статьи в сумме создают концептуальную основу рассмотрению политических и геополитических вопросов в сравнительной перспективе, которым посвящена рубрика журнала «Сравнительная политика и геополитика».

В этой рубрике показана роль ведущих центров силы в обеспечении безопасности неустойчивых государств мира (статья М.Л. Горбунова и И.Д. Комарова). Далее анализируется российская политика в отношении Украины и Белоруссии (В.В. Шишков, С.В. Хорошев), а в статье В.В. Гончарова и И.З. Чимитова – проблема межэтнического согласия как перспективного и важного направления стратегического планирования политики национальной безопасности Российской Федерации. В разделе «Исследовательские заметки» в дополнение публикуется статья Н. Acharje, в которой эта проблема анализируется уже на примере реагирования на проблему этнических конфликтов на Северном Кавказе. Она позволяет оценить разницу во взглядах в том числе и через сопоставление национальной и зарубежной точки зрения на эту проблему.

Делать дальнейшие сопоставления читателям предлагается в рубрике «Материалы для дискуссии». В статье А.С. Ващук показаны точки зрения отечественных и англоязычных авторов времен перестройки и радикальной российской реформы, а в статье И.О. Вяткина и А.В. Максимова – внутренний взгляд на политическую историю России 1990-ых годов как инструмент демистификации политики.

Далее представлен сравнительный анализ уже локального опыта: М.Б. Башкиров и

² Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с. [Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy (Development Model of Modern China: Assessments, Discussions, Forecasts). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategic Research, 2019. 736 p.]

³ China's Belt and Road Initiative. Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus. Ed. by Harinder S. Kohli, Johannes F. Linn, Leo M. Zucker. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC, Melbourne: Sage Publications Pvt. Ltd, 2020. 300 p.

М.Е. Антонова анализируют место Франции в Африке, К.О. Телин показывает провалы и неудачи государственной политики России, а завершает номер статья И.В. Левакина, в которой представлен компаративистский анализ бюрократии на основных этапах развития публичной власти. Эта статья имеет вневременной теоретический характер и подводит неформальный итог дискуссии, по вопросам, которые незримо связаны с принципами выработки национального внешнеполитического курса, а через него и с теми процессами, которые происходят в системе международных отношений.

В сумме варианты ответов на внешние и внутренние вызовы, представленные в срав-

нительной перспективе, позволяют снова, но уже на новом уровне, вернуться к опыту Китая и подумать о том, как этому национальному государству удастся преодолеть проблемы внутреннего и внешнего характера и формулировать ответ на такие вызовы. Но об этом исследователями Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО написана новая книга «China's Infinite Transition and its Limits: Economic, Military and Political Dimensions», в которой будут дополнительно раскрыты те вопросы, которые по каким-то причинам могли остаться «за бортом» рассмотренных в журнале «Сравнительная политика» и монографии «Модель развития современного Китая».

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10014

WHAT IS CHINA TO US?

Foreword to the Special Issues: “China as a Global Factor: A Comparative Analysis of Responses” and “Contemporary International Relations: Theory and Practice of Comparative Analysis of Responses to External and Internal Challenges”

Alexei D. Voskressenski

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 01.03.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 25.03.2020</p>	<p>Abstract: Foreword by the Editor-in-Chief and founder of the journal <i>Comparative Politics Russia</i> to special issues: “China as a Global Factor: A Comparative Analysis of Responses” and “Contemporary International Relations: Theory and Practice of Comparative Analysis of Responses to External and Internal Challenges” explaining the structure of the journal issues and the logic of interconnection between published articles within the journal.</p>
<p>About the author: Dr. of Political Science, PhD (University of Manchester), Professor, Director of the Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University; Professor, Department of Asian and African Studies, School of International Relations, MGIMO University</p> <p>e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Key words: China; comparative politics; international relations; theory of international relations</p>	

Для цитирования: Воскресенский А.Д. Что такое для нас Китай? // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 5-18.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10014

For citation: Voskressenski, Alexei D. Chto takoye dlyan nas Kitay? (What is China to Us?) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 5-18.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10014

«КИТАЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ» В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI В. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОМПАРАТИВИСТСКОГО АНАЛИЗА

Виктор Лаврентьевич Ларин

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Владивосток, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 10 октября 2019 <i>Принята к печати:</i> 10 марта 2020</p>	<p>Аннотация: В статье на основе сравнительно-сопоставительного метода анализируется взаимодействие трёх субъективных и объективных реальностей, занимающих важное место в современных российско-китайских отношениях. Виртуальные представления о масштабах китайского присутствия на Дальнем Востоке России сопоставляются с выказываемыми российскими властями и населением этого региона настроениями и пожеланиями относительно вовлечения Китая в экономическое развитие региона и соотносятся с реалиями экономической и демографической жизни восточных районов России во втором десятилетии 21 в. В первой части статьи автор выявляет различные истоки, современные проявления и интерпретации фантома «китайской угрозы», анализирует взгляды и подходы российского федерального центра, властей и населения Тихоокеанской России в отношении китайского экономического и демографического присутствия в регионе. Делается вывод о, в целом, позитивном настрое и власти, и населения в отношении этого явления. При этом отмечается, что в сознании российских властей и населения прочно закрепились определенные ограничители к тесному сближению с Китаем, которые сказываются на конкретных решениях и действиях местных властей и бизнеса. Вместе с тем наблюдается достаточно прохладное отношение китайских властей и крупного бизнеса к внедрению в экономику этого региона России. Во второй части статьи на основе официальной статистики показываются реальные проявления китайского участия в экономической жизни Тихоокеанской России: динамика, масштабы и структура межрегиональной торговли, объемы и характер китайских инвестиций, гуманитарный обмен и движение трудовых ресурсов через линию границы. Эта статистика убедительно показывает очень незначительные масштабы китайского экономического присутствия и влияния в регионе. Сравнительно-сопоставительный подход позволяет автору сделать вывод о глубоком разрыве между прогнозами экспертов и интуитивными российскими страхами о расширении «китайской экспансии» в России, намерениями российских и китайских политиков увеличить вклад КНР в развитие Тихоокеанской России, и реальными масштабами этого участия.</p>
<p>Об авторе: Академик РАН, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук e-mail: victorlar@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Тихоокеанская Россия; Китай; китайская угроза; торговля; инвестиции; китайская рабочая сила</p>	

«Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!»

А.С. Пушкин

На протяжении без малого трёх последних десятилетий «китайская экспансия на Дальнем Востоке России» является одним из самых популярных сюжетов научных публикаций и журналистских расследований, посвященных как российско-китайским от-

ношениям, так и истории и современной жизни Тихоокеанской России. В пору наивысшего накала страстей журналисты писали о миллионах китайцев, заполонивших Сибирь, приграничных поселках, уже наполовину населенных гражданами Поднебесной. Страхы оказались сильно преувеличены, но они дали пусть для кого-то неожиданный, но закономерный и положительный результат. Прямое обращение российской власти к

проблемам российского Дальнего Востока и принятие принципиального решения о необходимости его ускоренного экономического развития, увеличении численности его населения были, в значительной степени, стимулированы обостренным вниманием Кремля к внешним угрозам и опасениями потерять этот регион России¹.

Однако параллельно с этим существовала противоположная тенденция: экономическая целесообразность заставляла местные власти (вне зависимости от их отношения к Китаю) искать способы и пути использования гигантского потенциала этой страны для развития собственных территорий. Примером могут служить высказывания губернатора Хабаровского края доктора экономических наук В.И. Ишаева, который на официальных совещаниях «рисовал апокалипсическую картину постепенного вхождения российского Дальнего Востока в границы Китая»², но в научных работах писал о необходимости формирования единого экономического пространства между российским Дальним Востоком и Китаем, интеграции Дальнего Востока в АТР через втягивание Китая в экономику региона³. Аналогичную позицию занимал губернатор

Приморского края Е.И. Наздратенко, жестко выступавший против демаркации границы с КНР, но при этом заявлявший, что Россия и Китай «обречены на экономическое сотрудничество»⁴.

К концу первого десятилетия нынешнего века китайское демографическое присутствие в России в целом и её восточных районах в частности по разным причинам заметно сократилось. Тема «жёлтой опасности» была постепенно вытеснена из медийного пространства более горячими сюжетами: Украиной, Сирией, политическими коллизиями в США. Но тогда же задача развития российско-китайского межрегионального сотрудничества по-настоящему озаботила верхние этажи российской власти и воплотилась в целую серию межгосударственных соглашений. Однако подозрительное и осторожное отношение россиян к Китаю, китайцам и китайскому присутствию в России сохранилось. Строительство нефте- и газопроводов из России в КНР, китайский интерес к пахотным землям Дальнего Востока и первые робкие китайские инвестиции в его экономику дали новые поводы для обвинения Пекина в «экономической экспансии».

Атмосфера подозрительности и тревоги не может не порождать настороженности, нерешительности, непоследовательности и даже двойственности в решениях и действиях политических и властных структур России в отношении КНР. Совершенно очевидно, что настороженность и недоверие к Китаю не идут на пользу ни российской внешней политике в целом, ни российско-китайским отношениям, ни попыткам Москвы кардинально изменить облик и участь Тихоокеанской России. Необходимы объективный анализ китайских интересов на востоке России, планов и политики Пекина и приграничных с Россией территорий КНР, реального присутствия и участия Китая в экономической и социальной жизни этого российского региона.

Именно в этом русле и выстроена архитектура данной статьи. Она начинается с описания «угроз со стороны Китая», которые

¹ См.: Ларин В.Л. Внешняя угроза как движущая сила освоения и развития Тихоокеанской России. М.: Московский центр Карнеги. 2013. 25 с. [Larin, V.L. Vneshniaia ugroza kak dvizhushchaia sila osvoeniia i razvitiia Tikhookeanskoi Rossii (External threat as a driving force for Pacific Russia development). Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi, 2013. 25 p.]

² Известия. 1999, 7 июля. [Izvestiia, 1999, July, 7.]

³ Ишаев В.И. Стратегическое планирование регионального экономического развития. Владивосток, 1998. ДВО РАН. С. 115-118 [Ishaev, V.I. Strategicheskoe planirovanie regional'nogo ekonomicheskogo razvitiia (Strategic Planning of Regional Economic Development). Vladivostok: DVO RAN, 1998. Pp. 115-118]; Ишаев В.И., Минакир П.А. Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития. Хабаровск: ДВО РАН, 1998. С. 147-150 [Ishaev V.I., Minakir P.A. Dal'nii Vostok Rossii: real'nosti i vozmozhnosti ekonomicheskogo razvitiia (The Russian Far East: Realities and Opportunities for Economic Development). Khabarovsk: DVO RAN. 1998. P. 147-150].

⁴ Владивосток. 1995, 21 марта. [Vladivostok, 1995, March, 21.]

вскрывают апологеты «китайского заговора против России», затем переносит внимание читателя на политическое и нормативно-правовое обеспечение китайского вовлечения в экономическую жизнь российского Дальнего Востока и завершается сравнительным анализом экономического и демографического присутствия и влияния Китая в этом регионе.

Нагнетание страхов: горе от ума или кому это выгодно?

Тему китайской экспансии в России и «широкомасштабного освоения китайцами сибирских просторов»⁵ российские и зарубежные СМИ активнейшим образом обсуждали в начале 1990-х годов. Пугающие истории о заполонивших восточные районы миллионах китайцев дополнялись апокалипсическими сюжетами о скупке сынами Поднебесной земли и недвижимости, вывозе ими валюты и стратегического сырья из России, подчинении ими российской экономики, браконьерстве, контрабанде, хищническом промысле в российских лесах и пр.⁶ Под влияние этой волны попадали и серьезные ученые. С. Хантингтон даже предсказал вторжение китайских войск в Сибирь к 2010 г. в целях «защиты многочисленных китайских поселенцев» и оккупацию ими Владивостока, Приамурья и ключевых областей Восточной Сибири⁷.

В начале XXI в. алармистские сценарии о скором овладении Дальнего Востока России Китаем оставались не менее популярными.

Как и на пике наплыва китайцев в Россию в 1990-е годы, доминировали версии демографической экспансии. В 2000 г. американская разведывательно-аналитическая компания *Stratfor* даже умудрилась предсказать, что к 2020 г. китайцы станут доминирующей этнической группой на Дальнем Востоке⁸. Подлило масла в огонь и эмоциональное высказывание В. Путина о перспективах развития этого региона: «если в ближайшее время мы не предпримем реальных усилий, – заявил Президент на границе с Китаем, в Благовещенске летом 2000 г., – то тогда даже исконно русское население через несколько десятилетий будет говорить в основном на японском, китайском, корейском языках»⁹. После того, как в декабре 2006 г. на заседании Совета безопасности РФ Президент назвал ситуацию в регионе критической и угрожающей национальным интересам государства¹⁰ политики в голос заговорили о «геополитическом удержании» Дальнего Востока, политологи — об угрозах хозяйственного и культурного освоения территории «другими международно-правовыми субъектами»¹¹, а интернет на-

⁵ Тарасов А. Сибирь – только для русских? (Tarasov, A. Siberia – only for the Russians?) // Известия, 2 ноября 1993. [*Izvestiia*, 1993, November, 2.]

⁶ Подробнее см. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 72-80. [Larin, V.L. *Kitai i Dal'nii vostok Rossii v pervoi polovine 90-kh: problem regional'nogo vzaimodeistviia* (China and the Russian Far East in the first half of the 90s: Problems of Regional Cooperation). Vladivostok: Dal'nauka, 1998. Pp. 72-80.]

⁷ Huntington, S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, Simon & Schuster, 1996. P. 314.

⁸ Russian Far East Turning Chinese? / Stratfor, July 2000. Mode of access: <https://www.stratfor.com/analysis/russian-far-east-turning-chinese>

⁹ Путин В.В. Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья» (Putin, V.V. Opening address at the meeting “On the prospects for the development of the Far East and Transbaikalia”) // Президент России, 21 июля 2000. Благовещенск. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21494>

¹⁰ Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности (Putin V.V. Opening address at a meeting of the Security Council) // Президент России, 20 декабря 2006. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23965>

¹¹ Дальневосточный регион в социально-политическом пространстве России: проблемы и пути их решения: Сб. материалов. М.: Изд. Совета Федерации, 2008. С. 23. [Dal'nevostochnyi region v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossii: problem i puti ikh resheniia: Sb. Materialov (The Far Eastern Region in the Socio-Political Space of Russia: Problems and Ways to Solve Them: Collection of materials. Moscow: Izd. Soveta Federatsii, 2008. P. 23); Виноградов А.В. Россия в АТР: но-

полнился рассуждениями о нарастающей демографической и грядущей военной экспансии Китая. Не отставали в нагнетании страстей и зарубежные эксперты¹².

Сторонники идеи «китайской экспансии» активно обсуждали территориальные претензии Китая к России, попытки Пекина «вовлечь Россию в зону своего влияния»¹³, «растущее экономическое влияние Китая на Дальнем Востоке». Некоторые из них даже утверждали, что регион «станет де-факто провинцией Китая»¹⁴, «жизненным пространством КНР», которое будет захвачено силой¹⁵. Антикитайская тема стала модной среди российских журналистов. В ноябре 2005 г. «Комсомольская правда» сообщила, что Китай ежегодно «забрасывает к нам на постоянное жительство около миллиона соотечественников»¹⁶. Сообщалось и

о том, что Китай уже «вмешивается в управление нашими территориями, финансирует выборы, избирательные компании, мэров городов, ведет подкуп чиновников и представителей власти. Появляется политическая и экономическая элита, скупленная Китаем и обслуживающая его интересы»¹⁷. Отдельные чрезмерно впечатленные растущей мощью Поднебесной комментаторы предрекали, что «через пять лет Китай нападёт на Россию»¹⁸. Апофеозом антикитайской истерии стал документальный фильм эпатажной, жесткой, но по своему честной журналистки Е. Масюк «Иероглиф дружбы» (2003 г.), не признанный центральными каналами, но показанный некоторыми региональными.

После заключения крупнейшей в истории энергетической сделки между Россией и Китаем, которую западные исследователи тут же поспешили дискредитировать¹⁹, фокус «китайской угрозы» переместился на превращение Дальнего Востока в «ресурсный придаток» или «ресурсную колонию Китая»²⁰. К фантому китайского «демографического давления»²¹, который, несмотря

вые цели и задачи // Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества: Сб. материалов. М.: РИСИ, 2011. С. 6. [Vinogradov, A.V. Rossiia v ATR: novye tseli i zadachi // Rossiia v ATR: problem bezopasnosti i sotrudnichestva: Sb. Materialov (Russia in the Asia-Pacific Region: New Goals and Tasks // Russia in the Asia-Pacific Region: Problems of Security and Cooperation: Collection of materials). Moscow: RISI, 2011. P. 6.]

- ¹² Kim, Iskhan. Selling Off Siberia. Why China should purchase the Russian Far East / Slate, July 2003. Mode of access: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/foreigners/2003/07/selling_off_siberia.html; Pirchner, H. The Uncertain Future: Sino-Russian Relations in the Twenty-First Century // *Demokratizatsiya*, 2008, No. 4. pp. 314-317; Raiklin, E. The Chinese Challenge to Russia in Siberia and the Russian Far East // *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 2008, No. 2, pp. 145-204.
- ¹³ Piontkovsky A. China's Threat to Russia / Project Syndicate, August 2007. Mode of access: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-s-threat-to-russia>
- ¹⁴ Nemets A.V., Scherer J.L. China's 'Takeover' of Russia's Far East // *The World & I*, 2004, No. 2 p. 60.
- ¹⁵ Bolton, K.R. Russia and China an Approaching Conflict? // *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 2009, No. 2, p. 176.
- ¹⁶ Штешин Д. Иноземцы уже съели юг и центр страны. На очереди Сибирь (Steshin, D. Foreigners Have Already Eaten the South and Center of the Country. Siberia is Next in Turn) // *Комсомольская правда*, 8 ноября 2005. С. 1.

- ¹⁷ Полунин А. Китай расширяется: Сначала Тайвань, потом Сибирь и Дальний Восток (Polunin A. China is Expanding: First Taiwan, then Siberia and Far East) // Электронная газета Свободная пресса, 28 июня 2010. Режим доступа: <https://svpressa.ru/politic/article/27045/>
- ¹⁸ Греков Я. Китай нападёт на Россию через 5 лет (Grekov, Ia. China Will Attack Russia in 5 Years) // Русский журнал, 27 марта 2007. Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Kitaj-napadet-na-Rossiyyu-cherez-5-let>
- ¹⁹ См: Blank, Stephen. Pipeline to Nowhere. The Beijing-Moscow Dance Continues // *World Affairs*, 2012, March-April, Vol. 174, Iss. 6, pp. 93-100.
- ²⁰ Rozman, G. The Russian Pivot to Asia / *The Asian Forum*, Vol. 2, No. 6, November-December 2014. Mode of access: <http://www.theasanforum.org/the-russian-pivot-to-asia/>; Mankoff, J. US Perspective / *The Asian Forum*, July 25, 2014. Mode of access: <http://www.theasanforum.org/us-perspective-3/>
- ²¹ Tîmoveanu, D. Russia, China and the Far East Question: Are there any Chinese 49ers around? // *The Diplomat*, January 20, 2016. Mode of access: <http://thediplomat.com/2016/01/russia-china-and-the-far-east-question/>

на очевидное снижение масштабов китайского присутствия в России, продолжал кочевать из публикации в публикацию на Западе, добавились предупреждения о Китае как «величайшей угрозе российскому присутствию на Востоке»²². Некоторые московские и зарубежные журналисты и доморожденные «эксперты» подогревали атмосферу страха, раскрывая «секретные планы Пекина» в отношении Дальнего Востока, сообщая о его намерениях увеличить число китайских поселений и китайской собственности в регионе²³. Выгоду для Китая попытались обнаружить и в политике Кремля по созданию территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток. Журналист Д. Мурашов увидел в Законе о ТОРах «разбазаривание России, наших полезных ископаемых, наших ресурсов – на благо соседней страны»²⁴. Попытки местных властей поправить экономическое положение своих регионов за счет сдачи пахотных земель в аренду китайцам также вызывали бурные всплески негодования «патриотов» и националистов.

Примеры можно продолжить. Накопленный массив страшилок о «китайской экспансии» на Дальнем Востоке велик. К этой теме периодически обращаются люди, кого по-настоящему волнует будущее этого российского региона, но кто весьма далёк от понимания интересов и политики Китая. Кое-кто использовал скандальные публикации о «китайской угрозе», чтобы

пробить себе дорогу на подиум. Некоторые искренне в это верят. Эту тему с удовольствием эксплуатируют противники нынешней российской власти, обвиняя Президента России и его ставленников в регионах в разбазаривании российских земель и потакании китайской экспансии²⁵. Наконец, её активно развивают в тех столицах евразийского и американского континентов, где усматривают в укреплении позиций Китая на пространствах азиатской России угрозы своим экономическим интересам и по-настоящему опасаются укрепления российско-китайского военно-политического альянса.

Весьма примечательно, что в последнее десятилетие публикации на тему «китайской угрозы» преимущественно исходят отнюдь не из восточных районов России. Может быть, местные жители и эксперты эту угрозу просто не замечают? Или увидели в Китае альтернативу беспомощной российской власти, чьи потуги хотя бы остановить депопуляцию и социальную деградацию региона оказываются тщетными? Интересно вспомнить, что в том же году, когда *Stratfor* пугал китайской экспансией, дальневосточные эксперты сделали свой вывод, озвученный прессой Владивостока: «Жёлтая опасность» – это «политический ужастик,

²² Bowen, A.S.; Rodeheffer, L. Is Russia Losing Control of Its Far East? // *The Diplomat*. October 1, 2013. Mode of access: <http://thediplomat.com/2013/10/is-russia-losing-control-of-its-far-east/>

²³ Храмчихин А. Дракон проснулся? Внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России. М.: «Ключ-С», 2015. С. 43-51 [Khramchikhin, A. Drakon prosnulsia? Vnutrennie problem Kitaiia kak istochnik kitaiskoi ugrozy dlia Rossii (Did the Dragon Wake up? China's Internal Problems as a Source of the Chinese Threat to Russia). Moscow.: «Kliuch-S», 2015, pp. 43-51.]

²⁴ Мурашов С. Распродажа России. Пока в розницу (Murashov S. Sale of Russia. While retail) // Сноб, 5 января 2015. Режим доступа: <https://snob.ru/profile/25185/blog/86111>

²⁵ В декабре 2014 г. экс-редактор «Российской газеты», откровенный националист, привлекший к судебной ответственности за антисемитизм Б. Миронов обвинил президента РФ Владимира Путина в том, что он отдал в аренду КНР 4 миллиона гектаров земли в пяти районах Забайкальского края (Основатель «Российской газеты» обвинил Путина в сдаче в аренду КНР 4 млн га в Забайкалье (The Founder of Rossiyskaya Gazeta Accuses Putin of Leasing China 4 million Hectares in Transbaikalia) // Чита.ру, 6 декабря 2014. Режим доступа: <https://www.chita.ru/news/67878/>). А годом позднее уже депутат Госдумы от Забайкальского края, член фракции КПрФ потребовал отставки губернатора края за намерение местных властей сдавать землю в аренду китайцам (КПрФ: Следующим губернатором Забайкалья станет китаец (Communist Party: The Next Governor of Transbaikalia Will Be a Chinese) // ZAB.RU, 17 декабря 2015. Режим доступа: https://zab.ru/news/82088_kprf_sleduyucshim_gubernatorom_zabajkalya_stanet_kitacec).

поставленный ориентированными на Запад столичными деятелями, силовиками и китаефобами»²⁶.

Реалии сегодняшней жизни показывают, что акценты власти сменились с минуса на плюс: китайское участие в развитии Дальнего Востока почитается за благо. Но вот энтузиазм Китая в этом направлении существенно снизился.

Политический и идеологический фундамент китайского присутствия: интересы, декларации, намерения

Атмосфера для китайского присутствия в тихоокеанской России формируется как бы в трёх областях: через видение и нормотворческую деятельность центральных правительств, осмысление проблемы властями приграничных территорий и общественное мнение этих территорий.

Центральная власть

Текущая риторика Кремля поощряет любые взаимодействия с КНР, способные содействовать экономическому развитию Тихоокеанской России. Китай в современном концепте Кремля об «интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион» предстаёт, с одной стороны, как главный вкладчик в развитие Дальнего Востока, с другой, – как важный потребитель его природных и логистических ресурсов. Эта идея достаточно пространно, хотя и абстрактно, представлена в *Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.* Стратегия предполагает широкомасштабный выход на энергетические, природно-сырьевые, туристические рынки «Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона», «интеграции транспортной системы РФ в международную транспортную систему АТР»²⁷.

²⁶ «Страшные китайцы» (“The Scary Chinese”) // Новости, 15 сентября 2000.

²⁷ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [Strategiia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Dal'nego Vostoka i Baikal'skogo regiona na period do 2025 goda (The Strategy of Socio-Economic Development of the Far East and the Baikal Region for the

Стратегия даже содержит специальный раздел: «Приграничное сотрудничество субъектов РФ с северо-восточными провинциями Китая и Монголией, а также экономическое взаимодействие с другими странами Северо-Восточной Азии», в котором зафиксирована роль Дальнего Востока и Байкальского региона «как центра экономического партнерства Российской Федерации» с этими государствами. Слова «Китай», «китайский» в этом документе встречаются 90 раз. Это в три раза чаще, чем в нём упоминается Япония.

В 2012 г. призыв действовать «китайской потенциал в целях хозяйственного подъёма Сибири и Дальнего Востока» прозвучал уже из уст российского президента²⁸. Вскоре после этого обострение отношений России с Западом и проводимая последним политика антироссийских санкций сделали вопрос о китайском финансовом участии в намеченном «подъеме Дальнего Востока» как никогда актуальным. С июля 2015 г., когда полпред Президента по Дальнему Востоку Ю. Трутнев признался, что напрямую призывал потенциальных китайских инвесторов вкладывать в Дальний Восток²⁹, на различных правительственных совещаниях по развитию этого региона Китай стал фигурировать как самый главный партнёр и даже локомотив его ускоренного развития, причём уже не столько как потребитель местной продукции, сколько как потенциальный инвестор. В январе 2017 г. тогдашний министр по развитию Дальнего Востока А. Галушка сообщил прессе, что министерство подготовило и передало китайской стороне предложение о создании Дальневосточного центра поддержки инвесторов и предпринимателей из Китая³⁰.

Period until 2025)]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96571/f1d12cbe15c5cddd0ac61a818831f10e1f7c4d/

²⁸ Путин В.В. Россия и меняющийся мир (Putin V.V. Russia and the Changing World) // Российская газета, 27 июня 2012.

²⁹ Юрий Трутнев: мы будем конкурировать с Гонконгом и Сингапуром (Yuri Trutnev: We Will Compete with Hong Kong and Singapore) // ТАСС, 28 июля 2015. Режим доступа: <https://tass.ru/interviews/2145866>

³⁰ Александр Галушка: Развитие Дальнего Востока – приоритетное направление для Рос-

Какова реакция китайских властей и бизнеса на эти призывы? Как оказалось, весьма вялая, особенно со стороны центральной власти и крупного бизнеса.

Политическое руководство КНР внешне уходит от обсуждения этой темы, никак не обозначая свой интерес к Тихоокеанской России. Причин для этого несколько. Во-первых, в условиях растущей напряженности в отношениях с США, в Южно-китайском море, непростых отношений с некоторыми соседями мирная и спокойная граница с Россией (каковой она сегодня является) рассматривается в Пекине как один из главных факторов обеспечения безопасности КНР. В Чжуннаньхае делают всё возможное, чтобы такие отношения вдоль границы сохранялись, и стараются не давать поводов для появления всяких домыслов и конспирологических теорий. Во-вторых, природно-сырьевые ресурсы Тихоокеанской России не являются стратегически значимыми для обеспечения сырьевой безопасности Китая. В китайском импорте доля дальневосточных нефти и нефтепродуктов составляет менее 1% (в 2018 г. 2,7 из 460 млн т.), угля – менее 2%, древесины и изделий из нее – менее 4%. Тихоокеанская Россия заметна лишь в китайском импорте рыбы и морепродуктов (1 млн т. или 12,2% от всего импорта в 2018 г.), но это составляет лишь 1,5% от общего объема производства морепродуктов в стране³¹. В-третьих, эта обширная, но малонаселенная территория, где проживает меньше людей, чем в г. Харбине, не представляет для Китая особого интереса как рынок сбыта промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Тем не менее, Пекин позитивно реагирует на стремление Кремля привлечь Китай к развитию Тихоокеанской России, что нашло отражение в ряде межгосударственных соглашений. Первым из них стала Программа сотрудничества между регионами

сии (Aleksandr Galushka: The Development of the Far East Is a Priority for Russia) Примедиа // 9 января 2017. Режим доступа: <https://primamedia.ru/news/561146/>

³¹ Подсчитано на основе: <http://dvtu.customs.ru/statistic/>; <https://comtrade.un.org/data/>

Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и северо-востока КНР на 2009-2018 г. Коекто в Кремле всерьез рассматривал эту программу как инструмент для вывода продукции Дальнего Востока на китайские рынки и привлечения китайских капиталов для освоения и последующего экспорта ресурсов Дальнего Востока.

В итоговом документе российско-китайского Саммита 2015 г. записано, что «*Российская Сторона приветствует участие Китайской Стороны в проектах на территориях опережающего развития на российском Дальнем Востоке*»³². Последними рамочными документами двустороннего уровня, призванными привлечь Китай к освоению ресурсов Тихоокеанской России, стали *Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке РФ на 2018-2024 годы и План развития сельского хозяйства Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока Китая*³³, которые в ноябре 2018 г. подписали Д. Медведев и Ли Кэцян. Задача их реализации вошла в текст Совместного российско-китайского заявления от 5 июня 2019 г.³⁴

³² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества (A Joint Statement by the Russian Federation and the People's Republic of China on Deepening Comprehensive Partnership and Strategic Interaction and on Promoting Mutually Beneficial Cooperation) // Президент России, 8 мая 2015. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/4969>

³³ План развития сельского хозяйства на начало осени 2019 г. обнародован не был.

³⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. (A Joint Statement by the Russian Federation and the People's Republic of China on the Development of Comprehensive Partnership and Strategic Interaction Entering a New Era) // Президент России, 5 июня 2019. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5413>

Региональные власти

Взгляды региональных администраций Тихоокеанской России на роль и место Китая в развитии своих территорий наилучшим образом представлены в стратегиях их развития. Пакет таких региональных стратегий, разработанный в 2012-2013 годах, свидетельствует, что практически все они рассматривают Китай как важное, а для приграничных с КНР Забайкалья, Амурской и Еврейской автономной областей – наиважнейшее направление экономического взаимодействия, но при этом имеют серьезные опасения относительно последствий расширения китайского экономического присутствия³⁵.

В новых стратегиях развития регионов, датированных 2016-2018 гг., особенно отдаленных от КНР северных территорий, иллюзий в отношении китайского участия заметно меньше, а опасения сохраняются. Например, в стратегии Хабаровского края намерение сотрудничать с Китаем в развитии экономического пространства «Нового Шелкового пути» соседствует с опасением «превращения края в сырьевой придаток развивающихся стран Северо-Восточной Азии» и напоминанием об угрозах со стороны Китая через «ассимиляцию населения и разрушение экологии»³⁶. Об угрозе повы-

шения зависимости от китайского капитала, а также «агрессивной миграционной и экономической политике сопредельных китайских регионов», которая «уже в настоящее время является существенным вызовом для органов управления в области» говорится в стратегии развития Еврейской автономной области до 2030 г.³⁷ Такое видение Китая порождает осторожное и нередко двойственное поведение региональных властей в выстраивании с ним отношений и дает основание китайской стороне обвинять эти власти в разжигании антикитайских настроений³⁸.

Для приграничных с Россией территорий КНР: провинций Хэйлуцзян, Цзилинь и автономного района Внутренняя Монголия экономические связи с Россией представляют безусловный интерес, особенно в свете нынешних экономических трудностей, который испытывают эти провинции³⁹. В рамках политики «внешней открытости» их руководители ищут возможности использовать транспортно-логистический и сырьевой потенциал Сибири и Дальнего Востока для развития своих территорий и получают в этом полную поддержку центра. В 2012 г. правительство КНР утвердило два доку-

<http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategterplanning/komplstplanning/stsubject/straterupdate/201719122>

³⁵ Подробнее см.: Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. чл.-корр. РАН, профессора В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. С. 260 [Tikhookeanskaia Rossiia v integratsionnom prostranstve Severnoi Patsifiki v nachale XXI veka: opyt i potentsial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodeistviia / pod red. chl.-korr. РАН, professora V.L. Larina (Pacific Russia in the Integration Space of the North Pacific at the Beginning of the XXI Century: Experience and Potential of Regional and Cross-Border Interaction / ed. by Prof. V.L. Larin. Vladivostok: IIAE FEB RAS, p. 260.]

³⁶ Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года [Strategiia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Khabarovskogo kraia na period do 2030 goda (Strategy of Social and Economic Development of the Khabarovsk Territory for the period until 2030)]. Режим доступа:

³⁷ Стратегия социально-экономического развития Еврейской автономной области на период до 2030 года. [Strategiia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Evreiskoi avtonomnoi oblasti na period do 2030 goda (Strategy for the Socio-Economic Development of the Jewish Autonomous Region for the period until 2030). Режим доступа: <http://www.eao.ru/o-eao/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-eao-/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-eao-do-2020-goda--2/>

³⁸ 人口数量虽剧降俄罗斯远东地区仍抗拒中国移民 (Although Population Has Declined Sharply, the Russian Far East Continues to Resist Immigration from China). Режим доступа: <http://www.renkou.org.cn/countries/eluosi/2016/6044.html> (на китайском).

³⁹ 丝绸之路经济带建设与中国边疆稳定和发展研究. 邢广程主编. 北京产权出版社, 2019. С. 164. (Study of the Construction of Silk Road Economic Belt and the Stability of China's Borders. Xing Guangcheng ed. Beijing Chanquan chubanshe, 2019. 164 p.) (на китайском).

мента, направленных на стимулирование международных экономических связей СВК с зарубежными партнёрами, включая Россию: «Программу реализации в северо-восточном регионе Китая политики открытости в отношении Северо-Восточной Азии (2012-2020 гг.)»⁴⁰ и «Некоторые предложения Госсовета по созданию (Хуньчуньской) показательной зоны международного сотрудничества в китайской части бассейна р. Тумэньцзян»⁴¹. Именно эти документы сегодня определяют контуры политики северо-восточных провинций в отношении Тихоокеанской России. И акцент в обоих сделан на использование транспортной инфраструктуры этого российского региона.

Первая программа предполагает развитие сети транспортных магистралей в направлении границы с Россией, которые не только должны связать внутренние районы Китая с пограничными пунктами пропуска, но и обеспечить трансрегиональные перевозки. Второй документ нацелен на создание зоны ускоренного экономического развития на китайской части бассейна р. Туманной (г. Хуньчунь и близлежащие районы пров. Цилинь) и превращение её в платформу сотрудничества Китая со странами Северо-Восточной Азии.

С появлением концепции «Один пояс, один путь» и идеи создания экономического коридора Китай-Монголия-Россия власти этих провинций стали встраивать свои планы в рамки общекитайской идеологии развития. В апреле 2015 г. партком и правительство Хэйлуцзяна утвердили «Про-

грамму строительства экономического пояса хэйлуцзянского мультимодального Шёлкового пути экономического коридора Китай – Монголия – Россия»⁴², целью которого является создание трансграничной транспортной сети через Россию в Европу. В 2016 г. правительство КНР утвердило Программу развития Северо-восточного Китая, приоритетами которой названы международная интеграция в рамках экономического пояса Шёлкового пути и экономического коридора «Китай – Монголия – Россия», а также сопряжение программ развития Северо-Востока КНР и Дальнего Востока России⁴³.

Эти подходы полностью отразились в планах приграничных провинций на 13-ю пятилетку (2016-2020 гг.). В пятилетнем плане пров. Хэйлуцзян Россия упоминается 60 раз. Уделено внимание инвестициям в российское сельское хозяйство, обрабатывающую промышленность, добычу природных ресурсов⁴⁴. В пятилетнем плане пров. Цилинь туманганская зона представлена как опорный район экономического коридора Китай – Монголия – Россия. Его задачей должно стать развитие мультимодальных перевозок, подключение к восточной части газотранспортной системы России, развитие промышленных и сельскохозяйствен-

⁴⁰ 国家发展改革委关于印发中国东北地区面向东北亚区域开放规划纲要（2012-2020年）的通知 (Notification of the State Commission for Development and Reforms on the Publication of the Openness Program of the Northeast Region of China in Northeast Asia (2012-2020)). Режим доступа: <http://www.hlbe.gov.cn/openness/detail/content/54854e686bb4e70429000008.html> (на китайском).

⁴¹ 国务院办公厅关于支持中国图们江区域（珲春）国际合作示范区建设的若干意见 (Some Proposals of the State Council on the Creation of the [Hunchun] Indicative Zone of International Cooperation in the Chinese Part of the Tumenjiang Basin). Режим доступа: <http://policy.mofcom.gov.cn/blank/claw!fetch.action?id=G000139137> (на китайском).

⁴² “中共黑龙江省委黑龙省政府“中蒙俄经济走廊”黑龙江陆海丝绸之路经济带建设规划”摘要 [Summary of the “Program of the Party Committee of Heilongjiang Province CPC and the Heilongjiang Province People’s Government for the Construction of the Economic Belt of Eastern Multimodal Silk Road under the “Economic Corridor China – Mongolia – Russia”]. Режим доступа: <http://hlj.people.com.cn/n/2015/0415/c220027-24503827.html> (на китайском).

⁴³ 中共中央 国务院关于全面振兴东北地区等老工业基地的若干意见 (Some Proposals of the CPC Central Committee and the State Council on the Comprehensive Revival of the North-Eastern Region and other Old Industrial Bases). Режим доступа: http://dbzxs.ndrc.gov.cn/zywj/201604/t20160427_799860.html (на китайском).

⁴⁴ 黑龙江省国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要 (Heilongjiang Province 13th Five-Year Plan for Social and Economic Development). Режим доступа: <http://www.hlj.gov.cn/szf/system/2016/02/17/010761251.shtml> (на китайском).

ных производств, ориентированных на российский рынок⁴⁵.

В последних программных документах пров. Хэйлуцзян российские регионы продолжают фигурировать в качестве ключевого международного партнера. В докладе губернатора Хэйлуцзяна Ван Вэньтао о работе правительства в 2018 г. раздел «Достижение новых высот в политике открытости» практически полностью посвящен России⁴⁶. Причина ориентации этой провинции на Россию понятна: на долю России приходится 70% её внешней торговли, причём эта торговля в последние три года переживает существенный спад и сегодня находится на уровне 2010 г.

Общественное мнение

Неофициальный дискурс представлений о Китае в Тихоокеанской России столь же противоречив, как и взгляды региональных администраций. Социологические исследования, регулярно проводимые в регионе⁴⁷,

показывают, что КНР по уровню общей привлекательности по-прежнему не занимает лидирующих позиций, но рейтинг и популярность страны последовательно растут. Жители региона оптимистично оценивают характер и перспективы российско-китайских отношений, воспринимают Китай как наиболее желаемого и реального партнера в экономическом сотрудничестве, высказываются за всемерное развитие гуманитарного обмена с этой страной. За первоочередное развитие экономических связей с КНР выступает половина опрошенного населения. Это больше, чем ратуют за развитие таких связей с любой другой страной мира.

В то же время в регионе существует достаточно чётко выраженный и устойчивый сегмент населения (от 20 до 25%), который воспринимает Китай как угрозу⁴⁸. Причинами тому являются как глубокое осознание культурной непохожести двух народов и непростая история приграничных отношений, так и периодически вбрасываемые в информационное пространство сюжеты о «китайской угрозе» в разных её интерпретациях, от экологического терроризма до политической и территориальной экспансии. И хотя, как показывают результаты опросов, степень адаптивности дальневосточников к Китаю и их способность

⁴⁵ 吉林省人民政府关于印发吉林省国民经济和社会发展的第十三个五年规划纲要的通知 (Jilin Provincial People's Government Notice related the Publication of the 13th Five-Year Plan for Social and Economic Development of Jilin Province). Режим доступа: <http://ghs.ndrc.gov.cn/ghwb/dftzgh/201606/P020160616606750244581.pdf> (на китайском).

⁴⁶ 王文涛. 2019年1月14日在黑龙江省第十三届人民代表大会第三次会议上 (Wang Wentao. Speech at the Third Meeting of the Tenth People's Congress of Heilongjiang Province. January 14, 2019. Режим доступа: <http://www.hlj.gov.cn/zwfb/system/2019/01/19/010892241.shtml> (на китайском).

⁴⁷ См.: Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX-XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 312 с. [Larin, V.L.; Larina, L.L. Okruzhaiushchii mir glazami dal'nevostochnikov: evoliutsiia vzgliadov I predstavlenii na rubezhe XX-XXI vekov (Russia Far East View the World: the Evolution of People's Perceptions and Attitudes at the Turn of the 20-21st Centuries. Vladivostok: Dalnauka, 2011. 312 p.]; Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. 2014. №2. С. 5-19 [Vostochnaia Aziia v obshchestvennom mnenii Tikhookeanskoi Rossii (po itogam oprosa 2013 g.) (Larin, V.L.;

Larin, L.L. East Asia in the Public Opinion of Pacific Russia (based on a 2013 survey) // Rossiia i ATR, 2014, No. 2, pp. 5-19]; Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экспертное сообщество Тихоокеанской России о внешней политике, международных отношениях и развитии Дальнего Востока (по итогам опроса 2014-2015 гг.) // Россия и АТР. 2016. № 1. С. 5-29 [Ekspertnoe soobshchestvo Tikhookeanskoi Rossii o vneshnei politike, mezhdunarodnykh otnosheniakh I razvitii Dal'negovostoka (po itogam oprosa 2014-2015 gg.) (The Expert Community of Pacific Russia on Foreign Policy, International Relations, and the Development of the Far East (based on a 2014-2015 survey) // Rossiia i ATR, 2016, No. 1, pp. 5-29.]

⁴⁸ Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.) // Россия и АТР. 2018. №2. С. 29 [Larin, V.L.; Larina, L.L. Kitai v obshchestvennom mnenii zhitelei Tikhookeanskoi Rossii (po itogam oprosa 2017 g. (China in the Public Opinion of the Inhabitants of Pacific Russia (based on a 2017 survey) // Rossiia i ATR, 2018, No. 2, p. 29.]

взаимодействовать с ним за последние два десятилетия заметно выросла, в общественном сознании присутствует настороженное отношение к китайским инвестициям, крупным проектам с участием китайского бизнеса, к присутствию в России китайских предпринимателей, торговцев и рабочих.

Таким образом, на вербальном и документальном уровнях условия для привлечения Китая к экономическому развитию Тихоокеанской России формально существуют. Но при этом нельзя не видеть наличие определенных ограничителей к тесному сближению с Китаем в сознании и поведении российских властей и населения. Китайские эксперты именуют существование таких ограничителей проявлением традиционного великодержавия, имперского мышления и мессианства, которые «естественным образом формируют у россиян чувства собственного превосходства», сильную ксенофобию и иррациональные эмоциональные суждения⁴⁹. Это обстоятельство не может не сказываться, прежде всего, на формах и масштабах экономического взаимодействия на приграничном и межрегиональном уровнях. Как следствие, реальные результаты китайского присутствия в Тихоокеанской России далеки от тех, которые хотели бы видеть российские и китайские власти.

Китайские реалии Тихоокеанской России

Экономическое присутствие

Внешнеэкономические связи Тихоокеанской России серьёзно пострадали вследствие девальвации рубля в 2014 г., падения мировых цен на нефть и санкций США и Евросоюза против России. Снижение стоимостного объема импорта из региона началось в 2014 г. и к 2019 г. составило 48%, экспорт начался сокращаться в 2015 г., в 2016 г. упал на 34%, затем начал восстанавливаться, но в 2018 г. так и не дотянул до уровня 2014 г. (см. Таб. 1).

⁴⁹ 徐帼纒. . 冷战后中国在俄罗斯民意调查中的形象分析 (Xú Guóyǐng. Analysis of China's Image in Russian Opinion Polls after the Cold War) // 北京: 外交学院, 2018. pp. 43-44.]

Торговля с КНР переживала аналогичные метаморфозы, за исключением того, что в 2017 г. импорт ДВФО из Китая начал расти. В результате всех этих пертурбаций, несмотря на то, что стоимостной объем торговли по линии ДВФО – КНР остался на уровне 2012 г., доля Китая во внешней торговле региона выросла: в экспорте – до 24,8, в импорте – до 61,9%.

Значение Китая в экономике различных территорий Тихоокеанской России неодинаково. Более 70% товарооборота ДВФО с Китаем приходится на три территории: Приморский и Хабаровский края и Сахалинскую область. Приморье является своеобразным хабом Тихоокеанской России, через который на большую часть её территории поступает импорт из Китая (в 2018 г. на край пришлось 68% всего импорта ДВФО из КНР). Хабаровский край и Сахалин обеспечивают половину дальневосточного экспорта в эту страну. Однако серьёзная экономическая зависимость от Китая присутствует только у континентальных и пограничных с ним Забайкальского края, Еврейской автономной и Амурской областей, во внешнеэкономических связях которых на КНР приходится более 80% объема (см. Таб. 2).

Экспорт в Китай имеет значение для очень ограниченного числа отраслей экономики региона. Главные экспортные продукты ДВФО – это минеральные продукты (60,7% экспорта в 2018 г.), драгоценности (15,2%), рыба и морепродукты (12,2%), древесина и изделия из неё (4,2%). В этих статьях на долю Китая приходится, соответственно, 16,2, 0,44 и 80%. Таким образом, только лесодобывающая и рыболовная отрасли региона зависят от китайской конъюнктуры. И уж тем более нельзя говорить о превращении Дальнего Востока в «энергетический придаток Китая». Свыше 70% его экспорта энергоресурсов уходит в Южную Корею и Японию.

Импортная зависимость от Китая реально существует. На долю КНР приходится без малого две трети (в 2018 г. – 61,9%) ввозимых регионом из-за рубежа товаров. Поскольку легкая промышленность в регионе фактически отсутствует, то его зависимость от внешних источников исключительно высока. И это касается уже не

Таблица 1

**Доля КНР в торговле ДВФО
(в границах ДВФО 2019 г., в млрд долл. и %)**

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2018/2012 +/-
Весь объем торговли ДВФО (млрд долл.)	38,2	40,0	41,1	28,3	26,0	30,2	34,5	-3,7
Товарооборот с КНР	11,1	11,2	10,3	7,4	7,1	8,9	10,9	-0,2
Доля КНР (%)	29,1	28,0	25,1	26,1	27,3	29,5	31,6	+2,5
Весь экспорт ДВФО	27,0	27,7	29,9	22,0	19,8	23,2	28,2	+1,2
Экспорт в КНР	5,6	5,6	5,6	4,3	4,3	5,7	7,0	+ 1,4
Доля КНР (%)	20,7	20,2	18,7	19,5	21,7	24,6	24,8	+3,7
Весь импорт ДВФО	11,2	12,2	11,2	6,3	6,2	7,0	6,3	-4,9
Импорт из КНР	5,4	5,6	4,7	3,0	2,7	3,3	3,9	-1,5
Доля КНР (%)	48,2	45,9	42,0	47,6	43,5	47,1	61,9	+13,7

Table 1. China's Share in the Far Eastern Federal District Trade
(within the boundaries of the Far Eastern Federal District 2019, in billions of dollars and%)

Таблица 2

**Роль территорий в торговле ДВФО и России с Китаем
(2018 г., с учетом торговли через Гонконг)**

Территория	Объем торговли (млн долл.)			Доля в процентах		
	Общий объем	Экспорт	Импорт	КНР во внешней торговле территории	Территории в торговле ДВФО с Китаем	Территории в торговле РФ с Китаем
Приморский край	4 016,5	1 383,2	2 633,3	53,0	36,8	3,7
Сахалинская обл.	1 900,4	1 861,5	38,9	11,9	17,4	1,7
Хабаровский край	1 863,4	1 611,5	251,9	59,9	17,1	1,7
Забайкальский край	900,5	360,7	539,8	91,7	8,2	0,8
Амурская обл.	569,1	337,8	231,3	83,5	5,2	0,5
Саха (Якутия)	558,0	536,3	21,7	11,3	5,1	0,5
Бурятия	414,7	348,8	65,9	39,3	3,8	0,4
Камчатка	369,8	361,0	8,8	40,3	3,4	0,3
Еврейская АО	169,6	142,5	27,1	94,7	1,5	0,2
Чукотская АО	113,2	91,6	21,6	60,1	1,0	0,1
Магаданская обл.	37,1	15,6	21,5	7,8	0,3	0,03
ДВФО	10 912	7 050	3 862	28,8	100	9,9
РФ	109 657	57 057	52 600			

Table 2. The Role of Territories in the Trade of the Far Eastern Federal District and Russia with China (2018, including trade through Hong Kong)

только продуктов питания и товаров широкого потребления.

В структуре импорта ДВФО преобладают статьи «машины и оборудование» (36% импорта в 2018 г.), пищевые продукты (13,1%), транспортные средства (10%), металлы и изделия из них (9,5%). Во всех этих позициях Китай играет важную роль. В 2018 г. 57% ввезённых регионом машин и оборудования, 51% металлов, по 44% продовольствия и транспортных средств посту-

пило в ДВФО из Китая⁵⁰. Это позволяет констатировать не столько продовольственную, сколько техническую зависимость Тихоокеанской России от Китая.

Все попытки привлечь китайские капиталы к развитию индустриального и аграр-

⁵⁰ Рассчитано на основе: Импорт в Дальневосточный федеральный округ. Режим доступа: <https://ru-stat.com/date-Y2018-2018/RU07/import/world>; Импорт в Дальневосточный федеральный округ из Китая. Режим доступа: <https://ru-stat.com/date-Y2018-2018/RU07/import/CN>

ного секторов экономики Тихоокеанской России, о чём российские власти заговорили ещё в конце первого десятилетия XXI века⁵¹, не оказались успешными. И сегодня, несмотря на бравурные реляции чиновников⁵², бума китайских капиталовложений в этот российский регион не наблюдается. При том, что общем объёме китайских ПИ в России доля ДВФО увеличилась с начала 2014 г. по январь 2019 г. с 14,7% до 16,9% и накопленный объём прямых инвестиций из КНР вырос в регионе в 2,5 раза (с 247 до 619 млн долл.)⁵³, доля КНР в общем объёме ПИИ в ДВФО по-прежнему составляет менее 1%. При этом две третьих китайских инвестиций сконцентрированы в Забайкальском крае, где строится единственный на весь ДВФО крупный промышленный объект с китайским капиталом – Амазарский целлюлозно-бумажный комбинат. В созданных в регионе зонах с привилегиями для инвестиций – территориях опережающего развития и свободном порту Владивосток – китайский капитал представлен также скромно: 16,3 млрд руб. (259 млн долл.) в ТОРах и 1,67 млрд руб. (25,7 млн долл.) в Свободном порту Владивосток⁵⁴. По факту в них реализуются

45 проектов, в которые китайский бизнес вложил менее 300 млн долл.

Фактически, китайские предприниматели не реагируют на призывы российской власти вкладываться в создание промышленных предприятий на востоке России. Их интересует лишь добыча или, в лучшем случае, первичная переработка сырья. А вот китайским инвестициям в аграрный сектор препятствует уже российская сторона. Общественность в России крайне негативно относится к аренде и покупке земли иностранцами и особенно китайцами, поскольку главные пахотные угодья региона лежат вдоль границы с Китаем. В 2015 г. чуть ли не панические комментарии СМИ вызвало решение правительства Забайкальского края сдать в аренду китайской сельхозкомпании 115 тыс. га земли сроком на 49 лет. Общий смысл был таков: «ползучая экспансия Китая в Россию началась», «Роди́ну продают по кускам»...⁵⁵ И хотя эксперты приходят к выводу, что сообщения СМИ о «захвате земли» китайцами и «других отвратительных практиках» больше шума, чем реальность⁵⁶, а «негативные» воздействия более проявляются в социально-нормативной и политической сферах, чем в экономике⁵⁷, психологический барьер на этом пути возведен основательный.

Демографический фактор

Тема китайской миграции в России вообще и в её восточных районах в частности, очень популярная в 1990-е и начале 2000-х, сегодня практически исчезла из повестки научных исследований. Причиной тому стала её политическая и научная неактуальность. Число граждан КНР, имеющих действующее разрешения на работу в России, сократилось с 71,3 тыс. в 2013 до 37,4 тыс. в 2018 г.⁵⁸ В статистических бюл-

⁵¹ Blank, S. Partnership of Convenience: Understanding Russo-Chinese Relations / Critical Threats, June 2009. Mode of access: <https://www.criticalthreats.org/analysis/partnership-of-convenience-understanding-russo-chinese-relations-1>

⁵² По недавнему утверждению Ю. Трутнева, в территориях опережающего развития и свободного порта Владивосток реализуется 45 проектов с участием инвесторов из Китая с объемом инвестиций 2,6 млрд долл. США и «ведется активное взаимодействие» по 35 инвестиционным проектам на сумму 17,8 млрд долл. [В Пекине прошла межсессионная встреча 8 мая 2015 г. (Intersessional meeting took place in Beijing) // Региональная Россия, 26 апреля. Режим доступа: <http://www.regross.ru/content/news/10466/>]

⁵³ Прямые инвестиции в Российскую Федерацию [Direct Investments in the Russian Federation]. Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

⁵⁴ Корпорация развития Дальнего Востока. Отчет за 2018 год. С. 12-14, 20-22 [Corporation for the Far East Development, 2018 Report, pp. 12-14, 20-22]. Режим доступа: <https://erdc.ru/about/>

⁵⁵ Китай берет Сибирь в аренду. Только начало? (China Rents Siberia. Just the Beginning?) // Московский комсомолец, 17 июня 2015.

⁵⁶ China-Russia Relations and Regional Dynamics. From Pivots to Peripheral Diplomacy. Lora Saalman ed., 2017, SIPRI, p. 31.

⁵⁷ Zhou Jiayi. Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East / An International Academic Conference 5-6 June 2015, Chiang Mai University, Conference Paper, No. 34.

⁵⁸ Россия в цифрах: 2019: Крат. стат. сб. /

летениях территорий ДВФО информация об иностранной рабочей силе вообще и китайской в частности отсутствует. В эти же годы из пресс-релизов МВД и прессы Тихоокеанской России практически исчезли внятная информация о китайской рабочей силе, используемой в регионе, как и упоминания о китайских рабочих-нелегалах.

Причиной сокращения трансграничной экономической миграции из КНР лишь в малой степени была российская миграционная политика⁵⁹. Рост благосостояния населения КНР привел к тому, что работа в России стала для китайцев невыгодной и неприоритетной⁶⁰. Более того, меняется роль китайских мигрантов на рынке труда России: из положения наёмных рабочих они переходят в категорию работодателей для российских граждан⁶¹.

Росстат-М., 2019. С. 99. [Rossiia v tsifrakh: 2019: Krat. stat. sb. (Russia in Numbers: 2019). Rosstat. Moscow, 2019. P. 99.]

⁵⁹ Киреев А.А. Воздействие российской миграционной политики на динамику трансграничной миграции из Китая // Ойкумена. 2014. №4. С. 8-25. [Kireev, A.A. Vozdeistvie rossiiskoi migratsionnoi politiki na dinamiku transgranichnoi migratsii iz Kitaia. (The Impact of Russian Migration Policy on the Dynamics of Cross-Border Migration from China) // *Oikumena*, 2014, No. 4, pp. 8-25.]

⁶⁰ Изотов Д.А., Мотрич Е.Л. Демографические вызовы для экономики КНР // Россия и АТР. 2014. №3. С. 61-83 [Izotov, D.A.; Motrich, E.L. Demograficheskie vyzovy dlia ekonomiki KNR (Demographic Challenges for the Chinese Economy) // *Rossiia i ATR*, 2014, No. 3, pp. 61-83.]

⁶¹ Мишук С.Н. Роль китайских трудовых мигрантов в социально-экономическом развитии южных регионов Дальнего Востока России // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практич. конф. / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ. Вып. 6. 2016. С. 274. [Mishchuk, S.N. Rol' kitaiskikh trudovykh migrantov v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii iuzhnykh regionov Dal'negoVostoka Rossii (The Role of Chinese Labor Migrants in the Socio-Economic Development of the Southern Regions of the Russian Far East) // *Rossiia i Kitai: istoriia i perspektivy sotrudnichestva*. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf. / Otv. red. D.V. Buiarov, D.V. Kuznetsov (Russia and China: History and Prospects of Cooperation.

Что заметно выросло, так это количество китайских туристов в приграничных районах Тихоокеанской России. В 2018 г. в Приморском крае побывали 365 тыс. туристов из КНР (при его населении менее 2 млн. чел.), в Амурской обл. – 101 тыс. (население 793 тыс. чел.), в Забайкалье – 45 тыс. (1,1 млн. чел.). В том же году туристические компании ДВФО обслужили более половины (53%) от общего числа китайских туристов, принятых российскими турфирмами⁶². За три квартала 2019 г. Приморский край посетили уже 382,4 тыс. туристов из КНР⁶³.

Однако и в росте масштабов туризма апологеты китайской угрозы также усмотрели угрозы интересам России: китайских туристов обслуживают китайские туристические и транспортные компании, они питаются в китайских ресторанах и живут в принадлежащих китайцам гостиницах⁶⁴. Явно, без этого не обходится. Китайские туристические компании с тем же энтузиазмом, что и российские, пытаются уходить от налогов, а большинство туристов предпочитают китайскую кухню европейской. Однако официальная статистика утверждает, что в 2017 г. турфирмы Приморского края обслужили 125 тыс. китайских туристов из КНР, т.е. ровно половину захавших в этом году в край туристического потока из КНР⁶⁵. В 2018 г. цифра увеличилась

Materials of international scientific and practical. conf. / Eds. D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, Issue 6, 2016. P. 274.)

⁶² ЕМИСС. Государственная статистика [EMISS. State Statistics]. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/31598>

⁶³ Турбизнес рассчитывает заработать на растущем иностранном потоке в Приморье (Tourist Industry Expects to Capitalize on Growing Foreign Flow in Primorye) // Вестник АТОР, 6 ноября 2019. Режим доступа: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/49238.html>

⁶⁴ Алексей Козицкий: Туризм в Приморье все еще хорошо «подкармливает» китайский бизнес (Alexei Kozitsky: Tourism in Primorye Still “Feeds” Chinese Business Well) // Примамедиа, 22 марта 2019. Режим доступа: <https://primamedia.ru/news/797213/>

⁶⁵ Приморский край. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник. Приморскстат, Владивосток, 2018. С. 140-141 [Primorskii kraï. Sotsial'no-ekonomicheskie

до 148 тыс.⁶⁶ Только на размещение в гостиницах Приморья китайские туристы потратили в 2017 г. 3,2 млрд руб., а прямой вклад от въездного туристского потока из КНР в крае составил порядка 2 млрд руб. – 30% от оборота туристических услуг. Всего же в этом году китайские туристы, по данным Сбербанка, только через систему China Union Pay «оставили» в России 1,8 млрд руб.⁶⁷ Правда, заметно выигрывают от роста китайского туризма только две территории – Приморский край и Амурская область.

Таким образом, в реалиях Тихоокеанской России последнего десятилетия увеличения китайского присутствия, вопреки всем прогнозам начала десятилетия, не наблюдается. Фактический застой в торговле, мизерный рост и минимальная роль китайских инвестиций в производственном секторе, снижение значимости китайской рабочей силы в развитии дальневосточной экономики вряд ли компенсируются некоторым ростом доходов от китайского туризма.

Заключение

Итак, сравнительный анализ показывает глубочайший разрыв между прогнозами экспертов («усиление китайского демографической экспансии и экономического влияния»), намерениями российских и китайских политиков (участие Китая в освоении ресурсов Сибири и Дальнего Востока) и реальными масштабами китайского присутствия в Тихоокеанской России.

Политика местных властей в отношении китайского присутствия стремится к рациональности, несмотря на то, что они вынуж-

дены, с одной стороны, постоянно оборачиваться на Москву, а с другой, – стараются не попасть под обвинения со стороны местных «патриотов» в лоббировании китайских интересов. По этим причинам эти власти «вынуждены маневрировать между секьюритизированными антикитайскими нарративами России и императивами накопления» и поэтому, «несмотря на популистскую риторику, местные органы власти и предприятия часто брали любые иностранную рабочую силу и капитал, которые они могли получить»⁶⁸.

Взгляды дальневосточных экспертов на изменения во внутренней и внешней политике КНР в «новую эпоху» несут, в целом, позитивный заряд. В новых инициативах китайского руководства они видят, прежде всего, не угрозы для России или её восточных окраин, а новые шансы для их развития и задумываются о том, как воспользоваться этими возможностями. «Угроза со стороны Китая» никак не проявила себя в ходе круглого стола на тему «Системные условия обеспечения безопасности Тихоокеанской России», проведенного Центром азиатско-тихоокеанских исследований ИИАЭ ДВО РАН в апреле 2018 г.⁶⁹ Эксперты согласились во мнении, что «муссируемая прессой и некоторыми зарубежными экспертами тема «китайской угрозы» не находит подтверждения». Главная угроза интересам России на востоке исходит от Корейского полуострова, а также увеличения в Тихоокеанской Азии и Северной Пацифике количества угроз общего характера, затрагивающих интересы всех (или многих) региональных игроков⁷⁰.

Тревожные нотки у некоторых исследователей, конечно, присутствуют. Синдром «китайской угрозы» иногда пробивается у политологов, не являющихся специалистами по Китаю, но активно штудирующих и цитирующих работы своих западных коллег. Но главные опасения дальневосточных экс-

pokazateli: Statisticheskiĭ ezhegodnik (Primorsky Krai. Socio-Economic Indicators: Statistical Yearbook). Primorskstat, Vladivostok, 2018, p. 140-141.]

⁶⁶ Приморский край. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник. Приморскстат, Владивосток, 2019. С. 131 [Primorsky Krai. Socio-Economic Indicators: Statistical Yearbook). Primorskstat, Vladivostok, 2019. P. 131.]

⁶⁷ Туристы из КНР стали больше тратить в России (Tourists from China Began to Spend more in Russia) // ЕНВ, 22 мая 2018. Режим доступа: <https://novostivl.ru/msg/27132.htm>

⁶⁸ Zhou Jiayi. Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East // An international academic conference 5-6 June 2015, Chiang Mai University, Conference Paper No. 34, p. 2.

⁶⁹ У карты Тихого океана. 2018. №1(249). 66 с. [U karty Tikhogo okeana (At the Map of the Pacific), 2018, No. 1 (249), 66 p.]

⁷⁰ Ibid.

пертов связаны, скорее, не с политикой Китая, а с неясными перспективами экономических связей с этой активно набирающей экономической и политический вес страной. Отсутствие внятной политики центра в отношении Дальнего Востока России при сохранении угрожающих тенденций депопуляции региона способствуют тому, что в общественном сознании актуальными остаются мифы о полном доминировании Китая на его территории⁷¹. И главные проблемы обнаруживаются не на китайской, а на российской стороне: однобокость структуры российской экономики, неповоротливость российской бюрократической машины, её неумение быстро реагировать на вызовы и возможности, порождаемые новыми тенденциями в политике Пекина.

Влияет ли синдром «китайской угрозы» на политику российской власти? По формальным показателям это никак не проявляется. По косвенным критериям – очевидно. Затягивание со строительством мостов через Амур и реконструкцией погранпереходов, реализацией проектов «Приморье-1» и «Приморье-2», игнорирование проекта Туманган, запреты на использование китайской рабочей силы, двухлетняя канитель с поиском приемлемого здания или земли под Генеральное консульство КНР в г. Владивостоке выглядит как цепочка совсем не случайных фактов.

Виртуальные фантомы «китайской угрозы», глубоко окопавшиеся в подкорке сознания российской власти, бизнеса,

рядовых граждан, атакуют побуждаемые прагматичными соображениями их же желания развивать сотрудничество с Китаем и безоговорочно побеждают. Безусловно, не только это противоречие торпедирует приграничные экономические связи. Хватает и других сугубо экономических, военно-политических и бюрократических причин. Но вот результат: реального сотрудничества (в прямом понимании этого слова) нет, оно блокируется на всех уровнях, а есть примитивный товарообмен в рамках узкой товарной группы по принципу товар – деньги – товар. Но и он в последние годы находится в застое без каких-либо внятных перспектив.

Литература:

Виноградов А.В. Россия в АТР: новые цели и задачи // Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества: Сб. материалов. М.: РИСИ, 2011.

Дальневосточный регион в социально-политическом пространстве России: проблемы и пути их решения: Сб. материалов. М.: Изд. Совета Федерации, 2008.

Друзьяка А.В. Современная проблема китайской иммиграции: – как к ней относиться? *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества.* Материалы международной научно-практич. конф. / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ. Вып. 7. 2017.

Изотов Д.А., Мотрич Е.Л. Демографические вызовы для экономики КНР // Россия и АТР. 2014. №3. С.61-83.

Ишаев В.И. Стратегическое планирование регионального экономического развития. Владивосток, 1998. ДВО РАН. С. 115-118.

Ишаев В.И., Минакир П.А. Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития. Хабаровск: ДВО РАН, 1998. С. 147-150.

Киреев А.А. Воздействие российской миграционной политики на динамику трансграничной миграции из Китая // Ойкумена. 2014. №4. С. 8-25.

Ларин В.Л. Внешняя угроза как движущая сила освоения и развития Тихоокеанской России. М.: Московский центр Карнеги. 2013. 25 с.

Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 72-80.

Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 5-19.

Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.) // Россия и АТР. 2018. № 2.

Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX-XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 312 с.

Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экспертное сообщество Тихоокеанской России о внешней политике, международных отношениях и развитии Дальнего Востока (по итогам опроса 2014-2015 гг.) // Россия и АТР. 2016. №1. С. 5-29.

⁷¹ Друзьяка А.В. Современная проблема китайской иммиграции: – как к ней относиться? *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества.* Материалы международной научно-практич. конф. / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ. Вып. 7. 2017. С. 276 [Druziaka, A.V. *Sovremennaiia problema kitaiskoi immigratsii: – kak k nei otносит'sia? Rossiia i Kitai: istoriia i perspektivy sotrudnichestva.* Materialy mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf. (The Current Problem of Chinese Immigration: How to Relate to It? / *Russia and China: history and prospects of cooperation. Materials of international scientific and practical. conf.* / Eds. D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, Iss. 7, 2017, p. 276)].

Мицук С.Н. Роль китайских трудовых мигрантов в социально-экономическом развитии южных регионов Дальнего Востока России // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практич. конф. / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ. Вып. 6. 2016.

Приморский край. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник. Приморскстат, Владивосток, 2018.

Приморский край. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник. Приморскстат, Владивосток, 2019.

Россия в цифрах: 2019: Крат. стат. сб. / Росстат-М., 2019.

Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. чл.-корр. РАН, профессора В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017.

Храмчихин А. Дракон проснулся? Внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России. М.: «Ключ-С», 2015. С. 43-51.

Blank, Stephen. Pipeline to Nowhere. The Beijing-Moscow Dance Continues // *World Affairs*, 2012, March-April, Vol. 174, Iss. 6, pp. 93-100.

Bolton, K.R. Russia and China an Approaching Conflict? // *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 2009, No. 2.

China-Russia Relations and Regional Dynamics. From Pivots to Peripheral Diplomacy. Lora Saalman ed., 2017, SIPRI.

Huntington, S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, Simon & Schuster, 1996.

Mankoff, J. US Perspective / *The Asan Forum*, July 25, 2014.

Nemets A.V.; Scherer J.L. China's 'Takeover' of Russia's Far East // *The World & I*, 2004, No. 2.

Pirchner, H. The Uncertain Future: Sino-Russian Relations in the Twenty-First Century // *Demokratizatsiya*, 2008, No. 4. pp. 314-317.

Raiklin, E. The Chinese Challenge to Russia in Siberia and the Russian Far East // *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 2008, No.2, pp. 145-204.

Rozman, G. The Russian Pivot to Asia / *The Asan Forum*, Vol. 2, No. 6, November-December 2014.

Zhou Jiayi. Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East // An International Academic Conference 5-6 June 2015, Chiang Mai University, Conference Paper No. 34.

丝绸之路经济带建设与中国边疆稳定和发展研究。邢广程主编。北京: 产权出版社, 2019. 164p. (Study of the Construction of Silk Road Economic Belt and the Stability of China's Borders. Xing Guangcheng ed. Beijing Chanquan chubanshe, 2019. 164 p.) (на китайском).

徐炯纓. 冷战后中国在俄罗斯民意调查中的形象分析 (Xú Guóyīng. Analysis of China's Image in Russian Opinion Polls after the Cold War) // 北京: 外交学院, 2018. pp. 43-44.

References:

Blank, Stephen. Pipeline to Nowhere. The Beijing-Moscow Dance Continues // *World Affairs*, 2012, March-April, Vol. 174, Iss. 6, pp. 93-100.

Bolton, K.R. Russia and China an Approaching Conflict? // *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 2009, No. 2.

China-Russia Relations and Regional Dynamics. From Pivots to Peripheral Diplomacy. Lora Saalman ed., 2017, SIPRI.

Dal'nevostochnyi region v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossii: problem i puti ikh resheniia: Sb. Materialov (The Far Eastern Region in the Socio-Political Space of Russia: Problems and Ways to Solve Them: Collection of materials. Moscow: Izd. Soveta Federatsii, 2008.

Druziaka, A.V. Sovremennaiia problema kitaiskoi immigratsii: – kak k nei otносит'sia? *Rossii i Kitai: istoriia i perspektivy sotrudnichestva*. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf. (The Current Problem of Chinese Immigration: How to Relate to It? / *Russia and China: history and prospects of cooperation*. *Materials of international scientific and practical. conf.* / Eds. D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, Iss. 7, 2017.

Huntington, S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, Simon & Schuster, 1996.

Ishaev V.I., Minakir P.A. Dal'nii Vostok Rossii: real'nosti i vozmozhnosti ekonomicheskogo razvitiia (The Russian Far East: Realities and Opportunities for Economic Development). Khabarovsk: DVO RAN. 1998. P. 147-150.

Ishaev, V.I. Strategicheskoe planirovanie regional'nogo ekonomicheskogo razvitiia (Strategic Planning of Regional Economic Development). Vladivostok: DVO RAN, 1998. Pp. 115-118.

Izotov, D.A.; Motrich, E.L. Demograficheskie vyzovy dlia ekonomiki KNR (Demographic Challenges for the Chinese Economy) // *Rossii i ATR*, 2014, No. 3, pp. 61-83.

Храмчихин, А. Дракон проснулся? Внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России (Did the Dragon Wake up? China's Internal Problems as a Source of the Chinese Threat to Russia). Moscow: «Kliuch-S», 2015, pp. 43-51.

Kireev, A.A. Vozeistvie rossiiskoi migratsionnoi politiki na dinamiku transgranichnoi migratsii iz Kitaiia. (The Impact of Russian Migration Policy on the Dynamics of Cross-Border Migration from China) // *Oikumena*, 2014, No. 4, pp. 8-25.

Larin, V.L. Kitai i Dal'nii vostok Rossii v pervoi polovine 90-kh: problem regional'nogo vzaimodeistviia (China and the Russian Far East in the first half of the 90s: Problems of Regional Cooperation). Vladivostok: Dal'nauka, 1998. Pp. 72-80.

Larin, V.L. Vneshniaia ugroza kak dvizhushchaia sila osvoeniia i razvitiia Tikhookeanskoi Rossii (External threat as a driving force for Pacific Russia development). Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi, 2013. 25 p.

Larin, V.L.; Larin, L.L. Vostochnaia Aziia v obshchestvennom mnenii Tikhookeanskoi Rossii (po itogam oprosa 2013 g.) (East Asia in the Public Opinion of Pacific Russia (based on a 2013 survey) // *Rossii i ATR*, 2014, No. 2, pp. 5-19.]

Larin, V.L.; Larina, L.L. Ekspertnoe soobshchestvo Tikhookeanskoi Rossii o vneshnei politike, mezhdunarodnykh otnosheniakh i razvitiia Dal'nego Vostoka (po itogam oprosa 2014-2015 gg.) (The Expert Community of Pacific Russia on Foreign Policy, International Relations, and the Development of the Far East (based on a 2014-2015 survey) // *Rossii i ATR*, 2016, No. 1, pp. 5-29.

Larin, V.L.; Larina, L.L. Kitai v obshchestvennom mnenii zhitelei Tikhookeanskoi Rossii (po itogam oprosa

2017 g. (China in the Public Opinion of the Inhabitants of Pacific Russia (based on a 2017 survey) // *Rossiiia i ATR*, 2018, No. 2.

Larin, V.L.; Larina, L.L. Okruzhaiushchii mir glazami dal'nevostochnikov: evoliutsiia vzgliadov I predstavlenii na rubezhe XX-XXI vekov (Russia Far East View the World: the Evolution of People's Perceptions and Attitudes at the Turn of the 20-21st Centuries. Vladivostok: Dalnauka, 2011. 312 p.

Mankoff, J. US Perspective / *The Asan Forum*, July 25, 2014.

Mishchuk, S.N. Rol' kitaiskikh trudovykh migrantov v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii iuzhnykh regionov Dal'nego Vostoka Rossii (The Role of Chinese Labor Migrants in the Socio-Economic Development of the Southern Regions of the Russian Far East) // *Rossiiia i Kitai: istoriia i perspektivy sotrudnichestva*. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf. / Otv. red. D.V. Buiarov, D.V. Kuznetsov (Russia and China: History and Prospects of Cooperation. Materials of international scientific and practical. conf. / Eds. D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov. Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU, Issue 6, 2016.

Nemets A.V.; Scherer J.L. China's 'Takeover' of Russia's Far East // *The World & I*, 2004, No. 2.

Pirchner, H. The Uncertain Future: Sino-Russian Relations in the Twenty-First Century // *Demokratizatsiya*, 2008, No. 4. pp. 314-317.

Primorskiĭ kraĭ. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli: Statisticheskiĭ ezhegodnik (Primorsky Krai. Socio-Economic Indicators: Statistical Yearbook). Primorskstat, Vladivostok, 2018.

Primorsky Krai. Socio-Economic Indicators: Statistical Yearbook). Primorskstat, Vladivostok, 2019.

Raiklin, E. The Chinese Challenge to Russia in Siberia

and the Russian Far East // *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 2008, No. 2, pp. 145-204.

Rossiiia v tsifrakh: 2019: Krat. stat. sb. (Russia in Numbers: 2019). Rosstat. Moscow, 2019.

Rozman, G. The Russian Pivot to Asia / *The Asan Forum*, Vol. 2, No. 6, November-December 2014.

Tikhookeanskaia Rossiiia v integratsionnom prostranstve Severnoi Patsifiki v nachale XXI veka: opyt I potentsial regional'nogo I prigranichnogo vzaimodeistviia / pod red. chl.-korr. RAN, professora V.L. Larina (Pacific Russia in the Integration Space of the North Pacific at the Beginning of the XXI Century: Experience and Potential of Regional and Cross-Border Interaction / ed. by Prof. V.L. Larin. Vladivostok: IIAE FEB RAS.

Vinogradov, A.V. Rossiiia v ATR: novye tseli i zadachi // *Rossiiia v ATR: problem bezopasnosti i sotrudnichestva*: Sb. Materialov (Russia in the Asia-Pacific Region: New Goals and Tasks // *Russia in the Asia-Pacific Region: Problems of Security and Cooperation: Collection of materials*). Moscow: RISI, 2011.

Zhou Jiayi. Chinese Agrarian Capitalism in the Russian Far East // *An International Academic Conference 5 - 6 June 2015, Chiang Mai University, Conference Paper No. 34*, p. 2.

丝绸之路经济带建设与中国边疆稳定和发展研究。邢广程主编。北京产权出版社, 2019. 164 p. (Study of the Construction of Silk Road Economic Belt and the Stability of China's Borders. Xing Guangcheng ed. Beijing Chanquan chubanshe, 2019. 164 p.

徐帼纓. 冷战后中国在俄罗斯民意调查中的形象分析 (Xú Guóyīng. Analysis of China's Image in Russian Opinion Polls after the Cold War) // 北京: 外交学院, 2018. pp. 43-44.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10015

“CHINESE EXPANSION” IN THE EASTERN REGIONS OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: THROUGH THE PRISM OF COMPARATIVE ANALYSIS

Viktor L. Larin

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East,
Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 10.10.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 10.03.2020</p> <hr/> <p>About the author: Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: victorlar@mail.ru</p> <hr/> <p>Key words: Pacific Russia; China; China threat; trade; investment; Chinese labor</p>	<p>Abstract: Based on the comparative method, the article analyzes the interaction of three subjective and objective realities, which occupy an important place in the contemporary Russian-Chinese relations. Virtual ideas about the scale of the Chinese presence in the Russian Far East are compared with the moods and wishes expressed by Russian authorities and population of this region regarding the involvement of China in the economic development of the region and, after that, are correlated with the realities of the economic and demographic life of the eastern regions of Russia in the second decade of the 21st century. In the first part of the article, the author identifies various sources, modern manifestations and interpretations of the “Chinese threat” phantom, analyzes the views and approaches of the Russian federal center, authorities and the population of Pacific Russia regarding the Chinese economic and demographic presence in the region. The conclusion is drawn about the generally positive attitude of both the authorities and the population regarding this phenomenon. At the same time, there are certain restrictions to close rapprochement with China which exist in the minds of the Russian authorities and the population and affect decisions and actions of local authorities and businesses, as well as a rather cool attitude of the Chinese authorities and big business towards introducing into the economy of this Russian region. The second part of the article is based on official statistics and demonstrates the realities of Chinese participation in the economic life of Pacific Russia: these are the dynamics, scale and structure of interregional trade, the volume and nature of Chinese investment in the Russian Far East, as well as humanitarian exchange and the movement of labor across the border. These statistics convincingly show the very small scale of the Chinese economic presence and influence in the region. A comparative approach allows the author to conclude that there is a deep gap between expert forecasts and unconscious Russian fears about the expansion of «Chinese expansion» in Russia, the intentions of Russian and Chinese politicians to increase the contribution of China to the development of Pacific Russia, and the real extent of this participation.</p>
--	---

Для цитирования: Ларин В.Л. «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 9-27.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10015

For citation: Larin, Viktor V. «Kitayskaya ekspansiya» v vostochnykh rayonakh Rossii v nachale XXI v. cherez prizmu komparativistskogo analiza (“Chinese Expansion” in the Eastern Regions of Russia at the Beginning of the XXI Century: Through the Prism of Comparative Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 9-27.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10015

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10016

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Елена Геннадьевна Гарбузарова

Кыргызско-Российский Славянский университет,
Бишкек, Кыргызская Республика

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 1 февраля 2020 <i>Принята к печати:</i> 23 марта 2020</p>	<p>Аннотация: Евразийский экономический союз (ЕАЭС) стремительно движется вперед, показывая существенные экономические достижения и укрепляя свои позиции в мировой экономике. За последние несколько лет с началом полноценной работы ЕАЭС в 2015 г., государствам-участникам интеграции удалось добиться успехов в своем социально-экономическом развитии. Интеграционное движение постсоветских государств в сторону России оправдывает себя. Однако процесс развития евразийской интеграции сталкивается с рядом трудностей, одна из которых – неэффективность функционирования наднационального органа ЕАЭС. Эта проблема не дает ЕАЭС в полной мере реализовать весь имеющийся потенциал, как для внутреннего экономического развития государств-участников, так и для успешного позиционирования на международной арене. Боясь ограничения своего национального суверенитета, государства-участники ЕАЭС не проявляют политической активность, которая усилила бы эффективность работы союза. В свою очередь, именно это позволит создать комфортную экономическую атмосферу, в которой каждый участник ЕАЭС получит определенные выгоды: Россия обезопасит себя от возможных деструктивных тенденций на южном фланге, постсоветские государства, присоединившиеся к евразийской интеграции, получают стимул к развитию экономики. Дальнейший успех в развитии евразийской интеграции будет зависеть от готовности государств-участников наделить наднациональную структуру ЕАЭС более широкими полномочиями. Соответственно участники евразийского объединения получают возможность экономического и технологического роста, что позволит создать «подушку безопасности» в случае экономической турбулентности.</p>
<p>Об авторе: к.и.н., доцент, кафедра политологии, Кыргызско-Российский Славянский университет e-mail: play_elenag@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС); Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК); Россия; наднациональный орган; суверенитет; постсоветское пространство; интеграция.</p>	

Интеграционные процессы, ставшие одной из ключевых тенденций XX в., продолжают играть решающую роль в международных отношениях и в XXI в. Как известно, интеграция предполагает создание действенных механизмов межгосударственного сотрудничества, что предусматривает передачу властных полномочий наднациональным органам. Под наднациональностью понимают «развитие полномочных институтов управления и сетей по выработке политических решений, которые располагаются над национальным государством»¹.

¹ Стрежнева М. Наднациональность и принцип субсидарности в ЕС и за его пределами // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Том 60. №6. С. 6. [Strezhneva, M. Nadnatsional'nost' i printsip subsidiarnosti v YES i za yego predelami (Supranationality and the Principle of Subsidiarity in the EU and beyond) //

Для новых независимых государств постсоветского пространства, столкнувшихся с серьезными экономическими и социальными проблемами после распада СССР, развитие более тесной кооперации друг с другом должно было стать приоритетом в стратегии их внешнеполитической деятельности. Однако понадобилось два десятилетия, прежде чем Россия, Казахстан, Беларусь, Киргизия, Армения поняли, что лучше достигать экономических успехов вместе, нежели порознь. Вступив в евразийскую интеграцию, подразумевающую делегирование части своего национального суверенитета наднациональному евразийскому органу, постсоветские государства особое значение стали придавать вопросу о статусе их националь-

Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya, 2016, Vol. 60, No. 6, p. 6.]

ного суверенитета, который они боятся потерять и стараются ревностно защищать. Эта проблема не дает ЕАЭС в полной мере реализовать весь имеющийся потенциал, как для внутреннего экономического развития государств-участников, так и для успешного позиционирования на международной арене. Вместе с тем, обстановку вокруг этой проблемы нагнетали спекуляции о якобы существующих неоимперских планах России по восстановлению Советского Союза через механизмы евразийской интеграции. Особенно это отчетливо прослеживалось в медийном пространстве евроатлантических государств.

В 2015 г. заработал в полной мере Евразийский экономический союз. В тот исторический момент государства-участники объединения акцентировали внимание на том, что ЕАЭС является не политическим, а исключительно экономическим союзом. Президент Казахстана Н. Назарбаев отмечал, что аксиомой ЕАЭС считается незыблемость политического суверенитета и подчеркивал, что «экономическая интеграция позволяет укрепить национальную государственность, сделать ее более устойчивой через развитие экономики»². Главным органом ЕАЭС стал Высший Евразийский экономический совет, в компетенцию которого входит принятие политических решений на уровне глав государств. Постоянно действующим регулирующим органом Союза является Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). Помимо Высшего совета и ЕЭК в состав структуры ЕАЭС входят Евразийский межправительственный совет и Суд Евразийского экономического союза. При создании ЕАЭС отмечалось, что все вопросы в рамках союза будут решаться на основе принципа суверенного равенства, равных прав и учета национальных интересов государств-членов объединения. Высший наднациональный орган ЕАЭС, которым является ЕЭК, носит достаточно либеральный характер, так как представитель-

ствам государств-членов Союза предоставлено в наднациональных органах право вето на рассматриваемые решения. Такая процедура усложняет выработку общей позиции и «затягивает формирование полноценного единого экономического пространства»³. По мнению директора по проектам Научного центра евразийской интеграции С.П. Ткачука, принцип абсолютного равенства всех стран-участниц ЕАЭС при принятии решений может усложнить этот процесс и снизить темпы интеграции. Важное место в процессе принятия решений должно отводиться России, так как «доля России в финансировании бюджета достигла 88% в соответствии с ее долей в распределении доходов от поступления импортных пошлин»⁴. Таким образом, в функциональные задачи ЕЭК не входит предложение решений, так как эта функция закреплена за правительствами, следовательно, ЕЭК не несет ответственность за их исполнение. Дальнейшая полноценная и эффективная деятельность ЕАЭС связана с переходом на новый уровень развития наднационального органа, принимающего решения не по принципу согласования и инициативе национальных правительств, а как самостоятельный центр принятия решений. ЕЭК должна быть наделена полномочиями по инициированию и принятию решений. По мнению российского экономиста С. Глазьева, «новый этап интеграционного процесса мог бы включать передачу на наднациональный уровень ряда полномочий, связанных с исполнением уже делегированных ЕЭК функций государственного управления. Речь идет о создании объединенных министерств торговли, экономики, финансов, промышленности, сельского хозяйства, транспорта, энергетики, органов таможенного, санитарно-ветеринарного, антимонопольного, технического, миграционного регулирования»⁵.

² Политический суверенитет стран Евразийского экономического союза незыблем – Назарбаев / Ex-Press. Режим доступа: <https://ex-press.by/rubrics/politika/2013/12/25/politicheskij-suverenitet-stran-evrazijskogo-ekonomicheskogo-soyuza-nezyblem-nazarbaev>

³ Ткачук С. ЕАЭС и все-все-все // Россия в глобальной политике. 2016. №3. С. 95. [Tkachuk, S. EAES i vse-vse-vse (EAEU and all-all-all) // *Rossiya v global'noy politike*, 2016, No. 3, p. 95.]

⁴ Ibid.

⁵ Глазьев С. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М., 2017. С. 326. [Glazyev, S. *Ekonomika budushchego. Yest' li u Rossii shans?*

Для придания импульса евразийской интеграции требуется большая централизация власти в рамках ЕАЭС. Это позволило бы в ближайшем будущем унифицировать евразийское пространство. Основной преградой на этом пути выступает неготовность государств-членов наделить наднациональный орган более широкими полномочиями за счет передачи ему части государственного суверенитета. В свое время Аристотель отмечал: «Государство существует не только для того, чтобы охранять жизнь, но также и для того, чтобы и жилось хорошо». Современные государства не готовые к модификации своего национального суверенитета и не способные адаптировать свою политику к многосторонним требованиям современного мира, не смогут эффективно преодолеть вызовы глобальной экономической интеграции, ее усиливающегося воздействия на внутреннюю политику государств⁶. Для выхода на новый уровень экономического развития государства-участники ЕАЭС должны нацелиться на расширение компетенций наднациональных институтов. Однако наблюдается обратный процесс. Эксперты, анализируя успехи и неудачи развития ЕАЭС, отмечают, что прослеживается «примат национальных интересов над интеграционными устремлениями»⁷. Помимо этого сама Россия, проявляющая значительный интерес к евразийской интеграции, пренебрегает развитием наднационального начала⁸. Российский эксперт В. Лихачев считает, что у ЕАЭС отсутствует формальный парламентский элемент, который бы взаимодействовал с другими официальными органами, но со временем роль и функции парламентаризма в нем будут прогрессировать⁹.

(Economics of the Future. Does Russia Have a Chance?) Moscow, 2017. P. 326.]

⁶ Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве. М., 2011. С. 92. [Moiseev, A.A. Suverenitet gosudarstva v mezhdunarodnom prave (State Sovereignty in International Law). Moscow, 2011. P. 92.]

⁷ ЕАЭС 2018 глазами экспертов / Eurasian-Studies. Режим доступа: <http://eurasian-studies.org/archives/10109>

⁸ Ibid.

⁹ Стрежнева М. Наднациональность и принцип субсидарности в ЕС и за его пределами // Ми-

В обогащение теоретических знаний о суверенитете внесли большой вклад такие мыслители как Н. Макиавелли, Ж. Боден, Ж-Ж. Руссо и др. Например, французский мыслитель Жан Боден считал, что основу суверенитета составляет верховная власть, которая должна обладать следующими качествами: 1) быть постоянной, даже в случае, если она дается на определенный срок, в течение которого она сохраняет свое верховное значение; 2) быть абсолютной и неограниченной, свободной от каких-либо связывающих ее условий, может по своей воле издавать и отменять любые законы, изменяя их сообразно с общественными нуждами; 3) верховная власть должна быть единой и неделимой, она не может допускать органов, которые стояли бы над ней и рядом с ней¹⁰. Такое понимание суверенитета было релевантно для того исторического периода, когда римская католическая церковь доминировала над светской властью. В 1990-х гг. израильский ученый М. ванн Кревельд выделил факторы ослабления государства на фоне таких тенденций, как глобализация, кризис модели социального государства и упадок государственной модели в странах третьего мира. К одному из факторов снижения роли государства в мировой политике он относил формирование крупных региональных объединений, таких как НАФТА, ЕС, АСЕАН и МЕРКОСУР. Израильский ученый подчеркивал, что «технологические и иные изменения подталкивают страны к сотрудничеству друг с другом, в т.ч. и за счет частичного ограничения своего суверенитета»¹¹.

ровая экономика и международные отношения. 2016. Том 60. № 6. С. 9. [Strezhneva, M. Nadnatsional'nost' i printsip subsidarnosti v YES i za yego predelami (Supranationality and the Principle of Subsidiarity in the EU and beyond) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2016, Vol. 60, No. 6, p. 9.]

¹⁰ История политических учений / Под ред. А.К. Голикова, Б.А. Исаева. СПб., 2012. С. 162-163. [Istoriya politicheskikh ucheniy (History of Political Studies). Ed. by A.K. Golikova, B.A. Isayeva. SPb., 2012. Pp. 162-163.]

¹¹ Харин А. Государство в условиях глобализации: новые подходы // Власть. 2013. № 6. С. 66. [Kharin, A. Gosudarstvo v usloviyakh

Процессы глобализации, проявляющиеся во взаимозависимости и размывании национальных границ, существенно повлияли на национальный суверенитет. А.А. Моисеев отмечает, что «в связи с активным развитием глобальных экономических процессов в последние десятилетия интенсифицировался процесс делегирования традиционных прав государств в экономической, политической и других сферах на международные организации»¹². Более того, на фоне происходящей в рамках глобализации универсализации мира четко прослеживаются характерные черты западной модели ценностей. В таком случае, становление евразийской интеграции можно назвать ответом на процессы глобализации. Страны постсоветского пространства обладают слабой экономикой и чрезвычайно уязвимы перед любыми финансово-экономическими кризисами, поэтому экономическое сближение постсоветских экономик позволяет продвигаться постепенно по пути экономического развития. Однако государства постсоветского пространства не торопятся к интенсификации сотрудничества в рамках ЕАЭС, боясь чрезмерного роста зависимости от России. Уместно здесь вспомнить пример с Мексикой, которая также стремилась к максимальной самостоятельности от своего северного соседа. Наличие общей границы между Мексикой и США имело как положительные, так и отрицательные стороны. Отрицательные стороны были связаны с экономической зависимостью страны, а также экспортно-сырьевым характером мексиканской экономики. Положительные стороны включали возможность экспорта мексиканской сельхозпродукции на крупный американский внутренний рынок. На фоне роста мексиканского населения особое значение приобретал миграционный коридор, сложившийся между Мексикой и США, что по-

зволяло снизить внутреннее напряжение в Мексике. Большой вклад в экономику Мексики внесло развитие туристической отрасли благодаря увеличению потока американских туристов¹³. Такие же положительные и отрицательные стороны можно найти во взаимодействии государств-участников ЕАЭС. С одной стороны, обязательная передача части суверенитета наднациональной структуре, а с другой – приобретение импульса экономического и инновационно-технологического развития, создание объемного евразийского рынка. С целью повышения своего статуса на международной арене и интенсификации экономического развития Мексика пересмотрела свое отношение к США и присоединилась к интеграционному объединению НАФТА, создание которого инициировали США. Профессор политических наук Высшего совета научных исследований Испании Ж.М. Коломер предлагает следующую классификацию государств: крупные государства или империи, средние – типичные «суверенные государства» не в юридическом, а в нормативном политологическом смысле и «малые нации»¹⁴. Профессор считает, что благополучие малых наций зависит от «таких обширных демократических империй, как Соединенные Штаты Америки

globalizatsii: novyye podkhody (State in the Context of Globalization: New Approaches) // *Vlast'*, 2013, No. 6, p. 66.]

¹² Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве. М., 2011. С. 91. [Moiseev, A.A. Suverenitet gosudarstva v mezhdunarodnom prave (State Sovereignty in International Law). Moscow, 2011. P. 91.]

¹³ Проценко А.Е. Мексика: проблемы суверенитета в контексте развития НАФТА / Государство в эпоху глобализации: экономика, политика, безопасность (Мировое развитие. Выпуск 3) / Отв. ред. – Ф.Г. Войтоловский и А.В. Кузнецов. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 159. [Protsenko, A.Ye. Meksika: problemy suvereniteta v kontekste razvitiya NAFTA / Gosudarstvo v epokhu globalizatsii: ekonomika, politika, bezopasnost' (Mirovoye razvitiye. Vypusk 3) (Mexico: Problems of Sovereignty in the Context of the Development of NAFTA / State in the Era of Globalization: Economy, Politics, Security (World Development. Issue 3)) / Ed. by F.G. Voytolovskiy, A.V. Kuznetsov. Moscow: IMEMO RAN, 2008. P. 159.]

¹⁴ Современное государство: Политико-правовые и экономические исследования. Сб. науч. тр. М., 2010. С. 120-121. [Sovremennoye gosudarstvo: Politiko-pravovyye i ekonomicheskiye issledovaniya. Sb. nauch. tr. (Modern State: Political-Legal and Economic Research). Moscow, 2010. Pp. 120-121.]

и Европейский союз»¹⁵. Из поля зрения не исключаются такие традиционные империи, как Китай и Россия. В Евразии Россия способна создать «обширные, “имперского” размера сети для обеспечения общих интересов в сфере экономики, безопасности и коммуникаций»¹⁶. Экономический рост и благосостояние государств-участников ЕАЭС зависят от экономических успехов в самой России.

Опасение, существующее у государств-участников относительно неизбежности их национального суверенитета, сковывает их полноценное участие в рамках ЕАЭС. Однако необходимо понимать, в каких случаях речь идет о «реальном суверенитете» (данное понятие введено А. Кокошиным), который не нуждается в укрепляющих мерах, и в каких случаях эти меры чрезвычайно необходимы, чтобы укрепить и даже завершить строительство национального суверенитета. Для того чтобы говорить о полноценном или «реальном суверенитете», следует понимать, что он базируется на таких важнейших национальных компонентах, как:

1. Контроль над аэродромной сетью и управление воздушным движением, над нефте- и газопроводами и соответствующими терминалами, железнодорожной сетью, федеральными автотрассами, над рядом отраслей гражданской наукоемкой промышленности, тесно связанных с оборонно-промышленным сектором;

2. Развитие в стране фундаментальной науки, финансирование которой входит в обязанность государства;

3. Способность интеллектуальной и бизнес-элиты к самостоятельному стратегическому мышлению в области безопасности, в том числе в области оборонной политики, экономики и социального развития, к мышлению, опирающемуся на обширную общественно-научную базу как теоретического, так и прикладного характера, на чувство просвещенного патриотизма¹⁷.

¹⁵ Ibid. С. 120.

¹⁶ Ibid. С. 121.

¹⁷ Кокошин А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2006. С. 63-64. [Kokoshin, A. Real'nyu suverenitet v sovremennoy miropoliticheskoy sisteme (Real

После распада СССР государства постсоветского пространства утратили способность на основе имеющихся ограниченных возможностей самостоятельно развивать экономику. Не случайно президент Казахстана Н. Назарбаев пристальное внимание уделял вопросам налаживания тесного взаимодействия между независимыми государствами в рамках Содружества Независимых государств, созданного 8 декабря 1991 г. Реализовать данную цель предполагалось через механизм «консолидации государств СНГ, создание наднациональных структур в рамках содружества по аналогии с соответствующими структурами ЕС»¹⁸. Неспособность стран постсоветского пространства решать самостоятельно вопросы экономического и социального характера обусловило их интерес к многостороннему сотрудничеству. Российский политолог С.С. Жильцов подчеркивает, что «страны не располагают финансовыми возможностями для реализации крупных инфраструктурных проектов» и кроме того, «нуждаются в дополнительных рынках сбыта, расширении торгово-экономической кооперации»¹⁹. Для стран постсоветского пространства интеграция в ЕАЭС позволит не только сформировать общий рынок товаров, услуг, капитала и рабочей силы, но и получить современные технологии для решения своих социально-экономических проблем. Российский экономист А.О. Руднева отмечает, что «каждый из участников получает свои преференции – кто-то льготные кредиты и облегченный

Sovereignty in the Modern World-Political System). Moscow, 2006. Pp. 63-64.]

¹⁸ Назарбаев Н. Пять лет независимости. Из докладов, выступлений и статей Президента Республики Казахстан. Алматы, 1996. С. 53. [Nazarbayev, N. Pyat' let nezavisimosti. Iz dokladov, vystupleniy i statey Prezidenta Respubliki Kazakhstan (Five Years of Independence. From Reports, Speeches and Articles of the President of the Republic of Kazakhstan). Almaty, 1996. P. 53.]

¹⁹ Жильцов С.С. Евразийская интеграция: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия Политология. 2016. №1. С. 9. [Zhil'tsov, S.S. Yevraziyskaya integratsiya: problemy i perspektivy (Eurasian Integration: Problems and Prospects) // Vestnik RUDN. Seriya Politologiya, 2016, No. 1, p. 9.]

доступ на емкие рынки товаров, услуг, капитала и рабочей силы, кто-то – геополитическую стабильность и защищенность от внешних угроз»²⁰. У России, как ведущей глобальной державы, имеются геополитические интересы в отношении постсоветского пространства, в свою очередь, постсоветское пространство заинтересовано в стабильном социально-экономическом развитии своих стран. Следовательно, требуется максимальная консолидация сотрудничества через механизм интеграции в условиях взаимозависимости сторон. Для постсоветских государств речь идет не только о свободном доступе на рынки товаров, услуг, капитала и рабочей силы, но и о получении широкой возможности увеличить производительность труда и снизить уровень безработицы.

На современном этапе ЕАЭС медленно, но уверенно движется вперед, уже став весомым субъектом мировой экономики. По итогам 2017 г. ВВП государств-членов ЕАЭС увеличился на 1,8%: ВВП Армении – на 7,5%, Кыргызстана – 4,5%, Казахстана – 4%, Беларуси – 2,4%, России – 1,5%. На 1,7% выросло промышленное производство, на 2,5% – сельское хозяйство. На 26,1% увеличился товарооборот между странами ЕАЭС, поставки товаров и услуг на рынки третьих стран – на 24,4%²¹. Кроме того, в мае 2017 г. в ЕАЭС заработал единый рынок фармацевтической и медицинской продукции. С 1 января 2018 г. вступил в силу Таможенный кодекс, что повысило качество таможенного регулирования в ЕАЭС. В на-

стоящий момент прорабатывается вопрос о согласованной политике государств-членов ЕАЭС в сфере создания цифровой экономики. Например, в 2017 г. благодаря Центральному банку России был запущен пилотный блокчейн-проект для взаимодействия стран ЕАЭС в сфере финансовых услуг. Блокчейн является одной из передовых технологий, связанной со способом хранения данных. С помощью этой технологии можно оптимизировать регулирование процессов взаимодействия между странами-участницами ЕАЭС в пенсионной, трудовой, коммерческой, налоговой сфере²².

6 декабря 2018 г. на Заседании Высшего Евразийского экономического совета лидеры государств-участников объединения очертили контуры будущих коллективных действий и заложили основу для углубления кооперации в рамках ЕАЭС. В рамках заседания поднимались спорные вопросы между Россией и Беларусью по вопросу цены за российский газ, транспортируемый в Беларусь. Данный вопрос придавал особую актуальность итоговым документам заседания, связанным с решением «О формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза» и «О формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза»²³. На заседании было одобрено предложение о развитии сотрудничества государств-членов ЕАЭС в сфере предоставления космических и геоинформационных услуг на основе национальных источников данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ). Как показало заседание, проблемы в рамках евразийской интеграции существуют, однако все политические лидеры, представляющие государства-участников ЕАЭС, показали

²⁰ Руднева А.О. Экономическая безопасность России: современные вызовы и угрозы // Мировая политика в фокусе современности / Предисл. Е.П. Бажанова; Отв. ред. М.А. Неймарк; Дипломатическая академия МИД России. М., 2018. С. 342. [Rudneva, A.O. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: sovremennyye vyzovy i ugrozy (Economic Security of Russia: Modern Challenges and Threats) // *Mirovaya politika v fokuse sovremennosti* / Ed. my M.A. Neymark; Diplomaticheskaya akademiya MID Rossii. Moscow, 2018. P. 342.]

²¹ ЕАЭС: приоритеты, задачи и достижения / Mir24. Режим доступа: <https://mir24.tv/news/16305035/eaes-prioritety-zadachi-i-dostizheniya>

²² Калиш Я.В. Информационная политика ЕАЭС – цифровое настоящее и будущее // Власть. 2017. №10. С. 70-71. [Kalish, Ya.V. Informatsionnaya politika EAES – tsifrovoye nastoyashcheye i budushcheye (EAEU Information Policy – Digital Present and Future) // *Vlast'*, 2017, No. 10, pp. 70-71.]

²³ Итоги ВЕЭС: о чем договорились пять лидеров ЕАЭС в Санкт-Петербурге (What the Five EAEU Leaders in St. Petersburg Agreed on) / Eurasian-Studies. Режим доступа: <http://eurasian-studies.org/archives/10834>

свою заинтересованность в укреплении и углублении интеграции.

Благодаря участию в ЕАЭС постсоветские государства повышают эффективность своих национальных экономик за счет развития тесной хозяйственной кооперации. На фоне экономических достижений можно выделить ряд политических предпочтений, которые государства-участники ЕАЭС получают от своего участия в союзе. По мнению российского политолога С. Караганова, евразийская интеграция служит механизмом укрепления суверенитета прежде всего небольших стран-членов Союза²⁴. Это проявляется, во-первых, в возможности малых государств, имеющих по Договору ЕАЭС право вето, влиять как на политику друг друга, так и на политические решения более мощной России. Во-вторых, участие в ЕАЭС усиливает позиции всех участников интеграции, особенно малых государств в отношениях с более сильными соседями. В целом не только экономическое взаимодействие в рамках ЕАЭС оказывает положительный эффект на экономическое развитие участников евразийской интеграции, но и само участие в ЕАЭС укрепляет политические позиции и имидж государств-участников на международной арене.

Таким образом, государства-члены ЕАЭС должны проявить максимальный внешнеполитический прагматизм и согласиться на более тесную кооперацию и максимальную интенсификацию экономических связей в обмен на доступ к евразийскому рынку, инвестициям и высоким технологиям. Для постсоветских государств, выходцев из бывшего СССР, имеющих слабую экономику, во имя реализации своих национальных интересов требуется сделать выбор в сторону более тесного сотрудничества с Россией, что позволит совершить резкий рывок в развитии их экономик.

Отношения между участниками евразийской интеграции осложняет тот факт, что они опасаются за свой национальный

²⁴ Караганов С. ЕАЭС: от замедления к углублению (EAEU: from Deceleration to Deepening) // *Global Affairs*. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/pubcol/EAES-ot-zamedleniya-k-uglubleniyu-19872>

суверенитет, даже несмотря на демонстрацию ЕАЭС высоких темпов экономического роста. Также наблюдается недооценка укрепления национального суверенитета через участие в евразийской интеграции. Между тем ЕАЭС становится одной из наиболее авторитетных евразийских экономических структур, придающей политическую силу всем своим участникам.

Литература:

Глазьев С. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М., 2017.

Жильцов С.С. Евразийская интеграция: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия Политология. 2016. № 1.

История политических учений /Под ред. А.К. Голикова, Б.А. Исаева. СПб., 2012.

Калиш Я.В. Информационная политика ЕАЭС – цифровое настоящее и будущее // Власть. 2017. № 10.

Кокосин А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М., 2006.

Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве. М., 2011.

Назарбаев Н. Пять лет независимости. Из докладов, выступлений и статей Президента Республики Казахстан. Алматы, 1996.

Проценко А.Е. Мексика: проблемы суверенитета в контексте развития НАФТА /Государство в эпоху глобализации: экономика, политика, безопасность (Мировое развитие. Выпуск 3) /Отв. ред. – Ф.Г. Войтоловский и А.В. Кузнецов. М.: ИМЭМО РАН, 2008.

Руднева А.О. Экономическая безопасность России: современные вызовы и угрозы // Мировая политика в фокусе современности /Предисл. Е.П. Бажанова; Отв. ред. М.А. Неймарк; Дипломатическая академия МИД России. М., 2018.

Современное государство: Политико-правовые и экономические исследования. Сб. науч. тр. М., 2010.

Стреженева М. Наднациональность и принцип субсидарности в ЕС и за его пределами // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Том 60. № 6.

Ткачук С. ЕАЭС и все-все-все // Россия в глобальной политике. 2016. № 3.

Харин А. Государство в условиях глобализации: новые подходы // Власть. 2013. № 6.

References:

Glazyev, S. Ekonomika budushchego. Yest' li u Rossii shans? (Economics of the Future. Does Russia Have a Chance?) Moscow, 2017.

Istoriya politicheskikh ucheniy (History of Political Studies). Ed. by A.K. Golikova, B.A. Isayeva. SPb., 2012.

Kalish, Ya.V. Informatsionnaya politika EAES – tsifrovoye nastoyashcheye i budushcheye (EAEU Information Policy – Digital Present and Future) // *Vlast'*, 2017, No. 10.

Kharin, A. Gosudarstvo v usloviyakh globalizatsii: novyye podkhody (State in the Context of Globalization: New Approaches) // *Vlast'*, 2013, No. 6.

Kokoshin, A. Real'nyy suverenitet v sovremennoy miropoliticheskoy sisteme (Real Sovereignty in the Modern World-Political System). Moscow, 2006.

Moiseev, A.A. Suverenitet gosudarstva v mezhdunarodnom prave (State Sovereignty in International Law). Moscow, 2011.

Nazarbayev, N. Pyat' let nezavisimosti. Iz dokladov, vystupleniy i statey Prezidenta Respubliki Kazakhstan (Five Years of Independence. From Reports, Speeches and Articles of the President of the Republic of Kazakhstan). Almaty, 1996.

Protsenko, A.Ye. Meksika: problemy suvereniteta v kontekste razvitiya NAFTA /Gosudarstvo v epokhu globalizatsii: ekonomika, politika, bezopasnost' (Mirovoye razvitiye. Vypusk 3) (Mexico: Problems of Sovereignty in the Context of the Development of NAFTA /State in the Era of Globalization: Economy, Politics, Security (World Development. Issue 3)) /Ed. by F.G. Voytolovskiy, A.V. Kuznetsov. Moscow.: IMEMO RAN, 2008.

Rudneva, A.O. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: sovremennyye vyzovy i ugrozy (Economic Security of

Russia: Modern Challenges and Threats) // *Mirovaya politika v fokuse sovremennosti* /Ed. by M.A. Neymark; Diplomaticeskaya akademiya MID Rossii. Moscow, 2018.

Sovremennoye gosudarstvo: Politiko-pravovyye i ekonomicheskiye issledovaniya. Sb. nauch. tr. (Modern State: Political-Legal and Economic Research). Moscow, 2010.

Strezhneva, M. Nadnatsional'nost' i printsip subsidarnosti v YES i za yego predelami (Supranationality and the Principle of Subsidiarity in the EU and beyond) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2016, Vol. 60, No. 6.

Tkachuk, S. EAES i vse-vse-vse (EAEU and all-all) // *Rossiya v global'noy politike*, 2016, No. 3.

Zhil'tsov, S.S. Yevraziyskaya integratsiya: problemy i perspektivy (Eurasian Integration: Problems and Prospects) // *Vestnik RUDN. Seriya Politologiya*, 2016, No. 1.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10016

STATE SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF EURASIAN INTEGRATION

Elena G. Garbuzarova

*Kyrgyz-Russian Slavic University,
Bishkek, the Kyrgyz Republic*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 01.02.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 13.03.2020</p>	<p>Abstract: The Eurasian economic Union (EAEU) is rapidly moving forward showing significant economic achievements and strengthening its position in the world economy. Over the past few years with the beginning of the full-fledged work of the EAEU in 2015 the participants of the integration managed to achieve success in their socio-economic development. The integration movement of the post-soviet states towards Russia has justified itself. However, the process of development of Eurasian integration faces a number of difficulties one of which is the inefficiency of the supranational body of the EAEU. This problem does not allow the EAEU to fully realize its potential both for the domestic economic development of the participants and for successful positioning on the international arena. Fearing the limitations of their national sovereignty participants of the Eurasian economic Union are not politically active. It allows not only strengthening the effectiveness of the Union but also creating a comfortable economic atmosphere in which each member of the EAEU will receive certain benefits. Russia will protect itself from possible destructive trends on the southern flank. Post-soviet states that have joined the Eurasian integration will receive an incentive to develop the economy. Further success in the development of Eurasian integration will depend on the readiness of the participants to give the supranational structure of the EAEU wider powers. Accordingly, the participants of the Eurasian Union will have the opportunity for economic and technological growth which will create a «safety cushion» in the event of economic turbulence.</p>
<p>About the author: Candidate of History, Associate Professor, Political Science Department, Kyrgyz-Russian Slavic University</p> <p>e-mail: play_elenag@mail.ru</p>	
<p>Key words: Eurasian economic Union (EAEU); Eurasian Economic Commission (EEC); Russia; supranational body; sovereignty; post-soviet space; integration</p>	

Для цитирования: Гарбузарова Е.Г. Государственный суверенитет в контексте евразийской интеграции // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 28-35.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10016

For citation: Garbuzarova, Elena G. Gosudarstvennyy suverenitet v kontekste yevraziyskoy integratsii (State Sovereignty in the Context of Eurasian Integration) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 28-35.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10016

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10017

АЗИАТСКИЙ РЫНОК ОБЛИГАЦИЙ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАЛЮТАХ И КИТАЙ

Валентина Вильевна Кузнецова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i></p> <p style="text-align: right;">21 октября 2019</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i></p> <p style="text-align: right;">10 февраля 2020</p> <p><i>Принята к печати:</i></p> <p style="text-align: right;">5 марта 2020</p>	<p>Аннотация: В статье рассмотрен процесс реализации усилий правительств стран-членов АСЕАН+3 по развитию регионального облигационного рынка. Показано, какие инициативы и меры выдвигались на разных этапах продвижения Инициативы по развитию азиатских облигационных рынков в национальных валютах. Постепенный и гибкий подход позволил странам-участницам сформировать гибкие институциональные основы Инициативы, позволяющие учитывать разный уровень финансового развития вовлеченных экономик. В статье показана двойственная роль Китая в развитии регионального рынка облигаций в национальных валютах: как центра притяжения и как конкурент.</p>
<p>Об авторе:</p> <p>к.и.н., доцент, кафедра мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова</p> <p>e-mail: vkuz_55@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>АСЕАН+3; Китай; облигационный рынок; финансовая инфраструктура; финансовая интеграция</p>	

В период после глобального финансового кризиса (ГФК) экономики азиатского региона растут быстрее, чем в других регионах мира. В то же время экономики региона сталкиваются с рядом серьезных проблем структурных, инфраструктурных, экологических, социальных проблем¹, для решения которых требуются значительные инвестиции. Азиатский финансовый (1997-1998) кризис вскрыл риски, обусловленные чрезмерной зависимостью национальных экономик от краткосрочного долга, номинированного в иностранной валюте. Одним из важных вариантов привлечения необходимых инвестиций политики стран-членов

АСЕАН+3 признали развитие регионального облигационного рынка. Первоначально предполагалось, что развитие рынков облигаций в национальных валютах позволит странам-членам организации получить альтернативный источник фондирования по сравнению с банковскими кредитами, номинированными в иностранной валюте; снизить уязвимости платежных балансов в случае неожиданных и значительных изменений в трансграничных потоках капиталов; а также будет способствовать региональному финансовому сотрудничеству и интеграции. За прошедший период объем регионального рынка долговых инструментов, номинированных в национальных валютах, многократно вырос: за 2000-2018 гг. доля совокупного объема облигационных рынков в национальных валютах в КНР, Гонконге, Индии, Южной Корее, Малайзии, Филиппинах, Сингапуре, Таиланде и Вьетнаме в

¹ Asia and the Pacific SDG Progress Report 2019 / UN, ESCAP (Economic and Social Commission for Asia and Pacific), 2019, 73 p. Mode of access: https://www.unescap.org/sites/default/files/publications/ESCAP_Asia_and_the_Pacific_SDG_Progress_Report_2019.pdf

региональном ВВП увеличилась более чем в 2 раза².

В то же время формирование единого регионального облигационного рынка сдерживает множество факторов, включая сильную дифференциацию стран-участниц по уровню социально-экономического и финансового развития, медленная унификация правового регулирования и стандартов эмиссий, отставание развития инфраструктуры рынка³.

В статье суммируются основные направления по продвижению региональной финансовой интеграции, выделены ограничители развития рынка, показана роль Китая в этом процессе.

Формирование азиатского облигационного рынка

Инициатива по развитию азиатских облигационных рынков (ИАОР) была запущена в декабре 2002 г. в рамках АСЕАН+3. Для реализации ИАОР Азиатский банк развития (АБР) был наделен широкими полномочиями. Он стал выполнять функции Секретариата инициативы; а также органа: осуществляющего текущий мониторинг ситуации на облигационных рынках в регионе; обеспечивающего информационное сопровождение для участников рынка; оказывающего техническую поддержку странам-участникам; проводящего регулярные обследования в целях выявления барьеров и ограничений, мешающих развитию облигационных рынков в местных валютах⁴.

Период, прошедший с момента начала реализации ИАОР, можно подразделить на три этапа. В течение первого этапа (2002-2008 гг.) страны-участницы основное внимание уделяли созданию основ национальных облигационных рынков и строительству соответствующей инфраструктуры. В частности, на этом этапе для стимулирования спроса на облигации в национальных валютах был запущен специальный информационный сайт. Эксперты АБР проводили исследования, целью которых было выявление наиболее значимых ограничителей трансграничных сделок с облигациями в национальных валютах, включая валютно-обменные сделки и расчеты.

На втором этапе (2008-2012 гг.) были выделены четыре основных направления развития ИАОР, которые затем детализировались в среднесрочных дорожных картах по следующим направлениям:

1) стимулирование эмиссии номинированных в национальных валютах облигаций, т.е. создание условий, способствующих увеличению предложения суверенных и корпоративных облигаций, номинированных в национальных валютах;

2) поощрение спроса на такие облигации, т.е. формирование условий, способствующих притоку инвесторов, прежде всего, региональных;

3) повышение эффективности правового регулирования и надзора;

4) улучшение инфраструктуры облигационного рынка.

Дорожные карты отражают консенсусный подход стран-участниц по развитию ИАОР в течение 3 лет. Дорожные карты не содержат конкретных показателей, которых странам-членам следовало бы достичь к определенному времени, они лишь рекомендуют правительствам стран-участниц реализовать зафиксированные в документах меры. Каждые 3-4 года секретариат ИАОР проводит обследования для оценки степени реализации дорожных карт. На основе полученных результатов принимаются решения о том, какие меры следует включить в новую дорожную карту.

На третьем этапе (с 2012 г.) страны-участницы детализировали меры, какие пред-

² Amamiya, M. Development of Asia's Capital Markets: Roles and Challenges / Bank of Japan, October 2019, p. 1. Mode of access: <https://www.bis.org/review/r191010b.pdf>

³ Asia and the Pacific SDG Progress Report 2019 / UN, ESCAP (Economic and Social Commission for Asia and Pacific), 2019, 73 p. Mode of access: https://www.unescap.org/sites/default/files/publications/ESCAP_Asia_and_the_Pacific_SDG_Progress_Report_2019.pdf

⁴ The Asian Bond Markets Initiative Policy Maker Achievements and Challenges / Asian Development Bank, 2017, p. 1-2. Mode of access: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/322536/asian-bond-markets-initiative.pdf>

стоит осуществить по указанным выше четырем направлениям. С 2012 г. ответственность за реализацию мер дорожной карты закреплена за 4 разными группами экспертов и также была создана группа технической поддержки и координации. В результате были заложены институциональные основы развития регионального облигационного рынка (см. Рис. 1).

Рисунок 1

Текущая институциональная структура ИАОР⁵

Fig. 1. The Current Institutional Structure of the Asian

Примечания:

Группа экспертов¹, отвечающая за увеличение предложения облигаций, номинированных в местных валютах. Ее работу возглавляют представители КНР и Таиланда;

Группа экспертов², уполномоченная за стимулирование спроса на облигации, номинированных в местных валютах. Ее работу возглавляют представители Японии и Сингапура;

Группа экспертов³, ответственная за улучшение регулирования. Ее работу возглавляют представители Японии и Малайзии;

Группа экспертов⁴, отвечающая за совершенствование инфраструктуры рынков облигаций, номинированных в местных валютах. Ее работу возглавляют представители Южной Кореи и Филиппин;

Группа экспертов⁵, оказывающих техническую поддержку правительствам стран-членов: группа также выполняет координирующие функции. Ее работу возглавляют представители Брунея, Лаоса и Вьетнама.

Группы экспертов несут ответствен-

ность за конкретные направления развития регионального облигационного рынка (см. Табл. 1)⁶.

С 2012 г. закрепление за конкретными странами руководства групп экспертов оставалось неизменным, а смена общего руководства ИАОР происходит ежегодно. Такая институциональная структура закрепляет, с одной стороны, коллективную ответственность стран-участниц за достижение целей ИАОР, а с другой, позволяет главам отдельных групп экспертов осуществлять непосредственный контроль за реализацией согласованных мер в течение продолжительного периода времени.

Таблица 1

Распределение сфер ответственности за группами экспертов

Номер Группы	Общие задачи	Текущие приоритеты
1	– развитие гарантийных операций в целях повышения доверия инвесторов к региональным облигациям в местных валютах; – разработка и предложение инновационных схем финансирования инфраструктуры облигационных рынков; – развитие, углубление и повышение эффективности рынков производных инструментов в целях снижения рисков эмитентов и инвесторов.	– расширение возможностей регионального гарантийного фонда; – диверсификация его операций, в т.ч. совместно с другими наднациональными финансовыми институтами и частным сектором; – расширение использования «зеленых» облигаций, доходы от размещения которых могут использоваться для финансирования масштабных инфраструктурных проектов.
2	– развитие рынков суверенных облигаций в валютах стран-участниц ИАОР, рынков РЕПО с такими облигациями, а также кредитования данными инструментами; – расширение перечня потенциальных инвесторов, включая региональных институциональных инвесторов; – поощрение трансграничных сделок с региональными облигациями в местных валютах.	– поддержка операций информационного портала <i>AsianBondOnline</i> ; – продолжение реформ, нацеленных на стабилизацию региональных облигационных рынков; – развитие рынков суверенных облигаций; – стимулирование притока региональных сбережений в облигации в местных валютах; – развитие рынков обеспеченных облигаций, доходы от размещения которых могут направляться на финансирование жилищного строительства.

⁵ Good Practices for Developing a Local Currency Bond Market: Lessons from the ASEAN+3 Asian Bond Markets Initiative/Asian Development Bank, May 2019, p. 134. Mode of access: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/499671/developing-lcy-bond-market.pdf> Bond Markets

⁶ The Asian Bond Markets Initiative Policy Maker Achievements and Challenges/Asian Development Bank, 2017, pp. 5-8. Mode of access: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/322536/asian-bond-markets-initiative.pdf>

Номер Группы	Общие задачи	Текущие приоритеты
3	<ul style="list-style-type: none"> – разработка и внедрение унифицированной программы эмиссий облигаций; – стандартизация процедур заключения сделок с облигациями в местных валютах и обмена информацией о них; – расширение информационной транспарентности операций и доступа к общей информационной платформе; – повышение эффективности и унификация процедур банкротств 	<ul style="list-style-type: none"> – стимулирование увеличения трансграничных сделок с облигациями в местных валютах; – интеграция национальных облигационных рынков; – переход на подготовку финансовой отчетности по международным стандартам ISO 20022;
4	<ul style="list-style-type: none"> – развития инфраструктуры рынка облигаций в местных валютах; – формирование региональной системы кредитного рейтингования; – повышения финансовой грамотности участников. 	<ul style="list-style-type: none"> – улучшение инфраструктуры трансграничных операций; – расширение перечня возможных обеспечений сделок; – унификация практик национальных рейтинговых агентств
5	Оказание правительствам стран-участниц технической поддержки в развитии национальных облигационных рынков, включая помощь в разработке норм национального регулирования облигационного рынка.	

Table 1. Distribution of Responsibilities for Expert Groups

Дополнительные инициативы по продвижению ИАОР

Фонд кредитных гарантий и инвестиций (ФКГИ). Для стимулирования инвестиций в облигации, номинированные в валютах стран-членов ИАОР, в 2010 г. был создан ФКГИ в форме трастового фонда АБР, назначение которого гарантировать инвесторам погашение займа в случае дефолта эмитента. Создание ФКГИ преследовало несколько целей: 1) расширение доступа фирм с инвестиционным кредитным рейтингом на азиатские облигационные рынки и удлинение срочности облигационных эмиссий; 2) усиление связей между национальными облигационными рынками для формирования общего регионального рынка; 3) снижение зависимости региональных эмитентов от краткосрочных банковских кредитов, номинированных в иностранных валютах;

4) минимизация уязвимости региона от неожиданных и масштабных изменений в потоках трансграничных капиталов. ФКГИ, предоставляя большую кредитную защиту региональным эмитентам, не имеющим инвестиционного кредитного рейтинга, позволяет региональным институциональным инвесторам инвестировать в соответствующие инструменты. Первоначальный капитал ФКГИ составлял 700 млн долл. В декабре 2017 г. был утвержден план по наращиванию капитала ФКГИ до 1,2 млрд долл. К сентябрю 2019 г. 7 участников ИАОР, включая АБР, полностью оплатили свои взносы. В результате капитал ФКГИ достиг 1,0583 млрд долл.⁷

На начальном этапе деятельности ФКГИ при выделении гарантий исходил из уровня леввереджа 1:1. По мере расширения операций уровень леввереджа был повышен до 1:1,25, т.е. ФКГИ способен предоставлять гарантии в объеме 1,75 млрд долл. ФКГИ проводит взвешенную гарантийную политику: по облигационным выпускам, номинированным в местных валютах, региональных компаний-эмитентов, не имеющих инвестиционного кредитного рейтинга, ФКГИ предоставляет гарантии в объеме 100% выпуска, а компаниям, получившим инвестиционный кредитный рейтинг, – в объеме 50-70%⁸.

В 2016 г. ФКГИ совместно с АБР предоставил кредитные гарантии под выпуск Первого проекта климатических облигаций (*Climate Project Bond*), сертифицированных *Climate Bond Initiative* для Восточной Азии на сумму в 10,7 млрд долл. сроком на 10 лет. Облигации были выпущены *AP Renewables Inc.* для развития геотермальных энергетических мощностей на Филиппинах. Реализация данного проекта преследовала двоякие цели: оказание поддержки развитию рынка облигаций Филиппин и продвижение

⁷ CGIF Raises Capital from the Asian Development Bank / Credit Guarantee and Investment Facility (CGIF), September 2019. Mode of access: <http://www.cgif-abmi.org/wp-content/uploads/2019/09/Paid-in-Capital-Increase-Press-Release-12-September-2019-ADB.pdf>

⁸ 2020 Credit Guarantee and Investment Facilities / Credit Guarantee and Investment Facility (CGIF). Mode of access: <http://www.cgif-abmi.org/guarantee-portfolio-table/>

зеленых облигаций в местных валютах как источника финансирования развития инфраструктуры с тем, чтобы ЮВА стала регионом с низким выбросом углерода.

Для поддержки схем привлечения финансирования с облигационных рынков для строительства инфраструктуры в странах-участницах ИАОР, правительство Таиланда приняло нормативные акты, позволяющие суверенным эмитентам, не имеющим инвестиционного суверенного кредитного рейтинга, размещать свои облигации на национальном рынке. Это сделало возможным, например, для Лаоса эмитировать суверенные облигации для финансирования его внутренних инфраструктурных проектов. Первый выпуск суверенных трансграничных облигаций был проведен в 2013 г. На конец 2015 г. правительство Лаоса разместило 4 подобных транша облигаций. Последний из них выпуск был на 12 млрд батов и стал первым, получившим суверенный рейтинг.

Одновременно функционирование ФКГИ способствует расширению базы региональных инвесторов, гармонизации стандартов и практик эмиссии облигаций в рамках АСЕАН+3, а тем самым и региональной интеграции финансового рынка.

Расширение информационной открытости. В целях расширения базы инвесторов, прежде всего региональных, на информационном портале *AsianBondsOnline*⁹ приводятся разнообразные данные о торговой динамике, кредитных рейтингах, результатах исследований, а также описана пошаговая процедура механизмов покупки и трейдинга ценными бумагами азиатских правительств. На портале представлена информация о кастодианах, рейтинговых агентствах, регистраторах и других организациях, образующих инфраструктуру облигационного рынка, правовых и регуляторных нормах, характеристиках внутренних облигационных рынков, торговой рыночной инфраструктуре на конкретных рынках.

Форум азиатского облигационного рынка (ФАОР). В мае 2010 г. был образован ФАОР. Его предназначение – ускорение стандартизации рыночных практик и регу-

лирования, регламентирующих трансграничные сделки с облигациями в регионе, а также поощрение и координация интеграции региональных рынков с мировыми рынками.

ФАОР состоит из двух площадок: назначение первой – разработка рекомендаций по правилам эмиссии облигаций в различных валютах (*Multi-Currency Bond Issuance Framework, AMBIF*), а второй – стандартизация потоков и типов финансовых сообщений о сделках, применение международных стандартов для взаимного обмена электронными данными между финансовыми институтами (*ISO 20022*). Благодаря работе первой был разработан механизм, позволяющий квалифицировать эмитентов из АСЕАН+3 для выпуска облигаций в любой стране-участнице ИАОР, а также стандартный набор документов и четко определенные процедуры эмиссии. Первый пилотный выпуск таких облигаций был размещен 28 сентября 2015 г. в Таиланде объемом 3 млрд батов, сроком на 3 года и купонной ставкой 2,33%.

В 2003 г. на встрече глав центральных банков¹⁰ было принято решение о создании Азиатского облигационного фонда 1 объемом в 1 млрд долл. Его создание позволило участникам ИОАР инвестировать в номинированные в долларах суверенные облигации стран-членов АСЕАН+3 за исключением обязательств Австралии, Японии и Новой Зеландии.

В 2005 г. был создан Азиатский облигационный фонд 2 для инвестирования в облигации в национальных валютах, выпущенных суверенными и квазисуверенными эмитентами. Его назначение: предоставить инвесторам низко затратный продукт в форме пассивно управляемых индексных облигационных фондов, расширить базу инвесторов, выявлять ограничения развития

¹⁰ Central Banks Executives' Meeting of East Asia-Pacific (EMEAP) – кооперативная организация ЦБ и органов денежного регулирования в АТР. Она состоит из ЦБ 11 стран: Reserve Bank of Australia, People's Bank of China, Hong Kong Monetary Authority, Bank Indonesia, Bank of Japan, the Bank of Korea, Bank Negara Malaysia, Reserve Bank of New Zealand, Bangko Sentral ng Pilipinas, Monetary Authority of Singapore, and Bank of Thailand.

⁹ Режим доступа: www.AsianBondsOnline.adb.org

облигационного рынка, выступать катализатором реформ регулирования и улучшения рыночной инфраструктуры в регионе. Как катализатор развития регионального облигационного рынка Азиатский облигационный фонд 2 призван способствовать:

- отмене налога на доход от вложений в облигации в местных валютах для инвесторов-нерезидентов;
- улучшению регулирования биржевых индексных фондов (*ETFs*);
- дальнейшей либерализации правил валютно-обменных операций;
- совершенствованию инфраструктуры облигационного регионального рынка;
- снижению риска трансграничных расчетов между странами-участницами ИАОР по облигационным транзакциям;
- поощрению принятия документации, соответствующей лучшей международной практике;
- введению набора обоснованных, репрезентативных и открытых облигационных индексов.

Стимулирование трансграничных сделок с облигациями в национальных валютах. Опираясь на европейский опыт, в 2008 г. была создана группа экспертов по развитию трансграничных сделок с облигациями в национальных валютах и проблемам расчетов. Цель ее деятельности – разрабатывать рекомендации правительствам стран-участниц ИАОР по проблемам клиринга и расчетов по развитию регионального облигационного рынка и интеграции национальных облигационных рынков. В сфере ее ответственности: 1) оценка возможных вариантов организации деятельности посредников в расчетах/поставках по сделкам с облигациями в местных расчетах; 2) выявление барьеров, сдерживающих развитие трансграничных облигационных сделок. В состав группы входят представители 17 региональных и 9 международных институтов-членов, включая институты инфраструктуры облигационного рынка. В качестве секретариата ИАОР АБР предоставляет группе техническую поддержку.

Форум инфраструктуры трансграничных расчетов (ФИТР). Основные направления деятельности ФИТР – создание

регионального расчетного посредника по трансграничным облигационным сделкам и унификация практик кредитного рейтингования. В 2006 г. 4 центральных банка стран-членов АСЕАН образовали Азиатскую платежную сеть (АПС) (*Asian Payment Network, APN*) в целях создания общей расчетно-платежной платформы¹¹. В настоящее время АПС объединяет 12 операторов карточных платежных систем из 11 стран: *PayNet* (Малайзия), *NETS* (Сингапур), *KFTC* (Южная Корея), *ITMX* (Таиланд), *Artajasa u Rintis* (Индонезия), *Bancnet* (Филиппины), *NAPAS* (Вьетнам), *NTT Data* (Япония), *UPI* (Китай), *Cuscal* (Австралия), *Paymark* (Новая Зеландия). Основным конкурентом только создаваемой платформы выступает китайская *AliPay*.

По первому направлению создания регионального платежного посредника был согласован подход, согласно которому центральным банкам и кастодианам стран-участниц в среднесрочном периоде предстояло перейти на валовые расчеты в режиме реального времени между центральными депозитариями ценных бумаг. В 2017 г. операторы ведущих платежных систем АСЕАН подписали меморандум о создании региональной системы трансграничных платежей в режиме реального времени (создании региональной платежной экосистемы) к 2025 г.¹²

Исследование, проведенное Банком Японии и Органом денежного регулирования Гонконга, показало, что расчеты по сделкам с облигациями в местных валютах, проводимые по корреспондентским счетам уполномоченных посредников в центральных банках, соответствуют международным стандартам «поставки против платежа».

Инфраструктура регионального рынка облигаций в местных валютах, прежде

¹¹ Payment Tie-ups between ASEAN Nations Are up for Discussions / ASEAN Today, January 2018. Mode of access: <https://www.aseantoday.com/2018/01/payment-tie-ups-between-asean-nations-are-up-for-discussions/>

¹² Bannister D. ASEAN Initiatives Seek to Leverage Real-Time Payments for Innovation / OVUM, 2018, 17 p. Mode of access: <https://www.aciworldwide.com/-/media/files/collateral/trends/asean-initiatives-seek-to-leverage-real-time-payments-for-innovation.pdf>

всего, расчетов/поставок, развивается по двум направлениям. Первое направление – совместные усилия центральных банков Индонезии, Малайзии и Таиланда по развитию в регионе расчетов в национальных валютах, в т.ч. по сделкам с облигациями. Двустороннее соглашение между Банком Малайзии и Банком Таиланда было заключено в 2016 г., между Банком Малайзии и Банком Индонезии, а также между Банком Таиланда и Банком Индонезии – в 2017 г. Центральные банки отбирают уполномоченные банки и гарантируют, что они будут проводить валютно-обменные операции на основе двусторонних котировок валют. Уполномоченные банки помимо широкого спектра посреднических услуг обязаны проводить обменные операции, выставляя котировки покупки/продажи региональных валют, а взаимные расчеты по требованиям и обязательствам в региональных валютах осуществлять по корреспондентским счетам в национальных центральных банках. К национальным расчетно-платежным системам также подключены депозитарии в данных странах. В результате формируется региональная сеть расчетов/поставок по сделкам с облигациями в национальных валютах.

Второе направление развивает КНР. КНР запустила систему Stock Connect, позволяющую проводить расчеты/поставки по сделкам с активами на трех биржах – Гонконгской, Шанхайской и Шэньчжэньской. Через данную платформу в 2018 г. заключались сделки с более 2 тыс. торгуемыми акциями. С 2017 г. функционирует система *Bond Connect*, позволяющая зарубежным инвесторам дистанционно инвестировать во внутренние китайские облигации без получения квоты для иностранного инвестора. Уже к концу года к платформе подключились 425 институциональных инвесторов¹³, на конец 2018 г. – 506, а на середину 2019 г. – 1038 из 29 стран, в т.ч. 62

¹³ Will China's Presence in Global Bond Markets Distinguish It from Fellow EMs? / Portfolio Adviser, July 3, 2019. Mode of access: <https://portfolio-adviser.com/will-chinas-presence-in-global-bond-markets-distinguish-it-from-fellow-em/>

из 100 ведущих глобальных управляющих активов¹⁴.

По результатам изучения региональных транзакционных потоков и расчетной инфраструктуры, проведенного экспертами Азиатского облигационного фонда 2, ФАОР разработал несколько рекомендаций странам-участницам ИФОР на предстоящий период:

1. улучшить процессинг прямых региональных сделок с облигациями через переход к общим стандартам операций;
2. следовать установленному Банком международных расчетов принципу «поставки против платежа» в расчетах по сделкам с ценными бумагами, номинированными в региональных валютах;
3. разработать дорожную карту стандартизации для операций с облигациями в региональных валютах;
4. ввести в обычную практику принятые международные стандарты функционирования финансовой инфраструктуры.

В 2001 г. в регионе была создана Ассоциация рейтинговых агентств Азии (АРАА). Ассоциация помогает странам-участницам применять лучшие практики и общие стандарты для улучшения качества рейтингования и сопоставимости рейтингов в регионе. В перспективе предполагается, что рейтинговые агентства стран-участниц ИАОР будут применять единые стандарты рейтингования.

Развитие национальных облигационных рынков. С этой целью эксперты группы технической поддержки ИАОР помогают правительствам развивающихся экономик-участниц ИАОР в развитии долгового рынка. К настоящему времени Камбоджа и Индонезия получили по 6 проектов технической поддержки, Лаос – 5, Мьянма – 2, Филиппины – 4¹⁵. Так, в Индонезии экспер-

¹⁴ Bond Connect Recognized Globally amid 2nd Anniversary / Global China Daily. July 2019. Mode of access: <http://global.chinadaily.com.cn/a/201907/05/WS5d1edd5ba3105895c2e7be57.html>

¹⁵ The Asian Bond Markets Initiative Policy Maker Achievements and Challenges / Asian Development Bank, 2017, p. 4. Mode of access: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/322536/asian-bond-markets-initiative.pdf>

Рисунок 2

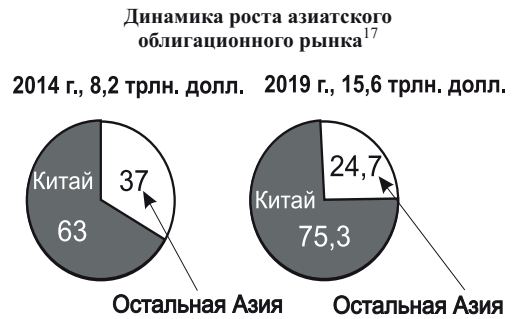

Fig. 2. The Growth Dynamics of the Asian Bond Market

ты группы помогали правительству разработать дорожную карту по развитию облигационного рынка, ввести систему первичных дилеров, укрепить систему расчетов по ценным бумагам, реструктурировать и повысить качество портфеля государственных ценных бумаг, усовершенствовать правовое регулирование эмиссии суверенных «сукук» (исламских облигаций) и развить трансграничный механизм для государственных облигаций и инструментов сукук. В Камбодже эксперты группы помогали правительству подготовить дорожную карту по развитию облигационного рынка, разработать нормативные акты, регламентирующие операции с государственными ценными бумагами и корпоративными облигациями, а также участвовали в разработке программ подготовки специалистов, ответственных за регулирование долгового рынка. В Лаосе эксперты группы консультировали правительство по разработке дорожной карты развития облигационного рынка, первичного и вторичного рынков государственных ценных бумаг (включая регулирование этих рынков), усилению системы расчетов по государственным ценным бумагам.

Роль Китая

На середину 2019 г. объем облигационного рынка стран-участниц ИАОР достиг 15 трлн долл., демонстрируя рост в 14% в год. Китай – региональный лидер по объему облигационного рынка, доля страны составляла 75,3% (см. Рис. 2).

На азиатском облигационном рынке доминируют государственные облигации (9,3 трлн долл.), в то время как объем корпоративного долга достиг 5,8 трлн долл. Облигационный рынок Таиланда является крупнейшим среди стран-членов АСЕАН (398,6 млрд долл.), а рынок исламских облигаций (сукук) в Малайзии – крупнейшим среди стран с формирующимися рынками Восточной Азии. Объем регионального рынка облигаций в местных валютах достиг 81,4% регионального ВВП¹⁶.

¹⁶ Asia Bond Monitor / ADB, June 2019, Mode of access: https://asianbondsonline.adb.org/documents/abm_jun_2019.pdf

Большая часть азиатских инвестиций в азиатские долговые портфели исходит из Гонконга, КНР, Японии и Сингапура, на их долю приходится 82,9% совокупных внутрирегиональных инвестиций в долг. Не смотря на потенциальный риск делевереджа в КНР, большая часть портфельных долговых инвестиций из Гонконга и КНР возвращается в КНР. Эмиссионная активность в 2018 г. была движима потребностью во внешнем финансировании китайских континентальных компаний и спросом иностранных компаний на фондирование в жэньминьби для поддержания их бизнеса и инвестиций в КНР.

Отраслевая структура эмитентов оффшорных облигаций, номинированных в жэньминьби, разнообразна – от ТНК до китайских компаний и компаний, ведущих бизнес в Гонконге. Оценки показывают, что на рынке сложилась четкая корреляция между эмиссией оффшорных облигаций, номинированных в жэньминьби, и зарубежными прямыми инвестициями китайских компаний.

Расчеты экспертов Банка международных расчетов показали, что влияние КНР на азиатские финансовые рынки сопоставимо с влиянием США в обычной ситуации. Но в кризисные периоды до последнего времени американская политика оказывала более

¹⁷ Mainland China-Hong Kong Bond Market Connect / Matthes Asia, March 2017. Mode of access: <https://us.matthewsasia.com/perspectives-on-asia/market-updates/matthews-asia-perspectives-view/article-1236/Mainland-China-Hong-Kong-Bond-Market-Connect.fs>

заметное воздействие¹⁸. Влияние политики США передается по нескольким каналам: процентный, принятие риска, ребалансировки портфелей, политические меры и ожидания инвесторов. Воздействие КНР проявляется через несколько иные каналы: ребалансировку портфелей, прямые инвестиции, торговые связи, кредитные программы, курсовую политику. Влияние ситуации на китайском рынке акций и колебаний жэньминьби на азиатские облигационные рынки постепенно растет, но при этом внутренний облигационный рынок КНР остается во многом изолированным от глобальных и регионального рынков. В целом, США остаются доминирующим фактором, выталкивающим инвестиции из региона, а КНР становится ключевым центром регионального притяжения¹⁹.

Китайская финансовая система – крупнейшая в регионе, но не смотря на ускоренное развитие рынков капитала в ней по-прежнему доминируют банки как финансовые посредники. Проводимая китайскими регуляторами политика на формирование «многоуровневого рынка капиталов»²⁰ выступает катализатором одновременно нескольких трендов:

1. «Идти вовне!». Привлекаемое с оффшорных рынков фондирование в жэньминьби китайские компании часто направляют на прямые зарубежные инвестиции, главным

образом, в страны, у которых сложились тесные экономические связи с КНР.

2. При формальном соблюдении международных стандартов внутри страны привлечение фондирования с оффшорных рынков позволяет национальным компаниям продолжать деятельность при «мягких» бюджетных ограничениях и не принимать чрезмерные валютные риски в условиях усиления волатильности на международных валютных рынках.

В апреле 2019 г. китайские государственные (суверенные) облигации и облигации политических банков, номинированные в жэньминьби, впервые были включены в *Bloomberg Barclays Global Aggregate Index*. Процесс их учета при расчете индекса растянут на 20 мес. После завершения переходного периода китайские облигации, номинированные в жэньминьби, станут четвертыми крупнейшими по объему в мире долговыми активами²¹. По оценкам экспертов, это может стать важным фактором как большей интеграции Китая в мировую финансовую систему, так и ускорения региональной финансовой интеграции²². Более того, если Китай завершит проводимые финансовые реформы, устранив валютные ограничения и откроет для зарубежных инвесторов внутренние финансовые рынки, то доходности по китайским суверенным облигациям, номинированным в жэньминьби, могут заменить *LIBOR* в качестве общепризнанного показателя доходности по безрисковому активу²³.

¹⁸ Asia and the Pacific SDG Progress Report 2019 / UN, ESCAP (Economic and Social Commission for Asia and Pacific), 2019, 73 p. Mode of access: https://www.unescap.org/sites/default/files/publications/ESCAP_Asia_and_the_Pacific_SDG_Progress_Report_2019.pdf

¹⁹ Chan E., et al. Local Currency Bond Markets and the Asian Bond Fund 2 Initiative // BIS Papers, 2012, № 63. Mode of access: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap63f.pdf>; Chang Shu, Dong He, Wang Honglin. Regional Pull vs Global Push Factors: China and US Influence on Asia-Pacific Financial Markets / BIS, June 2016, p. 8. Mode of access: https://www.bofit.fi/globalassets/bofit/tutkimus/konferenssit-ja-tyopajat/2016/china2016/financial_spillover_jun2016_final.pdf

²⁰ Li Keqiang. Report on the Work of the Government. 2018 / China.org.cn, March 2019. Mode of access: http://www.china.org.cn/china/NPC_CPPCC_2019/2019-03/16/content_74578930.htm

²¹ Will China's Presence in Global Bond Markets Distinguish It from Fellow EMs? / Portfolio Adviser, July 3, 2019. Mode of access: <https://portfolio-adviser.com/will-chinas-presence-in-global-bond-markets-distinguish-it-from-fellow-em/>

²² The Future of China's Bond Market. Ed. By A. Schipke, M. Rodlauer, Z. Longmei / IMF, 2019, 438 p. Mode of access: https://www.elibrary.imf.org/doc/IMF071/25402-9781484372142/25402-9781484372142/Other_formats/Source_PDF/25402-9781484393147.pdf

²³ Study on the Implications of Financial Benchmark Reforms / EMEAP, September 2019, 31 p. Mode of access: <http://www.emead.org/wp-content/uploads/2019/09/Study-on-the-Implications-of-Financial-Benchmark-Reforms.pdf>

Выводы

Регулярные обследования развития облигационных рынков выделяют несколько типов ограничителей, сдерживающих формирование интегрированного рынка. В качестве наиболее серьезных выделены два типа – регуляторные и расчетные барьеры. Список значимых регуляторных барьеров обширен: от мер прямого и косвенного валютного контроля, квотирования вложений иностранных инвесторов в местные активы до правил налогообложения. Отставание в развитии инфраструктуры облигационного рынка увеличивает риски и издержки инвесторов.

Страны-участницы ИАОР намерены продолжить усилия по формированию регионального облигационного рынка. В современных условиях, по мнению региональных политиков, его углубление необходимо не только для поддержания финансовой стабильности, но и для: повышения эффективности национальных монетарных политик; удовлетворения потребности растущего среднего класса в разнообразных финансовых услугах (включая продукты инвестиционных трастов, пенсионных фондов, страхования); направления «азиатских сбережений в азиатские инвестиции». Расширение перечней сделок, заключаемых на облигационных рынках, и торгуемых продуктов будет способствовать большей рыночной ликвидности. Диверсификация источников фондирования для региональных суверенов и компаний, что особенно актуально в стрессовых и волатильных условиях на мировых рынках, увеличит возможности привлечения дополнительного финансирования и снизит издержки заимствований.

References:

- Amamiya, M.* Development of Asia's Capital Markets: Roles and Challenges / Bank of Japan, October 2019. Mode of access: <https://www.bis.org/review/r191010b.pdf>
- Asia and the Pacific SDG Progress Report 2019 / UN, ESCAP (Economic and Social Commission for Asia and Pacific), 2019, 73 p. Mode of access: https://www.unescap.org/sites/default/files/publications/ESCAP_Asia_and_the_Pacific_SDG_Progress_Report_2019.pdf
- Bannister, D.* ASEAN Initiatives Seek to Leverage Real-Time Payments for Innovation / OVUM, 2018, 17 p. Mode of access: <https://www.aciworldwide.com/-/media/>

[files/collateral/trends/asean-initiatives-seek-to-leverage-real-time-payments-for-innovation.pdf](#)

Chan, E., et al. Local Currency Bond Markets and the Asian Bond Fund 2 Initiative // BIS Papers, 2012, № 63. Mode of access: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap63f.pdf>

Chang Shu, Dong He, Wang Honglin. Regional Pull vs Global Push Factors: China and US Influence on Asia-Pacific Financial Markets / BIS, June 2016. Mode of access: https://www.bofit.fi/globalassets/bofit/tutkimus/konferenssit-ja-tyopajat/2016/china2016/financial_spillover_jun2016_final.pdf

Li Keqiang. Report on the Work of the Government. 2018 / China.org.cn, March 2019. Mode of access: http://www.china.org.cn/china/NPC_CPPCC_2019/2019-03/16/content_74578930.htm

Mainland China-Hong Kong Bond Market Connect / Matthes Asia, March 2017. Mode of access: <https://us.matthewsasiasia.com/perspectives-on-asia/market-updates/matthews-asia-perspectives-view/article-1236/Mainland-China-Hong-Kong-Bond-Market-Connect.fs>

Study on the Implications of Financial Benchmark Reforms / EMEAP, September 2019, 31 p. Mode of access: <http://www.emcap.org/wp-content/uploads/2019/09/Study-on-the-Implications-of-Financial-Benchmark-Reforms.pdf>

The Asian Bond Markets Initiative Policy Maker Achievements and Challenges / Asian Development Bank, 2017. Mode of access: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/322536/asian-bond-markets-initiative.pdf>

The Future of China's Bond Market. Ed. By A. Schipke, M. Rodlauer, Z. Longmei / IMF, 2019, 438 p. Mode of access: https://www.elibrary.imf.org/doc/IMF071/25402-9781484372142/25402-9781484372142/Other_formats/Source_PDF/25402-9781484393147.pdf

Will China's Presence in Global Bond Markets Distinguish It from Fellow EMs? / Portfolio Adviser, July 3, 2019. Mode of access: <https://portfolio-adviser.com/will-chinas-presence-in-global-bond-markets-distinguish-it-from-fellow-ems/>

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10017

ASIAN BOND MARKET IN LOCAL CURRENCIES AND CHINA

Valentina V. Kuznesova

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 21.10.2019</p> <p><i>Received:</i> 10.02.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 05.03.2020</p>	<p>Abstract: The article discusses the process of implementing the efforts of the governments of ASEAN+3 member countries to develop a regional bond market. It is shown what initiatives and measures were put forward at different stages of promoting the Initiative for the Development of Asian Bond Markets in national currencies. The gradual and flexible approach allowed the participating countries to form flexible institutional foundations of the Initiative, allowing to take into account the different levels of financial development of the economies involved. The article shows the dual role of China in the development of the regional bond market in national currencies: as a center of attraction and as a competitor.</p>
<p>About the author: Candidate of History, Associate Professor, Department of World Economy and Foreign Economic Activity Management, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University</p> <p>e-mail: vkuz_55@mail.ru</p>	
<p>Key words: ASEAN+3; China; bond market; financial infrastructure; financial integration</p>	

Для цитирования: Кузнецова В.В. Азиатский рынок облигаций в национальных валютах и Китай // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 36-46.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10017

For citation: Kuznesova, Valentina V. Aziatskiy rynok obligatsiy v natsional'nykh valyutakh I Kitay (Asian Bond Market in Local Currencies and China) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 36-46.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10017

МЕЖДУ ПЕКИНОМ И ВАШИНГТОНОМ: ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ВЬЕТНАМСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Владимир Николаевич Колотов

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i> 21 октября 2019</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 15 февраля 2020</p> <p><i>Принята к печати:</i> 23 марта 2020</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена описанию основных параметров вьетнамско-китайских отношений на современном этапе. С одной стороны, экономические отношения между этими соседними странами динамично развиваются, а, с другой, территориальные споры в Южно-Китайском море привели Пекин и Ханой к балансированию на грани военных действий и активному поиску союзников. В настоящее время Пекин выигрывает в экономическом сотрудничестве с Ханоем, однако пока явно проигрывает Вашингтону политически в перетягивании Ханоя на свою сторону в текущем геополитическом раскладе. Вьетнам умело использует сложившуюся ситуацию в своих интересах, наращивая экономическое взаимодействие как с Пекином, так и Вашингтоном, для ускорения модернизации своей экономики.</p>
<p>Об авторе: д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока, Санкт-Петербургский государственный университет, директор Института Хо Ши Мина</p> <p>e-mail: v.kolotov@spbu.ru</p>	
<p>Ключевые слова: вьетнамско-китайские отношения; азиатский «дракон» пятого поколения; внутренняя и внешняя политика Вьетнама; геополитическая ситуация в Восточной Азии; восточноазиатский сегмент евразийской дуги нестабильности</p>	

Характеризуя параметры вьетнамско-китайских отношений на современном этапе, нельзя игнорировать исторический фон, который в данном регионе играет особую роль в экспертных кругах, общественном мнении и учитывается при принятии решений первыми лицами. Однако в настоящее время даже в реферируемых научных журналах распространяется странная информация про то, что политика Китая в регионе якобы принципиально отличается от европейской. Например, отмечается, что «в отличие от европейской практики торговая интеграция не сопровождалась колониальными захватами

и политическим доминированием»¹. В таком случае непонятно с кем воевали, кому и зачем платили дань вьетнамские династии большую часть своей истории, кто поддерживал полпотровский режим «красных кхмеров» в Камбодже и что делал в Социалисти-

¹ Ходова С.С. История развития взаимоотношений Китая и АСЕАН // Вестник Томского государственного университета. 2014. №388. С. 148-154. [Khodova, S.S. Istoriia razvitiia vzaimootnoshenii Kitaia i ASEAN (History of China-ASEAN Relations) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014, No. 388, pp. 148-154.]

ческой Республике Вьетнам (СРВ) генерал армии Г.И. Обатуров в качестве главного военного советника во время вьетнамско-китайской войны 1979 года. Объективный анализ отношений между этими соседними странами жизненно необходим, чтобы разобраться в действительно сложном и противоречивом материале.

С одной стороны, отношения между Ханоем и Пекином характеризуются очевидной асимметрией практически по всем основным показателям. Китай всегда был значительно больше, обладал более мощными ресурсами, населением, экономикой, армией, однако, даже несмотря на временные успехи в продвижении на юг, в итоге терпел поражения во Вьетнаме. За время долгой истории взаимоотношений с Китаем Вьетнам провел с великим северным соседом девять отечественных войн². Имея практически постоянную угрозу с северного направления, Вьетнам постепенно научился вести против столь сильного противника асимметричные войны, постепенно повышая цену экспансии на юг и делая ее неприемлемой.

За время своей истории эти страны в основном воевали либо друг с другом, либо против общего противника, как это было в конце XIX века, когда китайские войска плечом к плечу с вьетнамскими бились против французских колонизаторов, справедливо усматривая угрозу своим интересам в усилении европейского колониализма у южных границ Китая. Тогда колонизаторы оказались сильнее, а Вьетнам и Китай на долгие десятилетия были вынуждены считаться с унижениями и ограничением суверенитета.

В истории взаимоотношений этих стран в XX веке были также периоды дружбы и взаимопомощи в сложных обстоятельствах. В 1947 году, когда еще не было КНР, а провозглашенная в 1945

году Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ) еще не была никем признана, вьетнамские войска провели на юге Китая операцию «Десять тысяч великих гор»³, нанеся удар по тылам гоминьдановских сил⁴ и внося тем самым заметный вклад в победу КПК в гражданской войне. Не стоит забывать, что первой страной, которая признала (ДРВ) 27 января 1950 года, стала недавно образованная КНР.

Пекин оказывал существенную помощь ДРВ в период Первой и Второй индокитайских войн, когда Вьетнам боролся против французских и американских агрессоров. Однако при этом, помогая Вьетнаму бороться с французскими колонизаторами одной рукой, Пекин не забывал, используя сложное положение своего южного соседа, другой рукой осуществлять экспансию в южном направлении, постепенно устанавливая контроль над островами в Южно-Китайском море. Так, сначала в 1956 году был захвачен плацдарм в восточной части Парасельских островов, затем в 1974 году установлен контроль над их западной частью, а в 1980-х годах Пекин приступил к расширению своих владений на островах Спратли, что вызвало недовольство не только во Вьетнаме, но также и в других прибрежных странах ЮВА, которые считают эти острова своими.

В 60-х – 70-х годах XX века политические разногласия между крупнейшими социалистическими державами, а также неверно понятая в Пекине политика Москвы и Ханоя в ЮВА⁵, привели к усилению конфликтности на Индокитайском полуострове, что привело к установлению дружественного Пекину и враждебного Ханоем полпоттовского режима в Камбодже. В КНР считали, что этот «ход конем» создаст угрозу СРВ с юга и заставит изменить свою политику. Вскоре это привело к конфликтам между Пномпенем и Ханоем, а также ответной вьетнамской операции против режима «красных кхмеров», что в свою очередь сделало неизбежной 100 дневную приграничную войну 1979 года.

³ Вьетн. *Thập Vạn Đại Sơn*, кит. 十万大山.

⁴ *Sông Thành (Chủ biên). Hồ Chí Minh – Tiểu sử. – Hà Nội: NXB Lý luận chính trị, 2006, tr. 423.*

⁵ Ответственность за это лежит в равной степени на Москве и Пекине.

² Мурашева Г.Ф. Борьба вьетнамского народа против чужеземных поработителей с древнейших времен до середины XIX века // Вьетнам в борьбе. М.: Наука, 1981. С. 6. [Murasheva, G.F. Bor'ba v'etnamskogo naroda protiv chuzhezemnykh porabotitelei s drevneishikh vremen do serediny XIX veka (The Struggle of the Vietnamese People against Foreign Oppressors from Ancient Times to the Middle of the XIX Century) // V'etnam v bor'be. Moscow: Nauka, 1981. P. 6.]

Эти конфликты ослабляли позиции социалистических стран в Восточной Азии и позволили США с опорой на систему двусторонних альянсов в области обороны перегруппироваться после поражения во Вьетнаме и приступить к новому ранду геополитических игр. В Вашингтоне имели все основания считать, что поддерживаемая ими враждебность в стане геополитического противника будет его существенно ослаблять. Действительно, подобная линия во многом снизила геополитические последствия победы Вьетнама над США, но, очевидно, не нивелировала ее полностью.

Ханой, не смотря на сложные обстоятельства, выполнил свою историческую миссию — территория страны была объединена и СРВ приступила к строительству социализма, опираясь по помощь СССР. После объединения континентальной территории страны СРВ приступила к решению наиболее актуальных проблем безопасности на расположенных на востоке островных территориях (захват Пекином Парасельских островов в Южно-Китайском море), на западе (угрозы, провокации и нападения полпотовского режима), а также на севере (война с КНР в 1979 году).

Во время дезинтеграции СССР Вьетнам и Китай отложили накопившиеся обиды и разногласия и энергично приступили к восстановлению дипломатических отношений и полномасштабного экономического сотрудничества. Генетическое родство политических систем этих двух стран, где у власти находятся коммунистические партии, а марксизм-ленинизм является частью государственной идеологии, в настоящее время способствует поддержанию тесных отношений между правящими элитами. При этом не следует забывать, что идеология порой отступает на задний план, когда местные лидеры считают, что политика соседней страны создает угрозу национальным интересам и противоречия обостряются до применения вооруженных сил, что уже неоднократно случалось во второй половине XX века. В числе фундаментальных параметров этих двух режимов следует также отметить весьма высокий уровень

национализма, что периодически приводит к вооруженным столкновениям, которые наносят существенный ущерб обеим сторонам. Одновременно для повышения своего ресурса в изменяющейся геополитической ситуации происходит поиск региональных и глобальных союзников, которые используют ее для повышения своего влияния на региональные процессы, сталкивая местных игроков.

Текущее состояние вьетнамско-китайских отношений имеет важное влияние на направление развития геостратегической ситуации во всей Восточной Азии. Во многом это связано со стратегическим положением Вьетнама у южных пределов Китая на границе материковой и островной ЮВА.

В XX веке геополитическая роль Вьетнама неоднократно оказывала существенное влияние на конфигурацию южного фланга восточноазиатского сегмента евразийской дуги нестабильности или по выражению Збигнева Бжезинского «восточного стратегического фронта»⁶.

С середины XX века по настоящее время следует выделить основные этапы изменения конфигурации южного фланга восточноазиатского сегмента, в которых Вьетнам играл важную роль и которые оказывали значимое влияние на расстановку сил в регионе. Практически каждое изменение происходило при использовании вооруженных сил с опорой на региональные и внерегиональные ресурсы (см. Таб. 1).

⁶ Brzezinski, Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997. P. 7.

Вьетнам и основные этапы изменения конфигурации южного фланга восточноазиатского сегмента евразийской дуги нестабильности

Год	Этап	Оценка Ханоем позиции Пекина	Изменение конфигурации на южном фланге восточно-азиатского сегмента
1945	Провозглашение ДРВ, которая находилась в процессе осударственного строительства, вела военные действия против французского кспедиционного корпуса и до 1950 года не имела еждународного признания	КПК считалась союзником, Гоминьдан - противником	Отдельные очаги сопротивления на территории Вьетнама и Китая
1947	Участие Вьетнамской народной армии в нанесении удара по тылам вооруженных сил Гоминьдана на юге Китая	Союзник Вьетнама	Расширение движения сопротивления в Китае и во Вьетнаме в связи с поддержкой СССР
1950	Дипломатическое признание ДРВ со стороны КНР и СССР в январе существенно укрепило политический статус страны	Союзник Вьетнама	Усиление сил сопротивления в Северном Вьетнаме вдоль границы с КНР
1954	Победа в битве при Дьенбьенфу, заключение Женевских соглашений по Индокитаю, раздел страны по 17-й параллели	Союзник (помощь в борьбе против французских олонизаторов)	От 17-й параллели, которая разделяет, территорию Вьетнама сегмент идет на север через разделенный Китай, разделенную Корею и проходит южнее Курильских островов
1956		Союзник/противник Вьетнама (захват восточной части Парасельских островов)	От 17-й параллели сегмент в северо-восточном направлении рассекает Парасельские острова на две части, которые находятся под новьетнамским (западная) и китайским (восточная) контролем
1965	Начало Второй индокитайской войны с США	Союзник Вьетнама	Усиление связей между Пекином и Ханоем позволяет удерживать сегмент у 17-й параллели несмотря на истематические бомбардировки США территории ДРВ
1974 - 19775	Поражение США и объединение Северного и Южного Вьетнама, что существенно повысило международный авторитет объединенного Вьетнама, который в следующем году провозгласил СРВ	Союзник (помощь в борьбе против американских агрессоров) / противник Вьетнама (захват западной части Парасельских островов)	В северной части ЮКМ сегмент смещается в направлении ДРВ поскольку Парасельские острова полностью переходят под контроль Пекина, а в южной части ЮКМ сегмент проходит над островами Спратли, контроль над которыми после поражения Республики Вьетнам переходит к ДРВ
1975	Активное участие Пекина в перевороте в Камбодже, в результате которого к власти пришли прокитайская группировка Пол Пота-Иенг Сари, которая при содействии китайских военных советников приступила к вооруженным провокациям на юго-западных рубежах Вьетнама	Противник Вьетнама (создание угрозы с югозападного направления и поддержка полпотовцев)	На Индокитайском п-ве появляется подконтрольный Пекину и враждебный СРВ режим

Год	Этап	Оценка Ханоем позиции Пекина	Изменение конфигурации на южном фланге восточно-азиатского сегмента
1978	Оказание международной помощи камбоджийскому народу и ввод вьетнамских войск на территорию Камбоджи	Противник Вьетнама (угрозы из Пекина преподать урок)	Континентальный сегмент на юго-западе смещается к Таиланду, а также на север в направлении вьетнамско-китайской и лаосско-китайской границы
1979	Вьетнамско-китайская война	Противник Вьетнама (открытые военные действия вдоль всей границы между СРВ и КНР)	Сегмент проходит по вьетнамско-китайской границе и северным пограничным провинциям Вьетнама
1988	Вооруженный захват группы островов Спратли в ЮКМ	Противник Вьетнама (военные действия на островах Спратли)	Сегмент в южной части ЮКМ пересекает острова Спратли на несколько зон под контролем КНР, СРВ, Малайзии, Филиппин и Брунея
1989	Начало вывода вьетнамских войск из Камбоджи и начало политического урегулирования под эгидой ООН	Нейтральная позиция	Камбоджа перестает быть очагом напряженности. Нормализация сегмента на вьетнамско-китайской границе.
1991	Восстановление дипломатических отношений и экономического сотрудничества	Отношения сложные, но бурно развивающиеся. С одной стороны Пекин основной экономический партнер, а с другой стороны, рассматривается в Ханое как противник, захвативший исконно вьетнамские острова в ЮКМ.	Конфигурация сегмент в ЮКМ море показывает фактический контроль Пекина над Парасельскими островами, а также зоны, находящиеся под контролем прибрежных стран. Самое важное изменение – все более жесткое выдавливание Вьетнама на континенте по южную сторону восточноазиатского сегмента из-за территориальных споров в ЮКМ
1997	Провоцирование Западом азиатского финансового кризиса в Восточной Азии и значительная поддержка Пекином стран ЮВА	Союзник Вьетнама в условиях провоцирования финансового кризиса, которые имел потенциал перерастания в экономический и политический с угрозой смены режима	Потепление отношений способствовало снижению напряженности
2010	Создание зоны свободной торговли КНР-АСЕАН	Союзник Вьетнама	Усиление экономических и политических позиций Пекина в ЮВА, что привело к торпедированию принятия деклараций АСЕАН по ситуации в ЮКМ
Настоящее время	Продолжение экспансии Пекина в ЮКМ со строительством искусственных островов и размещением на них элементов военной инфраструктуры	Противник Вьетнама, что привело к усилению связей Ханоя с Вашингтоном в области обороны и безопасности, а также в области экономики	Выдавливание Вьетнама в область большего влияния США и смещение сегмента к континентальной границе между Вьетнамом и Китаем.

Table 1. Vietnam and the Main Stages of Changing the Configuration of the Southern Flank of the East Asian Segment of the Eurasian Arc of Instability

Распад СССР, а также события на площади Тяньаньмэнь, обострили чувство самосохранения в Пекине и Ханое, что уже в 1991 году привело к полноформатному восстановлению политических и экономических отношений между соседними странами. С этого времени торговые отношения динамично развиваются и Ханой внимательно следит за ходом успешных экономических реформ в соседней стране, во многом рассматривая их в качестве своеобразной модели, что не мешает внимательно

наблюдать за реформами и в других странах, например, РФ, и анализировать «плюсы» и «минусы» каждого партнера. С начала 1990-х годов между Китаем и Вьетнамом не было военных столкновений, хотя были моменты, когда ситуация была на грани применения вооруженных сил, но с каждой стороны находились ответственные силы, способные охладить горячие головы. Единственным серьезным раздражителем вьетнамско-китайских отношений на современном этапе является ситуа-

ция в Южно-Китайском море, которую спровоцировала китайская политика установления единоличного контроля в соответствии с так называемой «девяти-пунктирной линией», которую во Вьетнаме остроумно прозвали «бычьим языком» (см. Рис. 1).

Рисунок 1

Карикатура Ха Хуи Тьонга «Бычья надежда», в которой высмеиваются геополитические грезы Китая в ЮКМ

Рис. 1. Ha Hui Tyong's Caricature of "Bull Hope," which Ridicules China's Geopolitical Dreams in the UKM

После не доведенного до логического конца азиатского финансового кризиса в конце 1990-х годов в регионе существенно усилилось влияние Китая, который рассматривался как защитник от американского давления, что привело к созданию зоны свободной торговли Китай-АСЕАН в 2010 году и еще большему увеличению товарооборота со странами региона. США с начала нулевых годов все больше втягивались в конфликты на Ближнем Востоке и до поры до времени не обращали внимания на политику Китая в ЮВА. Только в октябре 2011 года госсекретарь США Хиллари Клинтон озвучила новый курс, который предусматривал «возвращение в Азию» (*Pivot to Asia*). К этому времени усиление китайской экспансии в ЮКМ уже изрядно обеспокоило прибрежные страны ЮВА, которые стали видеть в Вашингтоне защитника от чрезмерно усилившегося Пекина. Особые надежды на Вашингтон в данном контексте возлагали и в Ханое. Азиатские стратегии США и КНР столкнулись в Восточной Азии, что привело к жесткой борьбе за усиление своего влияния в данном регионе.

Текущее состояние вьетнамско-китайских отношений имеет важное влияние на

актуальное состояние и возможные направления развития геостратегической ситуации во всей Восточной Азии. Во многом это связано со стратегическим положением Вьетнама у южных пределов Китая на границе материковой и островной ЮВА. Китайская политика установления единоличного контроля над всем Южно-Китайским морем еще более усиливает позиции Вьетнама в расчетах геополитических соперников КНР в данном регионе, которые стремятся перетянуть Вьетнам на свою сторону в грядущем геополитическом противостоянии с Китаем.

На современном этапе геополитика вьетнамско-китайских отношений строится на умелом политическом балансировании между основными центрами силы при одновременном наращивании экономических связей там, где это возможно, невзирая на наличие политических противоречий с США (права человека, свобода вероисповедания) и КНР (территориальные споры в ЮКМ). Рецепт стабильности ситуации во Вьетнаме строится на трезвом учете своего и зарубежного опыта реформ. Внутренняя стабильность обеспечивается сохранением собственных политических структур, что позволяет привлекать зарубежные инвестиции и развивать ориентированную на экспорт экономику. Эта модель модернизации выводит Вьетнам в пятое поколение «азиатских тигров». СРВ пользуется авторитетом в мире и постепенно укрепляет свои позиции. В 2020 году Вьетнам одновременно председательствует в АСЕАН и является непостоянным членом СБ ООН. Как отмечает авторитетный вьетнамовед Г.М. Локшин: «7 июня Генеральная Ассамблея ООН почти единодушно избрала Социалистическую Республику Вьетнам непостоянным членом Совета Безопасности на 2020-2021 годы. В него входят всего 15 государств, из которых пять великих держав являются постоянными членами и имеют право вето, а 10 остальных избираются от основных регионов мира на два года ... 192 страны из 193 членов ООН проголосовали за Вьетнам. Это был рекордный результат за всю историю ООН»⁷.

⁷ Локшин Г.М. Чем Ханой заслужил международный авторитет [Lokshin, G.M. Чем Ханой заслужил международный авторитет (How Hanoi Has Earned International Authority)]. Пе-

Очевидно, что политика жесткого и длительного отстаивания своих интересов привела к созданию условий (победа в Индокитайских войнах, объединение национальной территории, обеспечение политической стабильности) для проведения модернизации экономики, которая успешно происходит в современном Вьетнаме. Жесткое отстаивание своих интересов в прошлом и настоящем создает прочную репутацию в мире. Проявляться это может, в том числе и в весьма неожиданных обстоятельствах.

Вьетнамские спецслужбы, также как секретные подразделения некоторых других стран, традиционно проводят тайные операции за рубежом. Одна из таких оперативных комбинаций получила огласку в 2017 году, когда, по сообщениям Берлина, вьетнамская разведка нелегально вывезла из ФРГ скрывавшегося там Чинь Суан Тхяня – экономическое преступника, похитившего \$148 млн долл., которого немцы пытались выдать за «политического беженца». Несмотря на разразившуюся через пару дней истерику Берлина и угрозы применить санкции, высокий авторитет Вьетнама позволил спустить эту историю «на тормозах» и осудить в Ханое возвращенного в страну проворовавшегося «эффективного менеджера». Вскоре это привело к тому, что находящиеся в бегах другие «эффективные менеджеры» из других стран были без проволочек переданы вьетнамским властям во избежание нежелательных эксцессов.

США и КНР имеют четкую стратегию в отношении Вьетнама и АСЕАН, а также ресурсы для ее реализации. Хотя, иногда ее результаты далеки от ожидаемых. Так, Пекин, практически выдавив Вьетнам по южную сторону восточноазиатского сегмента евразийской дуги нестабильности, добился обратного, усиления влияния США у своих южных рубежей. С другой стороны, попытки создания антикитайской коалиции или санитарного кордона вокруг КНР из стран АСЕАН также пока имеют весьма призрачные очертания.

Понимая опасность чрезмерного сближения с Пекином и Вашингтоном, Ханой стремится диверсифицировать международные связи и развивает отношения с РФ и другими

странами, однако на российском направлении дела идут сложно, во многом по причине экономической нестабильности и низкого уровня эффективности управления. Последние годы товарооборот Вьетнама с США и КНР существенно превышает аналогичные показатели РФ (см. Диаграмму 1). В данном случае, конечно, нельзя говорить о линейной зависимости политического влияния от товарооборота, но для Москвы это очень тревожная тенденция и пока не заметно никаких шагов, которые могли бы изменить ситуацию.

Диаграмма 1

Сравнение товарооборота СРВ с США, КНР и РФ (млрд долл.) с 2010 по 2019 годы⁸

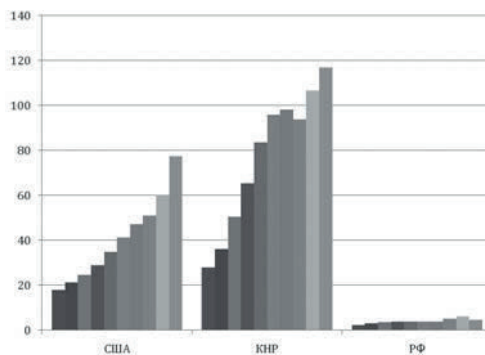

Diagram 1: Comparison of the Vietnam Trade Turnover with the USA, China and the Russian Federation (billion dollars) from 2010 to 2019

⁸ Динамика торговли России с Вьетнамом за период с 2010-2017 годы по товарообороту, экспорту, импорту, доле в общей торговле и структуре [Dynamics of trade between Russia and Vietnam for the period from 2010-2017 in terms of trade, export, import, share in total trade and structure]. Режим доступа: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-03/dinamika-torgovli-rossii-s-vetnamom-v-2010-2017-godah/>; Highlights of Trade between Vietnam and the United States during 2010-2018 and January of 2019. Mode of access: <https://www.customs.gov.vn/Lists/EnglishNews/ViewDetails.aspx?ID=677&Category=News%20and%20Events&language=en-US>; Vietnam. Mode of access: <https://www.ustradenumbers.com/country/vietnam/> <https://www.ustradenumbers.com/country/vietnam/>; China-Vietnam Trade (2012-16). Mode of access: <http://www.globaltimes.cn/content/1074410.shtml>; Vietnam Trade Summary 2010. Mode of access: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/VNM/Year/2010/Summarytext>

жим доступа: http://nvo.ng.ru/ideas/2019-06-10/5_7595_vietnam.html

Многолетний высокий рост ВВП и развитие собственного экономического потенциала постепенно привели к тому, что в 2019 году внешнеторговый оборот Вьетнама впервые превысил 517 млрд долл.⁹ (для сравнения аналогичный показатель РФ в 2019 составил 666 млрд долл.¹⁰). Основные торговые партнеры Вьетнама: КНР (116,8 млрд долл.), США (75 млрд долл.), АСЕАН (57,4 млрд долл.), ЕС (56,5 млрд долл.) и Япония (39,9 млрд долл.). РФ уже много лет не входит даже в десятку основных экономических партнеров, постепенно сдавая свои позиции и влияние на региональные процессы в этом динамично развивающемся регионе мира, несмотря на поставленную задачу увеличения товарооборота. При этом стоит отметить явное несоответствие между формой и содержанием отношений всеобъемлющего стратегического партнерства, установленных в 2012 году. Данные из Диаграммы 1 свидетельствуют, что в целом удачную форму пока не удалось наполнить адекватным экономическим содержанием.

Более детальные данные по экспорту и импорту показывают, что профицит Вьетнама по экспорту в США (46,4 млрд долл.) позволяет компенсировать дефицит по экспорту КНР (33,8 млрд долл.), что в известном смысле уравнивает экономические отношения между двумя крупнейшими партнерами. Однако следует помнить, что США не только имеют весьма жесткие рычаги влияния на страны, имеющие профицит в торговых отношениях с США, но и умело используют их, порой выдвигая не только экономические, но и политические требования, что недавно было продемонстрировано Дональдом Трампом в ситуации с Китаем.

⁹ Linh Chi. Thương mại Việt Nam lần đầu vượt ngưỡng 500 tỉ USD. Mode of access: <https://forbesvietnam.com.vn/tin-cap-nhat/thuong-mai-viet-nam-lan-dau-vuot-nguong-500-ti-usd-8679.html>

¹⁰ Отчёт о внешней торговле России в 2019 году: товарооборот, экспорт, импорт, торговые партнёры, структура, товары, динамика [Report on Russia's foreign trade in 2019: trade, exports, imports, trading partners, structure, goods, dynamics]. Режим доступа: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-2019-godu/>

Диаграмма 2

Показатели экспорта и импорта Вьетнама с пятью основными торговыми партнерами в 2019 году¹¹

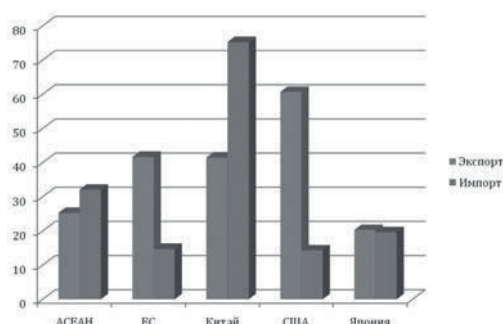

Diagram 2. Vietnam's Exports and Imports with Five Major Trading Partners in 2019

Вьетнам в период американско-китайских торговых войн получает существенные выгоды от перевода производства из КНР во Вьетнам, что позволяет в перспективе еще больше нарастить свой экономический потенциал и укрепить связи с основными индустриальными центрами мира, а также азиатскими «драконами» более старших поколений, пример которых творчески используется для развития многоукладной экономики.

В настоящее время Вьетнам демонстрирует собственную версию быстрого экономического развития и превращения в азиатского «дракона» пятого поколения, на основе стабильной политической системы, а также использования разных, но успешно применяемых возможностей. Очевидно, что длительный период защиты национального суверенитета во время Индокитайских войн против Франции и США, американская стратегия «выбомбить Вьетнам в каменный век», также как и последующая политика торгово-экономического эмбарго, которая продолжалась с 1975 по 1995 год, во многом способствовали отставанию в экономическом развитии от стран, которые не были затронуты военными действиями. Однако по сравнению с азиатскими «дра-

¹¹ Linh Chi. Thương mại Việt Nam lần đầu vượt ngưỡng 500 tỉ USD: Linh Chi. Thương mại Việt Nam lần đầu vượt ngưỡng 500 tỉ USD. Mode of access: <https://forbesvietnam.com.vn/tin-cap-nhat/thuong-mai-viet-nam-lan-dau-vuot-nguong-500-ti-usd-8679.html>

конами» более ранних поколений Вьетнам имеет ряд существенных преимуществ: подлинный суверенитет и независимость, высокий политический авторитет на международной арене, сильные, по региональным меркам, вооруженные силы, отсутствие иностранных военных баз на своей территории, трудолюбивое население численностью в 100 млн чел. В период бескомпромиссной борьбы за независимость и объединение страны была создана прочная основа для последующего развития, которое мы наблюдаем в течение последних трех десятилетий при среднегодовых темпах роста ВВП в 7%. При благоприятных внешних и внутренних условиях эти преимущества могут быть грамотно использованы для повышения геополитического статуса Вьетнама в регионе и в мире. Последние декады показали впечатляющий экономический рост и высокий уровень политического руководства, которое смогло добиться повышения своего статуса, при этом не прогибаясь под США и не сдавая национальных приоритетов.

Таким образом, можно заключить, что вьетнамская версия самостоятельного развития выстроена на основе успешно применяемых возможностей на основных направлениях политического и экономического взаимодействия с ведущими державами, несмотря на наличие серьезных политических противоречий и даже территориальных споров. Вьетнам умело использует сложившуюся ситуацию в своих интересах, наращивая экономическое взаимодействие как с Пекином, так и Вашингтоном, для ускорения модернизации своей экономики.

Подводя итоги, следует отметить, что в настоящее время Пекин пока выигрывает в экономическом сотрудничестве с Ханоем, однако явно проигрывает Вашингтону политически в перетягивании Ханоя на свою сторону в текущем геополитическом раскладе. Политика экспансии в южном направлении уже вызвала в регионе все более усиливающуюся гонку вооружений, которая грамотно используется внешними игроками для ограничения роста зарвавшихся с их точки зрения геополитических конкурентов.

Литература:

Мурашева Г.Ф. Борьба вьетнамского народа против чужеземных поработителей с древнейших времен до середины XIX века // Вьетнам в борьбе. М.: Наука, 1981.

Ходова С.С. История развития взаимоотношений Китая и АСЕАН // Вестник Томского государственного университета. 2014. №388. С. 148-154.

Brzezinski, Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997.

Linh Chi. Thương mại Việt Nam lần đầu vượt ngưỡng 500 tỉ USD. Mode of access: <https://forbesvietnam.com.vn/tin-cap-nhat/thuong-mai-viet-nam-lan-dau-vuot-nguong-500-ti-usd-8679.html>

Song Thành (Chủ biên). Hồ Chí Minh – Tiểu sử. – Hà Nội: NXB Lý luận chính trị, 2006.

References:

Brzezinski, Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997.

Khodova, S.S. Istoriiia razvitiia vzaimootnoshenii Kitaia i ASEAN (History of China-ASEAN Relations) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, No. 388, pp. 148-154.

Linh Chi. Thương mại Việt Nam lần đầu vượt ngưỡng 500 tỉ USD. Mode of access: <https://forbesvietnam.com.vn/tin-cap-nhat/thuong-mai-viet-nam-lan-dau-vuot-nguong-500-ti-usd-8679.html>

Murasheva, G.F. Bor'ba v'etnamskogo naroda protiv chuzhezemnykh porabotitelei s drevneishikh vremen do serediny XIX veka (The Struggle of the Vietnamese People against Foreign Oppressors from Ancient Times to the Middle of the XIX Century) // *V'etnam v bor'be*. Moscow: Nauka, 1981.

Song Thành (Chủ biên). Hồ Chí Minh – Tiểu sử. – Hà Nội: NXB Lý luận chính trị, 2006.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10018

BETWEEN BEIJING AND WASHINGTON: THE MAIN POLITICAL AND ECONOMIC PARAMETERS OF VIETNAM-CHINA RELATIONS AT THE PRESENT STAGE

Vladimir N. Kolotov

*St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 21.10.2019</p> <p><i>Received:</i> 15.02.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 23.03.2020</p>	<p>Abstract:The article describes the main parameters of Vietnam-China relations at the present stage. On the one hand, economic relations between these neighboring countries are developing dynamically, and, on the other, territorial disputes in the South China Sea have led Beijing and Hanoi to balancing on the brink of hostilities and to actively seeking allies. Currently, Beijing is winning economic cooperation with Hanoi, but so far it is clearly politically losing to Washington in pulling Hanoi to its side in the current geopolitical situation. Vietnam skillfully uses the current situation in its interests, increasing economic cooperation with both Beijing and Washington, to accelerate the modernization of its economy.</p>
<p>About the author: Dr. of History, Professor, Head of Far East History Department, St. Petersburg State University; Director, The Ho Chi Minh Institute</p> <p>e-mail: v.kolotov@spbu.ru</p>	
<p>Key words: Vietnam-China relations; Asian “dragon” of fifth-generation; Vietnam’s domestic and foreign policy; East Asia geopolitical situation; East Asian segment of the Eurasian arc of instability</p>	

Для цитирования: Колотов В.Н. Между Пекином и Вашингтоном: основные политические и экономические параметры вьетнамско-китайских отношений на современном этапе // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 47-56.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10018

For citation: Kolotov, Vladimir N. Mezhdru Pekinom i Vashingtonom: osnovnyye politicheskiye i ekonomicheskiye parametry v’yetnamsko-kitayskikh otnosheniy na sovremennom etape (Between Beijing and Washington: The Main Political and Economic Parameters of Vietnam-China Relations at the Present Stage) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 47-56.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10018

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР В ИНДИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Эллина Петровна Шавлай

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия

<p>Информация о статье: Заявлено к публикации: 21 октября 2019 Поступила в редакцию: 2 февраля 2020 Принята к печати: 13 марта 2020</p>	<p>Аннотация: Отношения с КНР как у Индии, так и у Соединенных Штатов Америки довольно непростые. Основой индийско-китайского диалога можно считать исторический фундамент, заложенный войной 1962 года, после которой отношения двух азиатских гигантов стали характеризоваться охлаждением друг к другу и взаимным недоверием. Несмотря на то, что конец XX века ознаменовался началом налаживания двустороннего взаимодействия, сотрудничество между Дели и Пекином всё ещё не соответствует их потенциалу. Что касается отношений США и Китая, то на современном этапе оно всё чаще именуется соперничеством двух сверхдержав – устоявшейся, но теряющей свои позиции, и потенциальной. Разногласия Китая и США находятся в рамках передела сфер влияния и вопросов региональной безопасности, так как КНР расшатывает устоявшийся баланс сил, нарушая статус-кво между сторонами, тем самым создавая угрозу американским интересам как в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), так и в глобальном масштабе. Индийско-американские отношения в ретроспективе развивались достаточно неравномерно: США отдавали предпочтение Пакистану, в то время как Индии отводилась второстепенная роль, хотя бывали и периоды активного диалога. Тогда выбор Вашингтона был обусловлен противостоянием с СССР и непосредственным образом сказался на сотрудничестве с Дели. Однако в последние годы американский истеблишмент стал обращать всё больше внимания на Азиатско-Тихоокеанский регион, что связано с подъёмом Китая и его превращением в основного геополитического соперника США в мире. На этом фоне возросла роль Индии как второй ключевой державы в регионе, который в американской внешней политике получил новое звучание, трансформировавшись в Индийско-Тихоокеанский (ИТР). Новые геополитические реалии и предопределяют актуальность данного исследования, направленного на анализ влияния китайского фактора на взаимодействие Индии и США.</p> <p><i>Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (номер договора о выделении гранта 14.461.31.0002).</i></p>
<p>Об авторе: аналитик, лаборатория анализа международных процессов; преподаватель, кафедра английского языка №1; аспирант кафедры востоковедения, МГИМО МИД России e-mail: shavlaj.e.p@my.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Индия; США; китайский фактор; геополитика; Индо-Тихоокеанский регион; региональные державы; Азия</p>	

Объектом исследования выступают индийско-американские отношения на современном этапе, в то время как предметом является воздействие подъёма КНР на диалог Дели и Вашингтона. Иными словами, автор стремится ответить на вопрос о том, как подъём Китая отразился на индийско-американском сотрудничестве. *Гипотеза* исследования состоит в том, что именно рост Китая повысил значимость Индии в глазах Белого дома и в то же время создал предпо-

сылки для сближения Индии с лидером западного мира.

Эволюция индийской стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе

Индия, претендующая на статус как региональной, так и великой державы, не могла обойти стороной столь значимый регион как Восточная Азия. Интерес к нему возник уже в 1990-х годах, поскольку до

этого индийское руководство было занято более актуальными вопросами внешней и внутренней политики: Юго-Восточная Азия вплоть до 1970-х годов была экономически не привлекательной, а страны Северо-Восточной Азии были поделены между двумя блоками (Япония, РК – западный; КНР, КНДР и Монголия – социалистический), что противоречило индийской стратегии неприсоединения¹. По сути, именно с конца XX века, когда начинается трансформация всего миропорядка, и Индия, и страны Большой Восточной Азии стали обращать друг на друга внимание, осознавая необходимость создания региональных союзов и повышения своего влияния на мировой арене. Как раз с такими целями в 1992 году и была провозглашена политика «Смотри на Восток».

Премьер-министр П.В. Нарасимха Рао, столкнувшись с крайне тяжелым экономическим кризисом и сложной политической ситуацией (усугубившихся на фоне войны в Персидском заливе), геополитическим вакуумом из-за распада СССР и биполярной системы, а вместе с ними и активизацией КНР в Азии, был вынужден искать альтернативных экономических партнеров и определять свои позиции в мире². При этом динамично развивавшаяся Юго-Восточная Азия виделась наиболее выгодной перспективой, с которой и начался, своего рода, индийский «поворот» на Восток³. С 2003 года в концепции появляются Австралия и государства Северо-Восточной Азии, в результате которой формируется понятие «Большая Восточная Азия», в которую в определенном контексте иногда включаются и США⁴.

¹ Strachen, A.L.; Kang, H.K.; Sinha, T. India's Look East Policy: A Critical Assessment – Interview with Amb. Rajiv Sikri, p. 3. // Southeast Asia Research Programme – 10.2009 – Mode of access: http://www.ipcs.org/pdf_file/issue/SR85-SEARPInterview-Sikri1.pdf

² Rajendram, D. India's new Asia-Pacific strategy: Modi acts East, pp. 2-3 / Lowy Institute Analyses, 18.12.2014. Mode of access: <http://www.lowyinstitute.org/files/indias-new-asia-pacific-strategy-modi-acts-east.pdf>

³ Ibid. P. 3.

⁴ Лунёв С.И. Значение Большой Восточной Азии для укрепления позиций России / Высшая школа экономики: интернет-сайт. Режим

С 2014 года, однако, индийское правительство стало руководствоваться провозглашенной премьер-министром Нарендрой Модии и заменившей пассивную концепцию «Смотри на Восток» политикой «Действуй на Востоке»⁵. Стоит заметить, что и понятие «соседства» расширилось и теперь стало включать не только Южную, но и Юго-Восточную и Северо-Восточную Азию⁶. В соответствии с новой стратегией индийцы стремятся достичь двух основных целей – повысить уровень безопасности вокруг границ Индии и укрепить экономические связи со своими соседями. Впрочем, ещё одной причиной продвижения индийских позиций в приграничных странах является усиление Китая и его растущее присутствие в регионе. Довольно агрессивная политика КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) делает Индию привлекательным противовесом в глазах его конкурентов и более слабых государств⁷.

Новые геополитические тенденции вкупе с возросшим влиянием и амбициями Индии привела к укрупнению Азиатско-Тихоокеанского региона, который в индийском дискурсе теперь именуется не иначе

доступа:

⁵ Kugelman, M. India Acts East / Foreign Policy. Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2016/05/17/india-acts-east/>

⁶ Palit, A. Economics in Modi's Foreign Policy / IFRI, p. 13. // Mode of access: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/asienvisions77_0.pdf

⁷ Rajendram, D. India's New Asia-Pacific Strategy: Modi acts East. P. 3, 11. Mode of access: <http://www.lowyinstitute.org/files/indias-new-asia-pacific-strategy-modi-acts-east.pdf>

как «Индо-Пацифика»⁸. С недавних пор Индия стала считать себя не только континентальной, но и военно-морской державой, и вполне естественно стала делать ставку на военно-морские державы региона, среди которых Япония и Австралия, как одни из сильнейших в этом отношении, играют решающую роль⁹. Неудивительно, что так называемые «морские демократии» возобновили взаимодействие в рамках *Quad*, направленного на укрепление безопасности на морских путях, которые становятся всё более значимыми¹⁰. Что касается концепции ИТР, то её представил сам премьер-министр Индии Нарендра Моди на азиатском саммите по безопасности «Шангри-Ла» в июне 2018 года, где в качестве основных причин нового «конструкта» он выделил развитие торговли, растущий спрос на энергоносители и совместное укрепление безопасности¹¹. При этом индийцы выразили готовность сотрудничать с Китаем в продвижении нового концепта, который, по сути, расширяет устоявшийся АТР посредством включения стран Индийского океана, хотя нельзя не отметить, что новый макрорегион способствует некому балансированию КНР, так как выводит на авансцену весьма сильного актора – Индию.

⁸ Об Индо-Пацифике из первых уст: министр иностранных дел Индии выступил в клубе «Валдай» (Firsthand about the Indo-Pacific: Indian Foreign Minister speaks at Valdai Club) / Клуб «Валдай», 08.2019 Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/ministrinostrannykh-del-indii-v-klube-valdai/>

⁹ Indian Maritime Doctrine / Indian Navy, Ministry of Defence, Government of India, 02.2016. Mode of access: <http://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian-Maritime-Doctrine-2009-Updated-12Feb16.pdf>

¹⁰ Panda, A. US, India, Australia, Japan 'Quad' Holds Senior Officials Meeting in Bangkok // *The Diplomat*, 11.2019. Mode of access: <https://thediplomat.com/2019/11/us-india-australia-japan-quad-holds-senior-officials-meeting-in-bangkok/>

¹¹ Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue (June 01, 2018) / Ministry of External Affairs, Government of India, 06.2018. Mode of access: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018>

Американское видение региона и его соотношение с индийскими интересами в Индо-Пацифике

Исторический опыт, накопленный в двусторонних отношениях Индией и США, создает прочную институциональную базу для их дальнейшего развития, однако содержит в себе глубинные противоречия, вызванные геополитическими, экономическими и культурными различиями двух стран. Исторически индийско-американские отношения развивались скачкообразно, но никогда не были слишком теплыми, поскольку позиции двух стран, как правило, кардинально отличались, особенно в вопросах политической повестки дня. Однако 1980-е гг. принесли некоторые положительные сдвиги в динамике взаимодействия США и Индии, ввиду смены индийского высшего политического руководства, настроенного на укрепление дружеских связей с лидером капиталистического мира, и активизацией научно-технического сотрудничества двух государств. Начиная же с середины 1990-х годов, на фоне распада СССР Дели и Вашингтон стали искать новые механизмы взаимодействия. Окончание холодной войны, в целом, оказало благоприятное воздействие на индийско-американское сотрудничество, так как именно Советский Союз в глазах Вашингтона представлял собой главную угрозу и главного соперника за влияние в регионе, в то время как Дели пришлось искать альтернативу ослабленной России, что и было сделано путем налаживания диалога с Белым Домом. Став единственной супердержавой, несмотря на ряд первоначальных разногласий по вопросам соблюдения Индией прав человека, Кашмирскому вопросу и нераспространению ядерного оружия, а также на продолжающиеся разные представления о миропорядке, Вашингтон осознал важность и необходимость налаживания диалога с Дели, основываясь на общих ценностях и взглядах и вынося разногласия за скобки, при этом отдавая предпочтение торгово-экономическим отношениям¹².

¹² Dutt, V.P. India's Foreign Policy In A Changing World, 2004. / Vikas Publishing House – Delhi, p. 59-61. Mode of access: <https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.131152/2015.131152.India-Foreign-Policy-In-A-Changing-World#page/n63/mode/2up>

И сегодня этот позитивный тренд продолжается, независимо от того, кто становится президентом США.

Что касается более широкого азиатского контекста, то в соответствии с тенденцией активизации либо пассивности американской стороны в Азии условно выделяют два периода: с конца 1990-х до середины 2000-х – время, когда США не считали АТР своим «отдельным» внешнеполитическим приоритетом, и с прихода в 2008 году администрации Обамы по настоящий день, когда Азиатско-Тихоокеанский регион приобрел высокую ценность для Соединенных Штатов¹³. Смещение фокуса внимания на Азию (“*Pivot to Asia*”) обусловлено изменением геополитических реалий – возвышением и укреплением региональных акторов, но главным образом – значительным усилением Китая, который стал более активно (если не сказать агрессивно) отстаивать свои интересы в Азии, формируя собственный региональный уклад, противоречащий американским планам. С целью сдерживания Китая ещё несколько лет назад Соединённые Штаты озвучили намерение о размещении до 60% своих ВМС в АТР, особенно хорошо вписывающееся в их стремление усилить позиции в регионе. Заметим, что в качественном соотношении китайские ВМС не идут ни в какое сравнение с американскими – последние имеют гораздо более высокий инновационный уровень, а потому Пекину есть чего опасаться¹⁴. Учитывая, что в новой стратегии «Доклад по Индо-Тихоокеанской стратегии» (*Indo-Pacific Strategy Report*) Ва-

шингтон характеризует Пекин как «ревизионистскую державу», которая использует инструменты принуждения для реализации своих национальных интересов и нарушает нормы международного права, значимость Азии для американцев не только не снижается, но и возрастает¹⁵. На этом фоне вполне закономерным является активное продвижение Вашингтоном нового геополитического конструкта – Индо-Тихоокеанского региона, хотя американское наполнение этого термина отличается от индийского и действительно носит антикитайский характер. По сути дела, именно продвижение идеи ИТР американцами и отталкивает Китай (и, кстати сказать, Россию) от принятия этой концепции в свой внешнеполитический дискурс, поскольку он усматривает в этом, и не без оснований, формирование враждебной ему системы альянсов под руководством США. С одной стороны, индийцы признательны Вашингтону за подчёркивание их возросшей роли в регионе посредством переименования АТР в ИТР, но не одобряют его попытки вовлечь Индию в рамки своей орбиты. И хотя в балансировании КНР крайне заинтересован и Дели, он не стремится провоцировать своего северного соседа, предпочитая действовать согласно условной стратегии неприсоединения 2.0¹⁶, отстаивая принципы многовекторности (*multi-alignment*)¹⁷, а не блоковости – то, что новый министр иностранных дел Индии Субраманьям Джайшанкар назвал «системой конвергенций», при которой «страны объединяют усилия ради решения общих задач, не вступая в формальные союзы»¹⁸.

¹³ Kanaev, E.A. China's and the US' Approaches to the South China Sea Issue: Changing Patterns and Strategic Implications / in: Security and Cooperation in the South China Sea. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2014. P. 203.

¹⁴ Мосяков Д. На грани фола: политика Китая в Южно-Китайском море // Индекс безопасности. 2013. № 4. С. 65. [Mosyakov, D. Na grani fola: politika Kitaya v Yuzhno-Kitayskom more (On the Verge of a Foul: China's Policy in the South China Sea) // Indeks bezopasnosti, 2013, No. 4, p. 65.]; Лукин А., Губин А. Китай через сто лет: до и после Азиатской войны (China in a Hundred Years: before and after the Asian War) / Аналитика РСМД, 03.02.2016. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7196#top-content

¹⁵ Indo-Pacific Strategy Report / The Department of Defense, 2019. Pp. 7-1006. Mode of access: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>

¹⁶ Nonalignment 2.0. A Foreign and Strategic Policy for India in 21 Century / Centre for Policy Research, 2012. 72 p. Mode of access: http://ris.org.in/images/RIS_images/pdf/NonAlignment.pdf

¹⁷ Akbar. M.J. From Non-alignment to Multi-alignment / Open, 08.2019. Mode of access: <https://openthemagazine.com/special/modis-foreign-policy-from-non-alignment-to-multi-alignment/>

¹⁸ Об Индо-Пацифике из первых уст: министр иностранных дел Индии выступил в клубе «Валдай» (Firsthand about the Indo-Pacific:

Отдельное внимание в этой связи стоит уделить уже упомянутому Quadrilateral – четырёхстороннему диалогу по вопросам безопасности, в который входят США, Япония, Индия и Австралия. Этот формат воспринимается многими как «азиатская НАТО», поскольку он направлен на военно-политическое взаимодействие государств (трое из которых официальные союзники), ключевую роль в нём играет Вашингтон, а главным геополитическим соперником всех сторон, так или иначе, является Пекин¹⁹. Памятуя об индийско-американских морских учениях «Малабар», которые зачастую проходят в чувствительных для КНР акваториях, при этом периодически расширяя состав участников, идея о том, что основной целью сотрудничества «морских демократий» является противостояние Китаю, выглядит оправданной²⁰. Заявления американских военных и политиков лишь подтверждают опасения Пекина²¹. С другой стороны, Индия, как и любая развивающаяся страна с региональными и глобальными амбициями, прежде всего заинтересована в усилении собственных позиций, а не в конфронтации. Как пишет директор индийского проекта в институте Брукинга

Танви Мадан, одним из «бонусов» сотрудничества Индии с США можно считать тот факт, что «Пекин относится к Дели более серьезно, потому что это делает Вашингтон»²². Нельзя недооценивать и ещё один важный фактор – безопасность морских путей всё же является более существенным аргументом для сотрудничества всех участников «четвёрки», так как они являются, своего рода, артериями экономической и энергетической жизни этих стран. Это отвечает и задаче Дели по превращению в «морскую державу» – ей посвящена одна из немногочисленных внешнеполитических стратегий Индии²³.

Стоит подчеркнуть, что агрессивное поведение Китая на фоне недостаточной вовлечённости Индии в регионе привело к тому, что его более слабые соседи по региону стали обращаться к США за помощью, что только усилило привлекательность их военного присутствия в ИТР, а также продемонстрировало Китайской Народной Республике решимость, прежде всего, Вьетнама в отстаивании своих требований²⁴. США близки странам АСЕАН и Индии, поскольку настаивают на двух принципиальных моментах: мирных средствах и многосторонности. В отношении дипломатических путей решения конфликта американские политики не раз высказывали тезис о том, что «большие государства не должны запугивать малые», намекая на действия КНР в Южно-Китайском море, к которым Вашингтон относит насыпание островов, модернизацию НОАК, периодические военные столкновения сторон в акватории²⁵.

Indian Foreign Minister speaks at Valdai Club) // Клуб «Валдай», 08.2019. Mode of access: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/ministrinostrannykh-del-indii-v-klube-valdai/>

¹⁹ Huang, C. US, Japan, India, Australia ... Is Quad the First Step to an Asian Nato? // South China Morning Post, 11.2017. Mode of access: <https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/2121474/us-japan-india-australia-quad-first-step-asian-nato>

²⁰ Chaudhury, D.R. US Pushes for Naval Quadrilateral between India, US, Japan and Australia to Edge out China in Indo-Asia-Pacific region. 07.2018. Mode of access: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/us-pushes-for-naval-quadrilateral-between-india-us-japan-and-australia-to-edge-out-china-in-indo-asia-pacific-region/articleshow/51228115.cms?from=mdr>

²¹ Delaney, R. China Watchers in US Debate 'Strategic Competitor' Label Donald Trump Has Pinned on Beijing // South China Morning Post, 02.2019. Mode of access: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2186867/us-china-watchers-debate-strategic-competitor-label-donald>

²² Ibid.

²³ Lunev, S.I.; Shavlay, E.P. Russia and India in the Indo-Pacific // *Asian Politics and Policy*, 2018, No. 10.

²⁴ Мосяков Д. На грани фола: политика Китая в Южно-Китайском море // Индекс безопасности. 2013. №4. С. 66. [Mosyakov, D. Na grani fola: politika Kitaya v Yuzhno-Kitayskom more (On the Verge of a Foul: China's Policy in the South China Sea) // *Indeks bezopasnosti*, 2013, No. 4, p. 66.]

²⁵ Holmes, O. Obama Backs Vietnam in South China Sea Dispute with Beijing // *The Guardian*, 24.05.2016. Mode of access: <http://www.theguardian.com/world/2016/may/24/obama-backs-vietnam-in-south-china-sea-dispute-with-beijing>

С другой стороны, американцы не церемонятся с малыми странами, если речь заходит об их национальных интересах. Тот факт, что США наращивают свой потенциал и укрепляют свои позиции в наиболее перспективном регионе мира – Индийско-Тихоокеанском, в целом, приветствуется, однако продвижение американских национальных интересов в ущерб политической и экономической свободе и независимости региональных государств наталкивается на их сопротивление, выражающееся в формировании собственных институтов и площадок, в которые США не вхожи и/или где их влияние сводится к минимуму, особенно на фоне противоречивого исторического опыта азиатских стран.

Противоречия в треугольнике Индия-США-Китай

Индийско-американские отношения не лишены трудностей, а в некоторых аспектах у Дели гораздо больше общего с Пекином. Так, американское присутствие мешает стремлению азиатских стран к игре по азиатским правилам. Дело в том, что идея об отличной природе азиатского мировоззрения, особенностях дипломатической культуры и, соответственно, необходимости следования азиатским принципам и моделям вместо уподобления европейским или североамериканским, имеет многовековую историю. Однако подобные установки подавлялись европейским колониализмом и американским империализмом, что в новейшей истории вылилось в японский лозунг «Азия для азиатов» в период Второй мировой войны, идеологию движения неприсоединения на всем протяжении Холодной войны с некоторым усовершенствованием после её окончания и, уже в 1990-х годах, в азиатские регионализацию и регионализм. Регионализация – это «поиск региональных форм приспособляемости к глобальным процессам», представляющий собой «процесс усиления взаимозависимости в различных сферах человеческой деятельности» и «выработки общей идентичности, характерной для данного региона»²⁶. Данный феномен происходит

снизу вверх и, как правило, «инициирован негосударственными акторами, прежде всего бизнесом»²⁷. Именно торговля стала основой для регионализации в Азии, повлекшей «объединение государств/обществ, связанных между собой функционально и географически»²⁸. При этом, имея под собой исторический фундамент, в конце XX века регионализация приобрела новое качество, поскольку стала ответом на изменения всей международной системы и стала интегрироваться с новым явлением – регионализмом. Как пишет Е.Б. Михайленко, можно «проследить эффект ослабления роли ООН, с одной стороны, и всплеск региональной интеграции в Азии и Америке как ответ на процессы децентрализации в евроатлантическом пространстве, с другой стороны»²⁹. Регионализм, означающий «стратегию региональных элит... направленную на расширение регионами своих компетенций» и проявившийся в стремлении государств Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии к созданию «более сильных и эффективных политических и административных структур в целях ускоренного развития региона», стал новой региональной тенденцией, в настоящее время стремительно набирающей обороты³⁰.

kompleksnoye regionovedeniye (World Comprehensive Regional Studies) / Ed. by Prof. Alexei D. Voskressenski. Moscow: Master: INFRA-M, 2014 . 416 p.]

²⁷ Ibid. С. 109.

²⁸ Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. 448 с. [Mirovoyekompleksnoyeregionovedeniyevvedeniye v spetsial'nost' (World Comprehensive Regional Studies: introduction to the specialty) / Ed. by Prof. Alexei D. Voskressenski. Moscow: Master: INFRA-M, 2015 . 448 p.]

²⁹ Михайленко Е.Б. «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс // Курс лекций. Екатеринбург, 2014. [Mikhailenko, E.B. Staryy» i «novyy» regionalizm: teoreticheskiy diskurs ("Old" and "New" Regionalism: Theoretical Discourse). Ekaterinburg, 2014.]

³⁰ Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. 448 с. [Mirovoye kompleksnoye regionovedeniyevvedeniye v spetsial'nost' (World Comprehensive Regional Studies: introduction to the specialty) / Ed. by Prof. Alexei

Видный американский теоретик Дж.Г. Айкенберри полагает, что именно регионализм, как явление, направленное «сверху вниз», с одной стороны приветствует США в качестве глобального лидера, а с другой стороны, предполагает следование собственному, уникальному пути развития³¹. Неудивительно, что сегодня экспертное сообщество говорит об усилении пан-азиатских настроений и утверждении азиатского регионализма, предполагающего установление правил, которые бы способствовали улучшению экономической, политической и социальной сфер в государствах региона без каких-либо ограничений, устанавливаемых Западным миром на их прогресс или использование тех или иных механизмов, а также укрепили бы их глобальное положение, в котором они были бы «на равных» с западными державами, а не их подчиненными³². На данном этапе представляется, что конфликты на этой почве останутся, особенно с учетом провозглашенного новой администрацией лозунга «Америка превыше всего», хотя и уже сейчас форматы «АСЕАН плюс три» (КНР, Япония, РК), «АСЕАН плюс шесть» (к упомянутым трем добавляются Австралия, Япония и Новая Зеландия) и множество других интеграционных группировок показывают, насколько усиливается регионализм при участии региональных держав, в то время как США остаются за рамками этого процесса³³.

С этой точки зрения, отношения в рамках треугольника Индия-США-Китай будут полностью зависеть от того, смогут ли США адаптироваться к новым реалиям, в которых нет места гегемонии и где следует прислушиваться к партнерам и союзникам, отказавшись от формирования блоков, направленных против главного соперника Вашингтона – Пекина. Недаром Китай является частью индийской концепции «Действуй на Востоке». Стремление Индии естественно – улучшить отноше-

ния с соседом настолько, насколько позволят дипломатические усилия, добиться своих целей, не провоцируя Пекин, и оставаясь верной своим принципам неприсоединения, которые теперь получили новое «измерение» 2.0³⁴. Стоит отметить, что некоторых успехов действительно удалось достичь. Так, в экономической сфере наблюдается резкое увеличение товарооборота, и Китай в последние годы делит первое место в списке торговых партнёров с США. Ряд договоров способствовали снижению конфликтности между государствами, особенно в спорных территориях, да и политические взгляды на глобальные проблемы во многом совпадают³⁵.

С другой стороны, историческая травма, заложенная войной 1962 года, в которой индийцы потерпели сокрушительное поражение от Китая, продолжает давать о себе знать. Между сторонами сохраняется крайняя степень недоверия друг к другу, ведь до военных действий Дели и Пекин сотрудничали как дружественные друг другу государства – это стало одной из причин того, что Индия недооценила планы противника. Китай и, особенно, Индия в долгосрочном плане рассматривают противоположную сторону как основного стратегического противника в Азии, а возможно, и в мире³⁶. Остальные факторы являются производными от него. Вторым наиболее весомым препятствием к развитию конструктивного сотрудничества между Дели и Пекином является поддержка последним Исламабада: «Пакистан, – как выразился один китайский дипломат, – это китайский Израиль». Отдельного

D. Voskressenski. Moscow: Master: INFRA-M, 2015. 448 p.]

³¹ Ikenberry, J.G. American Hegemony and East Asian Order // *Australian Journal of International Affairs*, 2004, Vol. 58, No. 3, pp. 353-367.

³² Feigenbaum, E.A. The New Asian Order – And How the United States Fits In // *The Foreign Affairs*, February 2, 2015.

³³ Ibid.

³⁴ Khilnani, S.; Kumar, R.; Mehta, P.B. Nonalignment 2.0. A Foreign and Strategic Policy for India in the Twenty First Century. Mode of access: <https://www.kcl.ac.uk/sspp/sga/kii/documents/NonAlignment20.pdf>

³⁵ Tellis, J.A.; Mirski, S. *Crux of Asia. China, India and the Emerging World Order* / A.J. Tellis, S. Mirski. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. 270 p.

³⁶ Лунев С.И. Южная Азия и Китай // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / Отв. ред. – Чуфрин Г.И. М.: Наука, 2007. [Lunev, S.I. *Yuzhnaya Aziya i Kitay (South Asia and China)* // in *Kitay v XXI veke: globalizatsiya interesov bezopasnosti (China in the XXI Century: Globalization of Security Interests)* / Ed. by Chufirin G.I. Moscow: Nauka, 2007.]

внимания заслуживают и геостратегические планы двух государств. Китай активно развивает свои проекты – «Один пояс – один путь» (на суше) и «Морской шелковый путь» (на море), которые идут вразрез с индийскими интересами, угрожают её безопасности и препятствуют развитию её собственных инициатив³⁷. В то же время Индия увеличивает свое присутствие в ИТР и пытается разработать многоплановую стратегию для создания всеобъемлющей архитектуры безопасности в регионе, при этом, не имея территориальных претензий за пределами своих границ, Нью-Дели получает более широкую поддержку в Азии³⁸. Не стоит забывать и о том, что индийско-китайские отношения непропорциональны, поскольку Китай все еще намного сильнее Индии. Об этом говорит и постоянно нарастающий дефицит в двусторонней торговле, и опережение Индии в темпах усиления международного влияния, и сохраняющаяся напряженность в спорных районах, и экспансионистские планы Китая, которые подвергаются критике не только в Индии и в ИТР, но и во всем мире³⁹. Более того, у азиатских гигантов разные взгляды на важные для регионального сотрудничества вопросы – в частности, свободу судоходства и применение силовых методов для укрепления своих позиций, да и разная степень влияния. Кроме того, до прихода Моди, решившего не просто сделать «ребрендинг» политики «Смотри на Восток», а добиться практических результатов, Пекин обошел индийцев в укреплении связей со странами ЮВА: по реализации крупных инфраструктурных проектов (строительство железных дорог, заводов и иных объектов в Камбодже, Лаосе и Мьянме), финансирование множества инициатив стран региона (в результате которых КНР удалось снизить роль США

и Японии, а также зависимость малых стран от международных финансовых институтов), в то время как индийские планы остались преимущественно на бумаге⁴⁰.

Что касается восприятия роли США в Индо-Тихоокеанском регионе, то и Дели, и Пекин, в целом, поддерживают американское присутствие, так как заинтересованы в стабильности и экономическом процветании региона, а Америка уже стала одной из важных составляющих для реализации этих задач. Китайская позиция состоит в том, что уход американцев из региона мог бы привести к занятию их места Японией, которая бы стала военной державой (особенно на фоне последних реформ Синдзо Абе) и даже ядерной державой, что еще более осложнило бы отношения Китая с Японией⁴¹. Дели, в свою очередь, не сомневается, что «Вашингтон – хороший противовес Пекину и может помочь с реализацией целей в экономике, космосе, киберпространстве, мореплавании и других областях»⁴². Достаточно агрессивное поведение Китая в Желтом, Восточно-Китайском, Южно-Китайском морях, его планы на создание цепи портов в Индийском океане и поддержка пакистанской позиции в Кашмире, а также объем его оборонного бюджета (второй по величине в мире), военная модернизация и ряд других факторов, побудили Индию усилить взаимодействие с США в регионе для обеспечения долгосрочной стабильности⁴³. Собственная стратегия Дели по Китаю предусматривает укрепле-

³⁷ Kazmin, A. India Watches Anxiously as Chinese Influence Grows // *Financial Times*. Mode of access: <http://www.ft.com/cms/s/2/e9baebee-0bd8-11e6-9456-444ab5211a2f.html#axzz4IzulQPsm>

³⁸ Tellis, J.A.; Mirski, S. *Crux of Asia. China, India and the Emerging World Order* / A.J. Tellis, S. Mirski. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. 270 p.

³⁹ India's Trade Deficit with China Swells to \$51.9 billion in 2015 // *Times of India*. Mode of access: <http://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/Indias-2015-trade-deficit-with-China-up-by-52bn/articleshow/51394443.cms>

⁴⁰ Mohan, C.R. *Connecting Asia: India Talks, China Builds* // *Indian Express*, 5.01.13. Mode of access: <http://www.indianexpress.com/news/connecting-asia-india-talks-china-builds/1055014/0>

⁴¹ Tellis, J.A.; Mirski, S. *Crux of Asia. China, India and the Emerging World Order* / A.J. Tellis, S. Mirski. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. 270 p.

⁴² Лунев С.И. *Балансирование Индии между США, Китаем и Россией* // *Запад–Восток–Россия 2017. Ежегодник* / Отв. ред.: Д.Б. Малышева, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 190 с. [Lunev, S.I. *Balansirovaniye Indii mezhdou SSHA, Kitayem i Rossiye* (Balancing India between the USA, China and Russia) // *West – East – Russia 2017. Yearbook* / Ed.: D.B. Malysheva, V.G. Khoros. Moscow: IMEMO RAS, 2018. 190 p.]

⁴³ *Ibid.* Pp. 121, 123.

ние Индии как в сфере безопасности, так и в экономическом плане (внутренняя сбалансированность) и создании целого ряда партнерств (внешнее равновесие), каждый элемент предполагает американское участие⁴⁴.

Разногласия Китая и США находятся в рамках передела сфер влияния и вопросов региональной безопасности, так как КНР расширяет устоявшийся баланс сил, нарушая статус-кво между сторонами конфликта, и создаёт угрозу американским интересам как в АТР, так и в глобальном масштабе – успехи китайского руководства на данном направлении позволяют ему добиться такого же результата и на других, что не устраивает Америку как глобального лидера⁴⁵. При этом Соединённые Штаты не обладают достаточной финансовой базой, чтобы тягаться с Китаем, что ослабляет их позицию в регионе на фоне стремительного развития китайской экономики и военной сферы⁴⁶. Пекин, в свою очередь, опасается «окольцовывания» американскими альянсами и партнерствами по всему региону, что сказывается и на отношениях с Вашингтоном, и на гонке вооружений. По словам Ся Липина, «это ситуация, которую Китай не хочет видеть, потому что это не только ставит Китай и Соединённые Штаты в необходимость решения дилеммы безопасности, но может поставить Китай и Индию в такую же дилемму»⁴⁷. С индийской стороны тоже есть определенные опасения – памятуя исторический опыт, США могут не выполнить своих гарантий и обещаний (пример – индо-пакистанская война, в которой

пакистанцы воевали американским оружием, несмотря на заверения Белого Дома, что оно не будет использовано против Индии), а могут и вовсе изменить правила игры – индийцы хорошо помнят американское предложение Китаю о создании Большой Двойки, которое фактически означало готовность вытеснить Дели, равно как и Токио, Сеул, Париж и Берлин из процесса формирования нового миропорядка⁴⁸.

С другой стороны, США заинтересованы в развитии отношений и с Китаем, и с Индией. Китай – как потенциальная сверхдержава, от которой в дальнейшем будет зависеть судьба региона и мира, а Индия как «сообщник» в противостоянии с КНР. Пекин и Дели, в свою очередь, разделяют положительную позицию относительно глобального лидерства Вашингтона, но считают, что оно должно быть ограничено, особенно на фоне желания американцев утвердить однополярный миропорядок, в то время как азиатские гиганты едины во мнении, что он должен быть полицентричным, и имеют неоднозначный исторический опыт взаимодействия с США, которые в конечном итоге, как правило, поступаются интересами других стран для достижения собственных⁴⁹. Но так или иначе, китайский фактор оказывает значительное влияние на стратегии Индии и США в Азии, при этом каждая из сторон считает, что отношения с КНР должны быть сбалансированными, иначе интересы каждого могут быть ущемлены⁵⁰. Индия действительно стала более важным партнёром США в силу её геостратегического положения, которое приобрело столь значимое место в американской внешней политике в связи с подъёмом Китая, которого Вашингтон стал воспринимать своим главным соперником как в регионе, так и в глобальном масштабе. Однако продвижение нового геополитического конструкта, Индо-Тихоокеанского региона, американцами, вызванное желанием превратить Индию в оплот сопротивления китайским инициативам и амбициям, идёт враз-

⁴⁴ Madan, T. The U.S.-India Relations and China // Brookings, 20.01.2015. Mode of access: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2015/01/20-us-india-relationship-and-china-madan>

⁴⁵ Fravel, M. Taylor. U.S. Policy Towards the Disputes in the South China Sea Since 1995 / Policy Report. S. Rajarathnam School of International Studies. March 2014.

⁴⁶ Kanaev, E.A. China's and the US' Approaches to the South China Sea Issue: Changing Patterns and Strategic Implications, in: Security and Cooperation in the South China Sea. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2014. P. 205.

⁴⁷ Tellis, J.A.; Mirski, S. Crux of Asia. China, India and the Emerging World Order / A.J. Tellis, S. Mirski. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. 270 p.

⁴⁸ Ibid. P. 122.

⁴⁹ Gilboy, G. Chinese and Indian Strategic Behavior. Cambridge University Press, 2012. 532 p.

⁵⁰ Madan, T. The U.S.-India Relations and China // Brookings, 20.01.2015. Mode of access: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2015/01/20-us-india-relationship-and-china-madan>

рез с индийскими национальными интересами и препятствует формированию собственной повестки дня без оглядки на США, поскольку даже партнёры по РИК воспринимают эту идею как проамериканскую. Несмотря на это Дели сохраняет приверженность политике балансирования и стремится использовать китайский фактор в свою пользу, усиливая собственные позиции в регионе посредством взаимодействия с супердержавой и другими крупными акторами международных отношений, одновременно налаживая диалог с Пекином, без сотрудничества с которым невозможно наступление «века Азии» – идея, которую разделяют оба азиатских гиганта⁵¹. В целом же, в значительной степени то, как обе страны будут взаимодействовать друг с другом и с Соединенными Штатами, с пока единственной сверхдержавой, решит будущее азиатской безопасности – на данном этапе представляется, что все стороны будут придерживаться политики балансирования друг друга как наиболее выгодной стратегии в столь сложном взаимодействии⁵².

Литература:

Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность / А.Д. Воскресенский. М.: Ленанд, 2006. 124 с.

Лунев С.И. Балансирование Индии между США, Китаем и Россией // Запад–Восток–Россия 2017. Ежегодник / Отв. ред.: Д.Б. Малышева, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 190 с.

Лунёв С.И. Значение Большой Восточной Азии для укрепления позиций России / Высшая школа экономики: интернет-сайт. Режим доступа: <https://www.hse.ru › data › 2010/03/29 › Lunev>

Лунев С.И. Южная Азия и Китай // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / Отв. ред. – Чуфрин Г.И. М.: Наука, 2007.

Мировое комплексное регионоведение / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. 416 с.

Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. 448 с.

Михайленко Е.Б. «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс // Курс лекций. Екатеринбург, 2014.

Мосяков Д. На грани фола: политика Китая в Южно-Китайском море // Индекс безопасности. 2013. №4.

Dutt, V.P. India's Foreign Policy In A Changing World, 2004 / Vikas Publishing House – Delhi, p. 59-61. Mode of access: <https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.131152/2015.131152.India-Foreign-Policy-In-A-Changing-World#page/n63/mode/2up>

⁵¹ Ayyub, S. Indo-China Trade Relations: Present Trends and Future Prospects / Munich Personal RePEc Archive, 07.2012. Mode of access: <https://mpra.ub.muenchen.de/84156>

⁵² Ibid.

Feigenbaum, E.A. The New Asian Order – And How the United States Fits In // *The Foreign Affairs*, February 2, 2015.

Fravel, M. Taylor. U.S. Policy Towards the Disputes in the South China Sea Since 1995 / Policy Report. S. Rajarathnam School of International Studies. March 2014.

Gilboy, G. Chinese and Indian Strategic Behavior. Cambridge University Press, 2012. 532 p.

Ikenberry, J.G. American Hegemony and East Asian Order // *Australian Journal of International Affairs*, 2004, Vol. 58, No. 3, pp. 353-367.

Kanaev, E.A. China's and the US' Approaches to the South China Sea Issue: Changing Patterns and Strategic Implications / in: Security and Cooperation in the South China Sea. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2014.

Khilnani, S.; Kumar, R.; Mehta, P.B. Nonalignment 2.0. A Foreign and Strategic Policy for India in the Twenty First Century. Mode of access: <https://www.kcl.ac.uk/sspp/sga/kii/documents/NonAlignment20.pdf>

Lunev, S.I.; Shavlay, E.P. Russia and India in the Indo-Pacific // *Asian Politics and Policy*, 2018, No. 10.

Madan, T. The U.S.-India Relations and China // Brookings, 20.01.2015. Mode of access: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2015/01/20-us-india-relationship-and-china-madan>

Nonalignment 2.0. A Foreign and Strategic Policy for India in 21 Century / Centre for Policy Research, 2012 72 p. Mode of access: http://ris.org.in/images/RIS_images/pdf/NonAlignment.pdf

Palit, A. Economics in Modi's Foreign Policy / IFRI, p. 13. // Mode of access: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/asia_visions77_0.pdf

Tellis, J.A.; Mirski, S. Crux of Asia. China, India and the Emerging World Order / A.J. Tellis, S. Mirski. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. 270 p.

References:

Dutt, V.P. India's Foreign Policy In A Changing World, 2004 / Vikas Publishing House – Delhi, p. 59-61. Mode of access: <https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.131152/2015.131152.India-Foreign-Policy-In-A-Changing-World#page/n63/mode/2up>

Feigenbaum, E.A. The New Asian Order – And How the United States Fits In // *The Foreign Affairs*, February 2, 2015.

Fravel, M. Taylor. U.S. Policy Towards the Disputes in the South China Sea Since 1995 / Policy Report. S. Rajarathnam School of International Studies. March 2014.

Gilboy, G. Chinese and Indian Strategic Behavior. Cambridge University Press, 2012. 532 p.

Ikenberry, J.G. American Hegemony and East Asian Order // *Australian Journal of International Affairs*, 2004, Vol. 58, No. 3, pp. 353-367.

Kanaev, E.A. China's and the US' Approaches to the South China Sea Issue: Changing Patterns and Strategic Implications / in: Security and Cooperation in the South China Sea. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2014.

Khilnani, S.; Kumar, R.; Mehta, P.B. Nonalignment 2.0. A Foreign and Strategic Policy for India in the Twenty First Century. Mode of access: <https://www.kcl.ac.uk/sspp/sga/kii/documents/NonAlignment20.pdf>

Lunev, S.I. Balansirovaniye Indii mezhdu SSHA, Kitayem i Rossiye (Balancing India between the USA,

China and Russia) // West – East – Russia 2017. Yearbook / Ed.: D.B. Malysheva, V.G. Khoros. Moscow: IMEMO RAS, 2018. 190 p.

Lunev, S.I. Yuzhnaya Aziya i Kitay (South Asia and China) // in Kitay v XXI veke: globalizatsiya interesov bezopasnosti (China in the XXI Century: Globalization of Security Interests) / Ed. by Chufirin G.I. Moscow: Nauka, 2007.

Lunev, S.I. Znachenie Bol'shoy Vostochnoy Azii dlya ukrepleniya pozitsiy Rossii (The Importance of Greater East Asia for Strengthening Russia's Positions) / Higher School of Economics: Website. Mode of access: <https://www.hse.ru ›data> 2010/03/29 ›Lunev

Lunev, S.I.; Shavlay, E.P. Russia and India in the Indo-Pacific // *Asian Politics and Policy*, 2018, No. 10.

Madan, T. The U.S.-India Relations and China // Brookings, 20.01.2015. Mode of access: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2015/01/20-us-india-relationship-and-china-madan>

Mikhailenko, E.B. Staryy i «novyy» regionalizm: teoreticheskiy diskurs ("Old" and "New" Regionalism: Theoretical Discourse). Ekaterinburg, 2014.

Mirovoye kompleksnoye regionovedeniye (World Comprehensive Regional Studies) / Ed. by Prof. Alexei D. Voskressenski. Moscow: Master: INFRA-M, 2014. 416 p.

Mirovoye kompleksnoye regionovedeniye v spetsial'nost' (World Comprehensive Regional Studies: introduction to the specialty) / Ed. by Prof. Alexei D. Voskressenski. Moscow: Master: INFRA-M, 2015. 448 p.

Mosyakov, D. Na grani fola: politika Kitaya v Yuzhno-Kitayskom more (On the Verge of a Foul: China's Policy in the South China Sea) // *Indeks bezopasnosti*, 2013, No. 4.

Nonalignment 2.0. A Foreign and Strategic Policy for India in 21 Century / Centre for Policy Research, 2012 72 p. Mode of access: http://ris.org.in/images/RIS_images/pdf/NonAlignment.pdf

Palit, A. Economics in Modi's Foreign Policy / IFRI, p. 13. // Mode of access: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/asi_e_visions77_0.pdf

Tellis, J.A.; Mirski, S. Crux of Asia. China, India and the Emerging World Order / A.J. Tellis, S. Mirski. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. 270 p.

Voskressenski, Alexei D. "Bol'shaya Vostochnaya Aziya": Mirovaya Politika I Energeticheskaya Bezopasnost' ("The Greater East Asia": World Politics and Energy Security). Moscow: Lenand, 2006. 124 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10019

CHINESE FACTOR IN INDIA-US RELATIONS

Ellina P. Shavlay

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 21.10.2019</p> <p><i>Received:</i> 02.02.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 13.03.2020</p>	<p>Abstract: Relations within India-US-China triangle are rather complicated. The basis of the Sino-Indian dialogue was laid by the 1962 war, after which mutual distrust became its permanent feature. Despite the fact that the late 20th century was marked by rapprochement of bilateral cooperation, it is still off the mark. As for relations between the United States and China, today it is increasingly referred to as the rivalry of two superpowers – an established, but losing its positions, and a potential one. Historically, Indian-American relations suffered fluctuations: the US gave preference to Pakistan, while India was assigned a secondary role, though in some periods the parties saw active dialogue. Washington's choice was determined by its confrontation with the USSR, which directly affected cooperation with Delhi. However, in recent years, the American establishment has begun to pay more attention to the Asia-Pacific region due to the rise of China and its transformation into the main US geopolitical rival. Against this background, India started to pave its way as the second key power in the region by promoting its regional initiatives, with the Indo-Pacific being the most prominent. This shift received a new sound in American foreign policy, too. New geopolitical realities predetermine the relevance of this study, aimed at analyzing the influence of the Chinese factor on the interaction between India and the United States.</p> <p><i>Acknowledgements:</i> the research is funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant agreement number 14.461.31.0002).</p>
<p>About the author: Analyst, Laboratory of International Trends Analysis; English Teacher, English Department № 1; Postgraduate Student in History, Department of Asian and African Studies, MGIMO-University</p> <p>e-mail: shavlaj.e.p@my.mgimo.ru</p>	
<p>Key words: India; USA; Chinese factor; geopolitics; Indo-Pacific region; regional powers; Asia</p>	

Для цитирования: Шавлай Э.П. Китайский фактор в индийско-американских отношениях // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 57-67.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10019

For citation: Shavlay, Ellina P. Kitayskiy faktor v indiyisko-amerikanskikh otnosheniyakh (Chinese Factor in India-US Relations) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 57-67.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10019

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10020

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ ИНДИЙСКОГО ПОДХОДА К КОНЦЕПЦИИ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Алексей Владимирович Куприянов

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i> 21 октября 2019</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 11 февраля 2020</p> <p><i>Принята к печати:</i> 17 марта 2020</p>	<p>Аннотация: Идея Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) появилась 12 лет назад и быстро стала предметом ожесточенных дискуссий ученых и политиков. За прошедшие годы сформировались несколько концепций ИТР, которые частично совпадают, частично противоречат друг другу. Настоящая статья посвящена описанию и анализу эволюции индийской концепции ИТР. Автор анализирует работу индийского эксперта Г. Кхураны, в которой был употреблен этот термин, и соображения, которыми он руководствовался, предлагая новую концепцию. В статье рассматриваются основные направления индийской стратегической мысли, в рамках которых ученые и политики пытались осмыслить идею ИТР, и демонстрируется разница подходов к новой концепции внутри индийского экспертного сообщества. Всего выделяются три направления: представители одного из них занимали жесткую антикитайскую позицию, призывая к отходу от политики нейтралитета и сближению с США и их союзниками; представители второго в принципе отрицали ценность концепции Индо-Пацифики; представители третьего делали упор на развитие экономических связей в рамках региона при помощи расширения контактов с АСЕАН, выступая за продолжение политики «стратегической автономии» и против резкой смены внешнеполитического курса. Анализируется программная речь премьер-министра Индии Н. Моды на «Диалоге Шангри-Ла» в 2018 г., в которой глава индийского правительства определил приоритеты Нью-Дели при реализации концепции ИТР. В заключение автор описывает нынешнее отношение к идее Индо-Тихоокеанского региона индийских экспертов и указывает на последствия возможного пересмотра Пекином негативного отношения к ИТР.</p>
<p>Об авторе: к.и.н., старший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук</p> <p>e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Индо-Пацифика; ИТР; Индия; Гурприт Кхурана; Нарендра Моды; Индо-Тихоокеанский регион</p>	

Концепция Индо-Тихоокеанского региона (далее ИТР, Индо-Пацифика) – сравнительно недавно появившийся геополитический конструкт, вызывающий наибольшее число споров и дискуссий, в том числе среди отечественных ученых и политиков. В целом можно выделить два взгляда на ИТР: сторонники первого утверждают, что Индо-Пацифика – американский проект, призванный обосновать расширение присутствия США в регионе Индийского океана, а также способствовать дальнейшему сближению с Нью-Дели с целью превратить Индию в младшего союзника Соединенных Штатов, создав на южных рубежах Китая очаг постоянной напряженности. Сторонники второго взгляда указывают, что концепция ИТР

появилась не в США, а в Индии, и сама по себе не означает может привести к каким-либо негативным для России последствиям. Более того, учитывая разнообразие трактовок самой идеи Индо-Пацифики (в настоящий момент можно выделить индийский, японский, австралийский, индонезийский, американский подходы, во многом противоречащие друг другу), вполне возможно сформулировать выгодную для России концепцию ИТР, которая бы способствовала ее сближению со странами региона.

Настоящая статья посвящена рассмотрению индийской концепции ИТР. Позиция Индии как страны, являющейся особо привилегированным стратегическим партнером России, имеет важное значение для

выстраивания российской стратегии в регионах Индийского и Тихого океанов, и особенно внимания заслуживает роль, которую сыграл в ее формировании фактор Китая – еще одного стратегического партнера России, отношения которого с Индией оставляют желать лучшего. Понимание всей сложности взаимоотношений Нью-Дели и Пекина необходимо для формирования трезвого и беспристрастного взгляда на место концепции Индо-Пацифики в сложной картине стратегического соперничества и сотрудничества между двумя странами.

Появление Индо-Пацифики: Гурприт Кхурана

Сам по себе термин «Индо-Тихоокеанский регион» известен достаточно давно: так океанологи называют морское пространство, простирающееся от восточного побережья Африки через воды Малайского архипелага до условной западной границы тропической Восточной Пацифики. Это пространство, включающее исключительно тропические воды, представляет из себя единый экорегион, для которого характерен определенный набор видов флоры и фауны, не встречающихся ни в более умеренных широтах, ни в других тропических экорегионах.

В геополитическом смысле название «Индо-Пацифика» впервые употребил капитан ВМС Индии в отставке Гурприт Кхурана. В январе 2007 г. он опубликовал в журнале «*Strategic Analysis*» статью «Безопасность морских путей: перспективы индийско-японского сотрудничества»¹, в первых же абзацах которой вводилось новое геополитическое понятие: «Термин “Индо-Тихоокеанский регион” употребляется по отношению к морскому пространству, охватывающему Индийский океан и западную часть Тихого океана. Прибрежными государствами в этом регионе являются государства Азии (включая Западную Азию/Ближний Восток) и восточной Африки».

Сама статья была посвящена сравнению геостратегического положения Японии и

Индии. Кхурана, невзирая на очевидное географическое несходство двух стран (Япония расположена на архипелаге и имеет только морскую границу, Индия – на полуострове и граничит на суше с Мьянмой, Бангладеш, Китаем, Бутаном, Непалом, Пакистаном), пришел к выводу, что геоэкономическое положение Индии и Японии во многом схоже: обе страны зависят от морской торговли, включая поставки углеводородов, и эта зависимость сохранится и в обозримом будущем. Основную роль в этой торговле играет маршрут Персидский залив – Восточная Азия, являющийся одной из главных мировых линий морских коммуникаций (*Sea Lane of Communication, SLOC*); в обеспечении его безопасности и бесперебойного функционирования равно заинтересованы и Индия, и Япония.

Для того, чтобы добиться этой цели, по мнению Кхурана, необходимо обеспечить безопасность маршрута на всем протяжении. Автор выделил пять опасных точек: Аденский залив, где судоходству угрожают сомалийские пираты; Персидский залив, где существует вероятность вооруженного конфликта США и Ирана; воды вокруг Шри-Ланки, где оперируют морские подразделения «Тигров освобождения Тамил-Илама» (ТОТИ); проливы Малайского архипелага, в первую очередь Малаккский, где не исключены нападения пиратов и террористов из группировки «Абу-Сайяф»; и, наконец, Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря, где разгорается территориальный спор из-за островов и сохраняется напряженность в Тайваньском проливе. Три из этих точек Кхурана счел ключевыми: воды вокруг Аравийского полуострова (Аденский и Персидский заливы) и Малаккский пролив. Одну из первых двух точек невозможно миновать при экспорте ближневосточной нефти и газа как в Индию, так и в Японию; вторая критична для Японии, но также очень важна для Индии, так как через Малаккский пролив идет поток индийского экспорта в страны Восточной Азии и Америки. В случае, если на Ближнем Востоке начнется вооруженный конфликт, Индия вынуждена будет нарастить экспорт нефти и газа с Сахалина, и важность Малаккского пролива для нее также повысится.

¹ Khurana, G.S. Security of Sea Lines: Prospects for India–Japan Cooperation // *Strategic Analysis*, 2007, Vol. 31, Iss. 1, pp. 139-153.

При этом, отмечал Кхурана, индийский флот, несмотря на постепенный рост возможностей по проведению дальних морских операций, пока ограничивает свою деятельность бассейном Индийского океана; японский же флот действует исключительно в широтах севернее Тайваня. По замыслу автора, предлагая конструкт Индо-Пацифики, он тем самым обеспечивал теоретический фундамент для дальнейшего наращивания координации двух флотов, которая на момент написания статьи находилась в неудовлетворительном состоянии.

В статье название «Китай» употребляется всего четыре раза в нейтральном ключе; как можно заметить, возможные действия Пекина могут привести к обострению обстановки лишь в одной из обозначенных Кхураной точек, которая к тому же является второстепенной. В качестве ключевой угрозы автор видит не действия КНР и ее ВМС, а международный терроризм, тесно связанный с пиратством и сепаратизмом (в качестве примера Кхурана приводит контакты «Аль-Каиды» с ТОТИ).

Тем не менее, как признался позже Г. Кхурана, вся конструкция ИТР задумывалась именно как механизм сдерживания китайских амбиций. В интервью, данном в январе 2018 г. изданию «The Diplomat», Кхурана заявил: «Спусковым крючком, который привел к формированию понятия “Индо-Тихоокеанский регион”, стало военно-политическое усиление Китая и формулирование одним из американских аналитических центров стратегии “нити жемчуга” в 2005 г. Эти события вызвали беспокойство во многих странах региона, включая Индию и Японию. В 2006 году Индия и Япония начали обмениваться стратегическими оценками. Во время моих бесед с японскими аналитиками в Институте оборонных исследований и анализа (*Institute of Defence Studies and Analysis, IDSA*) в Нью-Дели в октябре 2006 года мы осознали ключевую стратегическую уязвимость Китая – то, что его жизненно важные линии энергоснабжения проходят через Индийский океан. Идея «Индо-Тихоокеанского региона» была возможностью продемонстрировать способность ВМС Индии смягчить

поведение Китая, тем самым предупредив его будущую агрессивность. Это привело к публикации моей статьи под названием «Безопасность морских линий: перспективы индийско-японского сотрудничества» в журнале «Стратегический анализ» *IDSA* (январь 2007 г.), в которой разъясняется концепция Индо-Тихоокеанского региона, хотя и довольно деликатным образом. Несколько месяцев спустя, в августе 2007 года, премьер-министр Японии Синдзо Абэ выступил в индийском парламенте со словами о “слиянии Индийского и Тихого океанов”².

Годом раньше Кхурана в одной из статей рассказал, в каких именно обстоятельствах возникла сама идея ИТР: «В ходе одного из «мозговых штурмов» в *IDSA* участники обратили внимание на стратегическую уязвимость Китая в условиях наличия “малаккской дилеммы”, и попытались распространить это чувство китайской незащищенности на восток (очевидная ошибка, имеется в виду “на запад” – *А.К.*) в регион Индийского океана, чтобы сдерживать китайский военно-политический нажим на азиатских соседей КНР»³.

Таким образом, на самом деле именно вопрос о противодействии потенциальной китайской угрозе лежал в основе всего конструкта. Однако намек оказался слишком тонким: так как Кхурана не указал прямо, против кого направлена концепция ИТР, это вызвало в последующие годы массу споров внутри индийского экспертного сообщества.

2007-2018 годы: три трактовки одной концепции

Концепция Индо-Пацифики быстро стала популярной – не в последнюю очередь за счет красивого и броского названия и неопределенного содержания. Значитель-

² The Origin of ‘Indo-Pacific’ as Geopolitical Construct: Insights from Gurpreet Khurana // *The Diplomat*, 25.01.2018. Mode of access: <https://thediplomat.com/2018/01/the-origin-of-indo-pacific-as-geopolitical-construct/>

³ Khurana, G. The ‘Indo-Pacific’ Concept: Retrospect and Prospect / *CIMSEC*. 14.11.2017. Mode of access: <http://cimsec.org/indo-pacific-concept-retrospect-prospect/34710>

ную роль в популяризации конструкта сыграло индийское руководство: в 2012 г. на пленарной сессии саммита Индия-АСЕАН премьер-министр Индии Манмохан Сингх заявил, что «стабильный, безопасный и преуспевающий Индо-Тихоокеанский регион крайне важен для нашего собственного прогресса и преуспевания»⁴. В последующем М. Сингх упоминал про важность ИТР в выступлении перед Японско-индийской ассоциацией в Токио и на праздновании четвертой годовщины формирования правительства Объединенного прогрессивного альянса; при этом во время визита в КНР в октябре 2013 г. он избегал употребления этого термина, предпочитая «Азиатско-Тихоокеанский регион» (АТР)⁵. В целом идея ИТР представлялась логичным продолжением политики Look East, проводимой Нью-Дели с 1991 г.⁶

Исследовательница Прия Чако выделяет три различных подхода к ИТР, сформировавшихся в описываемый период⁷.

Сторонники первого полагали, что основной задачей ИТР как конструкта должно стать сдерживание КНР, которая является основной угрозой для Индии. Для этого Нью-Дели должен укреплять альянс с «региональными демократиями» – прежде всего США, Австралией и Японией, которые также заинтересованы в том, чтобы не допустить доминирования авторитарного Китая. Сторонники такого взгляда полагали, что ради этой цели Индия может отойти от

традиционной политики неприсоединения и активно сотрудничать с США и их союзниками, чтобы выстроить архитектуру безопасности в регионе.

Представители второго подхода относились к ИТР в целом критически, считая, что этот концепт не поможет реализации индийских интересов, но может испортить отношения со странами Юго-Восточной Азии, которые Индия тщательно налаживала в течение последних лет, и с Китаем. Помимо этого, существовали опасения, что чрезмерное сближение с США может привести к потере стратегической автономии. Сторонники этого подхода предлагали сосредоточиться на деятельности в формате Восточноазиатского саммита, диалога с АСЕАН, ADMM+ и т. п.

Наконец, представители третьего подхода акцентировали внимание на экономической стороне конструкта, полагая, что любые действия в плане концептуализации ИТР должны служить интересам развития индийской экономики. Этот подход не предусматривал значительных изменений политической линии.

Из трех описанных подходов лишь первый ставил во главу угла китайский фактор. Его активными сторонниками являлись Брахма Челлани⁸ и Си Раджа Мохан⁹, выступавшие за жесткую линию в отношении Китая, укрепление связей с другими «азиатскими демократиями» и расширение индийской сферы интересов на восток вплоть до Южно-Китайского моря. Сторонники этой линии указывали на растущее присутствие КНР в Индийском океане и формирование Китаем т. н. «ормузской дилеммы» по аналогии с «малаккской»: получив базу в Джибути и Гвадаре, Китай теоретически получал возможность отрезать Индию от ближневосточной нефти.

Приход к власти Нарендры Моди, казалось, подтвердил правоту сторонников

⁴ Prime Minister Dr. Manmohan Singh, 'Opening Statement at Plenary Session of India-ASEAN Commemorative Summit', New Delhi, December 20, 2012. Mode of access: <http://mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/20981/Opening+Statement+by+Prime+Minister+at+Plenary+Session+of+India+ASEAN+Commemorative+Summit>

⁵ Meanwhile: New Delhi Enters the Indo-Pacific // Daily Mail, 27.10.2013. Mode of access: <https://www.dailymail.co.uk/indiahome/indianews/article-2477567/MEANWHILE-New-Delhi-enters-Indo-Pacific.html>

⁶ Conley Tyler, M. H.; Bhutoria, A. Diverging Australian and Indian Views on the Indo-Pacific // *Strategic Analysis*, 2015. Vol. 39, Iss. 3. pp. 225-236.

⁷ Chacko, P. India and the Indo-Pacific: An Emerging Regional Vision, Indo-Pacific Governance Research Centre Policy Brief, No. 5, November 2012, pp. 1-7.

⁸ Interview with Professor Brahma Chellaney (Centre for Policy Research, India). Sasakawa Peace Foundation Report № 0029, 16.12.2015. Mode of access: <https://www.spf.org/en/publications/spfnw/17732.html>

⁹ Raja Mohan, C. Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. New Delhi: Oxford University Press, 2013. 329 p.

первого подхода. Конец правления Манмохана Сингха ознаменовался дипломатическим скандалом между Индией и США, благодаря чему Моди начал свой премьерский срок с улучшения отношений с Соединенными Штатами; в результате в экспертных кругах сложилось впечатление, что он намерен проводить еще более проамериканскую линию, нежели его предшественник. По итогам визита Барака Обамы в Индию было выпущено «Совместное стратегическое видение» (*‘Joint Strategic Vision’*), в котором говорилось о «важности охраны морской безопасности и гарантий свободы навигации и полетов в регионе, особенно в Южно-Китайском море»¹⁰. Многие аналитики и в Индии, и в США восприняли это как подтверждение антикитайских намерений Индии, тем более что Нарендра Моди заявил о готовности Нью-Дели принять участие в работе формата Quad. В пользу этой точки зрения, казалось, говорила и активность Индии на тихоокеанском направлении – в частности, визит Нарендры Моди на Фиджи в ноябре 2014 г.

Несмотря на эти громкие жесты, Индия, однако, проводила в целом достаточно взвешенную политику. Хотя сам термин «Индо-Тихоокеанский регион» все чаще встречался в индийских официальных документах, Нью-Дели отнюдь не собирался отказываться от принципа стратегической автономии, не демонстрировал, как верно отметила Чако, особой боязни китайской экспансии, и продолжал развивать отношения как с Китаем, так и со странами АСЕАН, задействуя различные форматы для достижения своих целей и не стремясь к излишнему сближению с США.

После прихода к власти Дональда Трампа в январе 2017 г. стало очевидно, что новый президент, в отличие от Обамы, не испытывает особого интереса к Южной Азии. Расхождение позиций Индии и США по китайскому вопросу стало еще более очевидным.

¹⁰ US–India Joint Strategic Vision for Asia-Pacific and Indian Ocean Region’, Office of the Press Secretary, The White House, January 25, 2015. Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/01/25/us-india-joint-strategic-vision-asia-pacific-and-indian-ocean-region>

Нарендра Моди и инклюзивность ИТР

1 июня 2018 г. Нарендра Моди, выступая на «Диалоге Шангри-Ла», наконец конкретизировал индийское видение концепта Индо-Пацифики¹¹.

В своей речи Моди уделил особое внимание месту океана в индийском самосознании, подчеркнув, что в тексте Вед упоминается Варуна – бог мировых вод, а сама Индия описывается как «земля, лежащая к северу от моря». Индийский премьер-министр напомнил, что 90% всей торговли Индии осуществляется по морю, и что в этой торговле большую роль играют страны Восточной Азии и АСЕАН. Как следовало из слов Моди, Индия рассматривает Индо-Пацифику как концепцию, связанную с концепциями САГАР и *Act East* и призванную укрепить контакты Нью-Дели с соседями на востоке и севере, включая Россию. Индийский премьер подчеркнул, что стремление видеть Индо-Тихоокеанский регион «открытым, стабильным, безопасным и процветающим» разделяют также и США, что Индонезия согласна с Индией по вопросу необходимости морского сотрудничества в ИТР, что Нью-Дели не намерен портить отношения с Пекином и рассматривает АСЕАН как организацию, призванную играть в Индо-Пацифике ведущую роль.

По словам Моди, Индия рассматривает ИТР как естественно сложившийся регион, где существуют глобальные возможности и вызовы проживают многочисленные народы, связанные судьбой воедино, которые должны объединить свои усилия, чтобы добиться лучшего будущего. «Азия соперничества осталась в прошлом, – провозгласил индийский премьер. – Новый век будет выстраиваться на основе Азии сотрудничества».

Всего Нарендра Моди выделил шесть характерных черт ИТР в индийском понимании:

¹¹ Prime Minister’s Keynote Address at Shangri La Dialogue (June 01, 2018). Ministry of External Affairs, Government of India. Mode of access: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018>

1. Это открытый, свободный, инклюзивный регион, включающий как страны, расположенные в нем географически, так и те, которые имеют там те или иные интересы.

2. Центром ИТР является Юго-Восточная Азия; ключевую роль в регионе и дальше будет играть АСЕАН.

3. В ИТР должен существовать общепризнанный порядок, основанный на правилах; нужно уважать суверенитет, приоритет права, территориальную целостность, равные права государств независимо от их размера, экономической и военной мощи. Этот порядок должен быть установлен путем добровольного признания, а не благодаря силовому давлению со стороны одной или нескольких держав.

4. Страны ИТР должны иметь равный доступ к морскому и воздушному пространству региона в соответствии с международным правом и стремиться координировать усилия в борьбе с преступностью и терроризмом, в сохранении экологии и развитии морской экономики.

5. ИТР как регион получает пользу от глобализации; необходим открытый, стабильный, основанный на правилах торговый режим, который будет служить преуспеванию всех стран ИТР.

6. Необходимо укреплять внутреннюю связность региона – это его объединит и укрепит. Рука об руку со строительством инфраструктуры должно идти «строительство мостов доверия».

Несмотря на ряд выпадов против КНР (в частности, упоминание о свободе судоходства в соответствии с международным правом, что было истолковано аналитиками как намек на необоснованность претензий Пекина на острова и окружающие их воды в Южно-Китайском море), в целом речь Моди не носила антикитайского характера. Более того, индийский премьер подчеркнул открытость конструкта Индо-Пацифики, который не должен превращаться в «клуб с ограниченным членством», и дал понять, что Нью-Дели положительно относится к возможному вовлечению КНР в реализацию концепции Индо-Тихоокеанского региона.

Расширение ИТР на восток: влияние без военного присутствия

После речи Моди в индийском экспертном дискурсе произошли заметные изменения: тема ИТР как конструкта, строящегося на соперничестве с Китаем, почти исчезла (в настоящий момент она поддерживается преимущественно в статьях уже упомянутых Си Раджи Мохана и Брахмы Челлани), зато все чаще стала подниматься тема инклюзивности.

При этом годы обсуждений и дискуссий не прошли даром: термин «Индо-Пацифика» прочно вошел в лексикон индийских экспертов и политиков, приобретая со временем дополнительные смыслы в дополнение к тем, что изначально вкладывались в него Кхураной. Наиболее заметным из них является попытка использовать идею ИТР для того, чтобы концептуализировать индийское стремление распространить свою сферу геополитических и геоэкономических интересов на восток – за пределы Малаккского пролива на западную часть Тихого океана¹². Это стремление существовало и раньше, но в основном объяснялось в рамках антикитайского дискурса¹³.

При этом Индия стремится избежать излишнего вовлечения в дела тихоокеанской части ИТР и не планирует подкреплять свои политические и экономические акции силой. Это означает, что Нью-Дели рассчитывает на создание системы взаимовыгодного партнерства с государствами региона, не заинтересованными в дальнейшем усилении китайского влияния, прежде всего со Вьетнамом. В рамках этой стратегии участие в *Quad* не является приоритетным в отличие от дальнейшего развития

¹² Singh, A. India's South China Sea policy Has not Changed. Now, as before, There's no Appetite to Challenge China // *South China Morning Post*. 13.09.2019. Mode of access: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3026729/indias-south-china-sea-policy-has-not-changed-now-theres-no>

¹³ Jawli, N. South China Sea and India's Geopolitical Interests // *Indian Journal of Asian Affairs*, Vol. 29, No. 1/2, pp. 85-100; Singh, A. India's Strategic Stakes in the South China Sea // *Asia Policy*, 2016, Vol. 21, Iss. 1, pp. 14-20.

политики *Act East* в Юго-Восточной Азии и концепции SAGAR – в регионе Индийского океана.

Особая роль в этих условиях отводится партнерству с Россией. Поскольку Москва поддерживает с Пекином отношения стратегического партнерства, то КНР, как считают в Нью-Дели, не будет препятствовать активизации морского маршрута Владивосток-Ченнаи. Подобная активизация позволит Индии нарастить свое присутствие в западной части Тихого океана без риска вызвать недовольство со стороны Китая¹⁴.

В настоящий момент Пекин по-прежнему негативно относится к самой концепции ИТР, видя в ней угрозу для себя и ассоциируя ее с формированием *Quad*. Однако в случае, если КНР решит изменить позицию в отношении Индо-Пацифики, Индия может столкнуться с проблемами. Так как Нью-Дели декларирует инклюзивность ИТР, то у Индии в случае встраивания Китая в Индо-Пацифику не будет формального повода для протестов против наращивания китайского присутствия в наиболее болезненной с точки зрения безопасности Индии зоне – Индийском океане, – и активного продвижения там инициативы «Пояса и пути».

Таким образом, можно резюмировать, что в процессе обсуждений и трансформации мнения элит индийская концепция Индо-Тихоокеанского региона далеко ушла от изначальных идей Гурприта Кхураны, но китайский фактор по-прежнему играет в ней важную роль. Индия пытается расширить свою сферу интересов, обеспечить их безопасность в основном за счет партнерства с государствами, которые не заинтересованы в дальнейшей активизации Китая; при этом сама формулировка индийской концепции ИТР позволяет Китаю, если он решит изменить свое отношение к идее Индо-Пацифики, активизироваться в самых

чувствительных для Индии областях.

References:

- Chacko, P.* India and the Indo-Pacific: An Emerging Regional Vision, Indo-Pacific Governance // Research Centre Policy Brief, No. 5, November 2012, pp. 1-7.
- Conley Tyler, M.H.; Bhutoria, A.* Diverging Australian and Indian Views on the Indo-Pacific // *Strategic Analysis*, 2015. Vol. 39, Iss. 3. pp. 225-236.
- Jawli, N.* South China Sea and India's Geopolitical Interests // *Indian Journal of Asian Affairs*, Vol. 29, No. 1/2, pp. 85-100.
- Khurana, G.* The 'Indo-Pacific' Concept: Retrospect and Prospect / CIMSEC. 14.11.2017. Mode of access: <http://cimsec.org/indo-pacific-concept-retrospect-prospect/34710>
- Khurana, G.S.* Security of Sea Lines: Prospects for India-Japan Cooperation // *Strategic Analysis*, 2007, Vol. 31, Iss. 1, pp. 139-153.
- Raja Mohan, C.* Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. New Delhi: Oxford University Press, 2013. 329 p.
- Singh, A.* India's South China Sea policy Has not Changed. Now, as before, There's no Appetite to Challenge China // *South China Morning Post*. 13.09.2019. Mode of access: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3026729/indias-south-china-sea-policy-has-not-changed-now-theres-no>
- Singh, A.* India's Strategic Stakes in the South China Sea // *Asia Policy*, 2016, Vol. 21, Iss. 1, pp. 14-20.
- Zhou, L.* India Challenging China's Influence in the South China Sea With Outreach to Russia and Other Regional Powers, Analysts Say // *South China Morning Post*. 08.09.2019. Mode of access: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3026120/india-challenging-chinas-influence-south-china-sea-outreach>

¹⁴ Zhou, L. India Challenging China's Influence in the South China Sea With Outreach to Russia and Other Regional Powers, Analysts Say // *South China Morning Post*. 08.09.2019. Mode of access: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3026120/india-challenging-chinas-influence-south-china-sea-outreach>

FACTOR OF CHINA IN EVOLUTION OF THE INDIAN APPROACH TO THE INDO-PACIFIC REGION

Alexey V. Kupriyanov

*Primakov National Research Institute of World Economy and
International Relations, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 21.10.2019</p> <p><i>Received:</i> 11.02.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 17.03.2020</p>	<p>Abstract: The idea of the Indo-Pacific was created 12 years ago and quickly became the subject of fierce discussions among experts and politicians. Over the years, several Indo-Pacific concepts partially coinciding partially contradicting each other have been formed. The article is devoted to the description and analysis of the evolution of the Indian concept of the Indo-Pacific. It discusses the main directions of Indian strategic thought on the concept and demonstrates the difference in approaches to the Indo-Pacific within the Indian expert community. There were three views in total: anti-Chinese whose supporters called for a departure from a policy of neutrality and for the alliance with the United States, Japan and Australia; critical whose supporters denied the value of the concept of Indo-Pacific; and practical whose supporters were focused on the development of economic relations within the region by expanding contacts with ASEAN, advocating the continuation of the policy of «strategic autonomy» and against a sharp change in the foreign policy. Author believes that the address of the Indian Prime Minister Narendra Modi at the Shangri-La Dialogue in 2018 was the turning point: the head of the Indian government identified there New Delhi's priorities in the implementation of the Indo-Pacific concept. In conclusion, the author describes the current attitude towards the idea of the Indo-Pacific among Indian experts and points out the consequences of a possible Beijing review of the negative attitude towards it.</p>
<p>About the author: Candidate of History, Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru</p>	
<p>Key words: India; China; Indo-Pacific; Gurpreet Khurana; Narendra Modi</p>	

Для цитирования: Куприянов А.В. Китайский фактор в формировании индийского подхода к концепции Индо-Тихоокеанского региона // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 68-75.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10020

For citation: Kupriyanov, Alexey V. Kitayskiy faktor v formirovaniy indiyского podkhoda k kontseptsii Indo-Tikhookeanskogo regiona (Factor of China in Evolution of the Indian Approach to the Indo-Pacific Region) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 68-75.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10020

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021

ПРОБЛЕМЫ ТЕРРОРИЗМА И ПОДХОДЫ К АФГАНИСТАНУ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ РОССИЯ-ИНДИЯ-КИТАЙ

Сергей Иванович Лунев

*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i> 21 октября 2019</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 29 января 2020</p> <p><i>Принята к печати:</i> 10 марта 2020</p>	<p>Аннотация: В статье рассматриваются проблемы совместных действий России, Индии и Китая для смягчения террористической угрозы со стороны исламистских террористов в центре Евразии. Автор приходит к выводу, что, с объективной точки зрения, три гиганта имеют совершенно единые подходы к терроризму, сепаратизму и экстремизму. Более того, наряду с отказом принимать монополярное устройство мировой системы, именно борьба с подобным радикализмом, является главным параметром, способствующим реальному существованию треугольника. Однако конкретные действия трех держав не свидетельствуют о каком-то налаженном сотрудничестве. Анализ показывает, что основная причина заключается в политике Китая, крайне настороженно относящегося к Индии и желающего, чтобы Россия в одиночку противостояла террористической активности в регионе. Совместные публичные заявления остаются чистыми декларациями, не подкрепленными реальными шагами. В борьбе с исламистским терроризмом в самом КНР Пекин не предпринимает действий по ограничению внешней поддержки уйгурских радикалов (не оказывая, например, никакого давления на зависимый от него Исламабад для ограничения деятельности Межвидовой разведки Пакистана, имеющей тесный контакты с основными исламистскими организациями Южной и Юго-Восточной Азии, Центральной Азии, Афганистана и самого Китая), предпочитая самостоятельные действия.</p> <p>Россия пошла на достаточно широкое сотрудничество как с конкретными странами, так и с региональными и глобальными организациями в деле противостояния международному терроризму. Особое значение придается развитию контактов по данной проблематике с ключевыми стратегическими партнерами (Китай, Индия, Казахстан) и работе таких организаций, как ШОС и ОДКБ. Постоянно проводятся антитеррористические операции, правда, за пределами Российской Федерации они осуществляются лишь в очень редких случаях. С формальной стороны Россия предпринимает определенные шаги по ограничению распространению радикальных исламских идей в регионе. Широко разрекламированы антитеррористические центры и антитеррористические программы, созданные в рамках ШОС и ОДКБ. Однако практической отдачи от них по существу нет, а многие структуры попросту дублируют друга (в т.ч. и в плане отсутствия эффективности).</p> <p>Поэтому крайне необходимо наладить существенное сближение трех гигантов по вопросу о противостоянии террористической угрозы, хотя ни масштабы, ни рамки взаимодействия пока четко не определены.</p>
<p>Об авторе: д.и.н., профессор МГИМО МИД России и НИУ «Высшая школа экономики» e-mail: silounev@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: Россия; Китай; Индия; Афганистан; исламистский терроризм; совместные действия</p>	

Международный терроризм стал одной из базовых угроз безопасности на всех трех уровнях – глобальном, региональном и национальном. Если политический терроризм (особенно характерный для Западной Европы) и национальный терроризм стали отходить на задний план, то религиозный

терроризм стал главной опасностью. Хотя он, к сожалению, существует в формате всех мировых религий (включая буддизм, который считается наиболее миролюбивой религией), особую роль играет исламистский терроризм. До 1990-х годов Запад был основным объектом атаки мусульманских

радикалов. Представляется, что он предпринял существенные достаточно целенаправленные усилия для того, чтобы исламистский террор в последнем десятилетии столетия стал осуществляться в первую очередь против России, Индии, Китая и других стран.

Международное сообщество с 1990-х годов предприняло определенные усилия по борьбе с международным терроризмом. ООН приняла более дюжины конвенций и протоколов о сотрудничестве государств в целях пресечения этого зла. В 1999 г. Генеральная Ассамблея ООН основала специальное Отделение по предупреждению терроризма. С 2001 г. юрисдикция Международной комиссии по борьбе с отмыванием денег распространилась на вопросы борьбы с финансированием терроризма. Однако принятые рекомендации и конвенции принесли мало позитивных результатов.

События 11 сентября и объявленный США «крестовый поход» против международного терроризма посеяли иллюзии о возможности реальной радикальной борьбы всего мирового сообщества с терроризмом, но тщетные. США и Европа, продолжая делить террористов на «своих, хороших» и «чужих, плохих» парней, были согласны лишь на проведение тех операций, которые соответствовали их целям и задачам. Существовали «хорошие» террористы (косовские албанцы, чеченцы и прочие) и «плохие» (палестинцы). Усама бен Ладен был «хорошим», пока воевал против СССР и России, и стал «плохим», как только начал атаки на США.

Так, в Сирии Москве не удалось наладить эффективного взаимодействия с Вашингтоном именно из-за позиции последнего. Например, 24 мая 2016 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил о договоренности о переходе от обмена информацией к координации действий в борьбе с терроризмом в Сирии, отметив, что «налажены постоянно действующие каналы между российской авиабазой Хмеймим и американскими представителями в столице Иордании, есть прямой канал Москва — Вашингтон, а также круглосуточно работающий российско-американский

центр оперативного реагирования, который расположен в Женеве»¹. Уже на следующий день официальный представитель Пентагона опроверг данное утверждение, отметив, что американские военные не собираются проводить совместные операции с коллегами из Минобороны России против террористической группировки «Исламское государство» (ИГ²) в Сирии. Москве так и не удалось договориться с Вашингтоном о совместных антитеррористических действиях на Ближнем Востоке.

Лидеры США только заявляли о своих намерениях начать совместную борьбу с террористическими организациями на территории Сирии — в частности, с «Исламским государством» и «Джебхат ан-Нусра» (обе запрещены на территории России), но предпринимали очень мало конкретных шагов. В сентябре 2011 г. Турция, Саудовская Аравия и Катар обратились к США с просьбой начать поставки тяжелого вооружения воевавшим с Б. Асадом группам, включая террористические. Б. Обама официально отказался, но США начали оказывать логистическую помощь Турции и государствам залива в перевозке военного снаряжения экстремистам (только в августе 2012 г. было перевезено 2500 тонн, включая 400 единиц только гаубиц), а ЦРУ США приступили и к поставкам оружия террористам³. Весной 2016 г. Соединенные Штаты выступили против российского предложения о включении в санкционный список СБ ООН (вето США было поддержано Великобританией, Францией и Украиной) таких террористических группировок, как «Джейш аль-Ислам» и

¹ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Департамент информации и печати. Информационный бюллетень. 24 мая 2016 года. Режим доступа: https://www.mid.ru/press_service/bulletins/-/asset_publisher/i4uOWcG8W4iA/content/id/2291299

² Запрещено на территории Российской Федерации

³ Porter, G. How America Armed Terrorists in Syria // The American Conservative, June 22, 2017. Mode of access: <https://www.theamericanconservative.com/articles/how-america-armed-terrorists-in-syria/>

«Ахрар аш-Шам»⁴, тесно связанных с ИГ и «Аль-Каидой» (первые, правда, не согласны с тем, что ИГ убивает мусульман, полагая, что следует уничтожать только тех, кто не исповедует ислам; были зафиксированы и казни представителей других террористических групп), и они поддерживали их через программы ЦРУ США⁵. Вашингтон объявил, что эти организации способствуют деэскалации ситуации в Сирии, хотя их лидеры постоянно призывали боевиков воевать против сирийской армии и обе организации отказались от переговоров с законным правительством страны. Интересно, что накануне визита в июле 2016 г. в Москву госсекретарь США Джон Керри назвал данные группировки подгруппами ИГ и Джебхат ан-Нусры⁶.

Европейский Союз занимал до последнего времени откровенно проамериканские позиции, и во втором десятилетии нового столетия поддержал все без исключения действия США в Ливии, Сирии и Ираке, что привело к образованию ИГИЛ, крайне резкому усилению деятельности исламистских террористов, миграционному кризису в Европе и проведению массовых террористических акций в ней. При этом в целом Европейский Союз оказался совершенно неготовым к совместным действиям с Россией против международного терроризма, продолжая полностью поддерживать Соединенные Штаты. Иных позиций придерживаются только правые (скорее, даже ультраправые) политические силы. Пока только они демонстрируют стремление к созданию какой-либо коалиции с РФ против данной угрозы глобальной безопасности. Интересно отме-

тить, что подобным образом ситуация, как это не парадоксально, складывалась и в bipolarный период. За редким исключением (типа Германии) западноевропейские страны демонстрировали большее желание кооперироваться с Советским Союзом, когда у власти находились правые силы. Так, самый высокий уровень советско-французских отношений пришелся на правление самого правого послевоенного президента Франции – Шарля де Голля, а самый низкий – самого левого – Фр. Миттерана (в чьем правительстве находилось четыре коммуниста).

Ситуация с борьбой с международным терроризмом осложняется тем обстоятельством, что до сих пор даже не выработано его определение, хотя принято достаточное количество документов. Одним из первых стала «Конвенция о предупреждении терроризма и наказании за него» (16 ноября 1937 г.), принятая еще Лигой Наций по результатам Конференции по борьбе с терроризмом⁷. В постбиполярном мире еще до 11 сентября 2001 г. ООН приняла более дюжины конвенций и протоколов о сотрудничестве государств в целях пресечения международного терроризма. Генеральная Ассамблея ООН еще в 1999 г. объявила о создании особого Отделения по предупреждению терроризма. Однако принятые тогда и в новом веке рекомендации и конвенции дали незначительные положительные результаты.

До сих пор никакого определения термина «терроризм» так и не дается. Ничем не закончились подобные попытки и после 11 сентября 2001 г. Во всех международных нормативно-правовых актах, в которых присутствует попытка определить этот феномен, дается крайне обтекаемая формулировка, что приводит к заранее заложенной в них институциональной слабости и позволяет каждому государству самостоятельно принимать решения, какие действия и организации оно считает террористическими. Объективности ради отметим, что и Россия по своим стратегическим и тактическим соображениям периодически не признает террористами некоторые исламские радикаль-

⁴ В феврале 2018 г. организация вошла в Сирийский фронт освобождения.

⁵ Perry, T.; Al-Khalidi, S.; Walcott, J. Exclusive: CIA-backed Aid for Syrian Rebels Frozen after Islamist Attack – Sources // *Reuters*, 21 February, 2017. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-rebels/exclusive-cia-backed-aid-for-syrian-rebels-frozen-after-islamist-attack-sources-idUSKBN1601BD>

⁶ Kerry, J. Remarks at the Aspen Ideas Festival and Conversation with Walter Isaacson / US Department of State, June 28, 2016. Mode of access: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2016/06/259165.htm>

⁷ Введение в борьбу с терроризмом. Вена: Организация Объединенных Наций. Управление по наркотикам и преступности, 2019.

ные организации («Хезболлу», «ХАМАС» и другие).

Таким образом, в реальной практике политический курс США не никак не связан с борьбой с международным терроризмом, а Европа полностью поддерживает мирового гегемона. В результате у России нет шансов наладить с Западом полномасштабное сотрудничество по борьбе с международным терроризмом и ей необходимо искать новых партнеров на Востоке. Москва может рассчитывать на очень ограниченную кооперацию с Западом по вопросам борьбы терроризмом и только по тем аспектам, которые ему выгодны. Расчеты целого ряда российских политиков и специалистов, что напряженность во взаимоотношениях можно будет снизить благодаря взаимной заинтересованности в борьбе с международным терроризмом, вряд ли оправданны. Хотя часть прозападно настроенных политиков и экспертов продолжает заявлять, что совместная борьба с международным терроризмом возможна и приведет к значительному улучшению отношений России с США и Западом, все большее количество россиян начинает осознавать, что в этой борьбе Запад преследует исключительно своекорыстные цели и данный фактор никак не будет сказываться на двусторонних отношениях, а может и усложнить их (действия России в Сирии и реакция Запада на них демонстрирует это особенно явно). Позитивный процесс возможен только в случае смены политического истеблишмента в США и ЕС наиболее правыми кругами, что очень маловероятно в течение 10-15 лет.

Крайне негативно на глобальной борьбе с терроризмом отражаются подходы большинства стран Среднего и Ближнего Востока. Страны Ближнего Востока являлись главным финансовым донором чеченских бандитов, получивших миллиарды долларов. Турция – главный стратегический соперник России на южном фланге, который активно поддерживает различные организации (в частности, в Сирии), которые в отдельных кругах рассматриваются как террористические. Следует особо отметить крайнюю праворадикальную организацию «Серые волки», в которой состоит до 50 ты-

сяч боевиков. Она имеет не религиозную, а националистическую окраску и выступает за создание единого тюркского государства. Ее деятельность запрещена в Азербайджане, Казахстане и Узбекистане. Для Китая она опасна своими связями с уйгурскими террористами, для России – с радикальными тюркскими группами, в т.ч. в Сирии и Крыму. Нормализация в последнее время российско-турецких связей, по мнению большинства российских аналитиков, носит конъюнктурный характер и связана с резко обострившимися отношениями обеих стран с Западом. Можно ожидать какого-то восстановления связей в экономической сфере (тем более, что от их разрыва пострадали оба государства, а экономическая ситуация в них – достаточно сложная), но между странами будут сохраняться базовые противоречия, особенно по ситуации на Среднем и Ближнем Востоке. Следует также отметить, что российское общественное мнение не полностью поддержало новое сближение между Россией и Турцией (опросы показали, что большинство россиян недовольны даже восстановлением туристических связей). Крайне негативную роль играет и Катар, который чрезвычайно активно поддерживает исламистские террористические организации в Сирии.

Москва по существу замалчивает деятельность государств Среднего и Ближнего Востока, спонсирующих исламистский терроризм, по экономическим (так, Кремль рассчитывает на продолжении сотрудничества с Саудовской Аравией по нефти и Катаром – по газу) и стратегическим соображениям, хотя средства массовой информации и эксперты подробно освещают подобную деятельность на Большом Ближнем Востоке. В исламском мире Россия может рассчитывать на серьезные связи по существу только с Египтом.

Поэтому особое значение для РФ имеет взаимопонимание с Китаем и Индией. Россия и Индия являются наиболее принципиальными борцами с международным терроризмом, в том числе и из-за существования в двух державах этно-конфессиональных сепаратистов, получающих колоссальную поддержку извне.

Индия приняла все международно-правовые акты по борьбе с терроризмом: общие документы (Конвенция о предупреждении терроризма и наказании за него, 1937); документы по борьбе с актами терроризма, угрожающими безопасности объектов воздушного пространства (Токийская конвенция о правонарушениях и некоторых других действиях на борту воздушного судна, 1963), Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, 1970), Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, 1971), Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, 1988); документы по борьбе с актами терроризма, совершаемыми на море (Конвенция по борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 и протокол к ней, 2005, Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 и протокол к нему 2005); документы по борьбе с ядерным терроризмом и преступлениями, связанными с ним (Конвенция о физической защите ядерного материала, 1980, Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма, 2005); документы по борьбе с «бомбовым» терроризмом (Конвенция о маркировке пластических веществ в целях их обнаружения, 1991, Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, 1997); документы по борьбе с актами терроризма против лиц, пользующихся международной защитой (Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973); документы по противодействию финансированию терроризма (Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, 1999).

В 2005 г. Индия самостоятельно предложила проект Всеобъемлющей конвенции о борьбе с международным терроризмом. Интересно отметить, что в данной разработке индийских специалистов также отсутствует определение понятия «терроризм»

как такового. Документ является квинтэссенцией синтеза имеющегося у Республики собственного опыта противодействия терроризму и взятых на себя международных обязательств. Все это позволяет Индии самой трактовать нормы собственного национального законодательства по борьбе с терроризмом для достижения внутривнутриполитических целей;

На региональном уровне южноазиатская страна была по существу самой активной силой, способствующей появлению Региональной конвенции СААРК о пресечении терроризма (1987). Индия также присоединилась к Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 г.) и к Соглашению о Региональной антитеррористической структуре содействия координации взаимодействия компетентных органов государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом (2002 г.)⁸.

При этом Индия активно идет на двустороннее сотрудничество в борьбе с терроризмом и подписала с различными странами билатеральные соглашения, покрывающие вопросы о выдаче террористов, об урегулировании правовых вопросов при совместном ведении уголовных дел, а также вопросы о борьбе с международной организованной преступностью, наркотрафиком, незаконной торговлей оружием, иностранными террористами-боевиками и т.д. Все эти документы были подписаны Индией с Россией, а двусторонние связи по борьбе с международным терроризмом резко активизировались с начала нового века. Подходы Индии абсолютно понятны, учитывая, что в Южной Азии действует более 100 исламистских террористических организаций⁹ (США, правда, признают наличие лишь 98 групп¹⁰).

⁸ Более подробно см. Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия. М.: Юрайт, 2019. [Lunev, S.I. Regionalizatsiya i integratsiya: Indiya i Yuhnaya Aziya (Regionalization and Integration: India and South Asia). Moscow: Yurajt, 2019.]

⁹ Roul, A. South Asia: Hotbed of Islamist Terrorism // National Bureau of Asian Research, 2008, Vol. 19, No. 4.

¹⁰ Enacting Security and Stability in Afghanistan. Congressional Report / US Department of

Основным параметром, лежащим в основе концепции треугольника Россия – Индия – Китай, наряду с неприятием всеми державами монополярного мира, является угроза резкого роста мусульманского терроризма и экстремизма. КНР очень обеспокоена возможностью существенной активизации исламистских радикалов в Синьцзянь-Уйгурском районе, что может укрепить сепаратистские тенденции и в других автономных районах, на которые в целом приходится почти 60% территории Китая. Пекин также опасался тесных контактов уйгурских экстремистов с «Исламским государством», которое осуществляло подготовку боевиков из числа граждан КНР.

Особое значение имеет совместная деятельность трех держав в центре Евразии – в Афганистане и Центральной Азии. Еще в ходе встречи В.В. Путина с Манмохан Сингхом в 2013 г. стороны предложили в целях борьбы с терроризмом расширить деятельность в Афганистане региональных структур, в первую очередь, Шанхайской организации сотрудничества, Организации Договора коллективной безопасности и Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии, а также диалога в формате РИК. Таким образом, Россия и Индия выразили надежду на самую тесную кооперацию с КНР в Афганистане. По мнению индийских аналитиков, после целого ряда поражений исламистских террористов они с 2018 г. особенно нацелены на активизацию своих действий в районе Пакистана-Афганистана (только за первые три месяца 2018 г. из Сирии и Ирака в Афганистан переместились 69 человек их числа верхушки Исламского государства и до 300 боевиков)¹¹.

Китайские политики полагают, что интересы их страны в Центральной Азии направлены не только на достижение экономических целей, но и связаны с ликвидацией угроз нестабильности и терроризма для самой КНР. В этом плане стратегические интересы в регионе России, Китая и Индии достаточно близки по проблемам борьбы с

терроризмом, поддержания региональной стабильности и существующих границ.

Однако в Китае не очень готовы к серьезному разговору об антитеррористической коалиции. С Россией у Китая нет противоречий, наши страны давно сотрудничают в борьбе с терроризмом как на двусторонней основе, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Но здесь сильны опасения, как в отношении Индии, с которой у КНР существуют базовые противоречия, так и в отношении того, что США, заявляя о необходимости решительной борьбы с террором, еще долгое время будут сохранять свои войска в центре Евразии, т.е. вблизи границ Китая. Подобная позиция (угроза со стороны США Китаю, да и России больше, чем со стороны мусульманского терроризма) является достаточно обоснованной, но можно не допускать Вашингтон в Центральную Азию, а присутствие США в Афганистане вряд ли будет длительным после того, как расходы на военную операцию в горной стране превысили 1 трлн долларов, а прямые потери американских военнослужащих приблизились к 2,5 тысячам человек¹² (к тому же, США будут стремиться в первую очередь стабилизировать политическую ситуацию в горной стране). В этом плане Китай рассматривает Россию как определенный противовес США в, в частности, и Западу, в целом, в Афганистане. Индия, напротив, очень опасается вывода американских войск из Афганистана, поскольку, как заявил в декабре 2018 г. бывший Генеральный директор полиции штата Джамму и Кашмир Раджендра Кумар, уход США приведет к крайне негативным последствиям для Индии, поскольку кашмирские исламистские террористы воспримут это как свою победу¹³.

Политика Индии в отношении Афганистана определяется тремя основными соображениями: 1) опасениями по поводу

Defense. June 2017, p. 18.

¹¹ Gunaratna, R. *Global Threat Forecast 2019 // Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2019, Vol. 11, No. 1, p. 1.

¹² Basitis, A.; Basharis, I.; Siyech, M.S.; Mahmoodis, S.; Gunasingham, A. *South Asia: Afghanistan, Bangladesh, India, Pakistan, Sri Lanka // Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2019, Vol. 11, No. 1, p. 33.

¹³ US Withdrawal From Afghan Will Have Implications In Kashmir // *Financial Express (India)*, December 25, 2018.

победы исламистов в Афганистане, распространением исламского радикализма в Центральную Азию и возможного появления исламистского блока, состоящего из Пакистана, Афганистана и республик Центральной Азии, имеющего в т.ч. и резкую антииндийскую направленность; 2) нежеланием усиления влияния великих держав в Афганистане и роста их вовлеченности в региональные дела; 3) стремлением к превращению Афганистана в транзитную страну между Центральной Азией и Индией. Данные подходы в определенной степени противоречат друг другу, но все они имеют задачу превращения Афганистана в светское и стабильное государство¹⁴.

Все действия Индии в отношении Афганистана в постбиполярный период свидетельствуют о том, что Индия крайне опасается усиления позиций исламистских радикалов в Афганистане. Так, как только с 1994 г. религиозно-политическое движение «Талибан» стало добиваться военных успехов, индийское правительство стало прилагать усилия по оказанию помощи антиталибским силам (включая поставки вооружения Северному альянсу, направления военных советников и оказания консультационного содействия). Дели полагает, что распространение исламского фундаментализма и экстремизма в Центральную Азию в случае победы талибов – реальная угроза. Что касается создания возможного антииндийского мусульманского блока, то эту идею поддерживали пакистанские власти с момента развала Советского Союза. Для Пакистана важно создание союза дружественных ему стран для противостояния Индии и превращения в мощную региональную державу, с которой стали бы считаться основные мировые центры. Индия готова идти на самые решительные действия против исламистских боевиков. Уже к концу 1990-х годов была создана совместная российско-индийская рабочая группа по Афганистану и начался ширококомасштабный обмен информацией по исламистским террористам.

¹⁴ См., например: Hanauer, Larry; Chalk, Peter. *India's and Pakistan's Strategies in Afghanistan: Implications for the United States and the Region*. RAND Corporation, 2012. Pp. 11-23.

При этом в Индии Афганистан традиционно рассматривался как южноазиатская страна (что и дало основания для принятия его в СААРК в апреле 2007 г.), а индийский истеблишмент всегда желал укрепить свои доминирующие позиции Индии в Южной Азии, противостоял активизации великих держав в регионе и отказывался от привлечения посредников к решению региональных проблем.

Проблема обеспечения энергетической безопасности является чрезвычайно приоритетной для азиатского гиганта, и Индия заинтересована в поставках углеводородов из Центральной Азии и Каспийского бассейна. Окружной морской путь – нерентабелен, поэтому в Индии особое значение придают перспективному строительству нефте- и газопроводов через Афганистан к Индийскому океану. Декларированное стремление создания новой коммуникационной артерии по маршруту: побережье Аравийского моря – Кветта (Пакистан) – Кандагар – Герат – Кушка (Туркменистан) – Каспийское море было воспринято в Индии с энтузиазмом, как и начало изысканий американской компании по поводу строительства газопровода от Даултабатского газового месторождения в Туркменистане примерно по этому маршруту.

Приоритетные для Индии маршруты на восток и северо-восток в рамках Международного транспортного коридора «Север – Юг» ведут из Ирана в Афганистан. Первый коридор из Бендер-Аббаса и Чабахара в Герат – Мешхед – Мазари-Шариф – Термез. Второй коридор из Чабахара в Захедан – Зарандж – Кабул. Далее на север – в Мазари-Шариф и на восток – в Джелалабад и Пакистан. Ключевой становится роль г. Мазари-Шариф, как узла стратегических коммуникаций на данном направлении. Вашингтон, крайне положительно реагирующий на развитие индийско-афганских связей, даже вывел индийско-иранский проект по развитию порта Чабахар из своих антииранских санкций¹⁵.

¹⁵ Более подробно см. Лунев С.И., Юртаев В.И. Индийско-иранские отношения в 2018 г. // Запад–Восток–Россия 2018. Ежегодник / Отв. ред.: А.С. Прозоровский, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2019, с. 37-41. [Lunev, S.I.; Yurtaev,

Другие факторы, влияющие на подходы Индии к ситуации в Афганистане (положение мощной индийской торговой общины в Афганистане, возможное отвлечение активности Пакистана в северном направлении и т.д.), не играют слишком значимой роли.

Индия продолжит свой внешнеполитический курс в отношении Афганистана: будет стремиться к превращению Афганистана в светское и стабильное государство, развивать политические связи с афганским правительством, предоставлять экономическое содействие, оказывать поддержку силам коалиции (но только в плане предоставления разведывательной информации¹⁶). Можно предположить, что республика не станет особо важным актором в дальнейшем развитии ситуации, хотя афганская проблема и является для Индии очень важной.

Достаточно сходной является и политика Индии в Центральной Азии, где помимо экономических факторов, ее интересам отвечает борьба против религиозного экстремизма, терроризма, наркобизнеса, за урегулирование ситуации в Афганистане и, главное, обеспечение региональной безопасности, что будет не только способствовать стабилизации в регионе, но и препятствовать проникновению в Индию «трех сил зла», то есть национального сепаратизма, религиозного радикализма и международного терроризма, а также создаст благоприятные условия для решения проблемы Кашмира.

Россия и Индия наладили тесное сотрудничество по ситуации в Афганистане, и между ними нет никаких расхождений, за

исключением негативной реакции Дели на инициацию Москвой, при поддержке Китая, Ирана и Пакистана переговоров с афганскими талибами¹⁷. Однако, если подходы к Афганистану у Китая и Индии одинаковы с концептуальной точки зрения на борьбу за нормализацию ситуации, стабильность и противостояния исламистскому терроризму, то реальное наполнение этого теоретического подхода у двух азиатских гигантов имеет различное наполнение.

К сожалению, в обозримом будущем вряд ли возможна реальная реализация базового тезиса Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 25 июня 2016 г. – «создание “единого фронта” борьбы с терроризмом и экстремизмом при центральной координирующей роли ООН, на основе ее Устава, норм и принципов международного права, без политизации, “двойных стандартов” и предварительных условий»¹⁸, прежде всего из-за отсутствия реальных действий со стороны Пекина в отношении борьбы с единой мусульманской террористической сетью в Пакистане, Азад Кашмире и Афганистане (а ранее – и в Центральной Азии), которая имеет общие базы и тренировочные лагеря, полностью координирует свою деятельность и придерживается единой тактики и стратегии. Китай желает возложить ответственность за стабильность в регионе практически исключительно на Россию, в условиях, когда очень сложным вопросом является участие государств Центральной Азии в совместных действиях, к которым они попросту не готовы (история показывает, что из-за крайне напряженных отношений между ними страны крайне не охотно участвуют в общих акциях), а Афганистан еще десятилетия будет являться «несостоявшимся» государством. В Организации Договора о коллективной безопасности, которая во многом

V.I. Indiisko-iranskije otnosheniya v 2018 g. (Indian-Iranian Relations in 2018) // West-East-Russia 2018. Yearbook / Ed.: A.S. Prozorovsky, V.G. Khoros. Moscow: IMEMO RAS, 2019, pp. 37-41.]

¹⁶ При правлении Индийского национального конгресса даже обсуждалась идея о самом решительном участии в афганском конфликте (включая направление до 100 тыс. войск). Правда, она была признана маргинальной, и министр обороны Индии А.К. Энтони указал: «Я категорически заявляю, что не стоит вопрос о направлении индийских войск ... ни сейчас, ни в будущем» (Antony: India Will not Send Troops to Afghanistan // The Hindu (New Delhi), October 29, 2009.

¹⁷ Basit, A.; Mahmood, S.; Bashar, I.; Siyech, M.S. South Asia. Afghanistan, Pakistan, Bangladesh, India // *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2018, Vol. 10, No. 1, p. 36.

¹⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 25 июня 2016 года / Сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100>

идет с ШОС по параллельному курсу, существует крайне сложная процедура принятия решений, что требует очень много времени, постоянно возникают разногласия между странами, из-за чего организация является неэффективной и может «гордиться» исключительно учениями, а реальных операций она не проводит. В декабре 2017 г. Кабул объявил о согласии Пекина построить военную базу в провинции Бадахшан, соседнее Синьцзяна, но министерство обороны Китая дезавуировало это заявление¹⁹.

Китай не оказывает даже нажима на Пакистан, который весьма существенно зависит от своего соседа и в политическом, и в экономическом плане, для сдерживания Межвидовой разведки Пакистана, создавшей «Талибан» и до сих пор контролирующей многие действия организации²⁰, оказывавшей крупномасштабную помощь «Аль-Каиде» (Усама бен Ладен был под контролем организации с конца 1980-х годов) и поддерживающую уйгурских исламистов в Синьцзяне и ряд религиозных групп в Центральной Азии. Более того, многие эксперты полагают, что китайские граждане в ближайшее время превратятся в мишень для исламистских организаций Пакистана (особенно выделяют Техрик-е Талибан Пакистан и Армию освобождения Белуджистана, которая борется за независимость своего штата)²¹. Еще в июне 2014 г. в лаге-

рях боевиков в Пакистане насчитывалось до 1000 китайских джихадистов²². Правда, после взрыва бомбы в Урумчи в мае 2014 г., убившей 39 человек, Пекин начал кампанию «сокрушительного удара» по экстремизму и терроризму в Синьцзяне, и крайне жесткие и часто жестокие действия КНР (по сообщениям Би-би-си, Рейтера и «Аль-Джазиры», около 1 млн уйгуров были помещены в специальные лагеря в рамках антитеррористической деятельности) весьма значительно снизили активность исламистских организаций в регионе²³.

Помимо этого, Пекин крайне негативно реагирует на энергетическую политику Индии в регионе, не желая допустить направления энергетических потоков из региона на юг. Сейчас происходит рост зависимости национальных экономик стран региона от Китая, а резкое укрепление связей КНР с Центральной Азией в сфере углеводородов позволяет Пекину диктовать свои условия даже Москве при обсуждении контрактов по данному направлению. Пекин по существу контролирует экономическую ситуацию в регионе. Их товарооборот со странами Центральной Азии вырос с 1 млрд долл. в 2002 г. до 45 млрд в 2014 г.²⁴, тогда как показатели России составили лишь 27,5 млрд (экспорт республик региона в РФ составил лишь 7,5 млрд)²⁵, а в 2018 г. объем торговли России даже упал до 25,8 млрд долл. США²⁶. Китайские инвестиции в Центральную Азию зна-

¹⁹ Sronski, P.; Ng, N. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic / Carnegie Endowment for International Peace, February 2018. Mode of access: https://carnegieendowment.org/files/331_Sronski_Ng_brief.pdf

²⁰ Basit, A.; Mahmood, S.; Bashir, I.; Siyech, M.S. South Asia. Afghanistan, Pakistan, Bangladesh, India // *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2018, Vol. 10, No. 1, Annual Threat Assessment (January), pp. 37-38; Giustozzi, A. Afghanistan: Taliban's Organization and Structure. Oslo: Land Info. August 2017. P. 6.

²¹ Basit, A. Attacks On Chinese Nationals and Interests in Pakistan Are Likely to Continue. Here's Why // *South China Morning Post*, November 27, 2018; Jadoon, A.; Mahmood, S. Fixing the Cracks in the Pakistani Taliban's Foundation: TTP's Leadership Returns to the Mehsud Tribe // *Combating Terrorism Sentinel*, 2018, Vol. 11, No. 11, pp. 21-25.

²² Keinon, H. JCPA Analyst: 1,000 Chinese Jihadists Training in Pakistan // *The Jerusalem Post*, June 25, 2014.

²³ Mumford, A. Theory-Testing Uyghur Terrorism in China // *Perspectives on Terrorism*, 2018, Vol. 12, No. 5, pp. 19-21.

²⁴ Sternberg, T.; Ahearn, A.; McConnell, F. Central Asian "Characteristics" on China's New Silk Road: The Role of Landscape and the Politics of Infrastructure // *Land*, 2017, Vol. 6, No. 3, pp. 1-16.

²⁵ Казанцев А. Только политика: почему Россия не может уйти из Центральной Азии / Сайт РБК, 9 сентября 2016 г. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/09/09/2016/57d2a18d9a794700bf2fd935>

²⁶ Россия и Центральная Азия / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: <https://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii>

чительно превышают российские. Если все накопленные российские инвестиции в этом регионе составляют около 20 млрд долл. США²⁷, то к июлю 2017 г. китайские вложения в экономику одного Казахстана были чуть меньше 43 млрд долл. США (а займы превысили 50 млрд)²⁸. Огромны долги центральноазиатских стран Китаю: если его доля во внешних долгах Казахстана составляет всего 8,9%, то Киргизии – 45,3%, а Таджикистана – 51,1%²⁹. Лиц, принимающих решение в РФ, все это никак не беспокоит, и они не видят никаких угроз российским интересам от подобного сотрудничества Китая со странами Центральной Азии. Индию китайское руководство вообще не принимает во внимание.

Наиболее сложной проблемой совместных действий Китая, России и Индии в регионе являются различия в подходах к Пакистану. КНР рассматривает южноазиатскую страну как стратегического союзника, для РФ она в целом представляет угрозу безопасности (вызов Пакистана России связан не только с возможностью укрепления радикальных исламских сил и с обучением будущих террористов на территории Пакистана, но и с военной инфраструктурой последнего), а Индия воспринимает своего соседа как основного врага.

С объективной точки зрения, полностью соответствует политике России, Китая и Индии развитие совместного сотрудничества в регионе по следующим направлениям:

1. Укреплять связи в формате ШОС.
2. Добиваться транспарентности в регионе в политической и военной сферах.
3. Вести борьбу с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

²⁷ Ibid.

²⁸ China Buys Kazakhstan Lender as Xi Pushes Trade 'Belt and Road' // *Bloomberg*, June 7, 2017. Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-06-08/china-buys-kazakhstan-lender-as-xi-pushes-trade-belt-and-road>

²⁹ Kitade, D. Central Asia Undergoing a Remarkable Transformation: Belt and Road Initiative and Intra Regional Cooperation / Mitsui & Co. Global Strategic Studies Institute Monthly Report. August 2019. P. 4.

4. Стремиться к уменьшению оборотов наркоторговли.

5. Действовать совместно в целях обеспечения политической стабильности в странах ЦА.

Не отрицая важности принятия общих заявлений по борьбе с терроризмом в рамках ШОС и других международных организаций (таких, как недавнее выступление стран-членов ШОС за скорейшее принятие Всеобщей конвенции ООН по борьбе с международным терроризмом), следует признать, что главное заключается в создании четко работающего тройственного сотрудничества:

– В формате организации Индия, Китай и Россия могли бы выдвигать совместные предложения по борьбе с терроризмом, которые в случае неприятия ШОС, становились бы двусторонними документами.

– Необходима организация специальной группы китайских, индийских и российских специалистов, которая смогла бы найти нестандартные решения по борьбе с терроризмом, так как чисто военные и силовые методы не очень эффективны.

– Следует принять самые разнообразные программы (военные учения, единые программы и т.д.) совместной деятельности ШОС и ОДКБ по антитеррористической деятельности, борьбе с наркотрафиком, другими вызовами и угрозами в регионе, поскольку деятельность организаций во многом дублирует друг друга.

– Крайне важно создать новые специальные китайско-российские и индийско-российские группы по обмену всей информацией о террористической деятельности в Центральной Азии и Афганистане и выдвижению конкретных проектов совместных операций.

– Было бы целесообразно организовать китайско-российскую и индийско-российскую структуры по борьбе с наркотрафиком и перекрытию источников финансирования международного терроризма.

– Возможна не только координация действий КНР, Индии и РФ по охране границ Центральной Азии и Афганистана, но и создание специальных двусторонних структур (правда, подобный пункт может показаться

не слишком привлекательным для России, поскольку Москва негласно согласилась с лидерством Китая в регионе в экономическом плане, но желает сохранить доминирующие позиции в плане обеспечения стратегической безопасности).

– Следует совместными действиями не допускать усиления позиций США и НАТО в регионе и пресекать попытки лидеров центральноазиатских государств проводить «многовекторную политику» в плане безопасности.

– Крайне привлекательно создать и тройственную группу (Китай – Россия – Индия). Учитывая, что главным препятствием этому выступает деятельность Пакистана, в этих целях следовало бы активизировать диалог Пекина с Исламабадом не только в двустороннем, но и в многосторонних форматах, в том числе в рамках, например, такой площадки, как «Диалог Китай – Пакистан – Афганистан», и подключить Россию к ежегодному контртеррористическому диалогу Китая и Индии. Принимая во внимание, что КНР имеет очень большие рычаги давления на Пакистан, в том числе и экономические, она могла бы способствовать постепенному затуханию той деятельности Межвойсковой разведки Пакистана, которая связана с поддержкой антииндийских террористических организаций. Подобную информацию можно было бы передавать Дели. Любой успех Пекина в этом направлении приведет не только к эффективной борьбе с международным терроризмом, но и к существенному улучшению отношений с Индией.

– Китай мог бы также предложить Индии наладить совместную деятельность по борьбе с исламистским терроризмом и экстремизмом в Южной Азии, например, в Бангладеш.

– Вполне возможно наладить тройственные программы в Афганистане, учитывая единство подходов по вопросам стабильности и безопасности страны.

– Интересным представляется выдвижение новых антитеррористических инициатив в тройном формате.

– Совершенствование механизма двусторонних китайско-российских и индийско-российских антитеррористических учений

и совместных антитеррористических тренировок могло бы позволить осуществить конкретную, пусть и не очень масштабную операцию, например по борьбе с наркотрафиком из Афганистана.

– Россия уже согласилась передавать всю информацию о гражданах КНР, выезжающих через территорию РФ в потенциально опасные районы, прежде всего Сирию, Иран, Ирак, Турцию. Вполне возможно осуществление совместного давления на Казахстан и другие страны Центральной Азии для получения подобной информации о гражданах Китая, Индии и РФ, находящихся на территории региона.

– Помимо проведения постоянных совместных антитеррористических учений, возможно и создание совместной постоянно действующей военной структуры.

– Китай мог бы активизировать борьбу с террористическими организациями в Юго-Восточной Азии, в чем заинтересованы также Россия, Индия и сами государства региона. На первых порах возможно ограничиться выдвиганием новых китайских инициатив в рамках международных и региональных организаций, на двустороннем уровне, а также проведением учений в двустороннем и многостороннем формате.

– Вполне возможно налаживание совместного диалога в Сирии в многостороннем формате, в который, помимо КНР, России и Сирии, вполне вероятно вовлечение Ирана, Ирака и, возможно, на некоторое время Турции.

В целом совместная борьба с международным терроризмом существенно укрепляет китайско-российско-индийское сотрудничество и вполне может стать одним из его краеугольных камней.

Литература:

Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия. М.: Юрайт, 2019.

Лунев С.И., Юртаев В.И. Индийско-иранские отношения в 2018 г. // Запад–Восток–Россия 2018. Ежегодник / Отв. ред.: А.С. Прозоровский, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 37-41.

Basit, A. Attacks On Chinese Nationals and Interests in Pakistan Are Likely to Continue. Here's Why // *South China Morning Post*, November 27, 2018;

Basit, A.; Mahmood, S.; Bashar, I.; Siyeche, M.S. South Asia. Afghanistan, Pakistan, Bangladesh, India // *Counter*

Terrorist Trends and Analyses, 2018, Vol. 10, No. 1, p. 36.

Basitis, A.; Basharis, I.; Siyech, M.S.; Mahmoodis, S.; Gunasingham, A. South Asia: Afghanistan, Bangladesh, India, Pakistan, Sri Lanka // *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2019, Vol. 11, No. 1.

Giustozzi, A. Afghanistan: Taliban's Organization and Structure. Oslo: Land Info. August 2017.

Gunaratna, R. Global Threat Forecast 2019 // *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2019, Vol. 11, No. 1.

Hanauer, Larry; Chalk, Peter. India's and Pakistan's Strategies in Afghanistan: Implications for the United States and the Region. RAND Corporation, 2012.

Jadoon, A.; Mahmood, S. Fixing the Cracks in the Pakistani Taliban's Foundation: TTP's Leadership Returns to the Mehsud Tribe // *Combating Terrorism Sentinel*, 2018, Vol. 11, No.11, pp. 21-25.

Keinon, H. JCPA Analyst: 1,000 Chinese Jihadists Training in Pakistan // *The Jerusalem Post*, June 25, 2014.

Kitade, D. Central Asia Undergoing a Remarkable Transformation: Belt and Road Initiative and Intra Regional Cooperation / Mitsui & Co. Global Strategic Studies Institute Monthly Report. August 2019.

Mumford, A. Theory-Testing Uyghur Terrorism in China // *Perspectives on Terrorism*, 2018, Vol. 12, No. 5, pp. 19-21.

Roul, A. South Asia: Hotbed of Islamist Terrorism // *National Bureau of Asian Research*, 2008, Vol. 19, No. 4.

Sternberg, T.; Ahearn, A.; McConnell, F. Central Asian "Characteristics" on China's New Silk Road: The Role of Landscape and the Politics of Infrastructure // *Land*, 2017, Vol. 6, No. 3, pp. 1-16.

Stronski, P.; Ng, N. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic / Carnegie Endowment for International Peace, February 2018. Mode of access: https://carnegieendowment.org/files/331_Stronski_Ng_brief.pdf

Cooperation / Mitsui & Co. Global Strategic Studies Institute Monthly Report. August 2019.

Lunev, S.I. Regionalizatsiya i integratsiya: Indiya i Yuhnaya Aziya (Regionalization and Integration: India and South Asia). Moscow: Yurajt, 2019.

Lunev, S.I.; Yurtaev, V.I. Indiisko-iranskie otnosheniya v 2018 g. (Indian-Iranian Relations in 2018) // *West-East-Russia 2018. Yearbook* / Ed.: A.S. Prozorovsky, V.G. Khoros. Moscow: IMEMO RAS, 2019, pp. 37-41.

Mumford, A. Theory-Testing Uyghur Terrorism in China // *Perspectives on Terrorism*, 2018, Vol. 12, No. 5, pp. 19-21.

Roul, A. South Asia: Hotbed of Islamist Terrorism // *National Bureau of Asian Research*, 2008, Vol. 19, No. 4.

Sternberg, T.; Ahearn, A.; McConnell, F. Central Asian "Characteristics" on China's New Silk Road: The Role of Landscape and the Politics of Infrastructure // *Land*, 2017, Vol. 6, No. 3, pp. 1-16.

Stronski, P.; Ng, N. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic / Carnegie Endowment for International Peace, February 2018. Mode of access: https://carnegieendowment.org/files/331_Stronski_Ng_brief.pdf

References:

Basit, A. Attacks On Chinese Nationals and Interests in Pakistan Are Likely to Continue. Here's Why // *South China Morning Post*, November 27, 2018;

Basit, A.; Mahmood, S.; Bashar, I.; Siyech, M.S. South Asia. Afghanistan, Pakistan, Bangladesh, India // *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2018, Vol. 10, No. 1, p. 36.

Basitis, A.; Basharis, I.; Siyech, M.S.; Mahmoodis, S.; Gunasingham, A. South Asia: Afghanistan, Bangladesh, India, Pakistan, Sri Lanka // *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2019, Vol. 11, No. 1.

Giustozzi, A. Afghanistan: Taliban's Organization and Structure. Oslo: Land Info. August 2017.

Gunaratna, R. Global Threat Forecast 2019 // *Counter Terrorist Trends and Analyses*, 2019, Vol. 11, No. 1.

Hanauer, Larry; Chalk, Peter. India's and Pakistan's Strategies in Afghanistan: Implications for the United States and the Region. RAND Corporation, 2012.

Jadoon, A.; Mahmood, S. Fixing the Cracks in the Pakistani Taliban's Foundation: TTP's Leadership Returns to the Mehsud Tribe // *Combating Terrorism Sentinel*, 2018, Vol. 11, No. 11, pp. 21-25.

Keinon, H. JCPA Analyst: 1,000 Chinese Jihadists Training in Pakistan // *The Jerusalem Post*, June 25, 2014.

Kitade, D. Central Asia Undergoing a Remarkable Transformation: Belt and Road Initiative and Intra Regional

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021

THE PROBLEM OF TERRORISM AND APPROACHES TO AFGHANISTAN IN THE RUSSIA-INDIA-CHINA TRIANGLE

Sergey I. Lunev

*MGIMO University,
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

<p>Article history: <i>Declared:</i> 21.10.2019 <i>Received:</i> 29.01.2020 <i>Accepted:</i> 10.03.2020</p>	<p>Abstract: The article deals with the problems of joint actions of Russia, India, and China to mitigate the terrorist threat from Islamist terrorists in the Central part of Eurasia. The author comes to the conclusion that, from an objective point of view, the three giants have completely uniform approaches to terrorism, separatism and extremism. Moreover, along with the refusal to accept the monopolar structure of the world system, it is the fight against such radicalism that is the main parameter contributing to the real existence of the triangle. However, the concrete actions of the three powers do not indicate any established cooperation. The analysis shows that the main reason is the policy of China, which is extremely wary of India and prefers Russia to stand alone against terrorist activity in the region. Joint public statements remain pure declarations, not supported by real steps. In the fight against Islamist terrorism in the PRC itself, Beijing does not take action to limit external support for Uighur radicals (and doesn't, for example, exert any pressure on Islamabad, dependent on China, to limit the activities of Pakistan's Inter-Services Intelligence, which has close contacts with the main Islamist organizations of South and South-East Asia, Central Asia, Afghanistan, and China itself), preferring independent actions. Russia has gone to fairly broad cooperation with different countries, as well as with regional and global organizations in the fight against international terrorism. Particular importance is attached to the development of contacts on this issue with key strategic partners (China, India, Kazakhstan) and the work of organizations such as the Shanghai Cooperation Organization and the Collective Security Treaty Organization. Anti-terrorist operations are constantly carried out, however, outside the Russian Federation they are carried out only in very rare cases. On the formal side, Russia is taking certain steps to limit the spread of radical Islamic ideas in the region. The counter terrorism centers and anti-terrorism programs created within the framework of the SCO and the CSTO have been widely advertised. However, there is essentially no practical impact from them, and many structures simply duplicate each other (including in terms of lack of efficiency). Therefore, it is imperative to establish a significant rapprochement between the three giants on the issue of countering the terrorist threat, although neither the scope nor the framework of interaction has been clearly defined yet.</p>
<p>About the author: Dr. of History, Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University; Professor of National Research University Higher School of Economics e-mail: silounev@gmail.com</p>	
<p>Key words: Russia; China; India; Afghanistan; Islamist terrorism; joint action</p>	

Для цитирования: Lunev С.И. Проблемы терроризма и подходы к Афганистану в треугольнике Россия-Индия-Китай // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 76-88.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021

For citation: Lunev, Sergey I. Problemy terrorizma i podkhody k Afganistanu v treugol'nike Rossiya-Indiya-Kitay (The Problem of Terrorism and Approaches to Afghanistan in the Russia-India-China Triangle) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 76-88.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10021

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ КИТАЯ В АФГАНСКОМ ВОПРОСЕ И ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Георгий Андреевич Сизов

*Российский институт стратегических исследований,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i> 21 октября 2019</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 1 февраля 2020</p> <p><i>Принята к печати:</i> 20 марта 2020</p>	<p>Аннотация: Мир в Центральной Азии (ЦА) и Афганистане напрямую затрагивают долгосрочные интересы Китая в области экономики и безопасности. В частности, речь идет об обеспечении стабильности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) и продвижении китайского Экономического пояса Шелкового пути. Именно поэтому взаимодействие с центральноазиатскими государствами в данной области сохраняет особую актуальность для Пекина. С 2014 г. происходит определенная милитаризация подхода Пекина к обеспечению безопасности собственных интересов за рубежом, что особенно заметно на примере Афганистана. Однако и здесь политика Китая носит скорее защитный характер и зачастую пролегает в «серой зоне», так как заявления официальных властей и различные сообщения СМИ создают двойственное впечатление о наличии китайского военного присутствия в афганском приграничье. Несмотря на наращивание дипломатических усилий и расширение военного компонента своей политики, влияние КНР на афганский мирный процесс остается ограниченным и направлено, в первую очередь, на сдерживание угроз для своих интересов в СУАР и ЦА</p>
<p>Об авторе: научный сотрудник, Центр Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона, Российский институт стратегических исследований (РИСИ)</p> <p>e-mail: sizov.g.a@riss.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Китай; Афганистан; Центральная Азия; политика безопасности; терроризм; экстремизм; Синьцзян; уйгуры</p>	

Центральная Азия, будучи этнокультурно и исторически связанной с западными регионами Китая, преимущественно Синьцзян-Уйгурским автономным районом, занимает важное место в китайской внешнеполитической стратегии. Интенсивное промышленное развитие Синьцзяна, растущие торгово-экономические связи с центральноазиатскими странами в начале 1990-х гг., а также создание Шанхайской организации сотрудничества позволили Пекину расширить свое влияние в области экономики и безопасности в регионе.

Проект Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), предложенный председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., является своего рода зонтичной инициативой для всех китайских инвестиций в регионе и на-

целен на то, чтобы более тесно связать Центральную и Южную Азию между собой и с Китаем для создания стратегически важного сухопутного транспортного коридора между КНР и Европой¹. На данном момент ключевыми проектами, соединяющими Синьцзян с Центральной и Южной Азией, являются свободная экономическая зона Хоргос на китайско-казахской границе, где будет расположен крупнейший транспортный хаб

¹ Видение и действия по совместному строительству экономического пояса Шелкового пути и Шелкового пути 21-го века / Государственный комитет по развитию и реформам, 2015, март (推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动 / 中华人民共和国国家发展和改革委员会, 2015年3月). Режим доступа: http://www.ndrc.gov.cn/gzdt/201503/t20150328_669091.html

для организации доставки китайских товаров на рынки Ближнего Востока, Европы и Африки; а также Китайско-Пакистанский экономический коридор (КПЭК), который начинается в г. Кашгар в Синьцзяне и идет дальше на юг через Пакистан вдоль границы с Индией к порту в г. Гвадар, где Китай строит торговый порт и соответствующую инфраструктуру для получения доступа к Аравийскому морю и Индийскому океану².

Хотя в официальном представлении ЭПШП, равно как и Морской Шёлковый путь, является сугубо экономико-инфраструктурным проектом, *его реализация так или иначе зависит от решения целого комплекса проблем в области обеспечения безопасности, которые сосредоточены преимущественно вокруг Афганистана и Пакистана*. Не менее важным регионом с точки зрения обеспечения безопасности для китайских инициатив является и Центральная Азия, где угроза терроризма и радикализма продолжает сохраняться, хотя и в латентном виде. Во многом этому способствует хроническая нерешенность целого ряда социально-экономических проблем, определенный идеологический вакуум, образовавшийся после распада СССР и вызванный разочарованием местными правительствами; ретрадиционализация и реархаизация социально-культурной сферы в ряде центральноазиатских обществ, а также общая неустойчивость, нестабильность политических институтов и режимов центральноазиатских государств³, в значительной степени зависящих от гарантий и сотрудничества в сфере безопасности и экономики, включая различные виды экономической помощи.

² Bhavna, Dave; Yuka, Kobayashi. China's Silk Road Economic Belt Initiative in Central Asia: Economic and Security Implications // *Asia Europe Journal*, September 2018, Vol. 16(3), pp. 2-3.

³ Годы, которые изменили Центральную Азию // Под ред. Звягельской И.Д. М.: Центр стратегических и политических исследований Института Востоковедения РАН, 2009. С. 33-34. [Gody, kotoryye izmenili Tsentral'nuyu Aziyu (The Years That Changed Central Asia) // Ed. by Zvyagel'skaya I.D. Moscow: Tsentrstrategicheskikh i politicheskikh issledovaniy Instituta Vostokovedeniya RAN, 2009. Pp. 33-34.]

Дальнейшая траектория развития террористических угроз в регионе будет определяться двумя основными факторами: во-первых, *исходом продолжающихся вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке и в Афганистане и, во-вторых, будущим Исламского государства и Аль-Каиды в регионе*. Действительно, учитывая повышенные меры безопасности в центральноазиатских государствах и решимость многих боевиков из стран региона продолжать воевать в горячих точках на Ближнем Востоке и в Афганистане, большая часть этих иностранных террористов-боевиков не сможет вернуться к себе на родину. В то же время недавние нападения в Таджикистане свидетельствуют о росте влияния ИГ в регионе, особенно в виртуальном пространстве, несмотря на поражение в Сирии и Ираке. Судя по всему, ИГ и дальше будет пытаться вдохновлять и поддерживать проведение низкотехнологичных терактов путем распространения пропаганды через свои децентрализованные локальные ячейки или отдельных сторонников. В дополнение ко всему вышесказанному, новым фактором радикализации местного населения центральноазиатских стран и проживающих в них этнических уйгуров может стать политика Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, а также рост экономического присутствия в странах ЦА, что также будет оказывать негативное влияние на безопасность в регионе.

Наиболее активное взаимодействие по линии противодействия терроризму на двухсторонней основе у Китая налажено с Казахстаном и Таджикистаном, с которыми он достаточно регулярно проводит совместные военные учения, в том числе по защите критически важных объектов инфраструктуры. Кроме того, крупные инвестиции Китая в Таджикистан, а также его заинтересованность в сдерживании нестабильности из Афганистана вынудили Китай вложить средства в обеспечение безопасности слабо охраняемой границы между Таджикистаном и Афганистаном, через которую проходит контрабанда различных товаров, наркотрафик и которая является своего рода убежищем для ис-

ламских радикалов и преступных группировок⁴.

Ситуация в сфере безопасности в Афганистане в последние два года продолжает оставаться крайне тяжелой: с каждым разом наступательные операции и масштабные теракты со стороны Талибана продолжают подрывать положение официального правительства в Кабуле. Хотя ни одна из воюющих сторон до сих пор не может переломить ход конфликта силовым путем, общая стратегическая ситуация складывается скорее в пользу Талибана, о чем свидетельствует его жесткая позиция на мирных переговорах и установка на продолжение военных действий. В 2019 г. и далее всё будет зависеть от динамики американо-талибских переговоров и устойчивости официального правительства в Кабуле. Исход президентских выборов также окажет непосредственное влияние на будущее направление мирного процесса и политическую стабильность в Афганистане.

В то же время решение США о выводе или сохранении своих войск в Афганистане будет может иметь решающий характер. Если США решат уйти из Афганистана поэтапно, обеспечивая политическое решение конфликта и стабилизацию военно-политической ситуации, то уровень насилия в стране может пойти на спад, но такой вариант развития событий представляется крайне маловероятным с учётом всех вышеупомянутых факторов. Вместе с тем, разработка деталей политического урегулирования может оказаться крайне сложной, учитывая разнонаправленность интересов и требований противоборствующих сторон, а также их внутреннюю неоднородность. Если же США решат вывести свои войска из Афганистана в спешном порядке, как это было в Ираке в 2011 году, и оставить официальное правительство в Кабуле один на один со своими проблемами, то ситуация в

Афганистане с большой вероятностью серьёзно ухудшится⁵.

Вопрос афганского урегулирования и обеспечения безопасности в регионе напрямую затрагивает интересы Китая. *Хотя Пекин не является движущей силой мирного процесса в Афганистане, его военно-политические шаги в приграничных районах оказывают влияние на стабильность региона и являются фактором, который также необходимо учитывать при анализе афганской проблемы.*

На данном этапе главный интерес Китая в Афганистане – это обеспечение безопасности своих западных рубежей, инфраструктурных проектов и новых торговых маршрутов в рамках инициативы «Пояса и пути» в Центральной и Южной Азии. Помимо базирующихся в Афганистане уйгурских боевиков, особую озабоченность Пекина вызывает подъем ИГИЛ, которое открыто угрожает безопасности региона. КНР опасается неконтролируемой дестабилизации Афганистана, которая может затронуть центральноазиатские государства и, в конечном счете, Синьцзян, где им в последние несколько лет были предприняты беспрецедентные меры по обеспечению безопасности.

Сейчас Китай остается заинтересованным в ограниченном военном контингенте США, так как сам не готов взять на себя роль гаранта безопасности. Резкий выход США из Афганистана, по мнению китайского руководства, серьёзным образом подорвет стабильность в стране и регионе⁶. Вместе с тем в долгосрочной перспективе присутствие США нежелательно, так как

⁴ Shahbazov, F. China's Long March into Central Asia: How Beijing Expands Military Influence in Tajikistan // The Central Asia-Caucasus Analyst, February 21, 2017. Mode of access: <https://caciaanalyst.org/publications/analyticalarticles/item/13429-china%E2%80%99s-long-march-into-central-asia-how-beijing-expands-militaryinfluence-in-tajikistan.html>

⁵ Годы, которые изменили Центральную Азию // Под ред. Звягельской И.Д. М.: Центр стратегических и политических исследований Института Востоковедения РАН, 2009. С. 42. [Gody, kotoryye izmenili Tsentral'nyuyu Aziyu (The Years That Changed Central Asia) // Ed. by Zvyagel'skaya I.D. Moscow: Tsentral'nyy Institut strategicheskikh i politicheskikh issledovaniy Instituta Vostokovedeniya RAN, 2009. P. 42.]

⁶ 赵华胜. 特朗普政府的阿富汗新战略及中国的政策选择 [Чжао Хуашен. Новая стратегия администрации Трампа в отношении Афганистана и политические опции для Китая] // 凤凰国际智库. 28.10.2017. Mode of access: https://pit.ifeng.com/a/20171028/52830533_0.shtml

оно рассматривается Китаем как часть американской политики сдерживания.

Внастоящеевремявоенно-политическая стратегия Китая в Афганистане в большей степени характеризуется стремлением «хеджировать» риски безопасности, исходящие с афганской территории. Данный подход, как представляется, находит свое отражение в трех основных компонентах, каждый из которых получал приоритетное развитие в разные периоды времени.

Во-первых, Китай оказывает поддержку официальному правительству в Кабуле с целью увеличения его устойчивости и способности противодействовать антиправительственным группировкам. Предложенная в 2011 г. «новая афганская политика» КНР заключается в оказании экономической (гуманитарной) и невоенной помощи в сфере безопасности (поставка небоевого снаряжения и оборудования для афганской полиции, её обучение китайскими специалистами и т.д.)⁷. В 2016 г. Китай заявил о том, что рассматривает возможность перехода к новой модели военного сотрудничества с Афганистаном, которая подразумевала бы углубление обменов разведывательной информацией для противодействия терроризму, совместные учения и операции, а также тренировку афганских сил безопасности⁸. Кроме этого, в 2018 г. намечилось изменение подхода Пекина к поставкам военной техники правительству Афганистана: Китай пообещал афганскому правительству поставить боевые вертолеты и другие вооружения⁹.

Во-вторых, Китай стремится продвигать собственные посреднические услуги между всеми сторонами афганского конфликта и сохранять с ними всеми хорошие отношения. С 2014 г. в китайской дипломатии можно выделить два направления: с одной стороны, посредничество в прямых контактах между официальным Кабулом и Талибами и, с другой стороны, осуществление челночной дипломатии и посредничества между Афганистаном и Пакистаном посредством трехсторонних консультационных механизмов¹⁰. В качестве главных условий стабилизации Афганистана Пекин видит примирение официального Кабула и Талибана и налаживание конструктивных отношений между Афганистаном и Пакистаном.

В глазах талибов Пекин обладает положительным имиджем, а его позиция «нейтральной стороны» воспринимается достаточно благожелательно¹¹. Известно, что в китайском посредничестве между Кабулом и Талибаном также принимала участие пакистанская разведка, как это было, к примеру, в ходе тайных переговоров в конце мая 2015 г. в китайском городе Урумчи¹². С 2017 г. Пекин начал на регулярной основе практически открыто принимать на своей территории делегации талибов. Последний визит представителей Талибана во главе с Абдулом Гани Барадаром состоялся в июне 2019 г. Похоже, что китайцы всерьез рассматривают возможность вхождения Талибана в будущее афганское правительство и стре-

⁷ 肖河。中国的新阿富汗政策：经济止损，深度介入 [Сяо Хэ. Новая политика КНР в Афганистане: ограничение экономических потерь и усиление вовлеченности] // 中国网。13.01.2016. Mode of access: http://opinion.china.com.cn/opinion_87_143187.html

⁸ 阿富汗瓦罕走廊：中国军事基地的猜想与现实 [Строительство китайской военной базы в Ваханском коридоре Афганистана: догадки и реальность] // BBC News 中文。04.09.2018. Mode of access: <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world-45400524>

⁹ Martina M. Afghan Troops to Train in China, Ambassador Says // *The Star Online*. September 6, 2018. Mode of access: [https://www.thestar.com.my/news/world/2018/09/06/afghan-troops-](https://www.thestar.com.my/news/world/2018/09/06/afghan-troops-to-train-in-china-ambassador-says)

[to-train-in-china-ambassador-says](https://www.thestar.com.my/news/world/2018/09/06/afghan-troops-to-train-in-china-ambassador-says)

¹⁰ 杨溪，李伟。阿富汗和平路上的中国角色 [Ян Си, Ли Вэй. Роль Китая в мирном урегулировании конфликта в Афганистане] // 新华网。19.07.2018. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/globe/2018-07/19/c_137314574.htm

¹¹ Dilawar Ismail. ‘Father of the Taliban’ Calls on China to Aid Afghan Peace Talks // *Bloomberg*. October 2, 2018. Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-10-01/father-of-the-taliban-calls-on-china-to-aid-afghan-peace-talks>

¹² 邱林。阿富汗对中国究竟是福地还是泥潭？ [Цю Линь. Чем, все-таки, является Афганистан для Китая: кладезю богатств или трясиной?] // 搜狐。26.05.2015. Mode of access: <http://qiulin2011.blog.sohu.com/308923647.htm>

мятся сохранить рабочие отношения с данным движением¹³.

С 2015 г. Китай пытается наладить *диалог между Афганистаном и Пакистаном* путем проведения челночной дипломатии и создания трехсторонних механизмов сотрудничества, включая консультации на уровне министров и замминистров иностранных дел¹⁴. В ходе трехсторонней встречи в мае 2018 г. наметился прогресс в выработке соглашений о сотрудничестве между Афганистаном и Пакистаном в области безопасности и торгово-экономического взаимодействия. В частности, был подписан «План совместных действий для мира и единства между Афганистаном и Пакистаном», подразумевающий создание двухсторонних механизмов сотрудничества и управления кризисами. На третьем совещании министров иностранных дел 7 сентября 2019 г. страны вновь подтвердили намерение развивать трехсторонние контакты по вопросам мирного процесса в Афганистане, стабилизации региона, совместной реализации «Пояса и пути» и контртеррористического сотрудничества¹⁵.

По сути, подобная политика Китая дублирует попытки США примирить враждующие стороны, однако Китай не оказывает жесткого давления на Исламабад и пытается убедить его подтолкнуть Талибан к мирным переговорам с правительством в Кабуле. Хотя на данном направлении Китаю пока что не удалось достичь существенного прогресса, совместные усилия Пекина и Исла-

мабада, судя по всему, оказали позитивное влияние на решение Талибана объявить перемирие в июне 2018 г.¹⁶

Третьим компонентом стратегии Китая в отношении Афганистана является *военное сдерживание угроз, связанных с терроризмом и экстремизмом*. С ноября 2016 г. в СМИ все чаще стала появляться информация о совместном патрулировании китайскими и афганскими подразделениями приграничного района Базайи-Гумбад в уезде Вахан афганской провинции Бадахшан (Ваханский коридор)¹⁷. Примечательно, что китайские патрульные подразделения вооруженной народной полиции координируют свои действия с таджикскими пограничниками и попадают на территорию Афганистана через Таджикистан. По некоторым данным, в Бадахшане до 2018 г. отмечалось присутствие от нескольких сотен до двух тысяч иностранных боевиков, преимущественно этнических уйгуров, прибывших из центральноазиатских государств в 2017 г.¹⁸ Согласно китайским оценкам, в последнее время наблюдается отток уйгурских боевиков из Афганистана в Сирию и их число могло снизиться до 100 человек.

Особое внимание многих экспертов привлекает расширение военного присутствия КНР в Афганистане и Таджикистане. В начале 2018 г. начали поступать сообщения о том, что Китай предложил свою финансовую и материальную помощь Афганистану в строительстве тренировочной базы для афганской горнострелковой бригады в Вахан-

¹³ China courted Afghan Taliban in secret meetings // *Financial Times*. August 6, 2018. Mode of access: <https://www.ft.com/content/66b0906a-993d-11e8-9702-5946bae86e6d>

¹⁴ 戚振宏. Афганистан в проекте «Пояс и Путь» и политика Китая по отношению к ИРА // *中国国际问题研究院*. 30.10.2018. Mode of access: http://www.ciis.org.cn/chinese/2018-10/30/content_40554987.html

¹⁵ 王毅介绍第三次中阿巴外长对话共识 [Ван И рассказал о консенсусе, достигнутом в ходе третьих по счету консультаций министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана] // *中外交部长* [Министерство иностранных дел КНР]. 08.09.2019. Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjzb_673089/xghd_673097/t1695554.shtml

¹⁶ Yousaf, K. Afghan Eid truce 'backed by Pakistan, China' // *The Express Tribune*. June 11, 2018. Mode of access: <https://tribune.com.pk/story/1732330/1-afghan-eid-truce-backed-pakistan-china>

¹⁷ Snow, S. Chinese Troops Appear to Be Operating in Afghanistan, and the Pentagon Is OK with It // *Military Times*. March 5, 2017. Mode of access: <https://www.militarytimes.com/news/pentagon-congress/2017/03/05/chinese-troops-appear-to-be-operating-in-afghanistan-and-the-pentagon-is-ok-with-it>

¹⁸ Уйгуры в горах Бадахшана. Зачем Китаю отрицать планы по укреплению дальних подступов [Uyghurs in the mountains of Badakhshan. Why should China deny plans to strengthen long-range approaches] // *Информационное агентство Фергана*. 06.02.2018. Mode of access: <https://www.fergananews.com/articles/9788>

ском коридоре¹⁹. В 2016 г. Китай согласился профинансировать строительство 11 пограничных контрольно-пропускных пунктов и военных тренировочных баз для таджикских пограничников (по некоторым данным, это число может быть больше официально заявленного). По сообщениям западных СМИ, Пекин имеет собственный военный объект в Мургабском районе Горно-Бадахшанской автономной области на границе с Афганистаном, который предназначен для наблюдения за возможными перемещениями боевиков из Ваханского коридора в Афганистане²⁰. Военные учения Китая и Таджикистана в 2016 г. и в начале августа 2019 г. также свидетельствуют о желании Китая на дальних подступах обезопасить себя от угроз с территории Афганистана.

Схожую цель преследуют иницируемые Китаем (по большей части, НОАК) многосторонние механизмы в регионе. Так, в августе 2016 г. КНР, Афганистан, Пакистан и Таджикистан запустили новый формат контртеррористического сотрудничества, который изначально был нацелен на совершенствование пограничного контроля. В 2017 г. между вооруженными силами четырех стран были подписаны «Соглашение о координационном механизме по противодействию терроризму» и «Протокол о координационном центре по обмену информацией для противодействия терроризму». В апреле 2018 г. страны заявили о готовности проводить совместные контртеррористические учения. Существование данного четырехстороннего механизма свидетельствует о том, что *Пекин считает недостаточным*

для защиты собственных интересов имеющееся взаимодействие по контртеррористической проблематике в рамках ШОС и на двухстороннем уровне в регионе.

Подход КНР к обеспечению безопасности вокруг границ Афганистана является прямым продолжением его политики в Синьцзяне. Судя по всему, Пекин действительно опасается проникновения антикитайских боевиков в Таджикистан и СУАР, хотя вероятность этого невысока, учитывая сложность природно-географических условий в афганском Ваханском коридоре и таджикском Горно-Бадахшанском автономном районе. В 2008-2009 гг, когда президент США Барак Обама пытался вовлечь Китай в обеспечение безопасности в Афганистане, китайское руководство не рассматривало Ваханский коридор в качестве потенциальной угрозы для Синьцзяна. Однако после ужесточения режима безопасности в 2015-2016 гг. в СУАР, Пекин, судя по всему, поставил цель добиться полного контроля над международными границами Синьцзяна для его изоляции от любого внешнего влияния. Создание в Синьцзяне нового контртеррористического подразделения народной вооруженной полиции «Горный орел» свидетельствует о том, что Китай подготавливает почву для возможных операций в природно-географических условиях, близким к Центральной Азии и Афганистану²¹.

Таким образом, несмотря на наращивание дипломатических усилий и усиление военного компонента своей политики, влияние КНР на афганский мирный процесс остается ограниченным и направлено, в первую очередь, на сдерживание угроз для китайских интересов в СУАР и ЦА. Стратегическая цель Китая – усилить безопасность вокруг Ваханского коридора и на таджикско-афганской границе. Опасения китайских аналитиков все больше вызывает влияние ситуации в Афганистане на стабильность в центральноазиатских странах и Пакистане. Именно поэтому, как полагают западные эксперты, Китай будет продолжать оставлять

¹⁹ Chan, M. China Is Helping Afghanistan Set up Mountain Brigade to Fight Terrorism // *South China Morning Post*. August 28, 2018. Mode of access: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2161745/china-building-training-camp-afghanistan-fight>

²⁰ Shih, G. In Central Asia's Forbidding Highlands, a Quiet Newcomer: Chinese Troops // *The Washington Post*. February 18, 2019. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/in-central-asias-forbidding-highlands-a-quiet-newcomer-chinese-troops/2019/02/18/78d4a8d0-1e62-11e9-a759-2b8541bbbe20_story.html?utm_term=.ed4098886b98

²¹ New Counter-Terror Force in Xinjiang / *China Military Online*, 21.08.2019. Mode of access: http://eng.chinamil.com.cn/view/2019-08/21/content_9596242.htm

ся в стороне от активной роли в афганском урегулировании, сосредоточившись исключительно на «хеджировании» рисков для своих интересов.

Литература:

Годы, которые изменили Центральную Азию // Под ред. Звягельской И.Д. М.: Центр стратегических и политических исследований Института Востоковедения РАН, 2009.

Bhavna, Dave; Yuka, Kobayashi. China's Silk Road Economic Belt Initiative in Central Asia: Economic and Security Implications // *Asia Europe Journal*, September 2018, Vol. 16 (3).

Chan, M. China Is Helping Afghanistan Set up Mountain Brigade to Fight Terrorism // *South China Morning Post*. August 28, 2018. Mode of access: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2161745/china-building-training-camp-afghanistan-fight>

Shahbazov, F. China's Long March into Central Asia: How Beijing Expands Military Influence in Tajikistan // *The Central Asia-Caucasus Analyst*, February 21, 2017. Mode of access: <https://cacianalyst.org/publications/analyticalarticles/item/13429-china%E2%80%99s-long-march-into-central-asia-how-beijing-expands-militaryinfluence-in-tajikistan.html>

Shih, G. In Central Asia's Forbidding Highlands, a Quiet Newcomer: Chinese Troops // *The Washington Post*. February 18, 2019. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/in-central-asias-forbidding-highlands-a-quiet-newcomer-chinese-troops/2019/02/18/78d4a8d0-1e62-11e9-a759-2b8541bbbe20_story.html?utm_term=.ed4098886b98

Yousaf, K. Afghan Eid Truce 'backed by Pakistan, China' // *The Express Tribune*. June 11, 2018. Mode of access: <https://tribune.com.pk/story/1732330/1-afghan-eid-truce-backed-pakistan-china/>

戚振宏. Афганистан в Китае «Один пояс и один путь» и политика Китая по отношению к ИРА // *China International Problem Research Institute*. 30.10.2018. Mode of access: http://www.ciis.org.cn/chinese/2018-10/30/content_40554987.html

杨溪, 李伟. Афганистан и мирное урегулирование конфликта в Афганистане // *新华网*. 19.07.2018. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/globe/2018-07/19/c_137314574.htm

肖河. Китайская новая Афганистанская политика: экономические потери и усиление вовлеченности // *China International Problem Research Institute*. 13.01.2016. Mode of access: http://opinion.china.com.cn/opinion_87_143187.html

赵华胜. Трамп и новая Афганистанская стратегия администрации Трампа в отношении Афганистана и политические опции для Китая // *凤凰国际智库*. 28.10.2017. Mode of access: https://pit.ifeng.com/a/20171028/52830533_0.shtml

邱林. Афганистан в Китае: «Один пояс и один путь» и политика Китая по отношению к ИРА // *China International Problem Research Institute*. 30.10.2018. Mode of access: http://www.ciis.org.cn/chinese/2018-10/30/content_40554987.html

References:

Bhavna, Dave; Yuka, Kobayashi. China's Silk Road Economic Belt Initiative in Central Asia: Economic and Security Implications // *Asia Europe Journal*, September 2018, Vol. 16(3).

Chan, M. China Is Helping Afghanistan Set up Mountain Brigade to Fight Terrorism // *South China Morning Post*. August 28, 2018. Mode of access: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2161745/china-building-training-camp-afghanistan-fight>

Gody, kotoryye izmenili Tsentral'nuyu Aziyu (The Years That Changed Central Asia) // Ed. by Zvyagel'skaya I.D. Moscow: Tsentr strategicheskikh i politicheskikh issledovaniy Instituta Vostokovedeniya RAN, 2009.

Shahbazov, F. China's Long March into Central Asia: How Beijing Expands Military Influence in Tajikistan // *The Central Asia-Caucasus Analyst*, February 21, 2017. Mode of access: <https://cacianalyst.org/publications/analyticalarticles/item/13429-china%E2%80%99s-long-march-into-central-asia-how-beijing-expands-militaryinfluence-in-tajikistan.html>

Shih, G. In Central Asia's Forbidding Highlands, a Quiet Newcomer: Chinese Troops // *The Washington Post*. February 18, 2019. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/in-central-asias-forbidding-highlands-a-quiet-newcomer-chinese-troops/2019/02/18/78d4a8d0-1e62-11e9-a759-2b8541bbbe20_story.html?utm_term=.ed4098886b98

Yousaf, K. Afghan Eid Truce 'backed by Pakistan, China' // *The Express Tribune*. June 11, 2018. Mode of access: <https://tribune.com.pk/story/1732330/1-afghan-eid-truce-backed-pakistan-china/>

戚振宏. Афганистан в Китае «Один пояс и один путь» и политика Китая по отношению к ИРА // *China International Problem Research Institute*. 30.10.2018. Mode of access: http://www.ciis.org.cn/chinese/2018-10/30/content_40554987.html

邱林. Афганистан в Китае: «Один пояс и один путь» и политика Китая по отношению к ИРА // *China International Problem Research Institute*. 30.10.2018. Mode of access: http://www.ciis.org.cn/chinese/2018-10/30/content_40554987.html

肖河. Китайская новая Афганистанская политика: экономические потери и усиление вовлеченности // *China International Problem Research Institute*. 13.01.2016. Mode of access: http://opinion.china.com.cn/opinion_87_143187.html

赵华胜. Трамп и новая Афганистанская стратегия администрации Трампа в отношении Афганистана и политические опции для Китая // *凤凰国际智库*. 28.10.2017. Mode of access: https://pit.ifeng.com/a/20171028/52830533_0.shtml

杨溪, 李伟. Афганистан и мирное урегулирование конфликта в Афганистане // *新华网*. 19.07.2018. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/globe/2018-07/19/c_137314574.htm

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10022

TRANSFORMATION OF THE ROLE OF CHINA IN THE AFGHAN ISSUE AND ENSURING SECURITY IN CENTRAL ASIA

Georgy A. Sizov

*Russian Institute for Strategic Studies,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 21.10.2019</p> <p><i>Received:</i> 01.02.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 20.03.2020</p>	<p>Abstract: Peace in Central Asia (CA) and Afghanistan directly affects China's long-term economic and security interests. In particular, it concerns ensuring stability in the Xinjiang Uygur Autonomous Region (XUAR) and promoting the Chinese Silk Road Economic Belt. That is why cooperation with Central Asian states in this area remains significant for Beijing. Since 2014, a certain militarization of Beijing's approach to ensuring the security of its own interests abroad has been taking place, which is especially noticeable in Afghanistan. However, here too, China's policy is more protective in nature and often lies in the "gray zone", as statements by official authorities and various media reports create a dual impression of the presence of a Chinese military presence in the Afghan border area. Despite stepping up diplomatic efforts and expanding the military component of its policy, China's influence on the Afghan peace process remains limited and is primarily aimed at containing threats to its interests in the XUAR and Central Asia</p>
<p>About the author: Researcher, Center for Asia and the Pacific Studies, Russian Institute for Strategic Studies (RISI)</p> <p>e-mail: sizov.g.a@riss.ru</p>	
<p>Key words: China; Afghanistan; Central Asia; Security policy; terrorism; extremism; Xinjiang; Uyghurs</p>	

Для цитирования: Сизов Г.А. Трансформация роли Китая в афганском вопросе и обеспечении безопасности в Центральной Азии // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 89-96.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10022

For citation: Sizov, Georgy A. Transformatsiya roli Kitaya v afganskom voprose i obespechenii bezopasnosti v Tsentral'noy Azii (Transformation of the Role of china in the Afghan Issue and Ensuring Security in Central Asia) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 89-96.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10022

ПОДЪЕМ КИТАЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ. МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i></p> <p style="text-align: right;">25 декабря 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i></p> <p style="text-align: right;">10 марта 2020</p> <hr/> <p>Об авторе:</p> <p><i>Материал подготовлен к печати главным редактором журнала А.Д. Воскресенским</i></p> <p>e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p> <hr/> <p>Ключевые слова:</p> <p>Китай; подъем Китая; модель развития Китая; сравнительный анализ; мировой порядок; региональный порядок</p>	<p>Аннотация: Материалы круглого стола «Региональные порядки и подъем Китая», организованного в рамках Конвента РАМИ 21 октября 2019 года в МГИМО Университете</p>
--	---

Презентация научной литературы:

– Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М: МГИМО-Университет / Аналитическо-консультативный Центр «Стратегические изыскания», 2019. 734 с.

– The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski (MGIMO) & Boglarka Koller (NUPS, Budapest). Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. 228 p.

– Журнал «Сравнительная политика» (www.comparativepolitics.org) – итоги 10 лет.

Приветствия и вступительное слово:

– Приветствие директора издательства «Страдис», заведующего кафедрой истории и теории регионоведения МГЛУ В.В. Макаренко;

– Вступительное слово модератора круглого стола – директора Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО, члена Общественного Совета Минвостокразвития, зам. председателя ОРКД, главного редактора журнала «Сравнительная политика», профессора д. полит. н., PhD (Манчестерский университет) А.Д. Воскресенского.

1. Китай как глобальный фактор

К.А. Ананьина (МГИМО МИД России). «Фактор Китая» как вызов западно- и китацентричным теориям международных отношений¹

Многообразие мнений о траектории развития Китая и его поведении на международной арене не всегда позволяет понять суть происходящих процессов. Речь идет, прежде всего, о растиражированном китайском факторе. Этот термин постоянно фигурирует в отечественной и зарубежной прессе, а также академической литературе, невольно вызывая обеспокоенность обозревателей китайской угрозой, но уже в новом прочтении – «подъеме» Китая. Очевидно, что давно назрела объективная потребность в комплексной и методологически корректной научной концептуализации китайского фактора.

Западные рационалистические (реализм, либерализм, конструктивизм) и китайские культурно-

¹ За основу доклада взята диссертация автора. См. Ананьина К.А. Влияние китайского фактора на индийско-американские отношения в современной мировой политике: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Ананьина Кристина Александровна; науч. рук. А.Д. Воскресенский; МГИМО МИД России. Москва, 2019. 293 с. [Ananyina, K.A. Vliyaniye kitayskogo faktora na indijsko-amerikanskiye otnosheniya v sovremennoy mirovoy politike (The Influence of the Chinese Factor on Indo-American Relations in Modern World Politics): dis. ... cand. of Pol. MGIMO University. Moscow, 2019. 293 p.]

структурированные (система глобального управления Чжао Тиняна, теория отношений Цинь Яцина, моральный реализм Янь Сюэтуна) подходы строятся на определенных культурно-идеологических позициях, которые формируют представление о китайском факторе в рамках конкретной китаецентричной «картины мира».

Методологический инструментарий факторного анализа позволяет выделить основные параметры китайского фактора статистическим путем, преодолев субъективизм культурно-структурированных объяснений западной и китайской традиций. Ценность факторного анализа состоит в том, что с его помощью можно одновременно решить две задачи – выявить взаимосвязи между переменными и сформулировать объяснения «среднего уровня», которые способны в нашем случае продемонстрировать, как конкретные государства реагируют на появление и изменение роли китайского фактора в региональной системе взаимосвязей.

В моей кандидатской диссертации на тему «Влияние китайского фактора на индийско-американские отношения в современной мировой политике» были творчески адаптированы алгоритм упомянутого метода в описании Н.И. Диденко, а также комбинированная методология ведущих отечественных исследований в данной области – А.И. Агеева и Б.В. Куроедова, А.Д. Воскресенского, Б.Н. Кузюка, А.С. Куминова, С.А. Нефедова – к задаче деконструкции китайского фактора с «индийского угла». Источниковой базой послужили публикации по китайской тематике на официальном сайте МИД Индии, а также аналитические статьи ведущих индийских международников.

В итоге, выявлено, что китайский фактор имеет для Индии преимущественно двустороннее измерение (80% всех материалов): пограничная проблематика, торгово-экономическое и культурно-гуманитарное сотрудничество, использование вод реки Брахмапутра. В частности, он касается стремительного роста экономического и военного потенциала крупного соседнего с Индией государства в ничтожно короткий по историческим меркам срок, а также широких возможностей его использования для продвижения Китаем своих ключевых интересов (не всегда и не во всем совпадающих с индийскими) в двустороннем формате, на региональном и глобальном уровнях. Среди неблагоприятных последствий возвышения Китая индийские аналитики выделяют возможную дестабилизацию обстановки в АТР, в том числе в результате обострения территориальных споров и китайско-американской конкуренции в области безопасности. В условиях неопределенности вокруг характера «подъема» Китая индийцы делают ставку на комплексное самоукрепление путем внутреннего и внешнего балансирования. Последнее предполагает выстраивание конструктивных отношений с наиболее влиятельными государствами мира.

Ю.М. Галенович (*Институт Дальнего Востока РАН*). **Китай как глобальный фактор**

В начале XXI века ситуация в мире в целом изменилась.

Возник новый фактор, фактор Китая, активно воздействующий на международные отношения, и глобально, и в каждом из регионов, и в многосторонних, и в двусторонних отношениях каждой нации с Китаем. Ситуацию с определенными основаниями можно рассматривать как совершенно новую, как взаимоотношения Китая и остального человечества. Здесь и Китай, и остальное человечество оказались в новом для себя положении.

До сих пор человечество никогда в такой ситуации не находилось.

До сих пор Китай никогда такой роли не играл. Ныне с Китаем приходится считаться всем. Всем приходится к нему приспосабливаться.

Одновременно и Китай оказался в совершенно новой для него ситуации, когда он «вышел в открытый космос», то есть стал присутствовать в жизни человечества в целом, должен действовать, существовать и жить в нашем мире, мире землян. В Китае это обозначается термином «открытость».

При этом имеется в виду и открытость Китая для остального человечества, но и, прежде всего, открытость остального человечества для Китая, доступность для Китая, для расцвета деятельности Китая, для использования в интересах Китая любого уголка Земли.

Более того, фактически речь во все большей степени и во все больших случаях идет о том, что Китай постепенно навязывает везде, где это ему удастся, ситуацию, при которой суверенитет той или иной страны оказывается ущемленным в том смысле, что власти такой страны не имеют возможности распоряжаться на тех частях, участках своей территории, своего жизненного пространства, которое фактически оказывается в распоряжении представителей властей Китая: чиновников, бизнесменов, военных и т.д.

В то же время теперь Китаю также приходится в той или иной степени считаться с каждым своим партнером в отдельности, и с вероятными действиями своих партнеров, как по отдельности, так и, так или иначе, совместно.

При этом китайская сторона добивается того, чтобы в каждом случае иметь дела отдельно с каждым своим партнером. Например, даже в Европе китайская сторона принимает меры, направленные на то, чтобы отделить Европу в целом от США, а также разделять саму Европу, «привлекать на свою сторону» ту или иную европейскую страну, получать привилегии, особые права (скажем, владеть портами) в той или иной стране Европы, например, в Греции или в Испании и в Италии, как бы в противовес или по сравнению с другими странами Европы.

Китай, население которого составляет около одного миллиарда четырехсот миллионов человек, то есть примерно одну пятую часть человечества, начинает или начал, играть активную и существенную роль применительно к любому аспекту взаимоотношений всех живущих на земле народов и всех стран. Проблема Китая возникла и становится общей проблемой человечества.

При этом имеет свое значение и численность населения Китая, то есть количественный фактор, а это во внешнем для Китая мире, каждой его составной части, приходится принимать во внимание, и то обстоятельство, что в настоящее время власти КНР утверждают, что в Китае осуществляется социализм со спецификой Китая или исключительно китайский, самобытный китайский социализм. Идеологический аспект проблемы существует и требует внимательного изучения и реагирования.

Остальное человечество впервые в своей истории оказалось лицом к лицу с социализмом в его нынешнем китайском исполнении. Здесь, очевидно, можно говорить о современном, главном и особом, исключительном во всем мире, «практическом социализме» или «социализме на практике».

На практике это означает, что в мире существует и действует государство с самым многочисленным на Земле, как подчеркивают власти КНР, населением; государство, правящей партией в котором является Коммунистическая партия Китая; государство, обладающее мощным военным и экономическим потенциалом; государство, которому не грозит никакое нападение со стороны кого бы то ни было в мире.

Для Китая мир обеспечен навсегда. В том, что касается войны, начала военных действий, во взаимоотношениях со всеми другими государствами все зависит исключительно от властей КПК-КНР.

Наконец, речь идет о государстве, у руководителей которого есть своя глобальная стратегия. Это означает, что они ставят своей целью то, что они именуют «великим возрождением великой нации Китая».

Руководители КПК-КНР претендуют на обладание наилучшими способностями во всем мире в деле осуществления экономической глобализации. И при этом говорят о создании «нового порядка» на планете Земля, порядка в соответствии с представлениями о нем руководителей нынешних КПК-КНР.

Они намерены обеспечивать то, что они считают жизненными потребностями Китая, прежде всего в недрах Земли, а далее в самой земле, в воде и в воздухе, пригодных для жизнедеятельности. Иными словами, величие, лозунг возрождения величия, оборачивается борьбой за существование во всемирных масштабах, борьбой за землю, за сушу и акваторию, за воду для питья и прочих нужд, и за воздух, за чистый воздух для дыхания.

Стратегия руководителей КПК-КНР является глобальной и в том смысле, что они активно действуют не только в каждой области международных отношений – глобальной, региональной, многосторонней и двусторонней, но и в каждой сфере человеческой деятельности, прежде всего, в политике, экономике и культуре.

Именно на этом фоне следует воспринимать и оценивать политику современных руководителей Китая по отношению к нашей стране и к нашему народу.

В этой политике, учитывая историю наших отношений, есть основания видеть их декоративную и сущностную стороны.

Декоративно Пекин считает выгодным для себя провозглашать прекрасное состояние наших отношений. Называть их лучшими в истории, говорить о пике или вершине в их развитии, об обретении ими все более высокого качества, об их новом типе. Декоративная сторона отношений Китая с любой страной предназначена руководителями КПК-КНР и для того, чтобы нейтрализовать, «усыплять» бдительность партнеров, вводить их в состояние «спячки», не оказывая сопротивления в случаях, когда наносится тот или иной ущерб интересам той или иной нации.

На самом деле, на практике нашей стороне во все возрастающей степени приходится испытывать на себе давление со стороны руководителей Китая, настаивающих на выполнении своих все увеличивающихся требований.

Речь идет, прежде всего, о всевозможных природных ресурсах, а далее и о том, чтобы китайцы могли чувствовать себя на территории нынешней России как у себя дома, в Китае. В том числе, как уже упоминалось, при осуществлении торговых и финансовых операций на территории нашей страны, операций, которые приносят китайской стороне десятки, если не сотни миллиардов долларов ежегодно.

Руководители КПК-КНР также побуждают наши власти нигде и никогда в мире (в том числе в нашей стране) не действовать так, чтобы это было сочтено угрозой или нанесением ущерба интересам, или тому, что представляется такими интересами, руководителей КПК-КНР. Это означает, что речь тут идет не о равноправных отношениях независимых и самостоятельных субъектов международных отношений, действующих лиц на мировой арене, а о стремлении заставить подчиниться, следовать за Китаем, выполнять его волю.

Нашей стороне приходится иметь дело с осуществлением руководителями КПК-КНР своей глобальной стратегии применительно к России, а это требует защиты наших интересов везде и во всем, где это вызывается действиями или потенциальной угрозой такого рода действий с китайской стороны.

В настоящее время и во всем обозримом будущем, вопрос о состоянии наших отношений с Китаем и об их перспективах предстает главным и самым важным, жизненно важным, вопросом для внешней политики нашей страны. Короче говоря, вопрос о Китае – главный вопрос внешней политики нашей страны. Именно на этом вопросе необходимо сосредоточить главные усилия в нашей стране в области внешней политики.

От его решения, от обретения или не обретения, возможности обеспечить и защитить интересы нашего народа и нашей страны, зависит существование нас как народа.

Необходимо учитывать активный, наступательный характер осуществления руководителями КПК-КНР их глобальной стратегии, а также тот факт, что вся их деятельность, направленная на нашу страну, осуществляется под руководством из единого центра и в опоре на самый многочисленный в мире партийно-государственный аппарат или механизм.

Фактически каждый китаец видится ими как часть нации Китая, с которой они себя отождествляют, рассматривается и используется ими как «принадлежность», как «имущество», как «собственность» КПК-КНР, как инструмент осуществления их глобальной стратегии.

В нашей стране сама сложившаяся ситуация требует того, чтобы, образно говоря, «везде должны быть наши специалисты по Китаю». Это общегосударственная задача. Глобальная стратегия Китая требует глобального ответа на нее в нашей стране. Таким сегодня выглядит и является «китайское направление» и работа «на китайском направлении».

Я.А. Пляйс (*Финансовый Университет при Правительстве РФ*). **Размышления о новой системе международных отношений и месте в ней России.**

Подъем Китая, начавшийся в конце 70-х гг. прошлого века и продолжающийся сегодня, в год 70-летия КНР, привел к тому, что эта страна уверенно и достаточно быстро продвигается к гегемонии в мировой политике и экономике. По некоторым показателям она уже очень близка к этой роли.

Тема о грядущей роли Китая в мировой политике настолько важна, что на ней следует остановиться подробнее. Особое значение в определении этой роли, безусловно, сыграл 19 съезд Компартии Китая, состоявшийся в октябре 2017 г.

На мой взгляд, этот год и этот съезд со временем войдут в историю международных отношений и мировой политики как судьбоносные, предопределившие радикальный поворот в глобальной истории человечества. Это объясняется тем, что 19 съезд КПК утвердил новый курс внешней политики Китая, определил стратегические цели, выполнение которых может занять не одно десятилетие и основательно отразится на всем мире, а также на глобальной системе международных отношений.

Съезд открылся 18 октября докладом председателя КНР Си Цзиньпина, в котором он заявил, что «социализм с китайской спецификой вступил в новую эру», что речь идет «о дальнейшем развитии марксизма в контексте Китая», о создании «великой державы современного социализма» к середине XIX века. Выполнить эту задачу планируется в два этапа. На первом, с 2020 по 2035 гг., КПК будет строить «общество умеренного процветания». За это время должны быть завершены базовые реформы, на основе чего к 2050 г. должна быть создана та самая «великая держава», которая станет «процветающей, сильной, демократической, культурно развитой, гармоничной и красивой». Первым пунктом в докладе руководителя КНР выделяется развитие реального сектора экономики, а вторым – открытость КНР для всего мира.

В области дипломатии Китай, как все последние три тысячи лет, не намерен проводить агрессивную внешнюю политику, стремиться к гегемонии. «Мы, – отметил Си Цзиньпин в своем докладе, – должны относиться друг к другу с уважением, проводить равноправные консультации, решительно отказаться от

менталитета холодной войны и политики силы... Разногласия надо решать через диалог и партнерство, а не конфронтацию и блоковое мышление»².

Говоря о новой внешнеполитической стратегии Китая, профессор Высшей партийной школы при ЦК КПК Сянь Мин отметил: «Исходя из новой позиции развития, Китай должен взять на себя ответственность принять активное участие в глобальном управлении. Выступая с ценностной концепцией «общества единой судьбы», необходимо сформировать более справедливые международные отношения нового типа, основой которых являлись бы сотрудничество и взаимный выигрыш. А также на примере китайского пути продемонстрировать человечеству новую модель развития в его поиске к лучшему общественному строю»³. Китай «ни при каких обстоятельствах не откажется от своих законных прав», но и не станет жертвовать интересами других стран ради собственной выгоды. «Какого бы уровня в своем развитии ни достиг Китай, он никогда не будет претендовать на положение гегемона» – заявил председатель КНР⁴.

Далеко не все аналитики согласны с тем, что Китай выступает против экспансии и баланса сил, за гармонию и «совместное использование» возможностей развития. «Мантры про гармонию и бескорыстие совместного развития перестанут работать, – считают они, – когда речь идет о гигантской стране с огромным экономическим, человеческим и опять-таки геополитическим потенциалом, которая к тому же активно наращивает свои военные возможности»⁵.

На состоявшейся в марте 2018 г. сессии Всепартийного собрания народных представителей в Конституцию страны была внесена поправка, в соответствии с которой ранее принятые ограничения – два пятилетних срока во главе страны – были сняты. «Продление власти Си Цзиньпина, – считает Федор Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике России, – сигнал того, что КНР всерьез нацелился на штурм глобальных вершин. Сдержанность в духе Дэн Сяопина (скрывать амбиции и накапливать потенциал) более не является основополагающим принципом. Это окажет очень заметное влияние на международную политику.

Следующие 10 лет (если Си ограничится третьим сроком, а не нацелится дальше) будут временем окончательного формирования глобальной миссии Китая и ускоренной разработки инструментов ее осуществления»⁶.

Соглашаясь с мнением Ф. Лукьянова в принципе, необходимо все же заметить, что все произойдет не за 10 лет, как он считает, а намного скорее. Тем

² Цит. по: К. Волков. Китай озвучил планы // Российская газета. 2017. 19 октября.

³ Сянь Мин. Показать миру новый путь // Российская газета. 2017. 18 октября

⁴ Цит. по: Е. Забродина. Пекин без претензий // Российская газета. 2017. 20 октября.

⁵ Федор Лукьянов. Геополитика по Станиславскому // Российская газета. 2017. 19 октября.

⁶ Лукьянов Федор. Без отмеренного срока // Российская газета. 2018. 28 февраля.

более, что Китай давно уже к этому готовится. Вкладывая триллионы долларов в глобальные проекты и одновременно в транзитные государства, повсеместно создавая необходимую инфраструктуру для освоения пространства и распространения своего влияния, КНР близка к реализации новой роли глобальной сверхдержавы.

Что же вытекает из вышесказанного? На мой взгляд, прежде всего то, что мир достаточно быстро движется к *новой биполярности*. Но каким будет это новое мироустройство? Прежде чем ответить на этот вопрос, выскажу свое мнение относительно закономерностей развития миропорядка за последние несколько веков.

Из многих региональных плюсов со временем в борьбе с другими выделяется самый сильный по *совокупной мощи*, слабеяемые которой время от времени меняются. Этот полюс стремится сохранить свое лидерство на все времена, но достаточно скоро (по историческим меркам) появляются другие претенденты, которые также не скрывают своих лидерских амбиций. Начинается острая борьба за первую роль в мире. Все это означает, что из многополярности, которая всегда была и есть и будет естественным состоянием мира, вырастает временная однополярность, а затем появляется новый претендент на мировое господство и начинается период биполярности – наиболее опасное состояние мира. Опасное потому, что биполярность не может существовать без антагонизмов. Однако уровень этих антагонизмов зависит от типа биполярности. В моем понимании эти типы следующие:

- неантагонистический тип (Великобритания – США, принадлежащие к одной системе ценностей);

- антагонистический (СССР – США);

- новый тип – полу(?)антагонистический тип (США – КНР).

Характеристика каждого из этих типов дана мною в статье «На пути к новой биполярности»⁷.

Не имея возможности остановиться на этом вопросе более подробно, отмечу лишь следующее.

Тип системы международных отношений напрямую зависит от типа полярности. При *однополярном* состоянии система международных отношений стремится к монополии гегемона при устойчиво усиливающимся сопротивлении его основных конкурентов. Такое состояние длится до перехода к биполярности, во время которого основной претендент (в настоящее время это Китай) формирует свое окружение, ищет принципы, формы и методы *своей* системы международных отношений, стремится утвердить в качестве основных, доминирующих в будущем.

С точки зрения стабильности систем биполярная система, пожалуй, наиболее стабильная, поскольку она основана на балансе сил, или их *относитель-*

нам равновесии, которое каждая из конкурирующих сторон стремится изменить в свою пользу. Одновременно эта система и самая опасная, так как жидется на открытой всесторонней конфронтации.

Многополюсный мир, который, как уже говорилось выше, всегда существовал и будет существовать, по определению, не может иметь адекватную сбалансированную систему международных отношений, в основном из-за множественности полюсов с разнонаправленными интересами.

Обобщая, отмечу, что единой системы международных отношений никогда не было, нет и в обозримом будущем едва ли образуется даже если развивающаяся глобализация унифицирует наш мир, что также едва ли возможно. Поэтому трансформация мира, о которой говорилось выше и соответствующие ей международные отношения будут господствовать и впредь. И всем нам придется приспосабливаться, привыкая к постоянным переменам. Та страна, которая будет быстрее адаптироваться, окажется в выигрыше, в победителях. При этом нельзя забывать о постоянной турбулентности глобальной политики.

Состояние турбулентности, кстати говоря, стало типичным и едва ли скоро пройдет, тем более, что для переходных периодов такое явление – нормальное состояние, так же, как холодная война для биполярности.

И еще об одном. В конце мая 2018 г. в Москве состоялись третьи «Примаковские чтения», в которых участвовали известные зарубежные эксперты, авторитетные политики, бывшие руководители государств, российские ученые, представители власти и бизнеса. Сквозной темой этого представительного научно-экспертного форума, занимающего 7-е место в списке 10 лучших конференций в мире, была тема фундаментального кризиса между Западом и Россией, с одной стороны, и между Западом и остальным миром – с другой. Рост глобальной нестабильности, напряженности также были в фокусе внимания собравшихся. Опасаясь возврата к новой биполярности, новой холодной войне, эксперты искали пути избежать такой ситуации.

Между тем по прогнозам к 2040 г. доля Китая в мировой экономике может достичь 30%, а США снизится до 10%, но конкуренция этих двух государств не должна угрожать другим странам, отмечали участники форума. Китай не стремится к гегемонии, но свои интересы защищать будет. «Наши капиталы должны найти применение», – заявил вице-президент Института международных и стратегических исследований при Пекинском университете Гуань Гуйхай.

Председатель Совета Федерации В. Матвиенко высказала на этом форуме традиционную для России точку зрения, состоящую в том, что в мире складывается многополярность. Но как жить в новых условиях, пока согласованного ответа нет и мир продолжает скользить к новым конфликтам.

На форуме выступил и министр иностранных дел России С. Лавров. Он отметил, что в условиях нестабильности стоило бы направить совместные

⁷ См. Глобальные геопроекты и Россия / под общ. ред. Я.А. Пляйса. М.: Международные отношения, 2019. С. 12-43. [Global'nuyе геороекты i Rossiya (Global Geoprojects and Russia) / Ed. Ya.A. Plyas. Moscow: International Relations, 2019. Pp. 12-43.]

усилия на то, чтобы обеспечить устойчивое поступательное развитие стран и повышение уровня жизни населения.

Вопрос о перспективах международных отношений С. Лавровым, судя по информотчетам не ставился. Хотя ранее, он не раз говорил о том, что мир переживает эпоху многополярности⁸.

Размышления о новой системе международных отношений приводят к неоднозначным выводам.

Во-первых, потому, что по этому вопросу существуют различные точки зрения. Весьма отчетливо они были сформулированы в статье секретаря Совета безопасности Российской Федерации Н. Патрушева «Видеть цель», опубликованной в «Российской газете» 12 декабря 2019 г.⁹. Отмечая в ней важность комплексной экспертно-аналитической работы, нацеленной на подготовку прогнозов и сценариев на перспективу, Н. Патрушев пишет: «В Стратегическом прогнозе Российской Федерации на период до 2035 года выделяется четыре сценария развития глобальной ситуации. А именно: первый из них – это переход к полицентричному миропорядку. Второй – продолжение попыток США сохранить свое доминирование. Третий – формирование биполярной модели мироустройства. И, наконец, четвертый сценарий развития – усиление процессов регионализации»¹⁰.

Учитывая, что «объективная геополитическая реальность значительно сложнее любых абстрактных схем», отметил Н. Патрушев далее, что «ни один прогноз не может реализоваться на 100%», «можно говорить, скорее о доминировании тех или иных тенденций в современном мире»¹¹. Важно, что в статье Н. Патрушева говорится о том, что «на роль ведущей мировой державы сегодня претендует Китай, а такие государства, как Индия, Бразилия и ЮАР, уверенно утвердились в качестве лидеров в своих регионах», что Китай «начал уверенно оспаривать статус США как глобального экономического лидера. Сегодня эта страна уже генерирует больший объем ВВП (по паритету покупательной способности), чем США»¹². Не вдаваясь в содержательную дискуссию с Н. Патрушевым, отмечу лишь, что из четырех сценариев, упомянутых в его статье, ссылаясь на Стратегический прогноз Российской Федерации до 2035 года, наиболее реалистичные

два – 2-й и 3-й. Действительно, США всеми силами и способами будут продолжать стремиться «сохранить свое доминирование», однако Китай уже во всю «наступает им на пятки» и все больше теснит их. Все это говорит о том, что международная ситуация и международные отношения развиваются по определенным законам.

Реалистичный взгляд на современную ситуацию в мире присутствует и в статье «Восточный поворот». Ее авторы А. Ильницкий, член СВОП и А. Лосев, член Президиума этой же организации утверждают следующее: «Продолжается война за ресурсы: энергетические, человеческие, производственные, интеллектуальные – за все то, что обеспечит будущую победу в схватке за лидерство среди держав. На горизонте одного-двух десятилетий последует настоящая война за гегемонию (дай бог, неядерная), а, возможно, и цивилизационная война»¹³. Китай в статье не упоминается, но, как представляется, и так достаточно понятно, что основными соперниками в борьбе за глобальное лидерство будут США и Китай.

Далее в статье подробно говорится о том, что следует предпринять России, чтобы не допустить ее десубъективизации, т.е. не допустить ее превращения «из субъекта мировой политики в объект, которым можно управлять в своих целях»¹⁴.

Не вдаваясь в тему, какой должна быть внешняя политика России в быстро меняющемся и турбулентном мире, так как это тема для отдельного разговора, отмечу лишь еще, что в споре о нынешней и будущей полярности мира участвуют ученые самого высокого уровня. В подтверждение приведу лишь суждение лауреата Нобелевской премии по экономике 2001 года Джозефа Стиглица. Отвечая на вопрос корреспондента «Российской газеты» «Как в ближайшие десятилетия изменятся расклад экономических сил?» Стиглиц сказал: «Скорее всего, в будущем мир станет более многополярным. Точнее предсказать сложно: мы живем в условиях основополагающей фундаментальной неопределенности. Она есть практически во всех регионах мира – Европе (период затяжных отрицательных ставок в евро, уход Великобритании из Евросоюза), США (здесь прослеживается тенденция на изоляцию и глобализацию одновременно), Китае (не очень понятно в какую сторону развивается местная политическая система). Все это крайне затрудняет любое прогнозирование, тем более долгосрочное»¹⁵.

Сторонниками концепции многополярного мира являются, как известно, абсолютное большинство политиков и ученых. Приведу еще мнение Е. Некрасовой, которая в статье «Что тоже не нравится американцам» пишет следующее: «Сама жизнь заставляет страны, пострадавшие от экономического диктата, искать спасение в восстановле-

⁸ Подробнее о третьих «Примаковских чтениях» см.: Рыбаков А. Честно, по-примаковски // Российская газета, 2018. 21 мая; Гайва Е. Не только бизнес // Российская газета, 2018. 31 мая.

⁹ Как сообщила та же «Российская газета» от 5 декабря 2019 г. (см. заметку Ивана Егорова «Связаны одной целью»), статья Н. Патрушева была сразу же переведена на китайский язык и опубликована в центральных печатных изданиях КНР. Российско-китайские и российско-американские отношения, сообщается также в данной заметке, были основным предметом второго раунда российско-китайских консультаций по стратегической безопасности, состоявшегося в Шанхае в начале декабря 2019 г. Между Н. Патрушевым и членом Политбюро ЦК КПК Ян Цзечи.

¹⁰ Патрушев Н. Видеть цель // Российская газета, 2019, 12 ноября.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ильницкий, А. Лосев. Восточный поворот // Российская газета, 2019. 16 октября.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Кризис не придет, если... // Российская газета, 2019. 28 ноября.

нии многополярного мира и объединения ресурсов для отстаивания своих интересов»¹⁶.

Говоря далее о развитии экономического партнерства России со странами Азии, вызвавшем «озабоченность европейских и американских экспертов», Е. Некрасова приводит следующую цитату известного немецкого политолога Александра Рара: «В Азии создается самое большое экономическое пространство, которое когда-либо кто-либо видел на протяжении всей истории человечества. Это 50 процентов от всей мировой экономики. На базе всех этих экономических процессов будут создаваться и политические институты, военные союзы, которые выстроят будущий мировой порядок»¹⁷.

Соглашаясь в целом с логикой и направлением размышлений Рара, замечу все же, что «будущий мировой порядок» выстроят не только новые азиатские реалии, но и то, что будет происходить на других континентах, особенно на американском и европейском. Новый биполярный мир будет, как мне представляется, намного сложнее прежнего. Европе, и особенно России, в частности будет непросто определиться, к какой системе международных отношений примкнуть.

Е.Н. Румянцев (*Российский Институт Стратегических Исследований, РИСИ*). **О 70-летию КНР.**

В соответствии с Циркуляром китайских руководящих органов от 19 мая 2019 г.¹⁸ в связи с 70-летием КНР в стране была развернута мощная кампания, в центре которой лежал тезис о движении КНР «от победы к победе». В Пекине представляют КНР внешнему миру как «новый Китай», предлагая ему иметь дело только с этим Китаем, синонимом которого является КПК. При этом утверждают, что Китай за последние 70 лет «совершил великий скачок от эпохи догоняющего развития к эпохе, в которой он направляет развитие мира»¹⁹.

Отсчет «славного пути» ведется с опиумной войны 1840–1842 гг., в результате которой Китай претерпел «унижения» и попал в тяжелейшее положение, из которого, по официальной версии, его спасла КПК. В дальнейшем китайцы, «опираясь на собственные силы, в упорной борьбе сотворили известное всему миру китайское чудо»²⁰. Китайский народ, утверждает современная пропаганда Пекина, победил внешних и внутренних врагов и под руководством Коммунистической партии нашел единственно верный, отвечающий условиям Китая путь развития, «встал во весь рост», разбогател и «стано-

вится сильным». Более того, он дает миру «китайскую мудрость» и «китайский проект», «является образцом» для других народов.

Несмотря на неоднократные заявления Си Цзиньпина о том, что «мы строим социализм, а не какой-то другой ‘изм’», в освещении прошедших 70-ти лет полностью отсутствовали какие-либо классовые и интернациональные мотивы. КПК позиционируется как партия всей китайской нации и гарант ее «возрождения». Подчеркивается, что «без руководства КПК национальное возрождение неизбежно окажется пустыми мечтаниями», «наша партия должна править в Китае в течение длительного времени, это необходимость, обусловленная коренными интересами народа»²¹.

Лейтмотивом празднования стало слово «великий»: великий Китай, великая нация, великое возрождение, великая борьба, великое дело, великий дух и т.д. Еще одним «ключевым словом» было слово «борьба», что явно обусловлено сложной политической и экономической ситуацией в Китае и вокруг него. Выступая 3 сентября 2019 г. в Центральной партийной школе, Си Цзиньпин упомянул «борьбу» 58 раз. Большой праздничный концерт по случаю юбилея проходил под лозунгом «Боритесь, сыновья и дочери Китая».

Наряду с показом достижений в экономике, военном деле, внешней политике, в пропаганде подчеркивались такие аспекты современной политики КПК и лично Си Цзиньпина, как борьба с бедностью, забота об окружающей среде, развитие традиционной культуры Китая. Особое внимание было уделено теме сплочения всех национальностей КНР. В то же время констатировалось, что «Китай остается самой большой в мире развивающейся страной, по ВВП на душу населения имеет в мире средние показатели, по-прежнему существует проблема несбалансированности в уровнях развития между городом и деревней, различными регионами, в развитии науки и техники достигнуты существенные успехи, однако и узких мест здесь по-прежнему немало»²².

Сквозной темой было наступление в КНР «новой эпохи», которая, по замыслу, неразрывно связана с правлением и «идеями» Си Цзиньпина. Это выражение впервые появилось в материалах 19-го съезда КПК (2017 г.), однако в последних публикациях центральной печати КНР утверждается, что «новая эпоха» ведет отсчет с 2012 г.²³, то есть с момента прихода Си Цзиньпина к власти. При этом ряд опубликованных в последние месяцы в официальных СМИ материалов прямо направлены на формирование культа личности нынешнего китайского лидера. Например, в одной из статей инспекционная поездка китайского лидера по провинции Ганьсу (август 2019 г.) описывалась в следующих выражениях: «Одна пара, две пары, бесчисленные пары

¹⁶ Некрасова Е. Что тоже не нравится американцам // Российская газета. 2019. 22 ноября.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Чжун бань го бань иньфа тунжи (Канцелярия ЦК КПК и Канцелярия Госсовета разослали циркуляр) // «Жэньминь жибао», 20 мая 2019 г.

¹⁹ Цао Пин. Чжэунхуа миньцзу фэнью доу дэ цидянь ши цзы ли гэн шэн (Основой борьбы китайской нации является опора на собственные силы) // «Жэньминь жибао», 17 октября 2019 г.

²⁰ Цитата из новогоднего обращения (2019 г.) Си Цзиньпина. Цит. по: Сюань Янь. Сюан гуань мань дао чжэнь жу те (Путь впереди тяжел) // «Жэньминь жибао», 26 сентября 2019 г.

²¹ Жэнь Чжунпин. Чусинь чжунцзо цянй шо вэй е (Из первоначальных идеалов выковывается дело на тысячи лет вперед) // «Жэньминь жибао», 30 сентября 2019 г.

²² Ibid.

²³ Ibid.

взволнованных рук тянулись к нему, и генеральный секретарь по очереди касался их своей сильной и теплой рукой. Находящиеся на отдалении туристы восторженно его приветствовали. Си Цзиньпин часто махал им, выражая свою любовь к народу... Момент истории зафиксировал драгоценную историческую картину: народ любит народного вождя, народный вождь любит народ»²⁴.

Продолжалось резко усилившееся при Си Цзиньпине новое возвеличивание Мао Цзэдуна. Эта тенденция заметна в публикациях китайских СМИ, а также в новых сериалах Центрального телевидения КНР, снятых в честь нынешнего праздника и предстоящего в 2021 г. 100-летнего юбилея КПК. К этому выводу приводит и наблюдение за поведением нынешнего китайского лидера, который в своих выступлениях, если и упоминает кого-то из своих предшественников, то только Мао.

В то же время имя Дэн Сяопина в Пекине сейчас не звучит, хотя в связи с 115-ой годовщиной со дня его рождения (23 августа 2019 г.) в КПК и среди китайской общечеловечности вновь активизировались дискуссии вокруг наследия этого деятеля. По данному поводу в китайской блогосфере появились размышления, заслуживающие, на наш взгляд, внимания. Их автор, в частности, писал: «Дэн Сяопин – трагическая фигура. Со времени его смерти прошло всего 22 года, а его экономическая политика уже полностью дезавуирована», «установка, согласно которой центральной задачей является экономическое строительство, заменена установкой “политика – командная сила”»; его «принципы “одна страна – две системы”, “в течение 50 лет политическая система Гонконга остается неизменной”, приведены в этом городе в состояние полного хаоса». Автор утверждал также, что «отвергнутые Дэнгом культ личности, система пожизненного занятия руководящих должностей, единоличная неограниченная власть вновь вышли на поверхность», «прозападный внешнеполитический курс выброшен на свалку, обмен напаками между Китаем и странами Запада превратился в новую нормальность». По его словам, «Дэн Сяопин убедил страны Запада помочь Китаю осуществить экономическую модернизацию», однако, дескать, «и представить себе не мог», что ее результаты будут использованы для того, чтобы «до зубов вооружить диктатуру, превратить Китай в закоперщика и двигатель новой гонки вооружений, обогатить народы Африки», которые «пользуются политической благотворительностью» китайской нации, для «борьбы за мировую гегемонию с Соединенными Штатами»²⁵.

Некоторые китайские авторы утверждают, что Дэн Сяопин «свергли» три раза при жизни, а сейчас «после смерти его свергли в четвертый раз»²⁶.

²⁴ Жэньминь линсю ай жэньминь (Народный вождь любит народ) // «Жэньминь жибао», 25 августа 2019 г.

²⁵ Цит. по: Чжэн Цзинпин. Дэн Сяопин мэи ба сюаньляо цзяо гэй жэньминь бэй цыцзи дабай (Дэн Сяопин не дал народу избирательные бюллетени и в результате сам потерпел поражение) «Цяньшао», 2019, №10, с. 20.

²⁶ Ibid. С. 21.

В праздничных выступлениях председателя КНР была выдержана линия на прославление «великого Китая». Так, на приеме в Доме народных собраний он заявил: «Китайский народ – это великий народ, китайская нация – это великая нация, китайская цивилизация – это великая цивилизация»²⁷. 1 октября на митинге на площади Тяньаньмэнь в Пекине китайский лидер говорил о том, что с образованием КНР была изменена «трагическая судьба Китая», «китайская нация вступила на путь великого возрождения». По его словам, за прошедшие 70 лет китайский народ добился «великих успехов, известных всему миру», в настоящее время в мире «нет силы, способной поколебать положение нашей великой Родины, воспрепятствовать движению китайского народа и китайской нации вперед». На этом «пути вперед» необходимо «отстаивать руководство со стороны КПК», «путь самобытного китайского социализма», «путь мирного развития», «стратегию открытости»²⁸.

В связи с вышеизложенным первостепенное значение придавалось пропаганде военного могущества современной КНР. В качестве отдельного сюжета воспроизводилась история создания китайского ракетно-ядерного оружия. Необходимо отметить, что данный сюжет носит от начала и до конца антисоветский характер. Согласно официальной версии, которая доведена в КНР до самых широких слоев населения, наша страна оказала Китаю помощь в овладении ядерной энергией только на самом начальном этапе и в ограниченных пределах. Бомбу китайцы, мол, сделали сами. Это неправда от начала и до конца. Все атомные секреты СССР передан Китаю еще до того, как в Москве приняли явно запоздалое решение не передавать макет атомной бомбы (именно это решение и обыгрывает с тех пор и до настоящего времени пекинская историография и пропаганда).

Проведенный 1 октября самый большой в истории Пекина военный парад, на первый взгляд, был адресован, в первую очередь, США, Тайваню, странам Юго-Восточной Азии²⁹. В комментариях китайских СМИ говорилось, что вся представленная на параде техника – китайского производства. Писали, что «генеральный секретарь Си Цзиньпин указывает: “Основой борьбы китайской нации является опора на собственные силы”»³⁰.

²⁷ Цинчжу Чжунхуа жэньминь гунхэо чэнли 70 чжоуньян чжаодайхуй цзай цзин лунчжун цзюйсин (В Пекине состоялся торжественный прием по случаю 70-летия образования КНР) // «Жэньминь жибао», 1 октября 2019 г.

²⁸ Си Цзиньпин. Цзай цинчжу Чжунхуа жэньминь гунхэо чэнли 70 чжоуньян дахуй шан дэ цзянхуа (Речь на митинге по случаю 70-летия образования КНР) // «Жэньминь жибао», 2 октября 2019 г.

²⁹ По некоторым американским оценкам, «китайские вооруженные силы следует уважать, но бояться их не нужно». См. Peck, Michael. China's Military Deserves America's Respect, But Not Its Fear // *The National Interest*, September 15, 2019.

³⁰ Цао Пин. Чжэунхуа миньцзю фэньдоу дэ цзидянь ши цзы ли гэн шэн (Основой борьбы китайской нации является опора на собственные силы) // «Жэньминь жибао», 17 октября 2019 г.

В то же время демонстрация военной мощи была предназначена не только и, возможно, не столько для внешних оппонентов КНР. Обращает на себя внимание, что в приказе о поощрении участников парада в числе важнейших задач вооруженных сил были названы «защита авторитета» ЦК и Генерального секретаря ЦК КПК, а также «неуклонное проведение в жизнь системы ответственности Председателя Центрального военного совета»³¹, то есть власти над армией лично Си Цзиньпина. Это обусловлено, прежде всего, внутривластными соображениями.

В одной из установочных статей «Жэньминь жибао» по поводу юбилея было сделано весьма примечательное заявление. В ней говорилось, что «мы не боимся опасностей, если уж бояться, то бояться того, что Китай уже длительное время живет в условиях мира, у него не хватает боевого духа»³².

Судя по немногочисленным публикациям, китайская позиция по чувствительным вопросам истории наших двусторонних отношений не изменилась. Так, в них была проигнорирована роль нашей страны в создании КНР. Скупо говорилось о нашей помощи Китаю в 1950-х гг. В одной из установочных статей данный вопрос подавался следующим образом: «В самом начале³³ мы могли учиться только у Советского Союза, механически копировали советский опыт, однако очень быстро осознали, что советская модель имеет ограничения, и выдвинули лозунг использования СССР в качестве “учителя наоборот”»³⁴. В обширном документе, подготовленном к юбилею Академией истории партии и документов при ЦК КПК, было уточнено, что, в конечном счете, СССР построил для КНР не 156, а 150 предприятий. Там же излагалась, в частности, и стандартная китайская версия событий 1969 г. («советская агрессия», «были вынуждены вести бой в целях самозащиты» и т.п.)³⁵.

В целом 70-летие КНР официальный Пекин позиционировал как праздник прежде всего КПК, китайского народа и китайской нации. Тем не менее, в ряде материалов констатировались также и факты из истории наших двусторонних отношений, такие, как взаимное дипломатическое признание КНР и СССР, последовавшее на второй день после создания КНР, подписание ими Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи (1950 г.) и даже «продолжавшийся более двух месяцев» визит Мао Цзэдуна в нашу страну (декабрь 1949 – февраль 1950 гг.). Отмечалось поступательное развитие российско-китайских

торгово-экономических отношений в наши дни. Поощрялись, морально и материально, заявления иностранных «друзей Китая» о прошедшем 70-летию как «лучшей главе» китайской истории»³⁶.

В то же время характерно, что в цитированном выше документе Академии истории партии и документов при ЦК КПК установление дипломатических отношений между СССР и КНР 2 октября 1949 г. было поставлено в один ряд с установлением КНР в январе 1964 г. дипломатических отношений с Францией – «первой крупной страной Запада, установившей дипломатические отношения с новым Китаем»³⁷.

Министр иностранных дел КНР Ван И в статье, опубликованной накануне юбилея одновременно со статьей министра иностранных дел России С.В. Лаврова в СМИ наших двух стран, отметил, в частности, что «определение линии прохождения границы окончательно разрешило доставшуюся от истории проблему, долгое время являвшуюся раздражителем для сторон, сняло груз с китайско-российских отношений, устранило барьеры»³⁸.

В вышеуказанной статье российского министра иностранных дел обращает, в частности, на себя внимание заявление, согласно которому «нам удалось вывести за скобки чувствительные темы общего прошлого, оставив их историкам»³⁹.

По этому поводу следует отметить, что сотрудники китайского подразделения МИД России, участвовавшие в подготовке данной статьи, использовали, вывернув при этом наизнанку, предложения, которые уже в течение ряда лет высказывает проф. Ю. М. Галенович. Он, в частности, писал: «Что касается оценки тех или иных исторических документов и событий, то эти вопросы желательно перевести в категорию чисто научных и исторических, а также предложить китайской стороне отделять научные дискуссии от практическо-политических проблем. Собственно говоря, необходимым представляется исключение вопроса о границе и территориях из сферы государственной политики и перевод их исключительно в область научных дискуссий. Необходимо также исключение из программ преподавания в общеобразовательных школах и всех других учебных заведениях тезисов о “территориальных захватах”, “территориальном долге”, “неравноправных договорах”»⁴⁰. Наряду с этим он предлагал исходить из того, что учёные обеих стран имеют возможность

³⁶ Тавровский Ю.В. Второе дыхание. Речь на церемонии награждения Национальной премией КНР // Завтра, 5 сентября 2019 г.

³⁷ Чжунхуа жэньминь гунхэго да шицзи (Важные даты истории КНР). Октябрь 1949 – сентябрь 2019 // «Жэньминь жибао», 28 сентября 2019 г.

³⁸ Ван И. Циши нянь фэн юй цзяньчэн , синь шидай фн фань цихан (70 лет движения вперед сквозь дожди и ветра – в новую эпоху) // «Жэньминь жибао», 26 сентября 2019 г.

³⁹ Лавров С.В. Партнерство, устремленное в будущее // Российская газета, 26 сентября 2019 г.

⁴⁰ Галенович Ю.М. Россия – Китай: шесть договоров. М., 2014 (электр.). С. 260. [Galenovich, Yu.M. Rossiya – Kitay: shest' dogovorov (Russia – China: Six Treaties). Moscow, 2014 (electronic). P. 260.]

³¹ Чжунъян цзюньвэй жжуси Си Цзиньпин цяншю тунлин (Председатель ЦВС Си Цзиньпин подписал приказ) // «Жэньминь жибао», 2 октября 2019 г.

³² Жэнь Чжунпин. Чусинь чжужю цяншю цю вэй е (Из первоначальных идеалов выковывается дело на тысячи лет вперед) // «Жэньминь жибао», 30 сентября 2019 г.

³³ Существования КНР.

³⁴ Чжунго даолю вэйшэмо хао (Чем хорош китайский путь)? // «Жэньминь жибао», 14 августа 2019 г.

³⁵ Чжунхуа жэньминь гунхэго да шицзи (Важные даты истории КНР). Октябрь 1949 – сентябрь 2019 // «Жэньминь жибао», 28 сентября 2019 г.

излагать свои взгляды на эти вопросы. Важно, чтобы такого рода трактовки не подавались как официальная и единственно правильная позиция властей той или иной страны⁴¹.

В 2004 г. авторитетные китайские руссоеведы в ходе всекитайской конференции специалистов по России ответили на эти предложения следующим образом: «Сейчас профессора галеновичи требуют, чтобы проблемы истории отношений Китая и России мы “превратили в объект чисто научного исследования”, то есть требуют от нас переписать все существующие учебники истории, заставляют нашу страну в деле воспитания молодого поколения или встать на позиции царской России и защищать агрессию царской России против Китая, или, по крайней мере, замалчивать этот исторический период. Позволительно спросить, какое мы имеем право так вести себя в отношении людей Китая, потомков, наших детей и внуков? И каким же образом мы сможем это сделать?! Не равносильно ли это тому, как если бы мы уходили от обсуждения столь же трудной проблемы, как история агрессии японского милитаризма в Китае, или ограничивались беглым упоминанием об этом?!»⁴².

Насколько известно, вплоть до настоящего времени позиции сторон не претерпели изменений. В последние годы в ответ на робкую критику вышеуказанных позиций китайской стороны отдельными российскими представителями можно было услышать рассуждения о том, что «это часть патриотического воспитания в нашей стране, вас это никак не касается».

Представляется, что такая позиция китайской стороны лишает наши нынешние отношения стратегического партнёрства позитивной исторической и эмоциональной основы. Все это не может быть прочной основой для здорового долговременного развития отношений между Россией и Китаем.

Отметим также, что чувствительные вопросы в контексте истории отношений между нашими странами не ограничиваются проблемами территорий и границы. Так, в демонстрировавшихся в 2019 г. по первому каналу Центрального телевидения КНР в «золотое время», то есть с 20 часов по местному времени, документальных и художественных сериалах в искаженном и даже откровенно клеветническом виде показывались важные эпизоды истории отношений КПК и КНР с нашей страной, Коминтерном, ВКП(б) и КПСС. Например, в многосерийном художественном фильме «Коммунист Лю Шаоци» (共产党人刘少奇) при показе второго «московского» периода (1930-1931 гг.) жизни этого выдающегося деятеля КПК и КНР есть сцены, в которых скромности, присущей, дескать, китайским коммунистам и вообще китайцам, противопоставляются изображаемые пропагандой КПК уже в течение длительного времени барство, пьянство, высокомерие русского народа и его представите-

лей, имеющих дело с иностранными коммунистами. Устами Мао на Советский Союз и Коминтерн сваливают в фильме вину за неудачи и жертвы, понесенные Компартией Китая в «революционной борьбе» за власть над Китаем. В клеветнически-карикатурном виде представили создатели фильма Ван Мина – одного из руководителей КПК 1930-х-1940-х гг., который последовательно выступал за дружбу с нашей страной.

Самого Лю Шаоци изображают как «верного ученика председателя Мао». Характерно, что фильм заканчивается приходом КПК в 1949 г. к власти в стране. За кадром остались последовавшие за этим события, в том числе и судьба самого Лю Шаоци, замученного в 1969 г. в маоистских застенках по приказу «великого кормчего».

Еще один сериал называется «Великий поворот» (伟大的转折). Имеется в виду т.н. Великий поход китайской Красной армии 1934-1936 гг. Мао представлен в фильме непрерываемым авторитетом в партии и великим полководцем. В каждой серии звучит песня с припевом «Храни в сердце память о Мао Цзэдуне». Советник Коминтерна Отто Браун, отстраненный Мао и его подручными от выполнения своих функций после известного совещания в Цзуньи в январе 1935 г., изображен в карикатурно-издевательском виде. В одной из сцен он приходит к Мао Цзэдуну с просьбой разрешить ему отправиться в войска «для обследования и изучения», «овладения практикой китайской революции». Сцена заканчивается уходом Отто Брауна, после чего его переводчик У Сюцюань обращается к Мао Цзэдуну и Чжоу Эньлао с просьбой «разрешить ему больше не переводить Ли Дэ (китайский псевдоним Брауна – Е.Р.), а дать другое поручение». В дальнейшем У Сюцюань занимал ряд высоких должностей во внешнеполитическом аппарате КПК, принимал активное участие в практической реализации антисоветской политики Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Написал мемуары, в которых называет 1950-е гг. не «медовым месяцем» в советско-китайских отношениях, как многие авторы, а «периодом сотрудничества и борьбы».

В сентябре-октябре 2019 г. вслед за этим произведением по 1 каналу ЦТ КНР демонстрировался сериал «Годы волнений и тревог» (激情的岁月) – очередное произведение, посвященное созданию китайского ракетно-ядерного оружия. В данном фильме присутствуют выпады против советских специалистов и насмешки над испытываемыми к ним уважением китайскими учеными (один из них в лозунговом духе заявляет коллегам, нашедшим ошибку в расчетах советских ученых, что «советские специалисты никогда не ошибаются»).

В документальном сериале «Мы идем по большому пути» (我们走在大路上) специально снятом по случаю 70-летия КНР по заказу Отдела пропаганды ЦК КПК и показанном по китайскому Центральному телевидению накануне юбилея, «идеям Си Цзиньпина» противопоставлены «уроки гибели КПСС».

2 октября 2019 г., то есть на следующий день после парада в Пекине, вышел очередной номер

⁴¹ Галенович Ю.М. Частное сообщение.

⁴² Чжун э гуаньси дэ лишн юй сяньши (История и современное состояние китайско-российских отношений). Кайфэн, 2004. С. 635.

главного политико-теоретического журнала КПК «Цюши» со статьей Си Цзиньпина. Статья представляет собой часть закрытой и ранее не публиковавшейся речи Си перед новоизбранными членами ЦК КПК и партийными руководителями провинциального звена 5 января 2018 г. Речь была посвящена необходимости усилить партийное строительство с учетом многочисленных внутренних и внешних угроз, главной из которых являются угрозы, существующие внутри КПК. В этой связи Си Цзиньпин вспомнил и о пресловутых «уроках гибели КПСС». Он сказал: «Мне уже пришлось говорить об этом. В ходе тех потрясений⁴³ не оказалось ни одного мужчины, никто не вышел на улицу с протестом»⁴⁴.

В заключение необходимо сказать, что минимум для нескольких десятков миллионов китайцев на Тайване, в Гонконге, в эмиграции, да и внутри КНР 1 октября – это не национальный праздник, а «день скорби». Как указывают в этой связи многие отечественные и зарубежные китаеведы, КПК пришла к власти с помощью насилия (достаточно вспомнить о лозунге Мао «винтовка рождает власть») и обмана. Новая власть крестьянам сулила землю, а загнала в «народные коммуны», интеллигенции обещала демократию и участие в политике, а дала «лагеря перевоспитания» и т.д. При Мао Цзэду в 1949-1976 гг. были убиты или доведены до голодной смерти десятки миллионов людей, страна была поставлена на грань экономической катастрофы. За успехи последних 40 лет тоже заплачена немалая цена: в КНР сложилась тяжелая экологическая ситуация, негативно сказывается на жизни современного Китая проводившаяся в 1979-2013 гг. политика «планового деторождения», в рамках которой было предотвращено рождение 400 млн детей, не обеспечены основополагающие политические свободы и права человека, неспокойно в Синьцзяне и Гонконге.

Остается тревожно-неопределенной ситуация в китайской экономике, усложнилось внешнеполитическое положение КНР. Старт «новой эпохи» получился трудным⁴⁵.

Кашин В.Б. (*МГИМО МИД России / ИДВ РАН / НИУ ВШЭ*). **Китай и региональный порядок в Евразии: проблемы безопасности.**

С начала 2010-х годов роль КНР в региональной безопасности в Евразии переживает существенные изменения, связанные с общей активизацией китайской внешней политики, ростом китайской военной мощи и расширением сферы китайских экономических интересов в прилегающих странах.

Помимо этого, факторами, имевшими определяющую роль для поведения КНР в сфере безопасности в регионе были рост внимания Пекина к про-

блеме сепаратизма и религиозного экстремизма в Синьцзян-Уйгурском Автономном Районе Китая и углубляющееся противостояние с США.

Активизация китайской политики, ставшая особенно очевидной в середине десятилетия, окончательно оставила в прошлом умозрительные построения о «разделении труда» между Китаем и Россией на евразийском пространстве, согласно которым Россия играет лидирующую роль в региональной безопасности, а Китай «отвечает» за экономику.

Фактически, на нынешнем этапе вооруженные силы Китая перешли к де-факто постоянному, либо периодическому присутствию на территориях ряда стран Центральной Азии, при этом Китай превратился в важного партнера этих стран в сфере военно-технического сотрудничества и источник военной помощи.

Активизация китайского военно-технического сотрудничества с странами Центральной Азии близко совпадает по времени с приходом к власти в КНР нового поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином.

Первым надежно идентифицированным крупным контрактом на поставку оружия в регион можно считать контракт 2013 года с Узбекистаном на пять комплексов беспилотных летательных аппаратов Wing Loong 1. В последующем Узбекистан продолжил закупки китайской военной техники, в частности зенитных ракетных комплексов большой дальности HQ-9 – прямых конкурентов российских систем С-300 и С-400. Комплексы были поставлены в 2015 году, что, вероятно, отражало линию руководившего тогда Узбекистаном президента Каримова на максимальное ослабление зависимости от России

К настоящему времени крупнейшим партнером Китая в сфере военно-технического сотрудничества является Туркменистан, заключивший с КНР более десятка контрактов на поставки вооружений и военной техники, начиная с 2015 года. Туркменистан, являющийся важнейшим реципиентом китайских инвестиций и важнейшим экспортером природного газа в КНР, произвел с опорой на китайскую технику модернизацию системы ПВО. В частности, были закуплены несколько радиолокационных станций (YLC-18, YLC-2), зенитные ракетные комплексы HQ-9 большой дальности, KS-1A средней дальности и FM-90 малой дальности, а также переносные зенитные ракетные комплексы QW-2.

Таким образом, в 2015-2017 годах с опорой на китайскую технику в Туркмении была создана законченная эшелонированная система противовоздушной обороны, возможно, с прицелом на прикрытие объектов экспортной газотранспортной инфраструктуры.

Сложность этой техники и известные данные о состоянии туркменской системы высшего технического и военного образования позволяют предположить, что эксплуатация данных систем оружия не может осуществляться без постоянного консультирования со стороны китайского персонала. Помимо этого КНР поставляла Туркмении и другое оружие, в частности ударные беспилотные летательные ап-

⁴³ Имеется в виду отстранение КПСС от власти в августе 1991 г.

⁴⁴ Си Цзиньпин. Туйдун дан дэ цзяньшэ синь дэ вэйда гуанчэн яо и гуань чжи (Необходимо последовательно реализовывать новый великий проект партийного строительства) // «Цюши», 2019, №19. 2 октября 2019 г.

⁴⁵ Цыплаков С.С. 70 лет КНР: трудная смена эпох // Независимая газета, 29 сентября 2019 г.

параты. Возможно, что поставки шли в счет поставок газа и на льготных условиях.

Поставки вооружения и военной техники в другие страны региона являются гораздо менее масштабными. Казахстан приобретал китайские беспилотники и транспортные самолеты, Афганистан – легкую бронетехнику. Таджикистан и Киргизия являются получателями китайской военной помощи, включая транспортные средства, средства связи, медицинское оборудование.

Важным шагом в развитии военных контактов Китая и стран региона стало заключение в 2016 году в Урумчи четырехстороннего соглашения между начальником Объединенного штаба Центрального военного совета КНР Фан Фэнхуэем и начальниками генштабов Афганистана, Таджикистана и Пакистана о сотрудничестве в борьбе с терроризмом.

Насколько можно судить, соглашение позволяет китайским военнослужащим в рамках осуществления контртеррористических мероприятий заходить в приграничные районы стран-партнеров, выставлять там посты, осуществлять патрулирование, получая согласие на это по упрощенной схеме.

Вскоре после этого появились первые сообщения о появлении китайских сил в приграничных районах Ваханского коридора Афганистана и в некоторых приграничных районах Таджикистана.

Такой рост китайской роли в вопросах военной безопасности порождает и опасения среди представителей общественности стран региона. Страх и элементы недоверия по отношению к КНР распространяются частично и на правящие круги и мы можем видеть подтверждение этому в виде периодических шпионских скандалов между Китаем и центральноазиатскими странами.

Примером может служить арест в начале 2019 года ведущего казахстанского эксперта по Китаю К.Л. Сыроежкина по обвинению в шпионаже в пользу КНР (позже он был приговорен к лишению свободы на 10 лет). Этот пример не единичный: периодически об арестах официальных лиц за шпионаж сообщают Казахстан, Киргизия, Таджикистан, при этом намекается, либо прямо говорится, что речь идет о шпионаже в пользу КНР.

Начатая в 2014 году кампания по искоренению терроризма и религиозного экстремизма в Синьцзян-Уйгурском Автономном районе КНР, переросшая с 2017 года в политику создания системы «лагерей перевоспитания» для части мусульманского населения региона, напрямую повлияла на восприятие Китая местным населением.

Судя по сообщениям региональных СМИ, тематика «лагерей перевоспитания» особенно сильно затронула настроения населения в Казахстане и Киргизии. Рост антикитайских настроений ведет к массовым протестам против новых проектов сотрудничества с КНР и ставит вопрос о безопасности китайских инвестиционных проектов в центральноазиатских странах.

Фактически, любые слухи об усилении китайского присутствия в Казахстане или Киргизии вызывают массовые протесты местного населения.

Отчасти такая ситуация связана с тем, что именно у жителей этих стран сохраняются наиболее тесные этнические и родственные связи с рядом групп мусульманского населения китайского Синьцзяна.

В сентябре 2019 года началась новая мощная волна антикитайских протестов в Казахстане, приуроченная к визиту президента страны Касым-Жомарта Токаева в Китай. Участники протестов выступали против планов строительства в Казахстане нескольких десятков промышленных предприятий с использованием китайских инвестиций (межправительственное соглашение об этом было заключено двумя странами еще в 2016 году).

Одним из путей решения этой проблемы является создание КНР крупных частных охранных предприятий для работы за рубежом, именуемых иногда «китайскими частными военными и охранными компаниями (ЧВОК)». В настоящее время отсутствуют данные об оказании китайскими компаниями за рубежом военных услуг (обучение вооруженных формирований, консультирование, помощь в обслуживании военной техники, разведка, организация работы с пленными и т.п.).

Вместе с тем, есть первые активно действующие за рубежом китайские охранные структуры (например, *DeWe Security*), а с 2017 года появились данные о создании в КНР крупных ЧВОК по образцу известной американской компании *Blackwater* и при консультировании со стороны известного американского деятеля военного бизнеса Эрика Принса.

Центральная Азия является одним из наиболее вероятных направлений применения таких компаний, однако их полномасштабное развертывание сдерживается сопротивлением общественности и руководства государств региона. Таким образом, в настоящее время Китай выступает в качестве сильного самостоятельного игрока в сфере безопасности в Евразии. Приоритетными для КНР партнерами в сфере безопасности являются страны – крупные реципиенты китайских прямых иностранных инвестиций, а также приграничные государства, ситуация в которых напрямую затрагивает обстановку в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Китай наращивает свою роль в региональной безопасности постепенно, но неуклонно, избегая при этом прямой конкуренции с Россией.

Главными ограничителями для повышения китайской роли в региональной безопасности являются антикитайские настроения со стороны общественности стран региона, недостаточное доверие со стороны центральноазиатских правительств, присутствие в регионе созданной Россией структуры в сфере военной безопасности (ОДКБ) и интеграционного объединения – Евразийского Экономического Союза.

Несмотря на сохраняющиеся традиционные направления сотрудничества в сфере безопасности по линии ШОС, включая проходящие с 2005 года каждые два года учения «Мирная миссия», усиление китайской роли в региональной безопасности проходит без опоры на структуры данной организации. Тенденция к действиям параллельно механизмам

ШОС будет, видимо, сохраняться, учитывая вхождение в данную организацию Индии и Пакистана, что дополнительно усложнит систему принятия решений в ее рамках.

2. Методология / практика регионостроительства и китайский опыт.

А.Б. Каримова (*Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН*). **Регион как технология порядка.**

Человек всегда создавал целеположенное – сопряженное – пространство. Поэтому пространство оказалось феноменом, порождающим знание всех взаимосвязей мира. Реальных, виртуальных, духовных, хозяйственных и средовых. Каждое пространство помечено каким-нибудь характерным событием или явлением.

В 1990-е годы поводом для всплеска интереса к региональным феноменам послужили дискуссии о глобализации, в которых наиболее заметным и наименее отрешенным в проблеме развития выступило *региональное пространство*.

Региональное пространство – факт глобализации и фактор глобальных преобразований. Это – поле проблемы выживания и развития. Но и физическое измерение регионализма (гипотеза поствестфальского порядка), регионализации (процесс строительства) и региона (технология формализации порядка). Оно – воображаемое место воображенного социума. Но и реальная территория в несуществующих границах. Его главная особенность в комбинациях мерности и способности одновременно распределять и спрягать разнонаправленное движение потоков *в-над-из-сквозь-между-через-за*⁴⁶ границы, улавливая и спрягая все изгибы пересечений. И это одна из основных характеристик регионального порядка.

Поэтому вопрос о теоретических основаниях происходящих трансформаций приобрел научную остроту. Однако академические подходы к регионализму показали столь большую разницу, что из его прикладных объектов (регион) рассматривается вне собственного поля.

С другой стороны, междисциплинарное блуждание региональных конструкций, и от того неизбежная эклектика дефиниций региона, регионализации и региональной идентичности, сослужили добрую службу: вывели из теоретической несамостоятельности региональное пространство и его «персонажи».

Стремление проникнуть вглубь явления привело к перепроизводству определений, не удовлетворив ни практиков, ни теоретиков. Но линия согласия наметилась. В разное время и на разной доказательной базе У. Айзард (США), Дж. Най-мл. (США), Б. Хеттне (Швеция) и др. признали, что

⁴⁶ Здесь: конструкция векторов «в-над-сквозь-через-между-за» передает смысл трансгрессивного спряжения. Словоформ «трансгрессия» образован сложением двух латинских слов «trans» (сквозь, через, над, за) и «gressus» (приближаться, переходить, нападать), обозначает процесс пересекающего движения и его направление (А.К.).

природных регионов не существует. Впрочем, это не устранило методологического хаоса, что само по себе является признаком и аргументом актуальности построения гипотезы и репрезентации нового феномена темы развития – *регионального пространства*.

Для решения теоретической задачи применены концепции глобализации в версии британских исследователей Д. Хелда (D. Held), Д. Гольдблатта (D. Goldblatt), Э. МакГрю (McGrew) и Дж. Пerratона (J. Perraton); «нового подхода к регионализму» шведских ученых Б. Хеттне (B. Hettne) и Ф. Содербаума (F. Söderbaum); *регионального комплекса безопасности* Б. Бузана (B. Buzan) и О. Вевера (O. Wæver), инструменты теории сетей, малых групп, информационного, организационного и стратегического подходов и т.д.

В качестве математической аппликации использованы постулаты механики Архимеда, алгоритмы физики Аристотеля, принципы неевклидовой геометрии Н.И. Лобачевского, образы пространства М. Фуко и др. Эмпирическую базу составили принципы конструирования Среднеазиатского экономического района советских ученых Ю.И. Пославского и Г.Н. Черданцева, методика выявления региональных факторов (США), модель Euregio и авторские исследования⁴⁷.

Опорной теорией предлагаемой методологии является теория района В.П. Семенова-Тян-Шанского.

Эпоха региона: почему?

Аналитическая конструкция района/региона как совокупности «перекрещивающихся и переплетающихся линий развития, связи и взаимодействия» была впервые описана экономистом Ю.И. Пославским и географом Г.Н. Черданцевым, смоделировавшим Среднеазиатский экономический

⁴⁷ См.: Каримова А.Б. Индо-тихоокеанский постатлантизм // Сравнительная политика. 2019. №2. С. 37-55. [Karimova, A.B. Indo-tikhookeanskiy postatlantizm (Indo-Pacific post-Atlantism) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 37-55.]; Каримова А.Б. Связывающий Индийский с Тихим, или модернизация инструментов влияния // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №6 С. 13-24. [Karimova, A.B. Svyazyvaya Indiyский s Tikhim, ili modernizatsiya instrumentov vliyaniya (Linking the Indian with the Pacific, or the Modernization of Instruments of Influence) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2019, Vol. 63, No. 6, pp. 13-24.]; Каримова А.Б. Центральная Азия: эвристики и модели // Мировая экономика и международные отношения. 2018. №10. С. 114-123. [Karimova, A.B. (Central Asia: Heuristics and Models // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2018, No. 10, pp. 114-123.]; Каримова А.Б. Шелковый путь: процессы интеграции и самоорганизации пространств трансрегионального взаимодействия // Сравнительная политика. 2017. №2. С. 108-118. [Karimova, A.B. Shelkovyy put': protsessy integratsii i samoorganizatsii prostranstv transregional'nogo vzaimodeystviya (The Silk Road: the Processes of Integration and Self-Organization of Spaces of Transregional Interaction) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 108-118.]; Каримова А.Б. Стратегема Ломоносова: Арктика в движении к глобальной арене // Наука. Культура. Общество. 2019. №2. С. 39-51. [Karimova, A.B. Stratagem Lomonosova: Arktika v dvizhenii k global'noy aren (Lomonosov's Stratagem: The Arctic Is Moving towards Global Arenas) // *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2019. No. 2. С. 39-51.]

район как инструмент подъема развития вошедших в него территориальных единиц⁴⁸.

В 1930-х гг. в условиях экономической депрессии и конфликта между федеральным правительством и институтами местного управления аналогичные конструкции были испытаны в США.

В докладе Национального комитета по ресурсам, подчеркивалось, задачи развития потонули в горячей дискуссии «централизация» vs «права штатов». Обнаружив, что ни централизация, ни локализация не могут быть моделью роста, когда размеры проблемы и территориальные активы ее решения не совпадают, разработчики рекомендовали разделить внутреннее пространство США на 12 регионов, площадь которых должна определяться масштабом проблемы, а ее «границы стать гибкими, а не фиксированными»⁴⁹.

Составители пришли к выводу, что конституционально закреплённая жесткость межштатных границ и локальный контроль:

- препятствуют движению человеческих и производственных потоков между штатами;
- создают проблемы водо- и землепользования;
- мешают внедрению новых технологий передачи электроэнергии,
- приводят к неправильному распределению социальных дотаций, вызывая недовольство населения;
- тормозят продвижение североамериканских товаров на международные рынки;
- ведут к изоляции штатов друг от друга.

Выделенные факторы получили название *региональных* и стали основанием для введения новой административной единицы – *региона*. Его специфическое свойство – *текучесть границ* – отвечало не только социальным потребностям национального развития, но и стало мерой укрепления государственной безопасности в условиях угрозы суверенизации внутренних штатов.

Практика использования региональных конструкций в СССР и США показала: регион создавался там, где возникала узловая проблема развития нескольких административных территорий.

Через 20 лет после опытного испытания региональных конструкций в Северной Америке поствоенная ФРГ в поисках выхода из международной изоляции формализовала трансграничное сотрудничество между приграничными сообществами. Первое международное объединение подобного типа – область между ФРГ и Нидерландами – возникло в 1958 г. под названием *Euregio*, положив начало размышлениям о политической роли месторазвития в современных международных отношениях. Не случайно французский социолог М. Фуко обозначил 1960-е эпохой пространств, «заряженных

качествами», множеством «отношений, определяющих местоположения, не сводимых друг к другу и совершенно друг на друга не накладывающихся»⁵⁰.

Мир *несвязанных пространств (анархия)* моделировал бесконечные столкновения территориальных конфигураций, без гармонии параболических связей архимедова мира вложенных пространств, который языком «воображаемой геометрии» описан как логическая (смысловая) система порядка движения⁵¹.

Именно в таком пространстве, где человеческие потоки перемещаются и расходятся по одним и тем же дорогам в разные регионы, совершается *трансгрессия* – спрягающее взаимопроникновение пространства и деятельности, создавая эффект текучести границ.

Пространство текущих границ: *как?*

Первая попытка теоретического осмысления происходящих трансформаций в поствоенной Европе результировалась фундацией политической версии регионализма, в котором авторы постарались разграничить «старый» (1950-1960 гг.) и «новый» (вторая половина 1980-х гг.) регионализмы и «теоретизировать быстро возникающий эмпирический феномен без особой теории»⁵².

В концепции *нового регионализма* Б. Хеттне и Ф. Содербаума (*New Regionalism Approach, NRA*) региональные процессы представлены как фактор изменений международного порядка.

Центральным компонентом NRA является концепт *регионность (regionness)*, выражающий политическую динамику процесса регионализации. Фактически регионность – инструмент сравнительного анализа и стратегия, посредством которой «географический регион трансформируется из пассивного объекта в субъект, способный сформулировать интересы развивающегося региона». Однако проблематика NRA заключается не в разграничении регионов как таковых, а в формировании механизмов увеличения или уменьшения уровней регионности, т.е. создании решетки *текущих границ*. В методическом плане регионность является качественным итогом исследовательских «суждений о степенях, ... которая позволяет выделить конкретный район в отдельную единицу» международной системы⁵³. Авторы NRA

⁵⁰ Другие пространства / Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М. Скуратова под общ. ред. В.П. Большакова. М.: Praxis, 2006. Ч. 3. С. 194, 195. [Drugijye prostranstva (Other Spaces) / Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'yu (Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews) / Transl. by B.M. Skuratov, ed. by V.P. Bolshakov. Moscow: Praxis, 2006. Part 3. Pp. 194, 195.]

⁵¹ Лобачевский Н.И. Три сочинения по геометрии. Геометрия. Геометрические исследования по теории параллельных линий. Пангеометрия. М.: Гос. изд. технико-теоретической литературы, 1956. С. 23-24, 33. [Lobachevsky, N.I. Tri sochineniya po geometrii. Geometriya. Geometricheskiye issledovaniya po teorii parallel'nykh liniy (Three Essays on Geometry. Geometry. Geometric Studies on the Theory of Parallel Lines). Pangeometry. Moscow: State. ed. technical-theoretical literature, 1956. Pp. 23-24, 33.]

⁵² Hettne, B. Beyond the «New» Regionalism // *New Political Economy*, 2005, Vol. 10(4), p. 565.

⁵³ Hettne, B.; Söderbaum, F. The New Regionalism Approach //

⁴⁸ Средне-Азиатский экономический район. Под ред. Ю.И. Пославского и Г.Н. Черданцева. Ташкент: ТЭС, 1922, IV. [Sredne-Aziatskiy ekonomicheskiy rayon (Central Asian Economic Region). Ed. by Yu.I. Poslavskiy and G.N. Cherdantseva. Tashkent, 1922, IV.]

⁴⁹ Regional Factors in National Planning and Development. December 1935 / National Resources Committee. United States Government Printing Office Washington: VII.

считают экономические аргументы «не всегда релевантным разграничением» с политической точки зрения.

Таким образом, новый подход к регионализму постулирует изучение процессов, способных обеспечить момент относительной устойчивости и зафиксировать возможную протяженность регионального пространства.

Политтехнологический подход шведских исследователей в полной мере проявился в утилизации поисков определения регион. Они подчеркивают необходимость «плодотворно поддерживать эклектичные и непредвзятые определения регионов, особенно на нижних стадиях регионности и в том, что касается их внешних границ, которые часто бывают наиболее размытыми»⁵⁴.

Рассматривая границы в их политическом и географическом значении, западные исследователи придерживаются двух основных подходов – трансгрессивного, т.е. углубляющегося регионально и идущего вширь, и экстенсивного. «При этом первым пользует преимущественно поборники народов гор, побывавшие в горных ландшафтах, долинах, высоких плато и на их окраинах с обрывистыми склонами и ставшие благодаря опыту крупными, зрелыми исследователями; вторые – больше те, кто обучен в основном чувству границы на морском жизненном опыте...»⁵⁵.

Оценки картины мира, основанные на гипотезе соперничества океанской и континентальной жизненных форм, хотя и являются наиболее распространенными в научном наблюдении, не раскрывают, однако, всех причин территориальных напряжений. Анализ списка «старых» региональных конфликтов в Европе («альпийские» государства, Богемия, Шотландия и др.) и вписанных в современную мировую повестку (Кашмир, Нагорный Карабах, Чечня, Таджикистан, Тибет, Афганистан, Западная Украина и др.) фокусирует повторяющийся во всех случаях горный фактор. «Ландшафтное происхождение» горного населения (картина жизни), выявленное классической геополитикой в качестве фундаментального принципа региональных построений и настроений, не играет столь же заметной роли в экономических теориях.

Отсюда видна разница между процессом глобализации мировой экономики и процессом регионализации политического пространства в целях установления нового порядка, где регионализм развивающихся стран не выдерживает соревнования с регионализмом развитых стран, углубляющим эффективную взаимозависимость в пределах своей зоны влияния. За ее пределами строятся сырьевые регионы, связь с которыми осуществляется трансрегиональными логистическими коридорами.

Politeia, 1998, Vol 17, No. 3, p. 10.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет / Пер. с нем. И.Г. Усачева. М.: Мысль, 2001. С. 113. [Haushofer, K. O geopolitike. Raboty raznykh let (On Geopolitics. Works of different years) / Transl. by I.G. Usacheva. Moscow: Mysl', 2001. P. 113.]

Методологическую важность в этом контексте приобретает идея германского геополитика Ф. Ратцеля о постоянном смещении и перемещении границ. «Граница как линия, – подчеркивал его земляк и почитатель О. Мауль, – в действительности есть не истинная граница, а компромисс, достигнутый более или менее случайно, порой вследствие акта насилия. Граница, таким образом, есть простой перерыв между политико-силовыми ситуациями. Пакты, гарантирующие границы, основаны на той великой иллюзии, что можно будто бы поставить предел живому росту нации»⁵⁶.

В западных языках термин «граница» уходит корнями в военное дело. Французское слово «*la frontier*» с начала XIII в. обозначает линию фронта. В англосаксонском восприятии оно подразумевает в т.ч. продвижение.

Недры этого понятия хранят множество окказиональных коннотаций. В немецком языке, по мнению французского историка-слависта Ф. Конта, понятие *граница* содержит требование определить пределы «германской цивилизации» и указание на восток⁵⁷. В то же время Д.И. Менделеев полагал, что «...отделение Европы от Азии во всех случаях искусственно и с течением времени непременно сгладится и, вероятно, даже совсем пропадет»⁵⁸.

Именно на границе связка векторов движения (*в-сквозь-через-между-над-через-из*) особенно заметна. Поэтому в концепции NRA регион является выражением стратегической перспективы; инструментом смещения и утверждения политической идентичности, что неизбежно сопровождается «поиском территориального пространства как законной родины общин»⁵⁹.

Таким образом, регионность – это своего рода политический бинокль в руках внешнего наблюдателя, отмечающего и степень влияния поведенческих предпочтений на политику; и возможность или целесообразность развития геостратегических альтернатив.

Это заставляет разрабатывать новые объясняющие термины, концептуализировать оттенки и цели выявления регионального пространства – физико-аналитической платформы технологии порядка. Например, относительно новый термин «межрегиональность» (*interregionalism*) рассматривается в зарубежном регионоведении как одна из

⁵⁶ Цит. по: Поздняков Э.А. Философия политики: В 2 ч. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1994. Ч. 2. С. 261. [Cit. Pozdnyakov, E.A. Filosofiya politiki (Philosophy of Politics): In 2 parts, 2nd ed. Moscow, 1994. Part 2, p. 261.]

⁵⁷ Конт Ф. К политической антропологии советской системы: Внешнеполитические аспекты / Пер. с фр. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 140-141. [K politicheskoy antropologii sovetsoy skoy sistemy: Vneshnepoliticheskiye aspekty (Toward a Political Anthropology of the Soviet System: Foreign Policy Aspects). Moscow: Yazyki slavyansko y kul'tury, 2003. Pp. 140-141.]

⁵⁸ Менделеев Д.И. К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 143. [Mendeleev, D.I. K poznaniyu Rossii (Understanding Russia). Moscow: Ayris-press, 2002. P. 143.]

⁵⁹ Sengupta, A. Frontiers into Borders. The Transformation of Identities in Central Asia. Published for Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies, Kolkata, 2002. P. 99.

«регулируемых форм, которые может принимать глобализация»⁶⁰.

Вместе с тем «старое» понимание регионализма осталось не до конца проясненным⁶¹, что не способствует продвижению к актуальной дефиниции региона и созданию техник анализа пространственных напряжений, геополитическим провокатором (?) которых является регионность.

Предметом нового подхода к регионализму является «становящийся политический ландшафт, характеризующийся несколькими взаимосвязанными измерениями, многими действующими лицами (включая сам регион) и несколькими взаимодействующими уровнями общества»⁶². Данное понимание дифференцирует шведский подход от стержневого тезиса неореалистской концепции региональной безопасности.

Б. Хеттне представляет регион как *уровень анализа и субъект сложного многомерного и постсуверенного порядка*, возникающего «через региональную организацию, которая его представляет»⁶³ – очевидно, Европейский Союз. У критиков NRA эта напрашивающаяся аналогия вызвала сомнения в универсальности концепции нового регионализма и подозрения, что ее создатели и сторонники находятся под сильным влиянием европейского опыта региональной интеграции⁶⁴.

Б. Бузан и О. Вевер описывают регион как *уровень анализа и агента региональной безопасности*. В такой регион – форму пространственного порядка, управляющего внутренними конфликтами и их внешними последствиями, – можно укомплектовать все переменные расширенного понимания безопасности. Здесь структурообразующим элементом мирового порядка становятся «сообщества безопасности», тогда как иерархию системы международной безопасности выражает формула $1+4+регионы$ ⁶⁵.

Агент vs субъект – точка теоретического «раздора» западных школ пространственного анализа, коренящаяся в неопределенности (несогласии) местонахождения мирового центра силы.

Однако и в том, и в другом случае регион является как инструмент (агента или актора) трансформации вестфальского порядка, организационным выражением которого является ООН.

Русский географ В.П. Семенов-Тян-Шанский видел регион как средовую конструкцию пространства, возникающего из «движения, как внутреннего в этом пространстве, так и проникающе-

го в это пространство извне, а также и выходящего из данного пространства в другие»⁶⁶.

Подход В.П. Семенова-Тян-Шанского носит универсальный характер, вмеща в себя все *физико-математическое* многообразие и гибкость пересекающихся движений, образующих технологические ступки пространственных связей. В нем объект и предмет исследования органичны, образуют поле специальной теории, основные положения которой можно верифицировать эмпирическими методами исследования и описать языком математической теории.

Рассмотренные объяснения проблемно нюансированы, что позволяет сделать вывод об инструментальном характере феномена и важности его прикладных качеств. Регион может быть стратегией (комплекс безопасности), средством идеологического вмешательства (политический регион) и процессом достижения цели развития (экономический, туристический, экологический и др.). Способность региона к пространственной мимикрии хорошо проиллюстрировал индийский исследователь международных отношений А. Гочхаят, предложивший различать два оттенка регионализма. Согласно его видению, на международном уровне регионализм подпитывается отношениями транснационального сотрудничества, которые характеризуют группу регионов, «таких как Западная Европа, Западные Балканы, или Юго-Восточная Азия, связанных географией, историей или экономическими особенностями. Используемый в этом смысле регионализм является средством укрепления связей между этими странами»⁶⁷. Во втором значении этого термина регионализм выступает как процесс, в котором субгосударственные территории намерены стать независимыми политическими единицами, используя экономические, культурные, ресурсные, языковые и пр. аргументы. Исследователь задает вопрос: при каких условиях возникает среда, в которых границы теряют свои географические, административные и политические качества? Т.е. пытается понять как регионализм, замешивая идентичность, культуру, религию, касту и класс в пространственную форму, бросает вызов индийской федерации?

Едиственная модель регионализма, которую А. Гочхаят не оспаривает, – это социологическая конструкция «внутреннего колониализма». Схематизируя развитие в условиях колониальной ситуации, ее автор, британский ученый М. Хечтер эмпирически подтверждает специфику организации сырьевого региона как пространства, ограниченного функцией поставщика с помощью транспортных систем⁶⁸ или

⁶⁰ Hettne, B. Beyond the «New» Regionalism // *New Political Economy*, 2005, Vol. 10(4), p. 558.

⁶¹ По оценке Б. Хеттне, «старый» регионализм «был феноменом холодной войны». Учитывая, что регион был введен в теорию и практику задолго до «холодной войны», подход шведского политолога неоправданно узок.

⁶² Hettne, B. Beyond the «New» Regionalism // *New Political Economy*, 2005, Vol. 10 (4), p. 558.

⁶³ Ibid. P. 555.

⁶⁴ Breslin, Sh.; Higgott, R.A. Studying the International Relations of the Asia Pacific: What Is the Region? What Are the issues? In: Breslin, Shaun and Higgott, Richard A., (eds.) *The International Relations of the Asia-Pacific*. London: SAGE, 2010. Pp. 19-39.

⁶⁵ Buzan, B.; Wæver, O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge, 2003. Pp. 40-65.

⁶⁶ Семенов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. Москва-Ленинград: Государственное издательство, 1928. С. 11. [Semenov-Tyan-Shansky, V.P. Rayon i strana (District and Country). Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1928. P. 11.]

⁶⁷ Gochhayat, A. Regionalism and Sub-regionalism: A Theoretical Framework with Special Reference to India // *African Journal of Political Science and International Relations*, 2014, Vol. 8(1), p. 10.

⁶⁸ Математическая теория позволяет интерпретировать транспортные системы как *свернутые пространства*.

механизмов «входа/выхода», поддерживающих необходимый уровень взаимозависимости – «развитие недоразвитости».

Стремясь разгадать причины регионности в индийском контексте, А. Гочхат использует язык теорий режима, неоллиберального институционализма и концепции нового регионализма. Поэтому, как и большинство исследователей феномена регионального, он натолкнулся на невозможность терминировать регион, требующего языка «своей» теории. *Ибо причина региона не в экономике, не в экологии, не в культуре, а в текущем пространстве – артефакте пространственной логики порядка.*

Наиболее показательным примером технологичности регионального порядка являются дороги – артерии информации и мобильности власти.

Очевидно, их можно определить как древнейшую технологию обеспечения пространственного развития. Образцом может служить построенная в V в. до н.э. Дарием I царская дорога, которая связала обширную территорию Персидского царства в единое информационное пространство.

Известное присловье «все дороги ведут в Рим» вероятнее всего – метафора технологии связывания большого, социокультурно неоднородного пространства. В критике методов правления Юстиниана Прокопий Кесарийский едва ли не главной причиной упадка римского могущества называет разрушение системы *Cursus publicus*⁶⁹.

В персидской и римской моделях дороги прежде всего служили средствами перемещения стратегической информации, имперских норм и законов устройства жизни, организации транзитных пространств – регионов. Эффекты инсталляции коммуникаций могут рассматриваться с позиций естественной трансформации и под воздействием человеческой деятельности. В современной практике характеристики сетевой организации порядка присущи Одному поясу-одному пути.

Исходя из представленных принципов, *региональное (текущее) пространство определяется как пространственная ретракция*⁷⁰, связанная наложенными на нее социально-демографическими потоками трансгрессивных движений.

Заключение: зачем?

Региональное пространство, регион, регионализация и регионализм – четыре оси теории *регионального (ветвящегося) пространства*, в котором *отрабатываются варианты будущего, определяющие настоящее.*

Регион – модель сопряжения среды обитания и культурного пространства, настроенная на специфику распределения материальных потоков (*в-над-из-сквозь-между-через-за*) и различения «своих», «чужих», «других», «гостей».

На языке задач это означает определение цели и инструмента связанности, превращающую стра-

тегию пространственного развития в конструкцию повседневной активности, трансгрессивной сопряженности.

Регионы не могут иметь постоянной формы и всегда являются продуктом полистилистической формы сопряжения конкретного и вымышленного. Рекурсия векторных пересечений социальных практик дает возможность агрегировать интегральный порядок и определить *регион как форму управляемой трансгрессии, апплицированную механизмом изменения геометрии отношений, который обеспечивает или прерывает сквозное движение потоков в топологическом пространстве.*

Дефиниции регионального пространства и региона получены на основе синтеза результатов исследований современных проектов регионализации международной среды, к каковым относятся Европейский союз, ТРАСЕКА, Виртуальный Шелковый путь, Один пояс-один путь, Центральная Азия, Индо-Тихоокеанский и Арктический регионы. Все перечисленные проекты суть технологии порядка. Но также – индикаторы подъема и геополитических дивергенций.

В гипотетической целостности – это артефакты пространственной логики большого масштаба и искусства «склеивания» аналитического (почему?), синтетического (как?) и символического знания (зачем?).

Таким образом, региональное пространство, как один из символов глобального пространства определяет его состояние. Порядок (движения, развития) в целеположенном пространстве «нормативизирует» регион.

К.А. Ефремова (МГИМО МИД РФ). Китай и процессы регионостроительства в Юго-Восточной Азии.

С середины 1990-х гг. в мировой науке о международных отношениях утвердилась концепция регионостроительства (*region-building approach*), авторство которой принадлежит норвежскому политологу И. Нойману (*Iver B. Neumann*). Рассуждая в рамках конструктивистской парадигмы, Нойман рассматривает регионы как «воображаемые сообщества» (*imagined communities*), границы которых определяются и пересматриваются в ходе политического и академического дискурса. Он отмечает, что регионы могут создавать «с нуля», даже там, где для этого нет объективных предпосылок, поскольку «всегда можно найти какую-то связь, какую-то предысторию, которая может быть использована, чтобы оправдать включение конкретного актора в конкретный регион, и так далее»⁷¹.

Согласно Нойману, процесс регионостроительства сводится к применению классической дихотомии «мы – они» на региональном уровне и имеет сугубо субъективный характер. С ним не согласен ряд других авторов: в частности, Люк ван Лангенове утверждает, что необходимо аналитически разделять конструирование региона (*construction of a*

⁶⁹ *Cursus publicus* – сеть дорог Римской империи протяженностью 200 000 км.

⁷⁰ Здесь: ретракция – образ топологического пространства (А. Пуанкаре), позволяющий сконструировать проблемно ограниченную метрику движения (А.К.).

⁷¹ Neumann, I.B. A Region-building Approach to Northern Europe // *Review of International Studies*, 1994, Vol. 20, No. 1, p. 176.

region) как дискурсивный процесс и регионостроительство (*region building*) как процесс воплощения в жизнь аналитических конструкторов, придания им институциональной формы. Он определяет регионостроительство как «создание новых и укрепление уже существующих институтов регионального управления»⁷².

Эндрю Харрел выделяет два подхода к созданию регионов: «снаружи внутрь» (*outside-in*) и «изнутри наружу» (*inside-out*). В первом случае, процесс регионостроительства инициируется и направляется великими державами, а малые и средние государства следуют в фарватере их политики. Во втором случае, малые и средние государства региона берут на себя ответственность за создание общерегиональных институтов и «социализацию» великих держав. Эти два подхода могут существовать параллельно и сменять друг друга, как это было в случае Юго-Восточной Азии, где процессы регионализации, изначально направлявшиеся США и Великобританией, вышли из-под контроля бывших метрополий и начали регулироваться самими государствами региона.

Рубежным событием стало подписание Бангкокской декларации, провозгласившей создание АСЕАН (8 августа 1967 года), когда малые и средние страны региона фактически заявили о своей собственной международной «субъектности». Логическим продолжением этой линии стало расширение АСЕАН до естественных географических границ региона Юго-Восточной Азии (1995-1999). Обновлённая АСЕАН стала претендовать на то, чтобы определять контуры регионального порядка не только в ЮВА, но и за её пределами. И здесь её интересы столкнулись с интересами Китая, с начала 2010-х гг. проводящего политику напористой (чтобы не сказать «агрессивной») экономической экспансии.

В данном контексте интересно рассмотреть меняющуюся роль Китая в процессах регионального строительства: от резко негативной (экспортёр марксистских идей и «культурной революции») к умеренно-конструктивной (диалоговый партнёр АСЕАН) и амбивалентной (инициатор «Одного пояса, одного пути», но противник концепции Индо-Тихоокеанского региона). На данном этапе Китай стремится привлечь страны АСЕАН на свою сторону, но интеграционный проект, с которым он выступает, с настроенностью воспринимается государствами региона ввиду его потенциальных экономических и политических последствий для малых и средних стран, втянутых в орбиту азиатского гиганта.

В 1997 г. Китай и АСЕАН объявили о «добрососедском партнерстве, основанном на взаимном доверии, направленном в XXI век» (*a good-neighborly partnership of mutual trust for the 21st century*). В 2003 г. на смену ему пришло «стратегическое партнерство во имя мира и процветания» (*strategic partnership for peace and prosperity*). Официально

Пекин поддерживает концепцию «асеаноцентричности», предусматривающую центральное место АСЕАН в процессах регионального строительства. Китай является членом таких асеаноцентричных форматов как АСЕАН+3 (1997), АРФ (1994), АСЕМ (1996), Восточноазиатский саммит (2005) и др. В январе 2010 года вступило в силу соглашение о создании зоны свободной торговли Китай-АСЕАН. Но на практике Пекин стремится перевести свои отношения с АСЕАН в плоскость патрон-клиентских отношений, предпочитая двусторонние форматы взаимодействия.

В сентябре 2013 г. китайский лидер Си Цзиньпин, находясь с визитом в Казахстане, выступил с предложением «экономического пояса Шёлкового пути». Месяц спустя, посетив Индонезию, он озвучил идею создания «морского Шёлкового пути XXI века». Эти два масштабных проекта были объединены в комплексную инициативу «Один пояс, один путь» (一帶一路), получившую статус общенациональной стратегии. Ключевая роль в этой стратегии отводится странам АСЕАН, с которыми Китай планирует выстроить совместные экономические и транспортно-логистические коридоры, проходящие по морю и по суше. Через столицы государств ЮВА планируется провести скоростные автомагистрали и сеть железных дорог, которые покроют весь Индо-китайский полуостров и свяжут Куньмин (столицу провинции Юньнань) с Сингапуром.

В сентябре 2018 г. был подписан меморандум о создании экономического коридора Китай-Мьянма, который пройдёт через Мандалай и Янгон соединит Куньмин с особой экономической зоной Чаупхью, где с помощью китайских подрядчиков строится глубоководный порт. Железная дорога Куньмин-Чаупхью предоставит юньнаньским производителям возможность приблизиться к конечному потребителю их продукции, миновав перегруженный Малаккский пролив. Той же цели – обеспечить быструю и безопасную доставку энергоресурсов в Китай в обход Малаккского пролива – служат газы и нефтепроводы Чаупхью-Куньмин, введённые в эксплуатацию в 2013 и 2015 гг., соответственно. Все эти проекты реализуются на китайские гранты и кредиты. Таким образом, Китай стремится «привязать» к себе страны ЮВА, превратить их в зону своего преференциального влияния.

Любопытна реакция стран АСЕАН на китайские усилия по мирному «поглощению» региона. На официальном уровне практически все они выражают заинтересованность в своём участии в ОПОП, однако на уровне экспертов ведутся жаркие дискуссии на тему того, как не попасть в долговую кабалу к Пекину (ярким примером служит ланкийский порт Хамбантота, построенный на китайские инвестиции и переданный в аренду Китаю за долги на 99 лет). В частности, некоторые страны АСЕАН (Мьянма, Малайзия, Индонезия) решились на то, чтобы пересмотреть первоначальные условия сотрудничества с Китаем в свою пользу, добившись значительного снижения стоимости проектов с участием китайского капитала и повышения доли участия местного

⁷² Van Langenhove, L. Introduction / Building Regions: The Regionalization of the World Order. Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 2.

населения в их реализации (так, Мьянма добилась снижения стоимости порта Чаупхью на 80%).

Кроме того, ряд государств региона активно участвует в реализации альтернативных проектов, центрированных вокруг США и их союзников. В первую очередь, это Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение по Транстихоокеанскому партнёрству (ТТП-11, подписано 08.03.2018), в котором участвуют Бруней, Малайзия, Сингапур и Вьетнам, а также такие внерегиональные экономические тяжеловесы, как Австралия, Канада и Япония. Характерно, что этот проект планируется реализовывать без участия Китая.

В данном контексте особую значимость приобретает концепция Индо-Тихоокеанского региона, подчёркивающая геополитическую «центральность» АСЕАН, расположенной на пересечении Индийского и Тихого океанов. Она предполагает активное участие в региональных делах такой державы как Индия, провозгласившей политику «Действуй на Востоке» (2014). АСЕАН стремится задействовать Индию в качестве противовеса Китаю, нарастающему своё военное присутствие в Южно-Китайском море (насыпные острова). Китай, в свою очередь, проводит целенаправленную политику по проникновению в воды Индийского океана (стратегия «нитей жемчуга», которое воспринимается Индией с большим опасением).

В этой ситуации можно объективно говорить о том, что концепция Индо-Тихоокеанского региона, связанного общими проблемами безопасности, постепенно становится реальностью (нравится нам это или нет). Наша задача – не позволить маргинализировать Россию в процессе индо-тихоокеанского регионостроительства, не отдавать этот процесс на откуп «Квартету» (США, Австралия, Япония и Индия). Россия может сделать это лишь в сотрудничестве со странами АСЕАН.

Государства ЮВА активно продуцируют политический и академический дискурс, направленный на конструирование Индо-Тихоокеанского макро-региона, и предпринимают конкретные шаги по его строительству. В частности, в 2013 г. глава индонезийского МИД Марти Наталегави предложил подписать Индо-Тихоокеанский договор о дружбе и сотрудничестве, распространяющий принципы Баллийского договора 1976 г. на восьмерых партнёров АСЕАН по диалогу: Австралию, Новую Зеландию, Индию, Японию, Китай, Республику Корею, США и Россию.

Тем не менее, партнёры АСЕАН не спешат присоединяться к индонезийской инициативе, выдвигая свои собственные варианты индо-тихоокеанского проекта, в котором странам АСЕАН, по сути, отводится второстепенная роль (хотя на словах декларируется прямо противоположное). При этом в их рядах нет единогласия: даже в рамках Quad существует широкий диапазон мнений по поводу его содержания, начиная с американского проекта, выстроенного в логике биполярной конфронтации и направленного на сдерживание Китая, и заканчивая достаточно инклюзивным индийским проектом.

Таким образом, можно говорить о том, что политика стран АСЕАН в отношении Китая является политикой «хеджирования рисков», то есть диверсифицированным набором инициатив, где есть место и сотрудничеству в рамках ОПОП, и сотрудничеству в рамках обновлённого ТТП, и умеренной поддержке американских геополитических проектов (в частности, по данным прошлогоднего австралийского исследования, создание «Квартета» поддерживают 57% асеановцев).

Что же в данной ситуации делать России? Наша страна, к сожалению, не может похвастаться масштабными политическими или экономическими инициативами в этой части земного шара, что автоматически выводит её из списка влиятельных региональных игроков. Однако Россия, по сути, является единственной внерегиональной державой, искренне заинтересованной в укреплении АСЕАН и продвижении асеановской концепции регионостроительства.

Представляется, что России следует чётко сформулировать своё собственное видение индо-тихоокеанского региона, центрированного вокруг АСЕАН, и всячески его поддерживать. Не стоит в данном случае идти на поводу у Китая, необходимо отделять наши интересы в ЮВА от интересов Пекина и не посылать нашим стратегическим партнёрам в АСЕАН двусмысленных сигналов (как, например, участие России в военно-морских учениях в Южно-Китайском море в сентябре 2016 г.).

3. Геополитика и геоэкономика «Большого Китая» и китайских «периферийных зон».

В.Я. Портяков (*Институт Дальнего Востока РАН*). **Новая территориальная форма внешнеэкономической открытости Китая – экспериментальные зоны свободной торговли.**

В 2013 году Китайская Народная Республика вступила во второй этап внешнеэкономической открытости. Если на первом этапе, стартовавшем в конце 1970-х годов в качестве неотъемлемого составного элемента общей политики реформ, Китай ориентировался, прежде всего, на привлечение из-за рубежа техники и технологий, знаний, капиталов, то на новом этапе как минимум равновеликой задачей становится массовое продвижение за рубеж китайских капиталов, товаров, услуг, технологий.

Этот этап внешнеэкономической открытости Китая обычно ассоциируется с предложенными Пекином геоэкономическими проектами нового сухопутного и морского «шелковых путей», в реализации которых в той или иной форме уже участвуют более ста государств.

Еще одним важнейшим элементом данного этапа явилось создание экспериментальных зон свободной торговли (ЭЗСТ), призванных помочь Китаю освоить наиболее передовые мировые правила и нормы ведения торговли, инвестиционной деятельности, международных финансовых операций. Пока, однако, ЭЗСТ не привлекли того внимания международного сообщества, которого они на деле заслуживают. Основных причин, как представляется, две. Во-первых, ЭЗСТ оказались в тени

«Инициативы Пояса и Пути» – более масштабного и более подходящего для рекламно-пропагандистской раскрутки феномена. Во-вторых, определенную негативную роль сыграло само название нового экономического явления, аналогичное в сокращенном виде названию межгосударственных зон свободной торговли, активно создаваемых Китаем – в обоих случаях это «цзымао цюй». Попытки выйти из положения введением дополнительного слова «экспериментальная», или «пилотная» («цзымао шянь цюй»), равно как и использование различных англоязычных названий двух типов зон – соответственно, «zones» и «ageas» – проблемы толком не решились.

Тем не менее, экспериментальные зоны свободной торговли Китая существуют уже более шести лет. Накоплен разнообразный опыт функционирования, частично внедряемый и в общегосударственную практику. Вполне возможно, что уже в самое ближайшее время эти зоны получат широкую международную известность, близкую к той, которую на первом этапе внешнеэкономической открытости обрели специальные экономические зоны КНР.

Представляет неформальный интерес уже сама по себе хронология учреждения ЭЗСТ в Китае.

Создание осенью 2013 г. первой такой зоны именно в Шанхае, хорошо известном внешнему миру, было прямо связано со стоявшей в то время перед Китаем задачей в достаточной близкой перспективе присоединиться к клубу наиболее продвинутых в торгово-инвестиционной сфере государств мира в формате Транс-Тихоокеанского партнерства. Переговоры о его создании, казалось, близились к завершению, и Китаю было важно продемонстрировать готовность ориентироваться на передовые стандарты ведения мировой торговли. По-своему показателем был и выбор зоны беспошлинной торговли Вайгаоцяо площадью 28,78 кв. км в качестве начальной площадки для размещения ЭЗСТ. Китай демонстрировал, что он владеет если не всеми, то хотя бы некоторыми передовыми внешнеторговыми практиками.

В том же ключе оказалась выдержана и вторая очередь учреждения ЭЗСТ – в конце 2014 г. в Тяньцзине, Фуцзяни и Гуандуне. Выбор территорий усиливал общую ориентацию КНР на адаптацию к самым передовым нормам и правилам работы внешнеэкономического сегмента мирового хозяйства.

По мере и в целях дальнейшего продвижения «Инициативы Пояса и Пути» Китай стал претендовать на более активное участие и, так сказать, собственное право голоса в вопросах выработки норм и правил функционирования мирового рынка. Эти направления и вышли на первый план при формулировании задач для следующей группы ЭЗСТ, учрежденных в августе 2016 г. – Ляонинской, Хубэйской, Чунцинской, Чжэцзянской, Сычуаньской, Хэнаньской и Шэньсийской.

Весной 2018 г. было декларировано создание ЭЗСТ Хайнань. Возможно, главной её целью выступает неспешная отработка концепции свободного порта, активно предлагавшаяся применительно к

Шанхаю, но явно менее рискованная в случае с портом Янпу на Хайнане.

Тем временем 2019 год ознаменовался заметным ухудшением условий ведения внешнеэкономической деятельности в мире, в немалой степени – в результате так называемой американско-китайской торговой войны. В соответствии с русской поговоркой «не до жиру – быть бы живу» – КНР решает в настоящее время в условиях «частичной деглобализации» в первую очередь задачу преодоления текущих трудностей, сохранения достигнутых объемов внешней торговли и инвестиций. Одной из череды мер по стимулированию внешнеэкономической активности стало учреждение в августе шести новых ЭЗСТ, три из которых (Гуансийская, Хэйлунцзянская и Юньнаньская) находятся в местах ведения оживленной приграничной торговли. Остальные три зоны были учреждены в Шаньдуне, Цзянсу и Хэбэе.

Разумеется, долгосрочные высокие цели создания ЭЗСТ сохраняются, но они оказались дополнены более прагматичными текущими задачами.

Деятельность ЭЗСТ регулируется специально разработанными для каждой зоны Положениями («тяоли»). Большинство зон состоят из трех участков и имеют общую площадь порядка 120 кв. км. Как сами зоны, так и их участки имеют специальные, но не унифицированные, органы управления. Экономические задачи зон зафиксированы в Комплексных проектах из развития («цзунти фаньгань»). Главные из них носят общий характер: упрощение формальностей при оформлении торговых сделок с выходом на принцип «одного окна»; расширение сфер экономики и социальных услуг для иностранного капитала на базе сокращающегося из года в год («негативного списка» отраслей, закрытых для зарубежных инвестиций; отработка взаимодействия с внешними банковскими и предпринимательскими кругами в сфере финансовых услуг. Большинство зон наделено также функцией оказания содействия строительству сухопутного и морского «шелковых путей».

Одновременно зоны и входящие в их состав участки имеют и более конкретные цели, привязанные к географическим особенностям региона, например, содействие развитию Дунбэя и интеграции в Северо-Восточной Азии (Ляонинская ЭЗСТ), стимулирование развития сотрудничества в регионе «Большого залива» (Гуандунская ЭЗСТ – сотрудничество Гуандуна, Аомэня и Сянгана), налаживание сотрудничества со странами «Пояса и Пути» в аграрной сфере и в культуре (Шэньсийская ЭЗСТ) и т.п. Нередко перед конкретными участками зон ставятся весьма амбициозные геоэкономические задачи. Так, Далянь должен стать одним из крупнейших в Северо-Восточной Азии хабов авиационных грузоперевозок. Архипелагу Чжоушань (Чжэцзян) предстоит вырасти в крупнейший на азиатском побережье АТР центр топливной заправки морских судов.

Ныне на ЭЗСТ суммарно приходится примерно 12% внешнеторгового товарооборота КНР. Первых весомых результатов от зон ожидают через 3-5 лет после старта их практической работы.

Учреждение ЭЗСТ в провинции Хэйлуцзян является знакомым событием для российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, особенно с учетом того, что конкретные участки этой зоны – столица провинции Харбин, приграничные города Хэйхэ и Суйфэнхэ – неизменно находятся на своеобразном острове нашего межрегионального взаимодействия.

В.Я. Белокреницкий (*Институт востоковедения РАН*). **Вертикаль Китай-Пакистан и ее значение для геополитической конфигурации в Азии.**

Под вертикалью в широком смысле надо понимать весь комплекс тесных отношений между Китайской Народной Республикой и Исламской Республикой Пакистан. Важнейшее место в нем ныне занимает Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК). Соглашение о Коридоре было заключено в конце 2015 г., выполнение началось в 2016 г. Первоначальные оценки капиталовложений равнялись 46 млрд долл., затем они выросли до 62 млрд. Завершить проект предполагается к 2030 г.

Отмечу, что Китай культивирует особые политические и экономические связи с Пакистаном, преследуя несколько целей. В первую очередь, как представляется, китайское руководство хочет «дотянуться» до Персидского залива, чтобы обезопасить свои поставки нефти из региона, проложив нефте – и газопроводы от побережья Аравийского моря до северо-западного Китая. Это к тому же позволит сократить время снабжения энергоносителями удаленных от морских берегов районов. Второй целью является содействие своему бизнесу, вывозу капитала технологий и рабочей силы, как государственными корпорациями, так и частными компаниями. Основная отрасль, получающая заказы – энергетика, в том числе тепло и гидроэнергетика, а также использование солнечной и ветровой энергии, вторая отрасль – строительство скоростных магистралей, улучшение существующих шоссе, в том числе высокогорного Каракорумского шоссе. Третья цель – содействие экономическому развитию Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), прежде всего южного Синьцзяна с главным городом Кашгар. В перспективе наиболее развитая в сфере аграрного производства пакистанская провинция Панджаб должна превратиться в житницу СУАР и снабдить его текстильную промышленность полуфабрикатом – х/б пряжей и грубыми тканями.

Подчеркну, что КПЭК является одним из крупнейших пилотных проектов в широкообластной программе КНР «Один пояс, один путь» или, по последней версии, «Инициативы пояса и пути» (*Belt and Road Initiative*).

Неотъемлемой частью КПЭК является сооружение нового пакистанского порта Гвадар, расположенного близ Ормузского пролива. КНР начал строить порт еще в 2002 г., но в 2006 г. строительство было прервано и возобновилось в 2013 г. В октябре 2019 г. объявлено, что он открыт для международ-

ных коммерческих перевозок⁷³. Порт имеет несколько многофункциональных глубоководных причалов, необходимую инфраструктуру, обслуживается пакистанскими и китайскими партнерами через Управление порта, которое предоставляет налоговые и другие льготы, чтобы конкурировать с Сингапуром и Дубаи. Помимо конкуренции, проблемой для Гвадара является нехватка пресной воды. Решить её можно будет с помощью теплоэлектростанции мощностью 300 МВт и завода по опреснению воды. Приоритетная составная часть комплекса в Гвадаре – международный аэропорт, который согласилась построить китайская сторона.

Если в первые два года проект КПЭК выполнялся, как будто, без затруднений (во втором по величине пакистанском городе Лахоре китайцы быстро построили метро, так называемую Оранжевую линию, причем это скорее скоростная железная дорога, поскольку только две ее станции находятся под землей), то в последнее время его осуществление замедлилось. В конце лета 2019 г. в Пакистан приезжали китайские чиновники, отвечающие за внешнеэкономические связи, затем в Китай ездил пакистанский министр иностранных дел. В октябре с.г., накануне визита Си Цзиньпина в Индию, Пекин посетил премьер Пакистана Имран Хан. К его визиту Пакистаном было принято решение создать отдельное Управление КПЭК, а Китаю предоставили набор новых предложений как в области энергетики, где стороны добились пока наибольшего прогресса, так и в других отраслях, в частности, в металлургии. В очередной раз встал вопрос о том, что Китай может взять на себя запуск и расширение мощности (с 1 до 3 млн т. стали и чугуна в год) построенного при содействии СССР и простаивающего более четырех лет Пакистанского металлургического завода близ Карачи⁷⁴.

Обмен визитами на высшем уровне, о котором я упомянул, – эпизоды геополитической игры в треугольнике Китай, Пакистан, Индия. Между тем, разыгрывается и более масштабная геополитическая и геоэкономическая партия. «Инициатива пояса и пути», как известно, нацелена на продвижение Китая во все стороны от своих сухопутных и морских границ. На западном направлении она включает движение китайского капитала, главным образом государственного, но действующего по законам рынка, в Центральную Азию, на Кавказ, в Россию и Европу.

Юго-западное ответвление этого пути, китайско-пакистанская вертикаль или, скорее, диагональ с северо-востока на юго-запад, могла бы стать одним из редких успехов в области сооружения крупных транспортно-коммуникационных проектов, пересекающих сплошную полосу гор, отделяющих север Евразийского материка от юга.

Но станет ли? Есть несколько препятствий. Первое, слабость пакистанской экономики, резкое

⁷³ Pakistan's Gwadar Port Officially Opens For Commercial Shipping // NDTV, October 10, 2019.

⁷⁴ New projects offered to China as part of CPEC: minister // Dawn, October 7, 2019.

замедление темпов ее роста в 2018-19 финансовом году с округленно 5% в год в предшествующее пятилетие до 2,5-3%. Темпы роста экономики ныне немалого превышают темпы роста населения (2,4%), растет инфляция, а стагнация создает подоплеку для политического кризиса в стране.

Второе, опасения пакистанской стороны заплатить слишком высокую цену за проект, нужный в первую очередь Китаю. Внешний долг Пакистана вырос за последние годы с 60 до 90 млрд долл, а ежегодные платежи по нему будут расти, достигнув максимума в середине 2020-х годов. По некоторым появившимся в пакистанской печати оценкам, за предоставленные в рамках КПЭК китайские кредиты на сумму 26,5 млрд долл. Пакистану придется выплатить до 2035 г. 40 млрд с учетом основного долга и дивидендов с полученной прибыли⁷⁵.

Третье, небезопасность прокладки путей сообщения по некоторым пакистанским территориям, прежде всего по Белуджистану, где находится Гвадар. В этой провинции действуют группы боевиков, совершающие теракты, стремящиеся помешать успешной реализации проекта, ничего не дающего, как они полагают, местному населению.

Четвертое, замедление темпов роста китайской экономики, сложности на многих фронтах, и отсюда вероятный недостаток внимания к пакистанскому коридору, несмотря на заверения в том, что ослабления внимания нет, а все работы идут по плану.

Пятое, сопротивление Индии планам обхода ее с флангов. В этой перспективе надо, видимо, рассматривать недавние решительные действия индийского руководства в отношении контролируемой им части бывшего княжества Джамму и Кашмир – имеется в виду ликвидация 5 августа с.г. штата Джамму и Кашмир, единственного индийского штата, где мусульмане составляли большинство, и создание на его месте двух союзных территорий. Добавим к этому угрозы Индии присоединить к себе и контролируемую Пакистаном часть бывшего княжества.

Шестое, недовольство США программами китайской экспансии, предпринимаемые Вашингтоном меры по оттягиванию Пакистана на себя при сохранении Индии в качестве своего ведущего партнера в Южной Азии. В этом свете рассматривается долгожданное получение Пакистаном от МВФ спасающего от разорения (bail out) кредита на три года в 6 млрд. долл.

Таким образом, на сегодняшний день нет уверенности в том, что пилотный проект грандиозной китайской программы прорезать сухопутное пространство Азии своими инфраструктурными и инвестиционными лучами увенчается полным успехом и будет завершен в те сроки, которые намечены Пекином. Вместе с тем определенных результатов он, по-видимому, добьется, и не в последнюю очередь за счет коридора, соединяющего Китай с Пакистаном.

М.А. Сергибаева (*Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко*). **Китайская по-**

литика на африканском континенте: взаимовыгодное партнерство или неокOLONИализм?

На сегодняшний день неокOLONИализм продолжает оставаться острой проблемой для развивающихся стран. По мнению западных СМИ, примером нового феномена служит африканская политика Китая, о неокOLONИалистском характере которой они все чаще говорят. Однако для того, чтобы определить, является ли она таковой, следует проанализировать политику Пекина в Африке.

В последнее время Китай продолжает активно наращивать сотрудничество со странами Африки, что привлекает внимание политиков и научных исследователей. Одни считают присутствие КНР в Африке взаимовыгодным; другие уверены, что китайская политика является неокOLONИалистской, объясняя это рядом причин.

Во-первых, некоторые ученые указывают на то, что Китай интересуется в Африке только сырьем.

Во-вторых, Африку считают огромным рынком сбыта китайских товаров, которые могут заполнить весь африканский рынок.

В-третьих, инвестиционную помощь Китая рассматривают как рычаг для давления на страны Африки в будущем.

В-четвертых, многих исследователей настораживает деятельность Китая, направленная на покупку и аренду участков земли для сельскохозяйственной деятельности.

Некоторые исследователи указывают ещё на ряд причин, почему политику Китая можно рассматривать как неокOLONИалистскую, которые подробнее будут рассмотрены в докладе.

Несмотря на те доводы, которые приводят противники китайской политики, всё же они являются в некоторых моментах неубедительными. Например, тезис, что КНР необходимы только ресурсы Африки, можно подвергнуть сомнению, так как на самом деле КНР оказывает помощь и странам, которые бедные на сырье. Что касается займов Китая и возможной проблемы их возвращения для африканских стран, то не стоит забывать о том, что Китай неоднократно списывал долги и обещал продолжить такую практику на ФОКАК 2018 г. Остальные доводы также могут быть подвергнуты сомнению.

Кроме того, для определения характера китайской политики, является ли она неокOLONИалистской, следует проанализировать, присущи ли ей традиционные черты неокOLONИализма. В целом, для распространения своего влияния Китай использует такие инструменты, как инвестиции и займы. Но при этом характерные черты неокOLONИализма, т.е. создание марионеточных правительств, вмешательство во внутренние дела государств, сдерживание их экономического развития и др., не имеют места в политике Пекина.

Таким образом, хотя в китайской политике могут просматриваться некоторые черты неокOLONИализма, но о том, что она носит полностью неокOLONИалистский характер говорить трудно. Нельзя отрицать некоторые минусы китайской внешнеполитической стратегии, но в целом деятельность КНР на континенте

⁷⁵ Pakistan to pay China \$ 40 b on \$26.5 b CPEC investments in 20 years // The Express Tribune, 27 Dec. 2018

ненте вносит весомый вклад в развитие африканского региона, что соответствует интересам обеих сторон.

Н.М. Михеева (СЗИУ РАНХиГС). Приоритеты сотрудничества околоарктического Китая с Россией и Канадой в Арктике.

Китай возглавляет список неарктических стран, проявляющих повышенный интерес к Арктическому региону. Повышенный интерес обусловлен изменениями, происходящими в структуре глобального и регионального лидерства; несформированный международно-правовой режим, отсутствие регионального лидера являются для Китая важным фактором участия в развитии систем сотрудничества в Арктике. Для Китая РФ является основным партнером в регионе для реализации горнодобывающих, логистических, торгово-экономических проектов. Канада же занимает на сегодняшний день одну из ведущих позиций в формировании международной системы сотрудничества в Арктике.

Китай имеет четкие экономические интересы в Арктике: создание собственного арктического флота; использование СМП или/и СЗП с целью создания арктического транспортно-логистического коридора, участие в реализации проектов в горнодобывающей сфере; диверсификация поставок углеводородов. Ориентация Китая на позитивное развитие сотрудничества с РФ и Канадой позволяет ему реализовать значимую их часть.

Сходство проблем России и Канады позволяет развивать странам разносторонние сферы сотрудничества: совместные инвестиционные проекты как в АЗРФ, так и инфраструктурные проекты для всего арктического региона. Страны занимают схожие позиции по ряду принципиальных позиций по развитию политических и экономических связей в регионе. СМП и СЗП являются внутренними водами, транспортные национальные магистрали проливы вдоль их северных прибрежных линий подпадают под режим «внутренних вод»; невозможность создания международного режима управления морскими путями. Наиболее конфликтными сферами являются позиции стран по развитию систем военного сотрудничества в регионе, территориальные споры.

Сотрудничество в сфере горнодобычи и развития логистических систем Арктики для всех трех стран являются приоритетами для развития сотрудничества. Конфликтный потенциал заключается в разных подходах стран к их реализации, различиям в интересах при создании системы сотрудничества в Арктике.

4. Китай в развитии: успехи, вызовы и риски.

М.В. Карпов (МГИМО МИД РФ / НИУ ВШЭ). Си Цзиньпин и реформы: от «экономики Ли Кэцзяна» к «новой нормальности».

За прошедшие шесть лет со времени прихода к власти в КНР «пятого поколения лидеров» во главе с Си Цзиньпином последний успел заработать репутацию политика, ориентированного на демонтаж

идейного и институционального наследия «патриарха китайских реформ» Дэн Сяопина. И по сути того, что происходит в Китае с 2013 года данная характеристика представляется нам вполне справедливой. Си Цзиньпин резко и безапелляционно сконцентрировал в своих руках политическую власть, встав во главе всех ее основных институций. Под предлогом борьбы с коррупцией и непотизмом, он беспощадно разгромил – персонально и институционально – ключевые кластеры партийно-государственного политико-экономического класса КНР, сформированные за годы реформ, шедших в соответствии с «духом и буквой» Дэн Сяопина и доставшиеся ему, так сказать, в наследство. По мнению большинства внешних и внутренних наблюдателей, степень общественно-политической репрессивности партийного государства в КНР повысилась. Си Цзиньпин ликвидировал ограничение двумя сроками нахождения на высших партийных должностях – вероятно, ключевую успешную политическую реформу Дэн, определявшую рамки кадрово-политической динамики КПК в целом. По крайней мере, до начала так называемой «торговой войны» с США, Си обнаружил склонность к существенному пересмотру логики и динамики внешней политики КНР в пользу ее явной активизации. Наконец, новый высший лидер Китая попытался содержательно реформировать ключевые механизмы внутреннего экономического курса.

Неоднозначное, порой остро критическое отношение многих китайских и зарубежных наблюдателей и экспертов по этому поводу понятны. Вместе с тем большинство критиков Си Цзиньпина как «деконструктора» наследия Дэн Сяопина не учитывают того обстоятельства, что лидер «пятого поколения руководителей» начал проводить свою линию отнюдь «не от хорошей жизни» и не в силу идейно-мировоззренческого неприятия «реформ и открытости». В сфере внутренней политики, как нам представляется, его выбор определялся преимущественно двумя обстоятельствами-ограничителями.

Во-первых, к моменту прихода Си Цзиньпина и его «когорты» к высшей власти, социально-экономические преобразования, проходившие по лекалам, заложенным Дэн Сяопином, привели к «приватизации прибылей» и «национализации убытков» в таких масштабах, которые, по мнению как нового партийно-государственного руководства, так и львиной доли экспертного сообщества, были далее нетерпимы. Здесь ключевую роль сыграли два фактора. Объемы и динамика внутреннего долга после закачки в экономику страны стимулирующего пакета в размере 4 трлн юаней в 2008 году, а также масштабы теневой и коррупционной деятельности. Макроэкономические показатели внутреннего долга в 200% к ВВП, объемы денежной массы M2 в 200% к ВВП, размеры теневой банковской деятельности минимум в ¼ ВВП и т. д. представлялись не просто цифрами, а факторами медленного, но неуклонного снижения легитимности правящей партии и усиления разболтанности политико-экономического класса, дополнительным и весьма весомым аргументом

в пользу которого стала история политической фронды Бо Силая, густо замешанная на экономической коррупции. К тому же темпы экономического роста в КНР начали очень постепенно, но статистически определенно снижаться с 2011 года. Положить предел всему этому требовало общественное мнение и экспертное сообщество, весьма позитивно воспринявшее приход к власти «пятого поколения лидеров» как «прощание с застоём» эпохи правления дуумвирата предыдущих генсека ЦК Цзян Цзэминя и премьера Госсовета Вэнь Цзябао.

Во-вторых, невозможность отказа от идеологических и институциональных основ правления КПК. В самом деле, Си Цзиньпин не мог пойти по пути широкой либерализации политического и экономического режима, угрожающих непредсказуемыми системными последствиями.

Необходимость решения стоящих перед страной и обществом проблем в рамках существующей социально-экономической и политической конструкции определили выбор Си Цзиньпина в пользу курса на демонтаж коррупционной экономической «вольницы» предыдущих десятилетий и централизацию и институционализацию режима личной власти.

Стремление придать новый импульс экономическому росту и обновить его механизмы нашли отражение в пакете мер, получивших в китайском и международном информационном пространствах название «экономика Ли Кэцзяна» – по имени нового премьера Госсовета и второго после Си, по официальной партийно-государственной иерархии, человека в КНР. Этот пакет, скорее концептуальный, нежели четко практически сформулированный, был ориентирован на весьма дозированное, но ощутимое дерегулирование финансовой системы путем либерализации кредитных ставок и обменного курса юаня по счету движения капиталов, борьбу с теневым банкингом, укрепление финансовой дисциплины и упрощение бюрократических процедур инвестиционного и производственного лицензирования. На основании имеющихся данных можно заключить, что в 2013-2014 годах меры по дерегулированию столкнулись со скрытым саботажем со стороны, прежде всего, китайского партийно-государственного банковского сообщества, невольного стремлением центрального правительства и регуляторов сократить его доходную базу за счет ограничения теневого банкинга, либерализации процента и ужесточения требований к основному капиталу. Прямым следствием этого саботажа стал так называемый «кризис ликвидности» в начале лета 2013 года, из-за которого произошло резкое падение темпов экономического роста и многократное увеличение объемов оттока капитала из страны. Механизмы «репрессий на капитал» пришлось включить с новой силой, а вопросы финансового дерегулирования снять с текущей повестки дня. Снижение экономической динамики и падение доверия внутренних инвесторов предпочли, также вынужденно в данном системном контексте, лечить путем точечных стимулирующих вливаний и

последовательного снижения ключевой ставки ЦБ. Последнее обстоятельство вопреки ожиданиям, однако, не стало ощутимым стимулирующим рычагом в условиях ужесточения требований к финансовой дисциплине, борьбы с «коррупцией и престижным потреблением» и сохранением прежних, в основе своей командно-административных институтов и практик макроэкономического регулирования и контроля. Последовавший летом 2015 года масштабный обвал на внутреннем фондовом рынке КНР также, вне сомнений, следует рассматривать как следствие «технического дефолта» в КНР летом 2013 года, спровоцированного банковским сообществом страны и основательно подорвавшего доверие традиционной партийно-государственной экономической «клиентелы».

Новое положение вещей с относительно низкими (в сравнении с прошлыми десятилетиями) темпами экономического роста и общим ужесточением общественно-политических практик получило в китайском партийно-государственном и экспертном сообществе наименование «новой нормальности». В условиях, когда вопрос о дальнейшем финансовом дерегулировании и общественно-политической либерализации сняты с повестки дня, на основании имеющихся данных следует заключить, что основной упор в КНР в данный период делается на точечное финансовое стимулирование, укрепление финансовой дисциплины и опору на административные методы макро и микро контроля, призванного, в том числе, снизить масштабы «излишних производственных мощностей» в стране. Предполагается, что в таких условиях формируются качественные новые кластеры экономических интересов и группы инвесторов, ориентированных на более эффективное и интенсивное использование доступных финансовых ресурсов. Мы склонны относиться к данному предположению скорее скептически, так как качественное изменение мотивации финансово-экономических игроков вряд ли возможно без качественного изменения системно-институциональной среды. О последнем, судя по всему, речь в действительности пока не идет.

Вместе с тем очевидно, что совокупность факторов и ограничений на внутреннюю экономическую динамику не позволят КНР повторить «чудо роста» предыдущих десятилетий «реформ и открытости». Иными словами, возвращение к «духу и букве» реформ по Дэн Сяопину вряд ли возможно. То есть технически оно, конечно, возможно, но в таком случае придется заплатить в итоге чрезмерно высокую в виде дальнейшего роста «национализированных убытков», что выглядит прямой дорогой к системным макроэкономическим и политическим потрясениям.

Выдвижение Пекином концепции «Один пояс, один путь» и ощутимая активизация китайских внешнеполитических усилий на этом направлении свидетельствует о решимости руководства страны экспортировать такие модели стимулирования экономического роста, которые в прежних масштабах

уже не могут быть реализованы внутри страны. Очевидно, это рассматривается, в том числе и лично Си Цзиньпином, как одновременно стратегическая задача и паллиатив, пока в самом Китае не заработают качественно обновленные механизмы экономической динамики. Это поистине масштабный внутри и внешнеполитический гамбит «пятого поколения лидеров» КНР. Насколько он будет успешен, покажет уже предстоящее пятилетие.

Литература:

Ананьина К.А. Влияние китайского фактора на индийско-американские отношения в современной мировой политике: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Ананьина Кристина Александровна; науч. рук. А.Д. Воскресенский; МГИМО МИД России. Москва, 2019. 293 с.

Галенович Ю.М. Россия – Китай: шесть договоров. М., 2014 (электр.).

Глобальные геопроекты и Россия / под общ. ред. Я.А. Пляйса. М.: Международные отношения, 2019.

Другие пространства / Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М. Скуратова под общей ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3.

Каримова А.Б. Индо-тихоокеанский постатлан-тизм // Сравнительная политика. 2019. №2. С. 37-55.

Каримова А.Б. Связывая Индийский с Тихим, или модернизация инструментов влияния // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №6 С. 13-24.

Каримова А.Б. Стратегема Ломоносова: Арктика в движении к глобальной арене // Наука. Культура. Общество. 2019. №2. С. 39-51.

Каримова А.Б. Центральная Азия: эвристики и модели // Мировая экономика и международные отношения. 2018. №10. С. 114-123.

Каримова А.Б. Шелковый путь: процессы интеграции и самоорганизации пространств трансрегионального взаимодействия // Сравнительная политика. 2017. №2. С. 108-118.

Конт Ф. К политической антропологии советской системы: Внешнеполитические аспекты / Пер. с фр. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы. Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет / Аналитическо-консультативный Центр «Стратегические изыскания», 2019. 734 с.

Поздняков Э.А. Философия политики: В 2 ч. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1994. Ч. 2.

Breslin, Sh.; Higgott, R.A. Studying the International Relations of the Asia Pacific: What Is the Region? What Are the issues? In: Breslin, Shaun and Higgott, Richard A., (eds.) The International Relations of the Asia-Pacific. London: SAGE, 2010. Pp. 19-39.

Buzan, B.; Weaver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, 2003.

Gochhayat, A. Regionalism and Sub-regionalism: A Theoretical Framework with Special Reference to India // *African Journal of Political Science and International Relations*, 2014, Vol. 8(1).

Hettne, B. Beyond the «New» Regionalism // *New Political Economy*, 2005, Vol. 10(4).

Hettne, B.; Söderbaum, F. The New Regionalism Approach // *Politeia*, 1998, Vol. 17, No. 3.

Neumann, I.B. A Region-building Approach to Northern Europe // *Review of International Studies*, 1994, Vol. 20, No. 1.

Peck, Michael. China's Military Deserves America's Respect, But Not Its Fear // *The National Interest*, September 15, 2019.

Sengupta, A. Frontiers into Borders. The Transformation of Identities in Central Asia. Published for Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies, Kolkata, 2002.

The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski (MGIMO) & Boglarka Koller (NUPS, Budapest). Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. 228 p.

Van Langenhove, L. Introduction / Building Regions: The Regionalization of the World Order. Farnham: Ashgate Publishing, 2011.

References:

Ananyina, K.A. Vliyaniye kitayskogo faktora na indiyско-amerikanskiye otnosheniya v sovremennoy mirovoy politike (The Influence of the Chinese Factor on Indo-American Relations in Modern World Politics): dis. ... cand. of Pol. MGIMO University. Moscow, 2019. 293 p.

Breslin, Sh.; Higgott, R.A. Studying the International Relations of the Asia Pacific: What Is the Region? What Are the issues? In: Breslin, Shaun and Higgott, Richard A., (eds.) The International Relations of the Asia-Pacific. London: SAGE, 2010. Pp. 19-39.

Buzan, B.; Weaver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, 2003.

Drugiye prostranstva (Other Spaces) / Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'y (Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews) / Transl. by B.M. Skuratov, ed. by V.P. Bolshakov. Moscow: Praxis, 2006. Part 3.

Galenovich, Yu.M. Rossiya – Kitay: shest' dogovorov (Russia - China: Six Treaties). Moscow, 2014.

Global'nyye geoproekty i Rossiya (Global Geoprojects and Russia) / Ed. Ya.A. Plyas. Moscow: International Relations, 2019.

Gochhayat, A. Regionalism and Sub-regionalism: A Theoretical Framework with Special Reference to India // *African Journal of Political Science and International Relations*, 2014, Vol. 8(1).

Hettne, B. Beyond the «New» Regionalism // *New Political Economy*, 2005, Vol. 10(4).

Hettne, B.; Söderbaum, F. The New Regionalism Approach // *Politeia*, 1998, Vol 17, No. 3.

K politicheskoj antropologii sovetskoy sistemy: Vneshnepoliticheskiye aspekty (Toward a Political Anthropology of the Soviet System: Foreign Policy Aspects). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003.

Каримова, А.Б. (Central Asia: Heuristics and Models // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2018, No. 10, pp. 114-123.

Каримова, А.Б. Индо-тихоокеанский постатлан-тизм (Indo-Pacific post-Atlantism) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 37-55.

Каримова, А.Б. Shelkovyy put': protsessy integratsii i samoorganizatsii prostranstv transregional'nogo

vzaimodeystviya (The Silk Road: the Processes of Integration and Self-Organization of Spaces of Transregional Interaction) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 2, pp. 108-118.

Karimova, A.B. Stratagema Lomonosova: Arktika v dvizhenii k global'noy aren (Lomonosov's Stratagem: The Arctic Is Moving towards Global Arenas) // *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2019.No. 2. С. 39-51.

Karimova, A.B. Svyazyvaya Indiykiy s Tikhim, ili modernizatsiya instrumentov vliyaniya (Linking the Indian with the Pacific, or the Modernization of Instruments of Influence) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2019, Vol. 63, No. 6, pp. 13-24.

Neumann, I.B. A Region-building Approach to Northern Europe // *Review of International Studies*, 1994, Vol.20, No. 1.

Peck, Michael. China's Military Deserves America's Respect, But Not Its Fear // *The National Interest*, September 15, 2019.

Pozdnyakov, E.A. Filosofiya politiki (Philosophy of Politics): In 2 parts, 2nd ed. Moscow, 1994. Part 2.

Sengupta, A. Frontiers into Borders. The Transformation of Identities in Central Asia. Published for Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies, Kolkata, 2002.

The Development Model of Modern China: Estimates, Discussions, Forecasts. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: MGIMO University/Analiticheskoye konsul'tativnyy Tsentr «Strategicheskiye izyskaniya»/Analiticheskoye konsul'tativnyy Tsentr «Strategicheskiye izyskaniya», 2019. 734 p.

The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski (MGIMO) & Boglarka Koller (NUPS, Budapest). Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019. 228 p.

Van Langenhove, L. Introduction / Building Regions: The Regionalization of the World Order. Farnham: Ashgate Publishing, 2011.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10023

RISE OF CHINA AND ITS INFLUENCE ON THE WORLD AND REGIONAL ORDERS. COMPARATIVE ANALYSIS: PROCEEDINGS OF THE ROUNDTABLE DISCUSSION

<p>Article history: <i>Received:</i> 25.12.2019 <i>Accepted:</i> 10.03.2020</p>	<p>Abstract: Proceedings of the roundtable “Regional Orders and the Rise of CHINA”, organized in the framework of the RISA Convention on October 21, 2019 at MGIMO University.</p>
<p>About the author: <i>Prepared for publication by Alexei D. Voskressenski, the Editor-in-Chief</i> e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Key words: China; rise of China; China's development model; comparative analysis; world order; regional order</p>	

Для цитирования: Подъем Китая и его влияние на мировой и региональные порядки. Сравнительный анализ: материалы круглого стола // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 97-122.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10023

For citation: Podyem Kitaya i yego vliyaniye na mirovoy i regional'nyye poryadki. Sravnitel'nyy analiz: materialy kruglogo stola (Rise of China and Its Influence on the World and Regional Orders. Comparative Analysis: Proceedings of the Roundtable Discussion) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 97-122.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10023

КИТАЙСКАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Василий Борисович Кашин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Анастасия Сергеевна Пятачкова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

Любовь Сергеевна Крашенинникова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i> 21 октября 2019</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 4 февраля 2020</p> <p><i>Принята к печати:</i> 19 марта 2020</p>	<p>Аннотация: Китай воспринимается, с одной стороны, как объект длительного санкционного давления, а с другой – как последовательный критик использования односторонних санкций в политических целях. Вместе с тем, Китай и сам на регулярной основе применяет односторонние экономические санкции по крайней мере с 2000-ных годов. По мере роста экономического могущества КНР примеров применения односторонних санкций Китаем становится все больше, а их эффективность – все выше.</p> <p>Анализ китайской санкционной политики осложняется тем, что большинство своих односторонних санкций Пекин вводит без официального объявления. Инструментами санкционного давления выступают экспортный контроль, повышенная активность органов госрегулирования, санитарные ограничения, перекрытие ранее одобренных кредитных линий и т.п.</p> <p>Китай демонстрирует наибольшую готовность к применению санкций в ответ на посягательства на свою военную безопасность и территориальную целостность, относимых Китаем к числу коренных национальных интересов. Но растет и число случаев применения санкций для обеспечения более широкого спектра задач.</p> <p>В статье изучены китайские подходы к применению односторонних санкций, отраженные в доступных публикациях китайских ученых и конкретных примерах санкционной политики КНР. Поскольку настоящая работа посвящена именно односторонним экономическим санкциям, в ней не рассматриваются вопросы участия КНР в исполнении санкционных мер, введенных в действие решением Совета Безопасности ООН.</p> <p><i>Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2020 году</i></p>
<p>Об авторах:</p> <p><i>Кашин В.Б.</i>, к.полит.н., старший научный сотрудник, Центр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), НИУ ВШЭ; главный научный сотрудник, Центр комплексного китаеведения и региональных проектов, МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: vkashin@hse.ru</p> <p><i>Пятачкова А.С.</i>, младший научный сотрудник, Центр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), НИУ ВШЭ</p> <p>e-mail: apyatachkova@hse.ru</p> <p><i>Крашенинникова Л.С.</i>, эксперт, Центр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), НИУ ВШЭ</p> <p>e-mail: liubovkrashenninnikova@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>Китай; санкции; экономическая дипломатия; торговая война между КНР и США; внешняя политика КНР</p>	

В своей официальной внешнеполитической риторике Китай осуждает применение односторонних экономических санкций в качестве инструмента внешней политики. Более того, Китай на протяжении многих лет подчеркивал и продолжает подчеркивать что сам является объектом несправедливых экономических санкций¹. Подобной точки зрения придерживается не только МИД КНР в своих официальных заявлениях, но и значительная часть китайского академического сообщества.

В последние годы мы видим расширение использования санкций как инструмента экономического принуждения в мировом масштабе: увеличивается количество случаев применения санкций Советом Безопасности ООН, санкции все чаще вводятся как «альтернатива или дополнение к применению силы, а также для подкрепления переговорных позиций»².

Китай, несмотря на неоднократно декларируемое негативное отношение к санкциям, в этом смысле не стал исключением. Рост китайской экономики и увеличение веса КНР в мировой торговле расширяют возможности Пекина по оказанию экономического давления на другие государства. Первые китайские шаги в этом направлении привели к росту внимания к китайской санкционной политике в мире уже в 2000-е годы³.

¹ Китай призывает БРИКС активнее бороться с односторонними санкциями (China Calls BRIC for a more Active Fight on Unilateral Sanctions) // *Вести Экономика*, 28.06.2019. Режим доступа: <https://www.vestifinance.ru/articles/121439>; Китай выразил протест санкциям США из-за уйгурского вопроса (China Expressed Protest Against U.S. Sanctions Concerning the Uigur Issue) // *Regnum*, 08.10.2019. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2741401.html>

² Тимофеев И. Экономические санкции как политическое понятие // Российский совет по международным делам, 02.10.2019. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/ekonomicheskie-sanktsii-kak-politicheskoe-ponyatie/> [Тимофеев, И. Экономические санкции как политическое понятие // Российский совет по международным делам, 02.10.2019. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/ekonomicheskie-sanktsii-kak-politicheskoe-ponyatie/>]

³ Heath, T. China's Evolving Approach to Economic Diplomacy // *Asia Policy*, 2016, Iss. 22, pp. 157-191.

В условиях конфронтации КНР и США, развернувшейся в 2018 году, выросло число политизированных публикаций, авторы которых усматривают политическую подоплеку в любых китайских экономических проектах за рубежом.

Активно разрабатывается тема «китайской стратегии гибридной войны», изучение которой идет примерно в том же ключе, что и российской гибридной стратегии в 2014-2015 гг.⁴ В такой ситуации анализ реальной китайской санкционной политики, не преувеличивающий и не преуменьшающий ее масштабы становится особенно востребованным.

Первые признаки использования инструментов экономического принуждения в современном Китае относятся к середине 1990-х годов, относительно регулярный характер такие меры приняли к середине 2000-х. Их ранними проявлениями можно считать организованные представителями общественности, при явном одобрении властей бойкоты, направленные против стран, посягнувших на территориальную целостность и национальное достоинство КНР.

Например, волна массовых бойкотов японских товаров развернулась в 2005 году после посещения премьер-министром Японии Дзюньитиро Коидзуми Храма Ясукуни, посвященного памяти павших в сражениях японских военных, включая военных преступников.

Реакцией на политику Франции в тибетском вопросе, а также на антикитайские протесты во время эстафеты Олимпийского огня в Париже в 2008 году стали бойкоты расположенных в Китае магазинов французской сети Carrefour с попытками травли их покупателей со стороны активистов⁵.

Однако системный характер китайская санкционная политика обре-

⁴ См., например: Babbage, R. China's Dominance of the South China Sea. In: Babbage, R. *Stealing a March. Chinese Hybrid Warfare in the Indo-Pacific: Issues and Options for Allied Defense Planners*. CSBA, 2019, Vol. 2, pp. 41-51. Mode of access: <https://csbaonline.org/research/publications/stealing-a-march-chinese-hybrid-warfare-in-the-indo-pacific-issues-and-options-for-allied-defense-planners/publication/2>

⁵ Reilly, J. China's Unilateral Sanctions // *The Washington Quarterly*, 2012. Pp. 121-133.

ла в 2010-е годы, на фоне укрепления китайской экономики и сокращения ее зависимости от прямых иностранных инвестиций⁶. В это время произошло значительное расширение применяемого набора методов, которые стали включать в себя не только ограничения на импорт из страны-объекта санкций, но и давление на расположенный в Китае бизнес из этого государства.

За отдельными исключениями (угрозы санкций за военно-техническое сотрудничество с Тайванем), Китай не заявляет о введении санкций официально.

Начальные санкции, как правило, заключаются в приостановке торговых переговоров и переносе на более поздний, порой неопределенный срок межгосударственных визитов, а также отказе от заключения планировавшихся совместных сделок. За этим следует введение ограничений на торговлю, приостановка кредитов, приостановка туристических поездок, давление налоговых органов, а также структур санитарного и противопожарного надзора на расположенные в Китае предприятия страны-нарушителя.

Меры экономического принуждения чаще всего носят краткосрочный характер, сопровождаются дипломатическим давлением и базируются на диспропорциональной значимости отдельной сферы для Китая и его партнера; также Китай исходит из того, что отношения в целом окажутся более важными для объекта, чем конкретный санкционный вопрос⁷. По наблюдениям экспертов, меньшие по масштабам экономики, где сильнее ощущается дисбаланс в пользу КНР, зачастую сталкиваются с более жесткими мерами⁸.

Китайские эксперты о стратегии применения санкций

Вопрос о применении санкций как орудия в политической борьбе великих держав все более подробно рассматривается в работах китайских ученых-международников, а также в публицистических материалах, ведущих китайских СМИ (например, «Цзинцзи гуанча бао», «Хуанцю шибао» и т.п.). Вместе с тем, тематика применения санкций самим Китаем является чувствительной и освещается не столь подробно.

Большинству китайских работ присуща точка зрения о крайней сдержанности КНР в применении мер экономического принуждения на протяжении всей истории страны. Ряд авторов в целом отрицают факт систематического применения Китаем экономических санкций. Например, статья Бай Ляньлэя из Китайской академии международных исследований так и озаглавлена: «Почему Китай не применяет экономические санкции»⁹. По мнению автора, Китай применяет санкции в редчайших случаях, как правило, они носят многосторонний характер, никогда не основываются на идеологических соображениях. Причиной тому является сохраняющееся «отставание КНР в стратегическом и экономическом потенциале». Вместе с тем, Бай отмечает, что в перспективе, по мере роста китайского экономического потенциала, КНР уже не будет в такой степени отдавать приоритет задачам обеспечения экономического роста а потому станет менее сдержаным в своей санкционной политике¹⁰.

Опубликованная в 2013 году статья исследователей из Уханьского университета Чжан Сяотуна, Ван Хунъюя и Чжао Кэ «О применении китайской экономической мощи», посвященная принципам китайской экономической дипломатии, вообще избегает

⁶ Harrell, P. et al. China's Use of Coercive Economic Measures. Center for a New American Security, 2018. Mode of access: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use_FINAL-1.pdf?mtime=20180604161240

⁷ Reilly, J. China's Unilateral Sanctions // *The Washington Quarterly*, Fall 2012. Pp. 121-133.

⁸ Nephew, R. China and Economic Sanctions: Where does Washington Have Leverage? // *Global China*, September 2019. Pp. 3-4.

⁹ Бай Ляньлэй. Чжунго Вэйхэ Бу Юань Шиюн Цзинцзи Чжицай (Почему Китай не хочет прибегать к экономическим санкциям) // Фудань Гоцзи Гуаньси Пинлунь, 2016, №.1. С. 150-166. [Bai Lianlei. Zhongguo Weihe Bu Yuan Shiyong Jingji Zhicai (Why Is China Unwilling to Employ Explicit Economic Sanctions?) // *Fudan Guoji Guanxi Pinglun*, 2016, No. 1. Pp. 150-166.]

¹⁰ Ibid.

использования слова «санкции». Авторы рассматривают изменения в отношениях Китая и других важнейших мировых экономических центров (США, ЕС и др.) на фоне изменения соотношения их экономической мощи.

Отмечая рост конфликтности в этих отношениях, авторы, вместе с тем, обращают внимание на относительную слабость КНР в отстаивании своих интересов в ходе торговых переговоров. Китай неспособен использовать гигантские масштабы своей экономики для успешной экономической дипломатии. Эта слабость выражается, на их взгляд, в сохранении большого числа антидемпинговых расследований в отношении китайской продукции, непризнании США и ЕС рыночного статуса китайской экономики, неспособности добиться отмены введенного в 1989 году против КНР Соединенными Штатами и Европой оружейного эмбарго и т.п.

Несмотря на стремление части китайских исследователей к отрицанию наличия у КНР развитой санкционной политики, ряд китайских авторов рассматривают вопросы применения санкций с практической стороны и разбирают кейсы применения санкционных мер в отношении отдельных иностранных государств.

Обзор китайской санкционной политики дается в статье исследователя Нанькайского университета Янь Лян «Китайские экономические санкции: цели и вопросы политики»¹¹. Автор обращает внимание на то, что Китай впервые перешел к использованию мер экономического принуждения еще до начала эпохи реформ и открытости, когда в 1970-е годы свернул программы помощи Албании и Вьетнаму в ответ на неблагоприятные изменения в их внешней политике. Ранним примером применения санкций Китаем реформенного периода ав-

тор считает наказание Франции за поставки оружия на Тайвань. Отмечается, что начавшееся исполнение французскими компаниями контракта с Тайванем 1992 года на поставки истребителей и боевых кораблей, привело к провалу французских компаний в крупном тендере на строительство метро в городе Гуанчжоу в 1993 году.

Янь Лян предлагает собственную классификацию применявшихся КНР ранее и потенциально возможных мер санкционного характера:

1. Санкции, нацеленные на изменение внешней политики государства по конкретным вопросам политики КНР, затрагивающих коренные интересы Китая. Примером автор считает введение КНР экономических санкций против Франции в 1994 году за поставки вооружений Тайваню («принуждение»).

2. Угроза экономических санкций как дипломатический сигнал для внутренней и иностранной аудитории, применяемая в ответ на нежелательные действия. Это политический шаг, ценный сам по себе вне зависимости от реального применения санкций. Пример – угроза КНР ввести санкции в отношении компаний США, вовлеченных в контракт на поставки вооружений Тайваню в 2010 году.

3. Устрашение – превентивные меры, например, введенные США в августе 1950 года санкции в отношении КНР и КНДР в попытке предотвратить участие КНР в войне на Корейском полуострове.

4. Карательные санкции – как со стороны КНР в отношении Албании в 1978-1983 годах и в отношении Вьетнама в 1978-88 годах в ответ на нежелательные для Китая внешнеполитические шаги (критику Албанией политической линии КПК, сближение Вьетнама с СССР и ввод вьетнамских войск в Камбоджу).

5. Сдерживание экономического и военного развития – как блокада США в отношении КНР в 1949-1971, а также всеобъемлющие санкции США против СССР.

По мнению Янь Лян, на современном этапе китайской дипломатии более присущи категории 1 и 2 (корректировка внешнеполитических действий по отдельным принципиальным вопросам и направление сигнала

¹¹ Янь Лян. Чжунго Дуйвай Цзинцзи Чжицай: Мубяо Юй Чжэнцэ Ити (Внешнеэкономические санкции Китая: дискуссии о целях и политическом курсе) // Вайцзяо Пинлунь: Вайцзяо Дасюэбао, 2012. Т. 29. №6. С. 16-29. [Yan Liang. Zhongguo Duiwai Jingji Zhicai: Mubiao yu Zhengce Yiyi (Economic Sanctions in China's Foreign Policy: Discussions on Purposes and Political Course) // *Waijiao Pinglun: Waijiao Daxuebao*, 2012, Vol. 29, No. 6, Pp. 16-29.]

лов), тем не менее, не исключается переход к более жестким мерам. Автор, анализируя опыт применения санкций в XX в., констатирует, что умеренные меры, нацеленные на изменение конкретных аспектов политики иностранного государства, отличаются высокой эффективностью, в то время как более жесткие всеобъемлющие санкции практически никогда не приносят необходимого эффекта.

Янь Лян считает возможным применение КНР в перспективе эмбарго на экспорт отдельных видов продукции, рассматривая в качестве примера введенные КНР в 2010 г. ограничения на экспорт редкоземельных металлов, потребляемых рядом высокотехнологичных отраслей промышленности Японии и США. В более отдаленной перспективе она считает возможным переход к ограниченному санкциям в отношении внешнего долга развивающихся стран. Применение санкций должно сочетаться с сворачиванием всех видов помощи, а также мерами по усилению политической, экономической и культурной изоляции противника.

В более ранней работе сотрудника исследовательского центра Карнеги-Цинхуа Чжао Туна, опубликованной в 2010 году, обращается внимание, что Китай более склонен применять адресные «тактические санкции», в то время, как для США характерна склонность к всеобъемлющим стратегическим мерам¹². Как и Янь Лян, автор считает адресные санкции более эффективными, в то время как американский подход он считает чрезмерным и иррациональным.

По мнению Чжао Туна «стратегические» санкции американского образца, направленные на всесторонние финансово-экономические ограничения Китая под властью КПК, были исторически неэффективны и лишь способствовали консолидации китайского общества. К таким ограничениям он отнес санкции США и КоКом 1949-1971 годов, изоляцию со стороны СССР с началом советско-китайского раскола (1960-

1970-е годы)¹³, а также период финансовой и политической изоляции, связанной с вопросами нарушения прав человека в КНР (с лета 1989 по первую половину 1990 года)¹⁴ и длящееся до нынешних дней оружейное эмбарго со стороны США в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь.

Адресные санкции («тактические»), например, в ответ на конкретные китайские нарушения в сфере нераспространения и интеллектуальной собственности, напротив, могли приводить к изменениям в китайском поведении, побуждая Китай сотрудничать и устранять вызвавшие их проблемы. И Чжао Тун, и Лян Янь делают вывод о сохранении в перспективе склонности КНР именно к такому типу санкционных мер.

Янь Лян предполагает, что КНР не будет вводить санкции, связанные с внутриполитической ситуацией в иностранном государстве, и будет воздерживаться от экстерриториальных санкций, при которых третьи страны будут страдать за сотрудничество с подсанкционным государством¹⁵.

Янь Лян предполагает, что КНР целесообразно сохранять элемент намеренной иррациональности в своей санкционной политике: трактовка и прогнозирование китайских санкционных действий должны быть максимально усложнены. Санкции не должны, как правило, официально объявляться, а вводимые ограничительные меры должны иметь альтернативные объяснения (как в случае с ограничением экспорта цветных металлов в 2010 году) и оставлять пространство для гибкости и манёвра. Следует

¹³ Ibid.

¹⁴ Many 1989 U.S. Sanctions on China Eased or Ended // *Los Angeles Times*, 30.06.1991. Mode of access: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1991-06-30-mn-2555-story.html>

¹⁵ Янь Лян. Чжунго Дуйвай Цзинцзи Чжицай: Мубяо Юй Чжэнцэ Ити (Внешнеэкономические санкции Китая: дискуссии о целях и политическом курсе) // Вайцзяо Пинлунь: Вайцзяо Дасюэбао. 2012. Т. 29. №.6. С. 16-29. [Yan Liang. Zhongguo Duiwai Jingji Zhicai: Mubiao yu Zhengce Yiyi (Economic Sanctions in China's Foreign Policy: Discussions On Purposes and Political Course) // *Waijiao Pinglun: Waijiao Daxuebao*, 2012. Vol. 29. No. 6, Pp. 16-29.]

¹² Tong Zhao. Sanctions Experience and Sanctions Behavior: An Analyses of Chinese Perception and Behavior on Economic Sanctions // *Contemporary Politics*, 2010, Vol. 16, No. 3. Pp 263-278.

отметить, что обе статьи были написаны в начале 2010-х годов, когда напряженность в отношениях Китая с США и рядом американских союзников лишь начинала расти¹⁶.

Среди ведущих китайских ученых-международников перспективы применения Китаем санкций с целью заручиться политической поддержкой малых стран, рассматривал Директор института международных исследований университета Цинхуа Янь Сюэту. В 2014 году он отмечал перспективы широкого применения санкций Китаем в отношении стран, отказывающихся от политического сотрудничества с Пекином, увязывая это с ожидаемым им в будущем изменением внешнеполитического курса КНР – переходом от отказа от вступления в блоки с другими странами к предоставлению им помощи в сфере экономики и безопасности¹⁷.

В своей статье 2018 года Янь отмечал рост роли экономического принуждения в условиях ядерного сдерживания, и сделал вывод, что будущее конкуренции между странами стоит именно за протекционизмом и экономическими санкциями. Он отмечал, что «на протяжении более чем 20 лет даже те страны, которые в целом поддерживали Китай, не могли рассчитывать на дружбу Китая в тяжелые времена, поскольку Китай не давал никаких обязательств о союзе. В будущем Китай будет решительно поддерживать тех, кто принимает его сторону, при помощи экономических выгод и даже защиты в сфере безопасности. Напротив, те, кто враждебен Китаю, будут сталкиваться с гораздо более последовательной политикой санкций и изоляции»¹⁸.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Янь Сюэту. Чжунго Синь Вайцзяо Чжэнцэ (Новый курс дипломатии Китая) / Вэбсайт Университета Цинхуа, 24.02.2014. Режим доступа: <http://www.tsinghuaedp.com/news-open.asp?id=1986> [Yan Xuetong: Zhongguo Xin Waijiao Zhengce (China's New Diplomacy Policy)/Qinghua University Website, 24.02.2014. Mode of access: <http://www.tsinghuaedp.com/news-open.asp?id=1986#>]

¹⁸ Yan Xuetong and Xi Jinping on China's Place in The World // SupChina, 26.06.2018. Mode of access: <https://supchina.com/2018/06/26/yan-xuetong-and-xi-jinping-on-chinas-place-in-the-world/>

В глазах китайских международников сформирован образ КНР как жертвы санкционного давления; этот образ транслируется вовне. Об опыте противодействия КНР масштабным санкциям опубликован и ряд исследований¹⁹. Он анализируется и в контексте будущей наступательной санкционной политики Китая.

Тем не менее, в китайской экспертной среде преобладает мнение о том, что применение КНР санкционных мер будет расти. Китайские санкции будут, как правило краткосрочными и направленными на изменение конкретных аспектов поведения иностранных государств. Как правило, они будут вводиться в ответ на действия, интерпретируемые КНР как нарушение ее «коренных интересов» (независимость и невмешательство во внутренние дела, территориальная целостность, военная безопасность и т.п.). Китайские санкции будут внезапными, не будут объявляться официально и будут вводиться под видом неполитических решений регулирующих органов. Введение экстерриториальных санкций американского образца, либо долгосрочных системных стратегических санкций, направленных на полную приостановку связей с противником в обозримом будущем маловероятно. По мере роста китайской экономики у КНР может появиться аппетит к более широкому применению санкций, носящих более жесткий характер, включая финансовые.

Практика китайской санкционной политики

За пределами КНР число работ, посвященных анализу китайской санкционной политике в последние годы также быстро растет. Изучение этой темы часто построено на методологии кейс-стади: авторы либо агрегируют случаи введения санкций со стороны КНР за определенный период

¹⁹ Фэн Вэйцзян. Чжунго Жухэ Индуй Сифан Гоцзя Чжэнчжи Хэ Цзинцзи Чжицай (Как Китай противостоит политическим и экономическим санкциям Запада) // Жэньминь Луньтань. 2019. №16. С. 12. [Feng Weijiang. Zhongguo Ruhe Yingdui Xifang Guojia Zhengzhi he Jingji Zhicai (How China Responds to Western Political and Economic Sanctions) // *Renmin Luntan*, 2019, No. 16. P. 12.]

времени, либо выбирают отдельные кейсы для сравнительного анализа. В частности, такой подход использован в исследовании М.С. Равиндрана (*Madhu Sudan Ravindran*) на примере Вьетнама и Филиппин в контексте территориальных споров с КНР в Южно-Китайском море²⁰. В докладе П. Харрела, Э. Розенберг и Э. Саравалле (*Peter Harrell, Elizabeth Rosenberg, and Edoardo Saravalle*) проанализировано 9 кейсов экономического принуждения со стороны КНР, начиная с 2009 года (при этом учитываются как односторонние действия КНР, так и ее участие в многосторонних санкциях).

В этих исследованиях, как и в исследованиях китайских авторов отмечается, что китайские санкции вводятся, как правило, в качестве ответной меры на посягательство иностранного государства на китайские «коренные интересы»²¹.

Например, приостановка импорта лосося из Норвегии в 2010 году последовала в ответ на присуждение Нобелевской премии мира известному китайскому диссиденту Лю Сяобо, что, с китайской точки зрения, являлось вмешательством во внутренние дела КНР. Аналогичным образом можно рассматривать меры, предпринятые КНР в отношении Монголии в ответ на визит Далай-ламы в эту страну в 2016 году²².

В качестве ответа на «вмешательство во внутренние дела» рассматривали китайцы и свои угрозы санкциями в адрес американского бизнеса за поставки оружия на Тайвань.

Меры в отношении Японии, Филиппин и Вьетнама в 2010-2012 годах вводились на фоне обострения ситуации вокруг спорных островов Дяоюйдао (Сэнкаку) в Восточно-Китайском море и территориальных споров в Южно-Китайском море. Таким образом, с китайской точки зрения, речь шла о посягательстве иностранных государств на территориальную целостность страны²³.

Соображениями военной безопасности объяснялись китайские санкции против Южной Кореи, введенные в 2016 году в ответ на размещение в этой стране первой батареи американских комплексов противоракетной обороны *THAAD*²⁴.

В ходе конфликтов с такими ведущими экономическими державами, как США и Япония, Китай угрожает применением санкций, но в реальности применяет подобные экономические меры весьма сдержанно.

США

КНР дважды прибегала к открытым угрозам введения антиамериканских санкций за поставки американского оружия на Тайвань. Впервые заявление о возможном введении ограничений против американских компаний, вовлеченных в поставки оружия на остров были сделаны в 2010 году²⁵. Угрозы были повторены при одобрении Государственным департаментом США очередной партии вооружений для острова в 2019 году²⁶. Несмотря на то, что некото-

²⁰ Ravindran, M.S. China's Potential for Economic Coercion in the South China Sea Disputes: A Comparative Study of the Philippines and Vietnam // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 2012, No. 3, pp. 105-132.

²¹ Под «коренными интересами» в китайской внешнеполитической риторике, как правило, понимаются независимость, политическая система, территориальная целостность, безопасность, важнейшие интересы экономического развития.

²² China Says Hopes Mongolia Learned Lesson After Dalai Lama Visit // *Reuters*, 24.01.2017. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-china-mongolia-dalailama/china-says-hopes-mongolia-learned-lesson-after-dalai-lama-visit-idUSKBN158197>

²³ China "Blocks" Mongolia Border after Dalai Lama Visit // *Al Jazeera*, 10.12.2016. Mode of access: <https://www.aljazeera.com/news/2016/12/china-blocks-mongolia-border-dalai-lama-visit-161210060313417.html>

²⁴ South Korea's "Three No's" Announcement Key to Restoring Relations with China // *Hankyoreh*, 02.11.2017. Mode of access: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_international/817213.html

²⁵ U.S. Deal with Taiwan Has China Retaliating // *The New York Times*, 30.01.2010. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2010/01/31/world/asia/31china.html>

²⁶ China Vows Sanctions on U.S. Firms Selling Arms to Taiwan // *The New York Times*, 12.07.2019. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2019/07/12/world/asia/taiwan-arms-china-sanctions.html>

рые из компаний, участвовавших в сделках, имели активы в КНР, либо поставляли туда гражданскую продукцию, ни о каких конкретных мерах введенных против них не было известно.

Среди американского бизнеса, работающего на китайском рынке распространено понимание того, что Китай может отвечать ограничением доступа на свой рынок на такие действия США, как поставки оружия на Тайвань или критика ситуации с правами человека в КНР²⁷. Однако такие ограничения носят неформальный характер и не всегда можно показать их связь с теми или иными действиями со стороны США.

На фоне протестов в Гонконге в 2019 году Китай недавно объявил о возможности введения санкций против американских НКО в связи с их предполагаемой роли в разжигании протестного движения²⁸. В качестве возможных целей санкций упоминались *Human Rights Watch*, Фонд национальной демократии (NED), Международный республиканский институт США (IRI), Национальная ассоциация за демократию по международным делам (NDI) и ряд других²⁹. На момент написания этой статьи санкции, однако, не были введены.

В целом, для КНР характерна сдержанность в применении санкционных инструментов в отношении США. Фактически, пока Китай не идет дальше угроз и не пытается вводить контрсанкции в ответ на антиамериканские санкции США. Это контрастирует с довольно жесткой линией Китая в рамках параллельно развивавшейся торговой войны с США, когда на каждое введение новых американских тарифов Китай

отвечал собственными тарифными мерами в отношении американского экспорта.

Япония

На японском направлении китайские действия заходили дальше простых заявлений. На фоне обострения ситуации вокруг островов Сэнкаку в 2009-2012 годах Китай отменял двусторонние переговоры, а разгневанными представителями общественности при возможном одобрении властей организовывались бойкоты японских товаров.

Широкий политический резонанс в мире вызвало в этот период резкое ужесточение Пекином с 2010 года экспортных квот на производство и экспорт за рубеж редкоземельных металлов, в больших количествах, потребляемых высокотехнологичными отраслями промышленности, прежде всего электронной. Китай занимал в тот период монопольное положение на мировом рынке редкоземельных металлов (более 93% мировой добычи).

Следует отметить, что сам механизм экспортных квот существовал в КНР с 2006 года и Китай ежегодно сокращал их в соответствии с долгосрочными планами реструктурирования индустрии редкоземельных металлов. Однако ужесточение квот в 2010 году оказалось резким и внезапным – сразу на 40%.

После инцидента с столкновением корабля сил береговой охраны Японии и китайского траулера в районе островов Сэнкаку 7 сентября 2010 года появились сообщения о том, что китайская таможня на некоторое время запретила китайским компаниям вообще отправлять грузы редкоземельных металлов в Японию, не публикуя на эту тему никаких официальных документов³⁰.

Китай отрицал наличие таких запретов. При этом Япония к 23 сентября освободила весь задержанный ее пограничниками экипаж китайского траулера, включая капитана, что может говорить об успешности китайского давления.

Китайские квоты вели к росту издержек у производителей электроники и не-

²⁷ Reilly, J. China's Unilateral Sanctions // *The Washington Quarterly*, Fall 2012. Pp. 121-133.

²⁸ Дали отпор: Китай ударил санкциями по США (A Rebuff: China Hits On the U.S. With Sanctions) // РИА Новости, 03.12.2019. Режим доступа: <https://ria.ru/20191203/1561868830.html>

²⁹ Бэй Чжунго Дянь Мин Чжицай: Мэйго Хоган NGO Да Циди (Санкции именем Китая! Удар по американским неправительственным организациям, наносящим вред Гонконгу) // *People.cn*, 04.12.2019. Режим доступа: <http://world.people.com.cn/n1/2019/1204/c1002-31489037.html>

³⁰ Amid Tension, China Blocks Vital Exports to Japan // *The New York Times*, 22.09.2010. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2010/09/23/business/global/23rare.html>

которых типов аккумуляторных батарей по всему миру, при этом Япония оказывалась среди главных пострадавших. Ограничения включали в себя квоты на добычу и экспорт редкоземельных металлов, а также экспортные пошлины на некоторые из них.

Вместе с тем, введение этих мер было бы ошибочным рассматривать исключительно, или даже главным образом в качестве элемента санкционного давления на Японию. Величина китайских экспортных пошлин и квот никак не зависела от направлений экспорта и среди пострадавших стран, помимо Японии, были США, ЕС, Мексика, Бразилия, Южная Корея и Индия – именно эти страны, вместе с Японией, в итоге и подали жалобу в ВТО. Ее рассмотрение в 2015 году привело к отмене китайских ограничений.

Основной целью китайских экспортных ограничений, были глубокие структурные реформы отрасли по добыче и переработке редкоземельных металлов, с выводом с рынка малых и устаревших компаний, консолидацией бизнеса и стимулированием развития более глубокой переработки сырья на китайской территории³¹.

Таким образом, в целом ограничение экспорта редкоземельных металлов проводилось вне связи с какими-либо внешнеполитическими соображениями, но резкое сокращение экспортных квот с 2010 года и краткосрочный неформальный запрет на экспорт в Японию в сентябре 2010 года были, вероятно, вызваны осложнением отношений с Токио. Таким образом, они представляют собой пример скрытых и трудно интерпретируемых санкций, о полезности которых говорят китайские авторы.

Вместе с тем, в целом оказание санкционного давления на Японию представляет для КНР нелегкую проблему из-за включенности обеих стран в общие производственные цепочки, отмечалось в 2012 году в статье исследователя Института торгово-экономического сотрудничества Министерства коммерции КНР Мэй Синьюй.

³¹ Mancheri, N.A. et al. Effect of Chinese Policies on Rare Earth Supply Chain Resilience // *Resources, Conservation and Recycling*, 2019, Vol. 142, pp. 101-112.

Из-за возможных последствий для китайской промышленности, меры экономического давления на Японию должны тщательно просчитываться, к санкциям против японских высокотехнологичных индустрий необходимо подходить особенно осторожно. По этой причине нецелесообразно ограничивать доступ японских инвесторов на китайский рынок и вводить ограничения на японское оборудование и промежуточную продукцию.

Автор допускает использование ограничений на экспорт редкоземельных металлов в качестве меры давления на Японию, но отмечает, что в целом экспортные ограничения – не лучший путь для Китая, поскольку большинству китайских товаров японцы смогут легко найти заменители.

Наиболее предпочтительным вариантом давления Мэй Синьюй считает избирательные бойкоты отдельных видов японской потребительской продукции, которые должны осуществляться с учетом политической позиции руководства конкретных японских компаний. Другим вариантом давления, с его точки зрения, является торговля услугами, прежде всего, китайский выездной туризм в Японию³².

Именно по этим линиям и развивалось давление на Японию при очередном обострении ситуации вокруг островов Сенкаку в августе-сентябре 2012 года в связи с решением правительства Японии приобрести спорные острова у частного владельца.

В ряде крупных городов КНР организовывались массовые антияпонские демонстрации, участники которых призывали к бойкоту японских товаров, громили машины японских марок, блокировали японские магазины и предприятия. Китайские туристические компании массово отказывались от туров в Японию.

Комплексная оценка нанесенного в тот

³² Мэй Синьюй. Дуй Жи Цзинци Чжицай Дэ Сы Да Сюаньцэ (Четыре больших выбора в применении экономических санкций в отношении Японии) // *Чжунго Цзинци Чжоукань*. 2012. №37. С. 10. [Mei Xinyu. Dui Ri Jingji Zhicai de Si Da Xuanze (Four Great Choices in Economic Sanctions Against Japan) // *Zhongguo Jingji Zhoukan*, 2012. No. 37, p. 10.]

период ущерба отсутствует, однако только компания *Toyota* в результате произошедших погромов и бойкота была вынуждена сократить план продаж автомобилей в КНР в 2012 году на 200 тысяч единиц, *Honda* – на 130 тысяч единиц, *Nissan* – на 130 тысяч единиц³³. Падение продаж туров в Японию только в Шанхае составило около 20%³⁴.

Принятые тогда меры, впрочем, не оказали влияния на японскую позицию: решение о приобретении островов японским государством пересмотрено не было. Вместе с тем, смог продемонстрировать способность применять инструменты экономического давления в отношении Японии, что в дальнейшем не могло не учитываться в политике Токио в отношении Пекина.

Южная Корея

Примером масштабных и успешных китайских неформальных санкций в ответ на действия, нарушающие коренные интересы китайского государства, можно считать меры в отношении Южной Кореи в 2016 – 2017 годах, в ответ на размещение там американских комплексов ПРО *THAAD*.

Факт применения таких санкций не признавался Китаем официально, с правовой точки зрения речь шла о претензиях к качеству продукции, исполнению южнокорейцами предписаний китайских регуляторов и т.п.

Впрочем, китайцы не делали и попыток отрицать факт введения мер экономического давления на Сеул.

Содержание санкций и китайская стратегия давления вполне открыто обсуждались в китайских СМИ. Например, статья 2017 года в издании «Хуанцю Шибao» по поводу размещения в Южной Корее и *THAAD*³⁵

указывала, что Китай не будет применять против Южной Кореи тотальных мер экономического давления.

Вместо этого санкции были дозированными, чтобы «нанести точечный удар изнутри», то есть заставить страдающие от китайских мер южнокорейские корпорации надавить на правительство. Наиболее уязвимыми направлениями для давления назывались туризм, шоу-бизнес, принадлежащий южнокорейским корпорациям (*Hyundai, Samsung, Lotte Group*) бизнес в КНР. Таким образом, список целей для санкций был более обширным, чем в случае Японии.

Санкции были тесно скоординированы в возросшей активностью китайской дипломатии, которая пыталась, как минимум, получить от Южной Кореи обязательства не размещать на своей территории новых американских систем ПРО, а как максимум, добиться вывода уже размещенной батареи.

Действия китайских властей, такие как ограничения на отправку китайских туристических групп в Южную Корею, ограничения на гастроли южнокорейских артистов в КНР, усложнение импортно-экспортных процедур, усиление регулятивного давления на южнокорейский бизнес в Китае, привели к снижению ВВП Южной Кореи на 0,4 процентного пункта в 2017 году³⁶.

Усилия государственных органов сопровождалась и народным бойкотом южнокорейских товаров в КНР. По данным южнокорейского правительства, китайский въездной туризм снизился на 48% в 2017 г. по сравнению с 2016 г., причем наибольший спад пришелся именно на групповые путевки.

К тому же зачастую были затронуты не только иностранные товары, но и произведенные внутри КНР под именем иностранных брендов (так было, в частности, в

³³ China Anti-Japan Protest Damage May Be over US\$100m // *South China Morning Post*, 13.11.2012. Mode of Access: <https://www.scmp.com/news/china/article/1081778/china-anti-japan-protest-damage-may-be-over-us100m>

³⁴ Chinese Tourists Cancel Trips to Japan Amid Island Spat // *CNN*, 13.09.2012. Mode of Access: <https://web.archive.org/web/20120916093052/http://www.cnn.com/shanghai/life/chinese-tourists-cancel-trips-japan-amid-island-spat-110241>

³⁵ Чжунго Чжицай Ханьго Яо Жан Та Нэй Шан Чжуньбэй Юй Хань Сяньжу Чанци Цзянчи

(Санкции Китая в отношении Южной Кореи оставят болезненный след. Готовясь к тупику) // *Huangqiu*, 01.03.2017. Режим доступа: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnK0TTh>

³⁶ South Korean Business Improves in China Ahead of Moon's First Visit // *Nikkei*. 13.12.2017. Mode of access: <https://asia.nikkei.com/Politics/South-Korean-business-improves-in-China-ahead-of-Moon-s-first-visit>

2017 г., когда после *ТНААД* граждане КНР отказались покупать корейские машины, при этом часть производства расположена в КНР и эти ограничения затронули китайских рабочих)³⁷.

Результатом китайской кампании давления на Южную Корею, продлившейся около года, стало согласие Сеула 31 октября 2017 года дать Пекину ряд важных политических обязательств, известных как Три «нет»: не размещать в Южной Корее новых американских комплексов ПРО, не становиться частью глобальной американской сети ПРО, не вступать в тройственный союз с участием Японии и США³⁸. Обязательства, хотя и не зафиксированные в договоре, затрагивали вопросы отношений Южной Кореи с третьими странами и могли рассматриваться как значительный успех китайской дипломатии. В то же время, Пекину не удалось заставить Южную Корею избавиться от уже размещенной на ее территории единственной американской батареи *ТНААД*.

Тайвань

Китай использовал меры экономического давления на Тайвань после победы на президентских выборах 2016 года представителя Демократической прогрессивной партии Цай Инвэнь, негативно настроенной по отношению к сближению с Пекином. Китайской стороной были введены ограничения на отправку на остров туристических групп, что привело к сокращению турпотока на 30%³⁹. Меры по ужесточению давления на тайваньскую экономику продолжались в 2018 и 2019 году, вероятно, с целью сни-

зить популярность администрации Цай и принудить ее к более сдержанному поведению в вопросах статуса острова. Основным направлением давления по-прежнему был туризм. Например, в июле 2019 года был введен запрет на индивидуальные туристические поездки жителей материка на остров, что привело к снижению числа поездок, по предварительным оценкам, на 700 тысяч⁴⁰. Мера, однако, оказалась не слишком успешной, поскольку спад туризма из Китая был компенсирован притоком туристов из других азиатских стран⁴¹.

Меры экономического давления на Тайвань оказались, в целом, не слишком успешными. В определенные периоды китайское давление и замедление экономики острова приводило к снижению популярности ДПП (партия потерпела болезненное поражение на местных выборах 2018 года), но не могло перевесить негативные для Пекина тенденции в тайваньской внутренней политике, связанные в том числе с массовыми протестами в Гонконге 2019 года. В результате Цай одержала повторную победу на президентских выборах в январе 2020 года, а ее политика осталась неизменной.

Филиппины

Китайские меры давления на Филиппины осуществлялись главным образом до избрания президентом страны Родриго Дутерте летом 2016 года. Катализаторами для китайских шагов были жалобы Филиппин в Международный арбитражный суд в Гааге в 2013 году и общее ужесточение в первой половине 2010-х годов филиппинской позиции для в территориальном споре в КНР из-за ряда островов и отмелей в Южно-Китайском море.

Первый раунд санкций против Филип-

³⁷ Harrell, P. et al. China's Use of Coercive Economic Measures / Center for a New American Security, 2018. P. 16. Mode of access: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use_FINAL-1.pdf?mtime=20180604161240

³⁸ South Korea's "Three No's" Announcement Key to Restoring Relations with China // *Hankyoreh*, 02.11.2017. Mode of access: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_international/817213.html

³⁹ Harrell, P. et al. China's Use of Coercive Economic Measures / Center for a New American Security, 2018. P. 9. Mode of access: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use_FINAL-1.pdf?mtime=20180604161240

⁴⁰ Mainland Chinese Tourists are Staying Away from Taiwan, but the Self-Ruled Island Doesn't Seem to Mind // *South China Morning Post*, 23.10.2019. Mode of access: <https://www.scmp.com/magazines/post-magazine/travel/article/3034071/mainland-chinese-tourists-are-staying-away-taiwan>

⁴¹ China Tried to Threaten Taiwan by Weaponizing Tourism, but It Didn't Work // *Quartz*, 07.01.2020. Mode of access: <https://qz.com/1780709/taiwan-tourism-hits-record-high-despite-china-boycott/>

пин, включавший в себя приостановку отправок в страну китайских туристических групп и ограничение импорта филиппинских фруктов (по санитарным соображениям) был введен в качестве реакции на противостояние кораблей береговой охраны КНР и Филиппин у отмели Скарборо в апреле 2012 года⁴². В дальнейшем против Филиппин применялись такие меры, как сокращение китайских инвестиций и кредитования, ужесточение визовой политики, ужесточение стандартов финансовых проверок в отношении филиппинских компаний в Китае.

В отношении Филиппин отмечалась возможность использования таких мер, как сокращение закупок филиппинских фруктов через *Taobao* в связи с арбитражем по статусу островов в ЮКМ. Отмечаются такие показательные случаи, как блокирование филиппинской продукции в интернет-магазине *Taobao* с размещением надписей «Заморим филиппинцев голодом» (饿死菲律宾人)⁴³.

Норвегия

После вручения Нобелевской премии мира известному китайскому диссиденту Лю Сяобо в 2010 году, КНР ввела неформальные ограничения на импорт норвежского лосося, который сократился на 63%⁴⁴. Ограничения выражались на практике в рез-

ком усложнении и затягивании таможенного оформления норвежского лосося, требовании дополнительных санитарных документов, усложнении процедур получения необходимых разрешений и т.п.⁴⁵ Лосось был крупнейшей, но не единственной составляющей норвежского экспорта, подвергшейся санкциям. Потери для норвежского экспорта оцениваются в 0,76-1,3 млрд долларов в период 2011-2013 гг.⁴⁶

Китай также использовал и неэкономические инструменты, лишив Норвегию в январе 2013 г. транзитных преференций (безвизового режима в течение 72 часов)⁴⁷, было отказано в китайской визе бывшему премьер-министру и возникли затруднения при общении со старшими дипломатами)⁴⁸.

Обращение Норвегии в ВТО в ситуации с Лю Сяобо не дало результатов. Взаимное соглашение между Норвегией и КНР было достигнуто в 2016 г., когда Китай согласился возобновить импорт норвежской продукции. Норвегия опубликовала достаточно сдержанное сообщение о смерти Лю Сяобо в китайской тюрьме в 2017 году⁴⁹.

⁴² Harrell, P. et al. China's Use of Coercive Economic Measures / Center for a New American Security, 2018. P. 9. Mode of Access: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use_FINAL-1.pdf?mtime=20180604161240

⁴³ Хуа Юнь : Жуго Яо Цзинци Чжицай Фэйлюйбинь Гай Цзэньмэ Чучжао ? (Хуа Юнь: Если Китай будет применять экономические санкции в отношении Филиппин – какими они будут?) // *Guancha*, 14.07.2016. Режим доступа: https://www.guancha.cn/huayun02/2016_07_14_367408.shtml [Hua Yun: Ruguo Yao Jingji Zhicai Feilubin. Gai Zenme Chuzhao (If China Decides to Implement Economic Sanctions Against Philippines – What Might They Be Like?) // *Guancha*, 14.07.2016. Mode of access: https://www.guancha.cn/huayun02/2016_07_14_367408.shtml]

⁴⁴ Norway Sees Liu Xiaobo's Nobel Prize Hurt Salmon Exports to China // *Financial Times*, 15.08.2013. Mode of access: <https://www.ft.com/content/ab456776-05b0-11e3-8ed5-00144feab7de>

⁴⁵ Chen, X.; Garcia, R. J. Economic Sanctions and Trade Diplomacy: Sanction-busting Strategies, Market Distortion and Efficacy of China's Restrictions on Norwegian Salmon Imports // *China Information*, 2016, Vol. 30, No. 1, pp. 29-57.

⁴⁶ Kolstad I. Too Big to Fault? Effects of the 2010 Nobel Peace Prize on Norwegian Exports to China and Foreign Policy // *International Political Science Review*, 2016. Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0192512118808610>

⁴⁷ Бэйцзин Гоцзин Мянъянь Новэй Шоу Пайцзи (Пекин лишает Норвегию преференций безвизового въезда) // *Voice of America Chinese*, 07.12.2012. Режим доступа: <https://www.voachinese.com/a/beijing-to-allow-visa-free-transit-trips-20121206/1559981.html> Zhang, K.V. Chinese Non-Military Coercion – Tactics and Rationale / Brookings University, 22.01.2019. Mode of access: <https://www.brookings.edu/articles/chinese-non-military-coercion-tactics-and-rationale/>

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Хуа Юнь: Жуго Яо Цзинци Чжицай Фэйлюйбинь Гай Цзэньмэ Чучжао ? (Хуа Юнь: Если Китай будет применять экономические санкции в отношении Филиппин – какими они будут?) // *Guancha*, 14.07.2016.

Монголия

Против Монголии неформальные санкции вводились дважды в ответ на визиты в эту страну Далай-ламы, воспринимавшихся Пекином как вмешательство в китайские внутренние дела и косвенная поддержка тибетского сепаратизма. Ответом на визиты 2002 и 2016 года становилось резкое ужесточение пограничных процедур для автомобильного и железнодорожного транспорта, что приводило к нарушениям торговли Монголии с внешним миром (Монголия осуществляет торговлю с большинством государств, помимо Китая, через китайские морские порты). Таким образом, использовалась уязвимость Монголии, как государства лишённого выхода к морю⁵⁰. В 2016 году в ответ на визит Далай-ламы Китай также прервал переговоры о предоставлении Монголии кредита в 4,2 млрд долларов, необходимых для рефинансирования уже имевшейся у Монголии задолженности. В результате Монголия в декабре 2016 года была вынуждена дать обязательство не приглашать более Далай-ламу⁵¹.

Выводы

Китай постепенно наращивает применение односторонних экономических санкций. Есть все основания ожидать, что их использование будет становиться все более активным по мере роста экономического могущества КНР.

Mode of access: https://www.guanchna.cn/huayun02/2016_07_14_367408.shtml
Harrell, P. et al. China's Use of Coercive Economic Measures. Center for a New American Security, 2018. Mode of access: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use_FINAL-1.pdf?mtime=20180604161240

⁵⁰ Родионов В.А. Фактор Далай-Ламы XIV в современных монголо-китайских отношениях // Власть. 2017. №.9. С. 153-157. [Rodionov, V.A. Faktor Dalaj-Lamy XIV v sovremennyh mongolo-kitajskih otnošenijah (The Dalai-Lama XIV Factor In Modern Sino-Mongolian Relations) // *Vlast'*, 2017. No. 9. Pp. 153-157.]

⁵¹ Mongolia Says Dalai Lama Will not Be allowed Future Visits // *AP News*, 21.12.2016. Mode of access: <https://apnews.com/8c026337a97640309f4bdb530bf6cd07/Mongolia-says-Dalai-Lama-will-not-be-allowed-future-visits>

Практически все случаи применения Китаем экономических санкций до настоящего времени были связаны с защитой Пекином так называемых «коренных интересов».

Китай, по крайней мере, в своей интерпретации, реагировал санкциями на вмешательство внешних игроков в тайваньскую или тибетскую проблемы, попытки повлиять на внутривластную обстановку в КНР (Норвегия и Лю Сяобо), посягательства на территориальную целостность (споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском море) и военную безопасность КНР (размещение систем ПРО в Южной Корее).

Китай пока что не склонен вводить экономические санкции с целью повлиять на аспекты политики иностранного государства, не затрагивающие его коренные интересы и исключает для себя введение односторонних санкций по идеологическим соображениям. Вместе с тем, такой подход может измениться по мере расширения сферы китайских глобальных интересов и перехода КНР к более активной внешней политике по формированию альянсов в разных регионах мира.

Китайские санкции практически всегда являются неформальными, внезапными и непредсказуемыми. Китай стремится сохранять максимальную гибкость и полную свободу действий в вопросах эскалации и дэскалации санкционного давления. В некоторых случаях санкции заключаются лишь в частной корректировке уже предпринимаемых мер регулирования внешней торговли с целью оказать давление на партнера.

Китайские санкции всегда направлены на достижение конкретных изменений в политике партнера в ограниченный период времени. При достижении поставленной цели, либо при изменении международной ситуации санкции сворачиваются.

Готовность КНР применять экономические санкции обратно пропорциональна роли, которую играет потенциальный объект санкций в мировой политике и экономике. Неоднократные угрозы санкций в отношении США так и остались нереализованными, санкции против Японии носят тщательно выверенный и ограниченный характер, но уже Южная Корея стала объектом

сильнейшего санкционного давления, продлившегося более года и приведшего к изменению в южнокорейской политике. Давление на малые страны (Монголия, Норвегия) может быть особенно жестким.

Излюбленными для Китая объектами санкционного давления являются экспорт потребительских и сельскохозяйственных товаров в КНР, а также туризм. Китай не склонен применять санкционные меры в отношении зарубежного промышленного сырья, полуфабрикатов и оборудования, опасаясь негативного влияния на собственную промышленность.

Практическая реализация китайских неофициальных санкций находится, как правило, в руках таможенных органов, органов санитарного контроля и других органов госрегулирования экономики. Теоретический анализ вопросов применения санкций ведется в ряде китайских университетов и в системе министерства коммерции КНР. Вероятным центром принятия решений о санкциях является Малая руководящая группа по внешней политике ЦК КПК как основной центр принятия решений в сфере связей с зарубежными странами.

Литература:

Родионов В.А. Фактор Далай-Ламы XIV в современных монголо-китайских отношениях // *Власть*. 2017. №9. С. 153-157.

Тимофеев И. Экономические санкции как политическое понятие // Российский совет по международным делам, 02.10.2019. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/ekonomicheskie-sanktsii-kak-politicheskoe-ponyatie/>

Babbage, R. China's Dominance of the South China Sea. In: Babbage, R. *Stealing a March. Chinese Hybrid Warfare in the Indo-Pacific: Issues and Options for Allied Defense Planners*. CSBA, 2019, Vol. 2, pp. 41-51. Mode of access: <https://csbaonline.org/research/publications/stealing-a-march-chinese-hybrid-warfare-in-the-indo-pacific-issues-and-options-for-allied-defense-planners/publication/2>

Chen, X.; Garcia, R.J. Economic Sanctions and Trade Diplomacy: Sanction-busting Strategies, Market Distortion and Efficacy of China's Restrictions on Norwegian Salmon Imports // *China Information*, 2016, Vol. 30, No. 1, pp. 29-57.

Harrell, P. et al. China's Use of Coercive Economic Measures / Center for a New American Security, 2018. Mode of access: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use_FINAL-1.pdf?mtime=20180604161240

Heath, T. China's Evolving Approach to Economic Diplomacy // *Asia Policy*, 2016, Iss. 22, pp. 157-191.

Kolstad I. Too Big to Fault? Effects of the 2010 Nobel Peace Prize on Norwegian Exports to China and Foreign Policy // *International Political Science Review*,

2016. Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0192512118808610>

Mancheri, N.A. et al. Effect of Chinese Policies on Rare Earth Supply Chain Resilience // *Resources, Conservation and Recycling*, 2019, Vol. 142, pp. 101-112.

Nephew, R. China and Economic Sanctions: Where does Washington Have Leverage? // *Global China*, September 2019. Pp. 3-4.

Ravindran, M.S. China's Potential for Economic Coercion in the South China Sea Disputes: A Comparative Study of the Philippines and Vietnam // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 2012, No. 3, pp. 105-132.

Reilly, J. China's Unilateral Sanctions // *The Washington Quarterly*, Fall 2012. Pp. 121-133.

Tong Zhao. Sanctions Experience and Sanctions Behavior: An Analyses of Chinese Perception and Behavior on Economic Sanctions // *Contemporary Politics*, 2010, Vol. 16, No. 3. Pp. 263-278.

Бай Ляньляй. Чжунго Вэйхэ Бу Юань Шиюн Цзинци Цижицай (Почему Китай не хочет прибегать к экономическим санкциям) // Фудань Гоци Гуаньси Пинлунь, 2016, №1. С. 150-166.

Мэй Синьюй. Дуй Жи Цзинци Цижицай Дэ Сы Да Сюаньцэ (Четыре больших выбора в применении экономических санкций в отношении Японии) // Чжунго Цзинци Чжоукань. 2012. №37.

Фэн Вэйцзян. Чжунго Жухэ Индуй Сифан Гоцзя Чжэнчжи Хэ Цзинци Цижицай (Как Китай противостоит политическим и экономическим санкциям Запада) // Жэньминь Луньтань. 2019. № 16.

Янь Лян. Чжунго Дуйвай Цзинци Цижицай: Мубяо Юй Чжэнцэ Ити (Внешнеэкономические санкции Китая: дискуссии о целях и политическом курсе) // Вайцзяо Пинлунь: Вайцзяо Дасюэбао, 2012. Т. 29. №6. С. 16-29.

References:

Babbage, R. China's Dominance of the South China Sea. In: Babbage, R. *Stealing a March. Chinese Hybrid Warfare in the Indo-Pacific: Issues and Options for Allied Defense Planners*. CSBA, 2019, Vol. 2, pp. 41-51. Mode of access: <https://csbaonline.org/research/publications/stealing-a-march-chinese-hybrid-warfare-in-the-indo-pacific-issues-and-options-for-allied-defense-planners/publication/2>

Bai Lianlei. Zhongguo Weihe Bu Yuan Shiyong Jingji Zhicai (Why Is China Unwilling to Employ Explicit Economic Sanctions?) // *Fudan Guoji Guanxi Pinglun*, 2016, No.1. Pp. 150-166.

Chen, X.; Garcia, R.J. Economic Sanctions and Trade Diplomacy: Sanction-busting Strategies, Market Distortion and Efficacy of China's Restrictions on Norwegian Salmon Imports // *China Information*, 2016, Vol. 30, No. 1, pp. 29-57.

Feng Weijiang. Zhongguo Ruhe Yingdui Xifang Guojia Zhengzhi he Jingji Zhicai (How China Responds to Western Political and Economic Sanctions) // *Renmin Luntan*, 2019, No. 16.

Harrell, P. et al. China's Use of Coercive Economic Measures / Center for a New American Security, 2018. Mode of access: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use_FINAL-1.pdf?mtime=20180604161240

Heath, T. China's Evolving Approach to Economic Diplomacy // *Asia Policy*, 2016, Iss. 22, pp. 157-191.

Kolstad I. Too Big to Fault? Effects of the 2010 Nobel Peace Prize on Norwegian Exports to China and For-

eign Policy // *International Political Science Review*, 2016. Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0192512118808610>

Mancheri, N.A. et al. Effect of Chinese Policies on Rare Earth Supply Chain Resilience // *Resources, Conservation and Recycling*, 2019, Vol. 142, pp. 101-112.

Mei Xinyu. Dui Ri Jingji Zhicai de Si Da Xuanze (Four Great Choices in Economic Sanctions Against Japan) // *Zhongguo Jingji Zhoukan*, 2012. No. 37.

Nephew, R. China and Economic Sanctions: Where does Washington Have Leverage? // *Global China*, September 2019. Pp. 3-4.

Ravindran, M.S. China's Potential for Economic Coercion in the South China Sea Disputes: A Comparative Study of the Philippines and Vietnam // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 2012, No. 3, pp. 105-132.

Reilly, J. China's Unilateral Sanctions // *The Washington Quarterly*, Fall 2012. Pp. 121-133.

Rodionov, V.A. Faktor Dalaj-Lamy XIV v sovremennyh mongolo-kitajskih otnosheniyah (The Dalai-Lama XIV Factor In Modern Sino-Mongolian Relations) // *Vlast'*, 2017. No. 9. Pp. 153-157.

Timofeev, I. Ekonomicheskie sankcii kak politicheskoe ponyatie // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 02.10.2019. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomicheskie-sanktsii-kak-politicheskoe-ponyatie/>

Tong Zhao. Sanctions Experience and Sanctions Behavior: An Analyses of Chinese Perception and Behavior on Economic Sanctions // *Contemporary Politics*, 2010, Vol. 16, No. 3. Pp. 263-278.

Yan Liang. Zhongguo Duiwai Jingji Zhicai: Mubiao yu Zhengce Yiyi (Economic Sanctions in China's Foreign Policy: Discussions on Purposes and Political Course) // *Waijiao Pinglun: Waijiao Daxuebao*, 2012, Vol. 29, No. 6, Pp. 16-29.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10024

CHINESE ECONOMIC SANCTIONS POLICY: THEORY AND PRACTICE

Vasily B. Kashin

*National Research University Higher School of Economics, MGIMO University,
Moscow, Russia*

Anastasiia S. Piatachkova

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Lyubov S. Krasheninnikova

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 21.10.2019</p> <p><i>Received:</i> 04.02.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 19.03.2020</p>	<p>Abstract: China is perceived, on the one hand, as a long-term object of sanction pressure, on the other hand, as a consistent critic of using unilateral sanctions for political purposes. At the same time China has regularly applied unilateral economic sanctions at least since 2000-ies. As the PRC's economic power grows, the world sees a rising number of the Chinese unilateral sanctions, which become increasingly effective. Analyzing China's sanctions policy is complicated, as Beijing's unilateral sanctions mostly lack any official announcement. The tools of sanction pressure concern export control, public authorities' increased activity, sanitary restrictions, canceling previously approved credit lines, etc. China is most ready to apply sanctions as a response to issues concerning the offence of its military security and infringement of its and territorial integrity, both being identified as core national interests. Yet the number of sanctions applied to ensure a wider range of objectives is increasing. This article studies the Chinese approaches to the application of unilateral sanctions that are reflected in available publications of the Chinese scholars and particular examples of PRC's sanctions policy. Since this paper is specifically focused on unilateral economic sanctions, it does not address the issues of China's participation in implementation of sanctions measures introduced by the UN Security Council</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Vasily B. Kashin</i>, Candidate of Political Science, Senior Research Fellow, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), Higher School of Economics; Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University</p> <p>e-mail: vkashin@hse.ru</p> <p><i>Anastasiia S. Piatachkova</i>, Junior Research Fellow, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), Higher School of Economics</p> <p>e-mail: apyatachkova@hse.ru</p> <p><i>Lyubov S. Krasheninnikova</i>, Expert, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), Higher School of Economics</p> <p>e-mail: liubovkrasheninnikova@gmail.com</p>	
<p>Key words:</p> <p>China; sanctions; economic diplomacy; trade war between China and the USA; China's foreign policy</p>	

Для цитирования: Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Крашенинникова Л.С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 123-138. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10024

For citation: Kashin, Vasily B.; Piatachkova, Anastasiia S.; Krasheninnikova, Lyubov S. Kitayskaya politika v sfere primeneniya ekonomicheskikh sanktsiy: teoriya i praktika (Chinese Economic Sanctions Policy: Theory and Practice) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 123-138. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10024

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КИТАЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

Валентина Вильевна Кузнецова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Ольга Анатольевна Машкина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: Заявлено к публикации: 21 октября 2019 Поступила в редакцию: 11 февраля 2020 Принята к печати: 23 марта 2020</p>	<p>Аннотация: Конкурентоспособность страны в современном мире в большой степени зависит от способности национальной системы образования обеспечить подготовку профессиональной элиты, вовлечь в процесс непрерывного обучения широкие слои общества и создать условия для удовлетворения различных культурных и социально-экономических потребностей населения. Доминирующая в последние годы национальная идея – возрождение великого Китая – в недавних партийных и правительственных документах дополняется новым контентом – «создание державы с сильным образованием». Образование в стратегии развития Китая приобретает приоритетное значение как фактор поддержания социальной стабильности и внутренней межнациональной интеграции и одновременно как двигатель инновационного развития. Китай, в отличие от многих стран, проводящих социально-экономическую модернизацию, последовательно и неуклонно решает задачу превращения «вызова» большого населения из тормоза в стимул развития и дает убедительный пример того, каким образом можно повысить человеческий потенциал в стране, где еще 30 лет назад царил неграмотность и бедность. Китайская система высшего образования не только демонстрирует способность конкурировать с ведущими университетами мира, но и активно продвигает свои технологии, стандарты и ценности в глобальном образовательном пространстве, в первую очередь, усиливая свое влияние на страны, входящие в зону интереса проекта «Один пояс, один путь».</p>
<p>Об авторах: Кузнецова В.В., к.и.н., доцент кафедры мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью, Факультет государственного управления (ФГУ), МГУ имени М.В. Ломоносова e-mail: vkuz_55@mail.ru Машкина О.А., к.пед.н., доцент кафедры китайской филологии, Институт стран Азии и Африки (ИСАА), МГУ имени М.В. Ломоносова e-mail: oliya-m@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: высшее образование; геополитика; экспорт и импорт образования; факторы влияния</p>	

Эволюция политики КНР

В начале 1980-х гг., когда руководством Китая была осознана острая нехватка высококвалифицированных специалистов, в стране началась реализация курса на ускоренную их подготовку. Для формирования собственных квалифицированных кадров страна стала быстро восстанавливать разрушенную в годы «культурной революции» систему образования. Как пишет вспоминая те годы американка китайского происхожде-

ния Цзинь Ли: «как-то внезапно снова открылись школы и знание, особенно научное, стало высоко цениться»¹. По утверждениям китайских специалистов, «внезапность»

¹ Цзинь Ли. Культурные основы обучения: Восток и Запад. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 25. [Jin Li. Kul'turnyye osnovy obucheniya: Vostok i Zapad (Cultural Foundations of Education: East and West). Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2015. P. 25.]

прежде всего объяснялась традиционной ценностью образования, которая культивируется в китайском обществе с древних времен, а также тем, что в основу стратегии возрождения страны была положена установка «уметь учиться в процессе открытия внешнему миру»².

Открытость миру на первых этапах социально-экономических преобразований в сфере образования выражалась в направлении молодых граждан на учебу за рубежом как по иностранным программам помощи КНР, так и за счет бюджетных средств. В 1978 г. на обучение в зарубежных вузах было направлено 860 человек, а в 2017 г. – уже 680,4 тыс. молодых граждан КНР³. С начала проведения политики реформ и открытости китайские лидеры признавали важность зарубежной помощи в восстановлении и развитии системы образования после хаоса «культурной революции». Еще в 1983 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли решение «Об импорте иностранного интеллекта для ускорения модернизации страны». В документе отмечалось: «ум – это живой кладезь знаний, который не может быть заменен оборудованием, книгами, документацией и чертежами»⁴. В то же время руководство Китая осознавало, что зависимость от импорта образования и знаний может стать «ловуш-

кой», способной превратиться в серьезный ограничитель курса на модернизацию и социально-экономические преобразования, поэтому одновременно прикладывало немало усилий и финансовых средств для развития всех звеньев национальной системы образования.

Подъем высшего образования Китая начался в середине 1990-х гг. Значительно выросли масштабы приема, была введена многоуровневая подготовка, одним словом, шел процесс интеграции в глобальное образовательное пространство в рамках Болонского процесса. Расширение доступности высшего и профессионального образования внутри страны позволило КНР внести изменения в политику импорта образования. Для привлечения обратно на родину китайских граждан, обучавшихся в зарубежных вузах, в рамках политики «Поддерживать учебу за границей, поощрять возвращение на родину» для специалистов, получивших образование за рубежом, были предложены существенные преференции в продвижении по карьерной лестнице. Вузы также предлагали им значительно более высокие зарплаты, чем остальным сотрудникам аналогичного ранга, а также социальный пакет и льготы на приобретение жилья. В 1990-е – начале 2000-х гг. для них были созданы специальные фонды и программы кадрового резерва, в т.ч.:

– в 1990 г. – Фонд содействия в проведении научно-технических исследований»;

– в 1993 г. – программа «Подготовки талантов к XXI веку», ориентированная на трудоустройство выдающихся молодых преподавателей, вернувшихся из-за рубежа;

– программа «*Chunhui*» (в переводе: «весенний бутон»), предназначенная для финансирования краткосрочных научных визитов репатриантов, имеющих докторскую степень и выдающиеся достижения в приоритетных областях научных исследований;

– стипендиальная программа «Чанцзян» («*Changjiang Scholar Incentive Program*»), нацеленная на оказание финансовой поддержки ученым молодого и среднего возраста, работающим по приоритетным для Китая направлениям научных исследований. Эта программа в первую очередь оказывала поддержку ученым, по-

² Ли Ланьцин. Прорыв: Как открывались ворота страны: 30-летию начала реформ посвящается. М.: Изд-во Московского университета, 2010. С. 398. [Li Lanqing. Proryv: Как открывались vorota strany: 30-letiyu nachala reform posvyashchayetsya (Breakthrough: How the Gates of the Country Opened: It Is Dedicated to the 30th Anniversary of the Start of Reforms). Moscow: zd-vo Moskovskogo universiteta, 2010. P. 398.]

³ China Statistical Yearbook 2018. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm>

⁴ Ли Ланьцин. Прорыв: Как открывались ворота страны: 30-летию начала реформ посвящается. М.: Изд-во Московского университета, 2010. С. 417. [Li Lanqing. Proryv: Как открывались vorota strany: 30-letiyu nachala reform posvyashchayetsya (Breakthrough: How the Gates of the Country Opened: It Is Dedicated to the 30th Anniversary of the Start of Reforms). Moscow: zd-vo Moskovskogo universiteta, 2010. P. 417.]

лучившим приглашение от китайских вузов работать в качестве приглашенных профессоров или лекторов;

– в 2001 г. – программа «Академическо-го краткосрочного возвращения из-за рубежа ученых и исследователей», предназначенная для финансирования приглашения проживающих за рубежом известных китайских ученых для чтения лекции или проведение исследований в 28 ключевых университетах страны в период их краткосрочных визитов на родину;

– программа «Поддержки молодых лидеров в различных научных дисциплинах»⁵.

Корректировка политики позволила Китаю избежать массовой утечки способных, подающих надежды молодых специалистов и аккумулировать интеллектуальный потенциал на прорывных научных и практических направлениях развития. Если в 2006 г. на родину вернулось только 25% китайцев-выпускников зарубежных вузов, то в 2017 г. их доля выросла до 79%⁶. В 2017 г., число возвратившихся после обучения за рубежом превысило 480 тыс. человек, из них около 227,4 тыс. человек получили в иностранных университетах степень магистра и выше. В 2017 г. более 70% руководителей ключевых национальных исследовательских проектов являлись выпускниками зарубежных вузов⁷.

Дальнейшие изменения в политике импорта образования происходили в 2000-е гг., когда вслед за либерализацией правил выезда граждан за рубеж и ростом благосостояния населения, большую популярность приобрело обучение в зарубежных вузах на личные средства граждан. Хотя частный выезд молодых граждан на обучение за рубеж снижал остроту сохраняющегося дефицита мест в национальных университетах и сти-

мулировал участие китайских вузов в международной образовательной конкуренции, он представлял потенциальную угрозу для страны. Молодые люди, окончившие иностранные вузы и адаптировавшиеся к условиям жизни в зарубежных юрисдикциях, не несли никаких обязательств перед родиной, становились «гражданами мира», зачастую утрачивая национальную идентичность.

В ответ на потенциальную угрозу в КНР были внесены корректировки в учебные планы образовательных организаций, усиливавшие воспитательный контент в духе национализма и превосходства китайской цивилизации. Как писала в своей книге, посвященной культурным различиям западных и китайских академических традиций, Цзинь Ли, студенты китайских университетов первого после «культурной революции» набора относились ко всему китайскому с презрением, считая что «в китайской культуре нет ничего хорошего, ибо именно она привела страну к катастрофе»⁸. Но с середины 1990-х гг. в стране возрождается интерес к национальной культуре и наблюдается переход от имитации и простого копирования чужого опыта к осмыслению того, как собственный и зарубежный опыт направить на эффективное обслуживание современных интересов Китая.

Одновременно в КНР параллельно с продолжением, хотя и в модифицированной форме, политики импорта образования, стартовал курс, направленный на повышение качества китайского образования и статуса его международного признания. В 1990-е гг. были приняты две долгосрочные программы поддержки развития национальных университетов – проект 211 и проект 985. К участию в проектах были отобраны самые сильные университеты страны. На первом этапе (1999-2002) в проекте 985 участвовало 9 университетов, на втором этапе (2004-2007) их число было увеличено до

⁵ The Overall Situation of Studying Abroad. Mode of access: http://en.moe.gov.cn/Cooperation_Exchange/201506/t20150626_191376.html

⁶ China Statistical Yearbook 2018. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm>

⁷ Amber Ziyue Wan. Fewer Chinese to Stay abroad after Graduation – Survey. / University World News, 31 May 2018. Mode of access: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20180531154955271>

⁸ Цзинь Ли. Культурные основы обучения: Восток и Запад. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 464 с. [Jin Li. Kul'turnyye osnovy obucheniya: Vostok i Zapad (Cultural Foundations of Education: East and West). Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2015. 446 p.]

39, а на третьем этапе (2009-2013) – 42⁹. Перед ними была поставлена цель: с учетом опыта лучших зарубежных вузов, выявить собственные недостатки, разработать и реализовать меры по преодолению отставания китайской системы высшего образования от передового международного уровня. Для достижения поставленных целей университетам-участникам проектов предоставлялось значительное финансирование.

Эффективность такого подхода отражают данные международного академического рейтинга *Academic Ranking of World Universities, ARWU*, так называемый Шанхайский рейтинг. Данный рейтинг был разработан учеными Шанхайского университета Цзяотун. Проанализировав различия в научной и академической деятельности зарубежных и китайских университетов, они пришли к выводу, что для повышения международной конкурентоспособности китайским университетам необходимо развивать научные исследования и придать исследовательской активности больший вес в оценке вузов по сравнению с показателями качества обучения. Среди важнейших показателей оценки репутации вузов Шанхайский рейтинг выделяет:

- число выпускников и преподавателей, получивших Нобелевскую премию за естественнонаучные достижения или Филдсовскую премию по математике;
- количество статей, опубликованных преподавателями и исследователями университета, в журналах *Nature* и *Science*;
- наличие индекса цитирования в международных реферативных базах данных научных публикаций.

Хотя признавалось, что наличие в штатах китайских вузов незначительного числа иностранных лауреатов Нобелевской премии, в основном в возрасте старше 70 лет, не может существенно улучшить научные достижения вуза, однако изменения в критериях оценки результатов и эффективности работы университетов стимулировали значительный рост публикационной и патентной активности китайских специалистов. В

⁹ Zhao Litao. China's World-Class 2.0: Towards More Institutionalized and Participatory Policymaking? // *The Copenhagen Journal of Asian Studies*, 2018, Vol. 36, No. 1, p. 11.

китайских университетах-участниках национальных проектов 211 и 985 стали формироваться научные школы во главе с известными учеными, приглашенными из разных стран мира, среди которых было много хуацяо – иностранцев с китайскими корнями. На конец 2018 г. в КНР в общей сложности работало более 950 тыс. иностранных высококвалифицированных экспертов и ученых¹⁰. Ректор шанхайского университета Цзяотун профессор Чжан Цзэ подчеркивает, что зачастую основанием для приглашения на работу иностранных специалистов является их созидательное мышление и способность вести самостоятельные научные исследования¹¹.

Курс на экспансию китайского высшего образования

«План мер по возрождению образования в XXI веке» и совместное решение ЦК КПК и Госсовета КНР «Об углублении реформы образования и всестороннем содействии продвижению качественного образования» заложили основу правового регулирования современной системы национальных вузов.

В 21 в. продолжился количественный и качественный рост китайской системы высшего образования. Количественный рост отражает увеличение числа организаций высшей школы с 675 в 1980 г. до 2631 в 2017 г.¹² Благодаря политике расширения доступности высшего образования, в 2017 г. в китайских вузах обучалось 37,79 млн студентов, т.е. 2576 из каждых 100 тыс. граждан имели возможность получить академическое или профессиональное высшее образование¹³.

В соответствии с международной классификацией, охват высшим образованием

¹⁰ За круглым столом // Китай. 2019. №11. С. 7. [Za kruglym stolom (At the Round Table) // Kitay, 2019, No 11, p. 7.]

¹¹ Ibid. С. 11.

¹² 高等教育学校（机构）数 / Number of Higher Education Institutions. Mode of access: http://www.moe.gov.cn/s78/A03/moe_560/jytjsj_2017/qg/201808/t20180808_344686.html

¹³ Overview of Educational Achievements in China in 2017 / 2018, November 12. Mode of access: http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201907/t20190708_389354.html

определенной доли молодежи соответствующей возрастной когорты характеризует достигнутый уровень развития высшего образования:

- менее 15% – этап элитарного высшего образования;
- 15% - 50% – этап перехода к массовому высшему образованию;
- более 50% – этап массового высшего образования¹⁴.

В 2002 г. в китайских вузах обучалось 15% молодежи соответствующего возраста, а в 2018 г. – уже свыше 48%¹⁵. Преодолев рубеж в 50%, КНР войдет в число стран, где высшее образование становится универсальным феноменом. Это будет свидетельствовать об успешности реализации Китая стратегии расширения доступности профессионально-технического и высшего образования для молодых граждан страны. Такая политика соответствует целям устойчивого развития, установленным в документах и программах ЮНЕСКО¹⁶.

В 2015 г. ЦК КПК и Госсовет КНР объявили о новом этапе реформ высшего образования. Приоритет был отдан плану по развитию университетов мирового уровня и первоклассных учебных дисциплин. Проект «Университеты и дисциплины мирового

класса» (шуан-и-лю, «дважды первых») предусматривает, что к 2050 г. китайское высшее образование выйдет на позиции мирового лидера.

Официальные цели проекта развития университетов «дважды первых, 2.0» сформулированы как:

- развитие университетов и учебных дисциплин, включаемых в мировые топ рейтинги;
- ускорение развития системы управления высшим образованием и модернизация возможностей управления;
- повышение уровня инноваций в подготовке персонала, научных исследований, социальных услуг и культуры в институтах высшего образования;
- превращение институтов высшей школы в важный источник исследовательских и технологических инноваций, передовых идей и культуры, основы по воспитанию талантливых граждан во всех сферах.

Инициатива по формированию и развитию первоклассных учебных дисциплин направлена как на достижение высокого качества преподаваемых учебных курсов, характерного для ведущих зарубежных университетов, так и разработку новых курсов, предлагаемых исключительно китайскими вузами. Их наличие должно стать, по замыслу проекта «дважды первых» университетов, отличительной особенностью китайского высшего образования, его важным международным конкурентным преимуществом. КНР уже сейчас является страной с наиболее масштабной образовательной системой, а реализация проекта строительства «дважды первых» университетов должна сделать китайскую систему высшего образования международным лидером по качественным характеристикам.

Университеты, отобранные для участия в проекте «дважды первых» обязаны провести SWOT анализ¹⁷ своих преимуществ и ограничений, на основе которого разработать план по усилению первых и преодолению вторых. План развития вуза подлежит

¹⁴ Бессуднов, Д.Ю., Куракин, В.М. Малик Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. 2017. №3. С. 84. [Bessudnov, D.Yu.; Kurakin, V.M. Malik Kak vznik i chto skryvayet mif o vseobshchem vysshem obrazovanii (How Did the Myth of Universal Higher Education Arise and what Hides) // Voprosy obrazovaniya, 2017, No. 3, p. 84.]

¹⁵ 2018年全国教育事业发展统计公报 - 2019年07月24日 来源: 教育部. Mode of access: <https://gaokao.chsi.com.cn/gkxx/zc/moe/201907/20190724/1808242656.html>

¹⁶ Ху Цзяньхуа, Лю Янчунь. Развитие высшего образования в Китае. Россия-Китай: тенденции развития образования в XXI в.: Сравнительный анализ. М.: Наука, 2019. 662 с. [Hu Jianhua, Liu Yanchun. Razvitiye vysshego obrazovaniya v Kitaye. Rossiya-Kitay: tendentsii razvitiya obrazovaniya v XXI v.: Sravnitel'nyy analiz (The Development of Higher Education in China. Russia-China: Trends in the Development of Education in the 21st Century: A Comparative Analysis). Moscow: Nauka, 2019. 662 p.]

¹⁷ Комплекс методов исследования внутренней и внешней среды организации с целью выявления ее сильных и слабых сторон. – Прим. авторов.

одобрению органами управления, которые в последующем осуществляют тщательный мониторинг его выполнения. От результатов оценки зависит объем дополнительного бюджетного финансирования, выделяемого на их развитие. Примечательно, что для получения государственных грантов нельзя ограничиваться только научными и учебными показателями. Например, три шанхайских университета на основе результатов SWOT анализа выделили в качестве основных трех направлений работы, помимо подготовки высококвалифицированных кадров, служению обществу, проведение научных исследований и распространение китайской культуры¹⁸.

В рейтинге университетов развивающихся стран (*Emerging Economies University Rankings*) в 2019 г. КНР была представлена 72 вузами и заняла первое место по этому показателю¹⁹. Глава аналитического отдела компании QS, специализирующейся на рейтинговании университетов стран БРИКС, Бен Саутер выделил следующие основные факторы успешности китайских вузов: это – мощное государственное финансирование наиболее перспективных вузов с целью повышения их конкурентоспособности, а также активизации академических и научных связей с ведущими зарубежными университетами и НИИ²⁰.

¹⁸ 方守恩。曹文泽。谢辉。蔡三发。推进世界一流大学和一流学科建设的思考与实践。(Фан Шоэн, Цао Вэньцзэ, Се Хуэй, Цай Саньфа. Идеи и практика строительства университетов и дисциплин мирового уровня) // 中国高等教育, 2017 – No. 3 (04) – p. 21.

¹⁹ Emerging Economics University Rankings 2019. Mode of access: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2019/emerging-economies-university-rankings#/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order

²⁰ Машкина О.А. Страны БРИКС: стратегии развития высшего образования // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2017. № 2. С. 45. [Mashkina, O.A. Strany BRIKS: strategii razvitiya vysshego obrazovaniya (BRICS Countries: Higher Education Development Strategies) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoye obrazovaniye, 2017, No. 2, p. 45.]

Политика глобализации китайского высшего образования

Данное направление образовательной политики КНР включает несколько комплексов мер.

Первое: стремление КНР активно участвовать в разработке и установлении международных образовательных стандартов, соответствующих потребностям Китая.

Второе: привлечение иностранных студентов для обучения в Китае. Хотя КНР остается крупнейшим в мире импортером образовательных услуг, в XXI в. страна стала прилагать большие усилия по повышению привлекательности в мире своего высшего образования. Число иностранных студентов, получающих высшее образование в КНР, неуклонно растет, и в первую очередь, из стран азиатского региона. На их долю, по данным министерства образования КНР, приходится почти 2/3 иностранных студентов, обучающихся в КНР. Их численность в период с 2006 по 2016 гг. колебалась в разные годы от 60 до 74%. Заслуживает внимание тот факт, что число студентов из 73 стран ареала «Один пояс, один путь» за этот период выросло на 86% и составило 201 842 человека²¹.

Третье: китайское правительство стимулирует китайские передовые вузы открывать различные программы совместно с ведущими мировыми университетами и помогать им создавать кампусы в КНР. Так, в университете Цинхуа была открыта «программа Шварцмана»²², в основу которой положена модель Оксфордского университета. Цель программы – «сделать обучение двуязычным

²¹ Лю Чжиминь, Ян Чжоу, Сюе Шань, Чжу Ли. Экспорт китайского образования в эпоху глобализации. – Россия-Китай: тенденции развития образования в XXI в.: Сравнительный анализ. М.: Наука, 2019. 662 с. [Liu Zhimin, Yang Zhou, Xue Shan, Zhu Li. Eksport kitayskogo obrazovaniya v epokhu globalizatsii. – Rossiya-Kitay: tendentsii razvitiya obrazovaniya v XXI v.: Sravnitel'nyu analiz (Export of Chinese Education in the Era of Globalization. Russia-China: Trends in the Development of Education in the 21st Century: A Comparative Analysis). Moscow: Nauka, 2019. 662 p.]

²² Stephen Schwarzman, миллиардер из США китайского происхождения. – Прим. авторов.

и более международным» в китайских университетах²³. У Нью-Йоркского университета есть кампус в Шанхае, созданный совместно с Восточно-китайским нормальным университетом, а у университета Джона Хопкинса – в Нанкине. На юге Китая в городе Шэньчжэнь открылся совместный российско-китайский Университет – МГУ-ППИ, работающий по учебным программам, разработанным и утвержденным в соответствии с образовательными стандартами МГУ.

КНР активно участвует в деятельности Всемирного инновационного саммита по образованию (*World Innovation Summit for Education*)²⁴. В рамках WISE Китай реализует несколько проектов, один из них создан на базе Школы экономики и менеджмента Университета Цинхуа (*Tsinghua SEM*) на платформе *x-lab*²⁵. Проект *x-Lab* был запущен в 2013 г., он объединяет 14 школ и факультетов Университета Цинхуа, Пред-

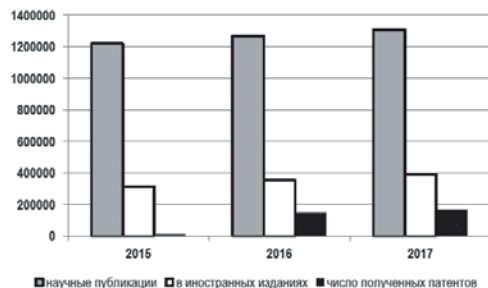
принимательский клуб Цинхуа (*TEEC*) и Научный парк Цинхуа (*TusPark*).

Данная платформа используется для подготовки трех типов студентов: 1) на этапе «воображение» (*Imagination phase students*) ведется подготовка слушателей, ориентированных на предпринимательство и инновации, но еще не создавших собственных проектов; 2) на этапе инновации – слушателей, у которых есть конкретные инновационные идеи, но не воплощенные в предпринимательские проекты; 3) на этапе реализации – слушателей, имеющих оформленные предпринимательские проекты. *X-lab* помогает им в формировании команды, развитии проекта, соединяет с предпринимателями, бизнес-ангелами и экспертами.

Четвертое: курс на развитие научных исследований, прежде всего в ведущих национальных университетах. С 2012 г. в стране стали стремительно расти объемы средств, выделяемых на научные исследования, на увеличение численности китайских исследователей, их публикаций, прежде всего в ведущих международных научных изданиях. Сотрудничество ведущих китайских университетов с зарубежными вузами нашло отражение в росте числа публикаций китайских специалистов в зарубежных научных изданиях и числа зарегистрированных патентов китайскими исследователями (см. *Рис. 1*).

Рисунок 1

Рост числа научных публикаций и полученных патентов китайскими специалистами, 2015-2017 гг.²⁶

Picture 1. The Growth in the Number of Scientific Publications and Patents Received by Chinese Specialists, 2015-2017

²³ Krishnan, A. *Oxfords of the East*. 2017, April 11. Mode of access: <https://www.indiatoday.in/magazine/neighbours/story/20170417-china-world-class-universities-ivy-league-east-communist-party-of-china-986140-2017-04-11>

²⁴ WISE был учрежден Катарским фондом образования, науки и общественного развития (Qatar Foundation) в 2009 г. Одной из ключевых тем саммита 2015 г. стало стимулирование инноваций в системе образования, а также связь между образованием, предпринимательством и карьерой. – *Прим. авторов.*

²⁵ X-lab Цинхуа – университетская образовательная платформа, предназначенная для развития творческих способностей студентов, инноваций и предпринимательства. «X» в названии Платформы относится к миссии Преследования *Неизвестного* на пересечении множества Академических Дисциплин и Потребностей. «Лаборатория» подчеркивает экспериментальный, совместный и основанный на действии процесс, который является ключевым в подходе x-Lab к обучению. Они составляют основу трех уникальных ценностных предложений, которые предлагает x-lab: связи между несколькими дисциплинами в Цинхуа, интеграция внутренних и внешних ресурсов университета, и новые методы обучения для развития индивидуальных и командных способностей для создания инноваций и поддержки бизнес-моделей. общественный активизм. Tsinghua X-lab. Mode of access: <http://www.x-lab.tsinghua.edu.cn/en/>

²⁶ China Statistical Yearbook 2018. Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm>

Реализация проекта «дважды первых» университетов предполагает также, что развитие высшего образования позволит стране занять лидирующие позиции в создании новых знаний, способствующих переходу китайской экономики на новый технологический уклад. Примером успешной интеграции является Проект «Университетское пространство Гуанчжоу-Гонконг-Макао», который также называют Проект «Зоны большого залива». Он нацелен на интеграцию исследований, производства, инфраструктуры, коммуникаций и рынка на юге Китая, Токийской зоне залива. Помимо двух специальных административных районов Гонконг и Макао, в него, наряду с столицей провинции Гуандун, также включены 9 городов на юге провинции. Впервые идея о формировании такой зоны была упомянута в плане 13-й пятилетки, а развитие торговой войны КНР с США стало важным катализатором проекта. Если в 2016-2017 гг. проект был инициативой правительства провинции Гуандун, то в 2019 г. он стал общенациональным. Реализация проекта должна способствовать развитию трансграничных программ высшего образования и сотрудничеству в научных исследованиях. Предполагается, что к 2035 г. в регионе будут сосредоточены представительства ведущих международных компаний, лучших университетов, современных портов и передовых технологий. «Зона большого залива» станет конкурентом Кремневой долины и другим инновационным хабом. Отличительная особенность проекта – соединение научных достижений и производства.

С одной стороны, предполагается, что ведущие университеты Гонконга станут центрами создания новых знаний и будут передавать новые технологии предприятиям, расположенным в материковом Китае. В настоящее время у 4 гонконгских университетов есть трансграничные исследовательские центры. Гонконгский университет науки и технологий создал совместные исследовательские центры в Шэньчжэне и Гуанчжоу. Гонконгский университет и Гонконгский баптистский университет также открыли совместные центры в Шэньчжэне, а университет Линань – в Гуанчжоу. По аналогичной модели развивается сотрудничество университета Макао и универ-

ситета Сунь Ятсена по созданию совместного исследовательского центра в Гуанчжоу. Проект устанавливает, что исследовательские центры, созданные университетами из Гонконга и Макао в провинции Гуандун, получают тот же статус, что и континентальные институты, включая доступ к финансированию и технологическим проектам КНР. Это позволяет использовать различные схемы финансирования инновационных проектов.

С другой стороны, центром проекта определен Южно-Китайский политехнический университет (ЮКПУ). Будучи участником проекта «дважды первых» университетов, ЮКПУ активно участвует в реализации и других стратегически важных национальных проектов: «Один пояс, один путь», «Китайское производство 2025»²⁷. За пределами своего кампуса ЮКПУ уже открыл 500 инновационных площадок, аффилированных с крупными и малыми предприятиями. В Гуанчжоу ЮКПУ открыл международный кампус с участием ряда зарубежных университетов-лидеров, в котором совместные коллективы ученых ведут актуальные междисциплинарные исследования, результаты которых проходят апробацию на промышленных предприятиях провинции²⁸. Продвижение и развитие подобных проектов, по замыслу, должны ускорить формирование китайской Кремневой долины.

Пятое: распространение и расширение образовательной активности в странах, расположенных в ареале проекта «Один пояс, один путь». Прежде всего данную функцию выполняют институты Конфуция. Их предназначение – не только глобальное распространение китайского языка и китайской культуры, подготовка местных кадров для работы на китайских предприятиях, но и соз-

²⁷ Проект нацелен на «реиндустриализацию» через применение smart технологий и робототехнику – *Прим. авторов.*

²⁸ 广州国际校区要为国家培养人才。专访中国工程院院士、华南理工大学校长王迎军 (Международный университетский кампус в Гуанчжоу подготавливает талантливые кадры для страны. Специальное интервью с ректором Южно-Китайского политехнического университета, академика Китайской академии инженерных наук Ван Инцзюнь) // 南风窗, 2017, No. 22 (604), 第 83-84 页.

дание благоприятной среды для будущей экономической экспансии КНР. В то же время разнообразные проекты инициативы «Один пояс, один путь» включают и создание в транзитных странах центров, объединяющих институты высшего образования, научных и прикладных исследований. КНР, опираясь на опыт формирования Альянса азиатских университетов, объединяющего организации высшей школы стран ЮВА, создает новые исследовательские центры и институты в Центральной Азии (например, в Астане) и Северной Африке (например, при Марокканском университете Хассана). КНР также активно развивает образовательное и исследовательское сотрудничество с европейскими странами²⁹. В 2010 г. был создан сетевой Университет Шанхайской Организации Сотрудничества. В Университет ШОС входит 16 российских, 15 китайских, 11 казахстанских, 10 таджикских и 8 киргизских вузов. Активное участие китайских университетов в международном образовательном пространстве создает предпосылки формирования глобальной зоны высшего образования, в которой будет доминировать Китай³⁰.

Дискуссия в КНР о целях высшего образования

В официальных планах и документах китайского правительства доминирует прагматический подход. Перед ведущими вузами КНР стоит задача «формирования инновационной культуры» и «создания нового типа университетского мышления с базовыми социалистическими ценностями»³¹. Официальный курс в развитии высшего и профессионального образования ориентирован на достижение важных практических целей.

²⁹ О преимуществах, ограничениях и рисках развития образовательных и исследовательских европейско-китайских проектов см., напр. [21].

³⁰ Sharma, Y. One Belt One Road towards a China-led HE Area? 23.03.2018. Mode of access: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20180323045239515>

³¹ Peters, A.M.; Besley, T. China's Double First-Class University Strategy: 双一流 // *Educational Philosophy and Theory*, 2018, Vol. 50, No. 12, p. 1076.

В среде китайских экспертов-педагогов ведется острая дискуссия по вопросам: какова основная функция вузов? какого типа специалистов должны готовить вузы? как сохранить баланс между национальными особенностями и глобальными, универсальными требованиями и критериями оценки вузов, ведущих конкурентную борьбу? На первый взгляд, это – вопросы, касающиеся внутренних приоритетов, но как показывает практика, они тесно связаны с тем, как позиционируется образование страны в условиях возникающих противоречий между глобальными и локальными интересами разных стран и их потребностями.

Западные и китайские представления о социальном предназначении университетов во многом близки, но ранжирование приоритетов имеют свои отличия. Так, Ли Чжиминь, начальник Центра научно-технического развития министерства образования КНР, отмечает: «Если западные университеты ориентированы на выполнение трех функций – производство знаний, передача знаний и их применение, то китайские вузы – на подготовку специалистов, научные исследования, служение обществу, передачу следующему поколению культурного наследия и международное сотрудничество. Для китайских вузов подготовка студентов – задача номер один»³².

Публичные ответы на отмеченные вопросы ректоров ряда ведущих вузов КНР дают представление об остроте идущей дискуссии. Ректор Южно-Китайского педагогического университета Лю Мин определяет «главную задачу университета» как «воспитание личности, культивирование талантов»³³.

³² 郭伟. 坚持中国特色的高等教育 营造世界水平的科研环境. 访教育部科技发展中心主任李志民 (Го Вэй). Упорно следовать по пути высшего образования с китайскими особенностями, чтобы создать научную среду мирового уровня. Интервью с директором Центра научно-технического развития Министерства образования Ли Чжиминем // *世界教育信息*, 2017, No. 21 (429), p. 8.

³³ 韦星. 既要潜心治学, 也要关注社会. 专访华南师范大学校长刘鸣 (Вэй Син). Нужно не только увлеченно овладевать наукой, но и уделять пристальное внимание обществу. Специальное интервью с ректором Южно-

Видный ученый Ху Хайянь, в недавнем прошлом ректор Пекинского политехнического института (университет ППИ, партнер МГУ по совместному университету в Шэньчжэне) указывает, что все остальные функции – научные исследования, трансляция культуры и создание инноваций, международный академический обмен и сотрудничество – есть производные от главной функции: «воспитывать личность, возвращать таланты»³⁴. Ректор Южно-Китайского политехнического университета Ван Инцзюнь делает акцент на приоритетности задачи воспитания «уникальных новаторских талантов, обладающих как профессиональными знаниями, так и красным идеологическим сознанием»³⁵.

Критикуя односторонние уклоны в сторону оценки вузов по публикационной активности, Ху Хайянь пишет: «В последние годы в Китае наблюдается бум научных статей и патентов, но большие цифры ничего не говорят о качестве подготовки студентов и более того, не дают полноценную картину о качестве научных исследований, не позволяют измерить нравственные и духовные ценности и культуру университета»³⁶. Осмысливая роль университетов в возрождении нации, он призывает отказаться от бездумного копирования в попытке американизировать китайские университеты. Профессор Ху Хайянь подчеркивает, что во главу угла «необходимо поставить задачу повышения качества подготовки и на этой основе соз-

давать университет мирового уровня. Если по-прежнему гнаться за расширением направлений подготовки и отходить от специализации к универсальности знаний, или гнаться за созданием университета исследовательского типа, но при этом игнорировать качество обучения бакалавров, то есть опасность оторваться от своих корней»³⁷.

Профессор Ли Чжиминь трезво оценивая ситуацию, сложившуюся в большинстве китайских вузов, указывает: «В отличие от американских или китайских вузов, намеренных стать университетами мирового уровня, преподаватели обычных вузов не могут заниматься только научной работой, большой объем их нагрузки – это обучение и повышение качества обучения студентов. Отправной точкой создания университета или специальности мирового класса является повышение качества обучения, повышение уровня научных исследований и укрепление сферы служения обществу»³⁸. Китайские педагоги и руководители убеждены в том, что базовым приоритетом высшего образования должно быть воспитание личности, обладающей конкретным набором национальных ценностей и практических компетенций, что в полной мере соответствует традициям конфуцианской теории и практики обучения.

Выводы

Глобализация научно-образовательного пространства в идеале – это мир без границ, но на практике мы видим, что часть стран становятся производителями новых идей, знаний технологий, а другая часть превращается в их потребителей. В рамках глобализации многие страны ведут поиск путей баланса между глобальными-национальными интересами. Очевидно, что курс Китая на повышение конкурентоспособности национального высшего

³⁷ Ibid.

³⁸ 郭伟. 坚持中国特色的高等教育 营造世界水平的科研环境. 访教育部科技发展中心主任李志民 (Го Вэй. Упорно следовать по пути высшего образования с китайскими особенностями, чтобы создать научную среду мирового уровня. Интервью с директором Центра научно-технического развития Министерства образования Ли Чжином) // 世界教育信息, 2017, No. 21(429), p. 7.

Китайского педагогического университета Лю Мином) // 南风窗, 2017, No. 9(591), pp. 74-75.

³⁴ 胡海岩. 三把“尺子” 丈量“一流” (Ху Хайянь. Три линейки измерения соответствия мировому уровню) // 中国高等教育, 2017, No. 03-04, p. 15.

³⁵ 广州国际校区要为国家培养人才. 专访中国工程院院士、华南理工大学校长王迎军 (Международный университетский кампус в Гуанчжоу подготавливает талантливые кадры для страны. Специальное интервью с ректором Южно-Китайского политехнического университета, академика Китайской академии инженерных наук Ван Инцзюнь) // 南风窗, 2017, No. 22(604), 第 83-84 页.

³⁶ 胡海岩. 三把“尺子” 丈量“一流” (Ху Хайянь. Три линейки измерения соответствия мировому уровню) // 中国高等教育, 2017, No. 03-04, p. 17.

Mashkina, O.A. Strany BRIKS: strategii razvitiya vysshego obrazovaniya (BRICS Countries: Higher Education Development Strategies) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoye obrazovaniye*, 2017, No. 2, pp. 40-48.

Peters, A.M.; Besley, T. China's Double First-Class University Strategy: 双一流 // *Educational Philosophy and Theory*, 2018, Vol. 50, No. 12.

Za kruglym stolom (At the Round Table) // *Kitay*, 2019, No 11, pp. 6-7.

Zhao Litao. China's World-Class 2.0: Towards More Institutionalized and Participatory Policymaking? // *The Copenhagen Journal of Asian Studies*, 2018, Vol. 36, No. 1, pp. 5-27.

广州国际校区要为国家培养人才。专访中国工程院院士、华南理工大学校长王迎军 // 南风窗, 2017, No. 22 (604), 第 83-84 页.

方守恩。曹文泽。谢辉。蔡三发。推进世界一流大学和一流学科建设的思考与实践。// 中国高等教育, 2017, No. 3 (04), pp. 18-23.

胡海岩。三把“尺子”丈量“一流” // 中国高等教育, 2017, No. 03-04, pp. 15-17.

郭伟。坚持中国特色的高等教育 营造世界水平的科研环境。访教育部科技发展中心主任李志民 // 世界教育信息, 2017, No. 21 (429), pp. 7-13.

韦星。既要潜心治学, 也要关注社会。专访华南师范大学校长刘鸣 // 南风窗, 2017, No. 9 (591), pp. 74-75.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10025

CHINESE ECONOMIC SANCTIONS POLICY: THEORY AND PRACTICE

Valentina V. Kuznetsova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Olga A. Mashkina

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 21.10.2019</p> <p><i>Received:</i> 11.02.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 23.03.2020</p>	<p>Abstract: The competitiveness of the country in the modern world mainly depends on the ability of the national education system to provide training for the professional elite, to involve the broad strata of society in the process of lifelong learning and to create conditions to meet the various cultural and socio-economic needs of the population. The Chinese dominant national idea – the revival of greater China – in the most important documents is supplemented recently by new content: “the creation a powerful country with a strong education.” Education in China’s strategy is considered as a main factor of social stability and internal ethnic integration, and at the same time as an engine of innovative development. China provides the world with an example of how to increase the potential of human capital in a country where illiteracy and poverty reigned 30 years ago. The Chinese higher education system not only demonstrates its ability to compete with the world’s leading universities, but also promotes its technologies, standards and values in the global educational space, first of all, strengthening its influence on the countries included in the “One Road – One Road” project.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Valentina V. Kuznetsova</i>, Candidate of History, Associate Professor, Department of World Economy and Foreign Economic Activity Management, Faculty of Public Administration (FGU), Lomonosov Moscow State University</p> <p>e-mail: vkuz_55@mail.ru</p> <p><i>Olga A. Mashkina</i>, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Chair of Chinese Philology, Institute of Asian and African Countries (ISAA), Lomonosov Moscow State University</p> <p>e-mail: oliya-m@yandex.ru</p>	
<p>Key words: higher education; geopolitics; export and import of education; factors of influence</p>	

Для цитирования: Кузнецова В.В., Машкина О.А. Глобализация китайского высшего образования как фактор геополитического влияния // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 139-150.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10025

For citation: Kuznetsova, Valentina V.; Mashkina, Olga A. Globalizatsiya kitayskogo vysshego obrazovaniya kak faktor geopoliticheskogo vliyaniya (Globalization of Chinese Higher Education as a Factor of Geopolitical Influence) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 139-150.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10025

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН С РОССИЙСКИМ ДАЛЬНИМ ВОСТОКОМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ НА ДВУХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ*

Чуньюе Лу

*Чанчуньский педагогический университет,
Чанчунь, Китай*

Владимир Григорьевич Дацышен

*Сибирский федеральный университет,
Красноярский государственный педагогический университет,
Красноярск, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 1 января 2020 <i>Принята к печати:</i> 21 марта 2020</p>	<p>Аннотация: С 80-х годов прошлого века до начала XXI века приграничная торговля между Дальним Востоком России и провинцией Хэйлунцзян Китая прошла через два этапа. 1. В 1980-х гг. шло восстановление торгово-экономических отношений между двумя соседними регионами в условиях трансформации социалистических экономик. 2. После распада СССР политика Китая трансформировалась в соответствии с новыми экономическими и политическими реалиями. Правительства Китая и России корректировали направление приграничной торговли, что вело к нестабильности и колебаниям объема торговли между двумя регионами. Политики развития торгово-экономических отношений между двумя регионами сыграла решающую роль в развитии российско-китайских отношений. Дальний Восток России и провинция Хэйлунцзян не должны останавливаться на раннем уровне развития, провинция должна «идти в ногу со временем» и адаптироваться к новым условиям</p>
<p>Об авторах: <i>Чуньюе Лу</i>, профессор, Чанчуньский педагогический университет e-mail: 1134784777@qq.com <i>Дацышен В.Г.</i>, д.и.н., профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярский государственный педагогический университет e-mail: dazishen@mail.ru</p>	<p>* Проект общественно-научного фонда провинции Цзилинь, КНР «Перспектива объединения стратегии возрождения Северо-Востока Китая и российской политической программы освоения Дальнего Востока “В рамках стратегии Один пояс один путь”» (№2018В173) промежуточный результат. 吉林省社会科学基金项目《“一带一路”愿景下新一轮东北振兴战略与俄罗斯远东开发政策对接研究》(项目编号2018В173) 阶段成果</p>
<p>Ключевые слова: провинция Хэйлунцзян; Российский Дальний Восток; приграничная торговля; русско-китайские отношения</p>	

Причиной извилистого развития приграничной торговли между провинцией Хэйлунцзян и Россией являлись некоторые исторические факторы. После основания Китая в 1957 г., провинция Хэйлунцзян возобновила торговлю с советским Дальним Востоком. В 1961 г. была основана торговая компания провинции Хэйлунцзян. Во вто-

рой половине 1960 г. Китай разорвал отношения Советским Союзом, так же в 1966 г. была прервана приграничная торговля. Начиная с конца 70-х годов XX-го века, в связи с продвижением китайской политики экономической открытости и реформ внешняя торговля вновь пришла в движение. 1980-е гг. стали первым десятилетием политики ре-

форм в Китае. С середины 1980-х гг. СССР так же вступил в эпоху реформ. Политика реформ в обеих странах совпала и была взаимосвязана с восстановлением и развитием двухсторонних экономических и политических отношений. Важной составляющей политики реформ и двухсторонних отношений было развитие торгово-экономических отношений на уровне регионов. В силу комплекса причин и факторов политика развития связей между Хэйлунцзяном и Дальним Востоком России была определяющей для развития российско-китайских отношений и показательной в системе внешнеэкономической политики КНР.

В 1980-х гг. в рамках осуществляемых в КНР реформ в экспериментальном порядке была проведена серия мероприятий по расширению прав провинции и низовых структур в сфере внешней торговли. В числе этих мероприятий было проведение политики и осуществление мер поощрения экспорта, в том числе санкционирование создания свободных экономических зон.

Общая либерализация внешней торговли благоприятно сказалась на внешнеторговых связях Хэйлунцзяна. С 1 января 1981 г., когда была ликвидирована государственная монополия на внешнюю торговлю, провинция получила право самостоятельно осуществлять внешнеторговые операции. Период с 1982 по 1987 год вошел в историю, как «стадия восстановления», методом торговли по-прежнему оставался бартерный метод. А торгово-экономические отношения между провинцией Хэйлунцзян и Советским Дальним Востоком имеют важное значение для Китая. Результатом этого стало повышение удельного веса провинции в общем объеме экспорта страны. Соответствующая доля Хэйлунцзяна увеличилась с 0,54% в 1980 г. до 2,3% в 1987 г., что повысило экономический рейтинг провинции с 16-го места до 12-го¹.

¹ Александрова М.В. Внешнеэкономическая деятельность провинции Хэйлунцзян в период реформ (1978-2008 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIV.: сборник статей. Ответственный редактор-составитель Е.И. Сафронова. М.: Изд-во ИДВ РАН, 2009. С. 217-240. [Aleksandrova, M.V. Vneshneekonomicheskaya deyatelnost' provintsii Kheylyuntszyan v period

Торгово-экономические отношения между Дальним Востоком России и провинцией Хэйлунцзян после возобновления российско-китайской торговли

В 1982 г. Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан в докладе XII съезду партии озвучил стратегии развития страны на период до 2000 г.² В этом году парторганизация Государственного планового комитета представила наметки плана 6-й пятилетки КНР и 20-летнего плана экономического развития страны. Планы предлагали к 2000 г. добиться роста объемов промышленной и сельскохозяйственной продукции в четыре раза.

В целях полного использования собственных ресурсов и географического преимущества, выбор провинции Хэйлунцзян и подобных ей внутриконтинентальных приграничных провинций для реализации стратегии «открытости» является необходимостью. Важной движущей силой экономического роста КНР стала стратегия внешнеэкономической открытости. Провинция Хэйлунцзян находится в северо-восточной части Китая, пограничная линия с дальневосточным регионом России составляет 3045 километров, что в свою очередь составляет 70% от общей российско-китайской границы.

Российско-китайские отношения имели большой опыт взаимодействия в Приамурье, прямые двухсторонние отношения существовали здесь с XVII в. Что касается периода истории КНР, руководство провинции Хэйлунцзян получило возможность реализации политики «открытости» только после начала политики «четырёх модернизаций». В январе 1982 г. Госсовет КНР утвердил курс

reform (1978-2008 gg.) (Foreign Economic Activity of Heilongjiang Province in the Period of Reforms (1978-2008)) // Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost' (China in World and Regional Politics. History and Modernity). Iss. XIV. Ed. by Ye.I. Safronova. Moscow: Izd-vo IDV RAN, 2009. Pp. 217-240.]

² Бергер Я.М. XVI съезд КПК и стратегия социально-экономического развития Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2003. №2. [Verger, Ya.M. XVI syezd KPK i strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kitaya (The XVI CPC Congress and the Strategy of China's Social and Economic Development) // Problemy Dal'nego Vostoka, 2003, No. 2.]

на восстановление российско-китайских торгово-экономических отношений на границе в провинции Хэйлунцзян.

Первая советская делегация во главе с генеральным директором «Дальневосточной внешнеторговой компании» Колычевым в Хэйлунцзяне провела 30 марта – 10 апреля 1983 г. переговоры. В Харбине был заключен контракт с «Хэйлунцзянской торговой компанией». В мае 1983 г. провинция Хэйлунцзян официально приступила к товарным поставкам в регионы Сибири и Дальнего Востока Советского Союза³.

Торговля осуществлялась в виде товарообмена с безналичным расчетом, единица расчета была изменена с перевода в рублях на швейцарский франк. Обе стороны утвердили торговые пункты: Суйфэньхэ (торговый порт Суйфэньхэ) и Маньчжурия (торговый порт Маньчжурия) с китайской стороны, с советской стороны – Гродеково и Забайкальск. В 1983 г. в провинции Хэйлунцзян объем торговли с Советским Союзом составил 15,96 млн шв. франков. В 1984 г. в провинции Хэйлунцзян объем торговли с Советским Союзом составил 30,75 млн шв. франков.

В 1984 г. группа экспертов и ученых из Пекина и провинции Хэйлунцзян провела семинар по всестороннему содействию китайско-советскому экономическому и торговому сотрудничеству. Ученые систематически исследовали историю и текущее положение 19 пограничных городов вдоль границы провинции Хэйлунцзян и их торговлю с Советским Союзом. Эксперты и ученые дали конкретные рекомендации ведомствам по расширению открытости вдоль границы с СССР.

12 августа 1984 г., когда только-только возрождалась приграничная торговля между двумя странами, тогда еще захолустную деревушку Хэйхэ посетил генеральный секретарь КПК Ху Яобан. Именно он, как утверждают китайские ученые, в присущей китайским политикам афористичной форме заявил: «На юге – Шэньчжэнь, на севере –

Хэйхэ. Это два крыла, которые помогут [Китаю] лететь»⁴.

В 1985 г. объем импорта и экспорта провинции Хэйлунцзян с Советским Союзом увеличился до 32,56 млн шв. франков, превысив исторический уровень в 25,28 млн шв. франков в 1959 г. В 1986 г. объем импорта и экспорта провинции Хэйлунцзян в Советский Союз – 40,75 млн шв. франков, в 1987 г. составил 50 млн шв. франков. До октября 1988 г. объем товарооборота вырос до 470 млн шв. франков. В первые пять месяцев 1989 г. провинция Хэйлунцзян заключила контрактов с Советским Союзом (импорт и экспорт) на общую сумму в 600 млн шв. франков. Номенклатура экспортных товаров выросла с нескольких десятков до более чем 4 тыс.⁵

Таблица 1

Торговая ситуация в провинции Хэйлунцзян с Советским Союзом (единица: 10 000 швейцарских франков)⁶

годы	1957	1958	1959	1960	1983	1985
Оборот	18	884	2528	1852	1591	3256
Экспорт	9	443	1264	926	773	1662
Импорт	9	443	1264	926	828	1594

Table 1. Trade Situation in Heilongjiang with the Soviet Union (10,000 Swiss francs)

В целях удовлетворения потребностей в развитии торговли между двумя странами, Китай и Советский Союз ускорили строительство пограничных портов. В марте 1985 г. китайская торговая делегация в Москве пришла к согласию с советской

⁴ Провинция Хэйлунцзян: распахнутая дверь в Россию. Режим доступа: <https://scicenter.online/vneshnyaya-politika-scicenter/provintsiya-heyluntszya>

⁵ Kong Jing Wei, Zhou Ling Zhen, Ben Shi Ji 20-80 Nian Dai Zhong Guo Dong Bei Di Qu Dui Su Mao Yi Guan Xi Xue Shu Jiao Liu (Relationships between Northeast China and the Soviet Union in the 1920's and 1980's) // *Academic exchange*, 1990, No. 5, 44 p.

⁶ Hei Long Jiang Sheng Ting Ji Ju. Hei Long Jiang Ju Bian 1949-1989 (Statistical Bureau of Heilongjiang Province, Heilongjiang Has Changed a lot over the Past Forty Years, the period from 1949-1989). Beijing: Chinese Statistical Publishing, 1989.

³ Huang Ding Tian. Zhong E Jiang Mao Yu Wen Hua Jiao Liu Shi Yan Jiu. M.: Ha Er Bin. Hei Long Jiang Ren Min Chu Ban She, 1999.

стороной возобновить торговлю из порта Тунцзян на Амуре. 18 марта 1986 г. Государственный совет КНР официально одобрил открытие порта Тунцзян в провинции Хэйлунцзян. В том же году правительства Китая и Советского Союза утвердили четыре пункта пересечения границы: Суйфэньхэ – Гродеково, Хэйхэ – Благовещенск, Тунцзян – Нижне-Ленинское, Маньчжурия – Забайкальск. Приоритетной эта торговля стала для Хэйлунцзяна на все десятилетие. В контексте реализации этой стратегии и тактики взаимодействия с Россией провинция Хэйлунцзян смогла максимально использовать выгоды своего географического положения. До 1986 г. провинция имела единственный пункт, открытый для связей с внешним миром – Суйфэньхэ. В мае 1986 г. официально был открыт для иностранных судов порт Тунцзян на р. Сунгари, осенью 1988 г. – г. Хэйхэ. К концу 1990-х годов в провинции официально было утверждено 25 пунктов пропуска⁷. Основу экспорта из СССР в Хэйлунцзян, около 80%, составляли производственные материалы и сырье. Китайская сторона в пограничной торговле вывозила в основном изделия легкой промышленности⁸.

В период с 1987 по 1990 гг. было подписано и реализовано 238 контрактов в области экономического, технического и трудового сотрудничества на общую сумму 1,3 млрд долл., а объем рабочей силы, направленной в Советский Союз составлял 150000 человек.

Период с 1988 по 1990 гг. вошел в историю как период быстрого роста приграничной торговли между Хэйлунцзяном и Советским Союзом. Структура импорта и экспорта товаров претерпела значительные изменения, в результате чего доля экспортных продуктов первичной обработки

сокращалась с каждым годом, а доля промышленных товаров значительно возросла. Наиболее ощутимый рост наблюдался в легкой промышленности. В период с 1988 по 1990 гг. развивалось экономическое и технологическое сотрудничество, а также сотрудничество в сфере труда.

19 апреля 1988 г. появилось специальное постановление Госсовета КНР (Го Фа №61) под названием «Уведомление по некоторым вопросам расширения приграничной торговли и технико-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с СССР», предоставившее различные льготы участникам приграничной торговли в Хэйлунцзяне⁹.

В мае 1988 года 67 специалистов по сельскому хозяйству из Суйфэньхэ, Дуннина и Хулина прибыли в Приморский край Советского союза в целях взятия подряда в фермерском хозяйстве Пановск. Впоследствии в таких местах, как советский Владивосток и Хабаровск, от китайских фермеров требовалось строительства производственных овощных баз. В ноябре 1988 г., в целях расширения экспорта рабочей силы в провинции Хэйлунцзян было создано специализированное учреждение – Международная корпорация по сотрудничеству в сфере труда, с головным офисом в провинции Хэйлунцзян.

В июне 1988 г. в провинции Хэйлунцзян в целях совершения прорыва в приграничной торговле было решено создать три экспериментальные зоны – в городах Хэйхэ, Суйфэньхэ и Тунцзян. 8 апреля 1989 г. Государственный совет своим письмом (№25) утвердил открыть шесть торговых приграничных портов: Мохэ, Хулинь, Мишань, Жаохэ, Лобэй и Цзяинь. 25 октября 1988 г. город Суйфэньхэ и советское потребительское общество села Пограничное, путем объединения капиталов учредили центр широкоформатной цветной печати. Данный центр является первым китайско-советским совместным предприятием.

17 декабря того же года Госсовет КНР одобрил открытие портов Сюнькэ и Дуннин в провинции Хэйлунцзян. Увеличение числа пунктов пропуска способствовало развитию

⁷ Meng Fan Ce. Zhong E Hei Long Jiang Bian Jing Mao Yi Li Shi HUI Gu Yu Zhan Wang // Zhong Guo Bian Jiang Shi Di Yan Jiu (Historical Overview and Perspectives of the Heilongjiang Chinese-Russian Border Trade) // Study of the History and Geography of the Border Regions of China Research and Communication Issue, 1996, No. 1, 109 p.

⁸ Ibid.

⁹ Mode of access: http://www.gov.cn/zhengce/content/2012-02/27/content_5150.htm

экономических и торговых связей между провинцией Хэйлунцзян и Дальним Востоком Советского Союза.

Структура импорта и экспорта товаров претерпела значительные изменения, в результате чего доля экспортных продуктов первичной обработки сокращалась с каждым годом, а доля промышленных товаров значительно возросла. Наиболее ощутимый рост наблюдался в легкой промышленности. Провинция Хэйлунцзян представляла многообещающее будущее для научно-технического сотрудничества с Советским Союзом. В мае 1988 года 67 специалистов сельского хозяйства из Суйфэнхэ, Дуннина и Хулина прибыли в Приморский край Советского Союза в целях взятия подряда в фермерском хозяйстве. 14 сентября 1988 г. представители Китая и Советского Союза подписали соглашение о научно-техническом сотрудничестве между китайской провинцией Хэйлунцзян и Сибирью и Дальним Востоком Советского Союза в Харбине, целью которого является содействие долгосрочному научно-техническому сотрудничеству между двумя регионами и содействие в решении проблемы¹⁰. В рамках этого проекта китайская сторона предоставила оборудование, технологии, материалы и персонал, а советская сторона предоставила помещения для совместного развития приграничной торговли на принципах равенства и взаимной выгоды. Совместная работа провинции Хэйлунцзян и Советского Союза в научно-технической области имеет большие перспективы развития. 9 сентября 1989 года, в Харбине представителями Китая и Советского союза было подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве между китайской провинцией Хэйлунцзян и советской Сибирью, Дальним Востоком. Целью данного соглашения являлось двустороннее содействие долгосрочному научно-техническому сотрудничеству, а также содействие решению проблем в процессе сотрудничества.

¹⁰ Sun Kui, He Long Jiang Sheng Tong Su Lian Bian Jing Mao Yi De Hui Gu Yu Zhan Wang (Retrospectives and a Review of Border Trade between Heilongjiang Province and the Soviet Union, Border Trade) // *Journal of international Trade*, 1990, No. 1, 59 p.

В целях усиления контроля и руководства над пограничной торговлей, а также реорганизации провинциальных компаний, занимающихся приграничной торговлей, и дальнейшей стандартизации правил в торговой деятельности, в 1988 г. в провинции Хэйлунцзян было создано Пограничное торгово-экономическое управление, в результате уже в 1989 г. число зарубежных партнеров провинции по приграничной торговле увеличилось со 160 до 632, число статей внешней торговли перевалило за 3 тыс.

С 1988 по 1990 гг. общий объем импорта и экспорта портов Хэйхэ, Суйфэнхэ и Тунцзян составлял 1513 млрд шв. франков, что составляло 27,2% от общего объема импорта и экспорта в провинции. Через эти пункты в СССР выехало 23 403 трудовых эмигрантов, что составляло 90% от общего объема экспорта рабочей силы в провинции¹¹.

В начале 1990 г. обе стороны подписали серию соглашений о кооперативном строительстве. Внешнеторговая компания Хэйлунцзянского торгово-экономического центра с Тюменской торгово-экономической делегацией Советского Союза подписали соглашения о строительстве завода по производству безалкогольных напитков, пивоваренного завода и овощеконсервного завода. Внешнеторговая корпорация «Городское предприятие городского округа Хэйлунцзян» и делегация экономического и технического сотрудничества Советского Союза в г. Лесозаводске Приморского края достигли соглашения о строительстве на советской территории кирпичного завода с годовым объемом производства 400 тыс. единиц красного кирпича. Хэйлунцзянская международная трастовая и инвестиционная корпорация и экономическая и торговая делегация из Читы достигли соглашения по проекту по созданию завода по производству пылесосов в Чите и производства по пошиву высококачественной одежды¹².

¹¹ Hei Long Jiang Jing Ji Fa Zhan Wu Shi Nian Bian Wei Hui. – Ha Er Bin. Hei Lonf jiang Ren Min Chu Ban She (Heilongjiang Economic Development 50 Years). Harbin: Heilongjiang People's Publishing House, 1999. 35 p.

¹² Sun Kui, He Long Jiang Sheng Tong Su Lian Bian Jing Mao Yi De Hui Gu Yu Zhan Wang

Начиная с 1990 г. провинция Хэйлуцзян проводит политику «оптимизации управления» торгово-экономическими отношениями с Советским Союзом. Управление приграничной торговлей провинции Хэйлуцзян разработало свод правил и положений, в том числе: обучение кадров, комплексное управление иностранными проектами, управление финансами, перевозками и др. Управление приграничной торговли провинции Хэйлуцзян обратило внимание на повышение качества персонала, а также были разработаны для сотрудников: «Ориентационная программа для профильных работников логистической сферы», «Учебные курсы по технико-экономическому сотрудничеству с Советским Союзом», «Учебные курсы для кадров по управлению трудовыми ресурсами», «Учебные курсы для статистиков». Около 820 человек прошли через данные учебные курсы¹³.

Импорт Хэйлуцзяна в приграничной торговле с Советским Союзом представлял собой, главным образом, производственные материалы и сырье, включая древесину, цемент, удобрения, кальцинированную соду, стекло и некоторые рыночные материалы. На экспорт из Хэйлуцзяна шли зерно и растительное масло, рубленое мясо, консервы, овощи, алкоголь, предметы для любительской рыбной ловли, трикотаж, швейные изделия, термосы, фарфор, красители и т.д.

В мае 1989 г. отношения между двумя странами были объявлены нормализованными, а экономические и торговые отношения между двумя странами получили дальнейшее развитие.

(Retrospectives and a Review of Border Trade between Heilongjiang Province and the Soviet Union, Border Trade) // *Journal of international Trade*, 1990, No. 1, 59 p.

¹³ Meng Fan Ce. Zhong E Hei Long Jiang Bian Jing Mao Yi Li Shi HUi Gu Yu Zhan Wang // *Zhong Guo Bian Jiang Shi Di Yan Jiu* (Historical Overview and Perspectives of the Heilongjiang Chinese-Russian Border Trade) // *Study of the History and Geography of the Border Regions of China Research and Communication Issue*, 1996, No. 1, 109 p.

Таблица 2

Торговая ситуация в провинции Хэйлуцзян с Советским Союзом (единица: 10 000 швейцарских франков)¹⁴

годы	1983	1985	1986	1987	1988	1989
Оборот	1591	3256	1446	2326	9529	23461.3
Экспорт	773	1662	812	1194	4335	11443.1
Импорт	828	1594	634	1132	5194	12018.2

Table 2. Trade Situation in Heilongjiang with the Soviet Union (10,000 Swiss francs)

На завершающем этапе существования СССР наблюдался ускоренный рост приграничной торговли. В 1990 г. объем товарооборота составил 720 млн шв. франков, увеличившись на 21% по сравнению с предыдущим годом. В 1991 г. Госсовет КНР издал «Уведомление об активном развитии приграничной торговли и сотрудничества, стимулировании стабильного взгляда на процветание границ» (Го Фа №21)¹⁵. Уведомление определяло способы и формы ведения этого вида внешнеэкономической деятельности, механизмы и условия освобождения ее участников от таможенных пошлин. Благодаря этой политике число организаций, получивших разрешение на занятие этим видом деятельности в провинции Хэйлуцзян достигло 8 тыс., а компаний, специализировавшихся на приграничной торговле, насчитывалось 600-700. Уже в 1991 г. приграничная торговля провинции выросла на 47,8%¹⁶.

В начале 80-х годов XX в. сотрудничество Китая и Советского Союза перешло в противостояние и конфронтацию. В марте 1983 г., с целью преодоления всех конфликтов и установления нормальных межгосударственных отношений, правительствами

¹⁴ Liu Jie Feng. Hei Long Jiang Dui Wai Bian Jing Ji Mao Yi Nian Jian. 1987/1988/1989/1990/1991/1992 Nian (Heilongjiang Province Annual Economic and Trade Yearbook, 1987/1988/1989/1990/1991/1992), Heilongjiang People's Publishing House, 2002. Pp. 35-56.

¹⁵ Mode of access: http://www.gov.cn/zhengce/content/2010-12/23/content_4990.htm

¹⁶ Провинция Хэйлуцзян: распахнутая дверь в Россию. Режим доступа: <https://scicenter.online/vneshnyaya-politika-scicenter/provintsiya-heylyuntszya>

двух стран было принято решение о нормализации отношений. В свою очередь данный политический климат положительно отразился на торгово-экономических отношениях. В 1982 г. провинция Хэйлунцзян возобновила приграничную торговлю с Сибирью и Дальним Востоком. В 1983 г. объем торговли составил 15,906 млн шв. франков. После этого с каждым годом увеличивался. В 1988 г. объем товарооборота достиг 196 млн шв. франков. При поддержке политики двух стран, различия в экономических структурах позволили ускорить строительство морских портов. Бартерная торговля, экспорт рабочей силы, сотрудничество в сфере туризма, сельского хозяйства, науки и техники и в других областях продолжают развиваться, а объем торговли увеличивается с каждым годом. В период с 1982 по 1988 гг. общий объем приграничной торговли в провинции составлял всего 332 млн шв. франков, а в 1989 г. он достиг 150 млн шв. франков. В 80-х годах XX в. объем торговли между провинцией Хэйлунцзян и Дальним Востоком России увеличился и достиг высокого уровня.

Торгово-экономические отношения между Дальним Востоком России и провинцией Хэйлунцзян после распада Советского Союза

Максимальный расцвет приграничной торговли пришелся на 1991-1993 гг. В 1991 г. Советский Союз распался, российское руководство отказалось от плановой социалистической модели экономики. 16 ноября 1991 г. президент Ельцин подписал указ «О либерализации внешнеэкономической деятельности в РСФСР», отменив монопольную систему государства во внешней торговле. Все предприятия, зарегистрированные в России, получили возможность осуществлять внешнеэкономическую деятельность.

Дальний Восток, как и другие части бывшего Советского Союза, прошел этап всесторонних реформ и преобразований. С одной стороны, он избавился от состояния закрытости, хоть и являлся важнейшим узлом национальной обороны. Несмотря на то, что на Дальнем Востоке проявля-

лись признаки открытости в конце 1980-х гг., упадок советской эпохи и радикальные реформы в первые годы независимости России сделали Дальний Восток полностью открытым для всего мира. С другой стороны, в период плановой экономики 90% финансовых средств на Дальнем Востоке приходилось на финансовые ассигнования государства, а после реформы данные ассигнации снизились до уровня, ниже чем 20%. Из-за отсутствия государственных инвестиций и сформировавшегося в советский период дисбаланса в региональной экономической системе именно внешняя торговля стала надежной опорой в строительстве экономики на Дальнем Востоке в 1990-е гг. Китай в это время становится крупнейшим торговым партнером Дальнего Востока России.

В 1990-е гг. Китай расширяет политику открытости. Переход КНР в 1992 г. к строительству «рыночной экономики с китайской спецификой» и наращиванию экспортного производства сопровождалось резким ускорением темпов роста экономики, преимущественно ориентированной на экспорт¹⁷.

В марте 1992 г. города Хэйхэ и Суйфэньхэ в провинции Хэйлунцзян были утверждены как открытые города за пределами границы. К середине 90-х годов в нем находились представительства около 720 компаний из всех провинций Китая, а в общей сложности – 1260 торгово-экономических компаний. В 1992 году Госсовет КНР выпустил «Уведомление о дальнейшем активном развитии экономических и торговых отношений со странами бывшего Советского Союза» (Го Фа [1992] №33), в котором была определена более льготная политика в области приграничной торговли. Это позволяло пограничной торговле в провинции Хэйлунцзян достичь самых высоких результатов за 10 лет. Объем бартерной торговли провинции со странами СНГ и Восточной Европы в 1992 г. достиг 1 млрд долларов США, что было почти в два раза больше по сравнению

¹⁷ Авдокушин Е.Ф. Международные экономические отношения. М.: Экономист, 2009. С. 267. [Avdokushin, Ye.F. Mezhdunarodnyye ekonomicheskiye otnosheniya (International Economic Relations). Moscow: Ekonomist, 2009. P. 267.]

с 1991 г. В 1993 г. объем бартерной торговли в провинции составил 2,02 млрд долларов США, увеличившись в два раза по сравнению с 1992 г., что составляло около трети от общего объема бартерной торговли страны с бывшим Советским Союзом. Хэйлунцзян занимал первое место в стране по этому показателю¹⁸.

К концу 1992 г. в провинции Хэйлунцзян было 18 открытых пограничных пунктов (портов) с годовым грузооборотом более 3 млн тонн и пассажиропотоком 1,5 млн человек. Число компаний с правами на внешнее управление возросло почти до 100. В 1993 г. объем приграничной торговли Хэйлунцзяна с Россией увеличился до 2,09 млрд дол. (2/3 приграничной торговли Китая с Россией и 27% общего объема их взаимной торговли) 27 января 1994 г. в Пекине, вице-премьер и министр иностранных дел Цянь Цичэнь подписал с министром иностранных дел России Козыревым «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о пунктах пропуска на российско-китайской государственной границе»¹⁹. Из 21 пограничных портов на русско-китайской границе – 15 (включая 11 международных пассажирских и грузовых портов и 4 двусторонних пассажирских и грузовых порта) были на границе с провинцией Хэйлунцзян.

Осенью 1994 г. председатель КНР Цзянь Цзэминь совершил визит в Россию, полно-

стью подтвердив важность развития двусторонних экономических торговлей. Он предложил встретиться и укрепить дружеские и добрососедские отношения, взаимное доверие и сотрудничество в приграничных районах. Предложил строить границу мира, спокойствия и развития. Президент России Ельцин выразил полное согласие и поддержку данной позиции.

Со второй половины 1993 г. правительство Китая ввело макроэкономическое регулирование и контроль, и спрос на российское промышленное сырье, машины и оборудование снизился. Сокращение российской приграничной торговли было временным явлением, необходимым этапом для перехода торгово-экономического сотрудничества к современному стандартному международному торговле.

В 1993 г. реформа внешней торговли и экономической системы России вступила в фазу перестройки. С 1991 г. до середины 1992 г. Россия трижды снижала ставку экспортных тарифов и либерализовала внешнеэкономическую деятельность. Эти реформы способствовали экономическому развитию России, тем самым подталкивая к дешёвому экспорту большого количества российского сырья за границу. Поэтом с конца 1992 г. российское правительство изменило ситуацию, начала взимать импортные пошлины и постоянно повышать ставку налога на импорт и экспорт. В 1993 г. Россия начала вводить лимиты во внешней торговле, систему лицензирования импортных и экспортных товаров. Влияние этих мер на экономику Дальнего Востока в 1993 г., было очевидным. Например, рыболовство всегда было одной из основных отраслей Дальнего Востока России, ориентированных на экспорт продуктов. Промышленность региона в тот период не могла самостоятельно перерабатывать рыбные продукты, а экспорт сырья был ограничен. Китай не успел ответить на эти изменения во внешнеторговой политике, что привело к резкому сокращению объема импорта провинции Хэйлунцзян с Дальнего Востока в 1994 г., падению на 29,3%. С этим отчасти было связано и небольшое сокра-

¹⁸ Li Run Ming, Hei Long Jiang Sheng Fui E Jing Mao Liu Shi Nian Bian Qian, Hei Long Jiang Dui Wai Jing Mao (Changes in Economic Trade with Russia in Heilongjiang for 60 years) // *Foreign Trade of Heilongjiang*, 2010, No. 3, p. 27.

¹⁹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о пунктах пропуска на российско-китайской государственной границе (Пекин, 27 января 1994 г.) (с изменениями и дополнениями). [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on checkpoints at the Russian-Chinese state border (Beijing, January 27, 1994) (with amendments and additions)]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/2560027/>

щение экспорта в Россию – на 3%. Таким образом, общий объем товарооборота снизился на 34%²⁰.

С 1994 г. китайское правительство начало проводить всестороннюю реформу системы внешней торговли, сутью которой было введение единого валютного курса. Во внешней торговле началось использование таких инструментов экономического регулирования, как цена, валютный курс, процентная ставка, возвратная пошлина, экспортный кредит. В то же время, последовательно выдвигались ряд новых стратегий: «достижение высшего качества», «диверсификация рынка», «развитие большой торговли», «поощрение развития синтеза торговли, науки и техники». Несмотря на проводимые макроэкономические преобразования, экономика Китая испытала на себе влияние азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг.: произошло снижение темпов роста внешней торговли. Так, в 1999 г. объем экспортно-импортных операций Хэйлунцзяна составил 2,19 млрд долл., что было на 9% выше, чем в 1998 г., но на 9,9% ниже, чем в 1994 г.²¹

По данным Департамента статистики провинции Хэйлунцзян, в десятилетие 1992-

2002 гг. приграничная торговля провинции Хэйлунцзян с Россией была в целом благоприятной. Хотя были проблемы, но тенденция была восходящей. В 1992 г. объем двусторонней торговли удвоился по сравнению с предыдущим годом до 2,34 млрд шв. франков. Со второй половины 1993 г. правительство Китая ввело макроэкономическое регулирование и макро-контроль, тем самым снизив спрос на российское промышленное сырье, машины и оборудование. Китайские и российские предприниматели признают, что спад российской приграничной торговли является временным явлением, которое является необходимым этапом для перехода между двумя сторонами от нестандартного к эталонному.

В 1993 г. объем торговли достиг рекордного уровня в 3,02 млн шв. франков (около 2 млрд долларов США), что эквивалентно одной трети объема бартерной торговли страны со странами СНГ, занимая первое место по объему торговли между провинциями и автономными регионами, которые занимаются внешней торговлей с Россией, и на их долю приходится 69% от общего объема внешней торговли провинции Хэйлунцзян.

С 1994 г. начался упадок приграничной торговли провинции Хэйлунцзян с Россией. Согласно статистике пограничного управления экономики и торговли провинции Хэйлунцзян, объем экспорта в Россию в 1994 г. составил 1,61 млрд долларов США, что на 17,4% меньше, чем в 1993 г. В 1995 г. фактический объем импорта и экспорта составил 1,53 млрд долларов США, что на 9% меньше, чем в предыдущем году. Причиной этой тенденции к снижению является то, что к 1994 г. экономическая ситуация и рыночный спрос Китая и России претерпели серьезные изменения. С учетом конкретных исторических условий скорейшего восстановления приграничной торговли высокая разница в ценах на сырьевые товары, обусловленная различиями в экономической структуре между двумя странами. Со второй половины 1993 г. правительство Китая внедрило макроэкономическое регулирование и контроль в экономике, и спрос на российское промышленное сырье, машины и оборудо-

²⁰ Yang Xin Mo. Gai Ge Kai Fang Yi Lai Hei Long Jiang Sheng Yu E Luo Si Yuan Dong Di Qu Bian Jing Mao Yi De Gui Gu Yu Jie Xi // Jing Ji Yan Jiu Dao Bao (Review and Analysis of Economic and Trade Relations between the Heilongjiang Province and the Russian Far East since the Reform and Preparation of a Manual on Economics and Trade) // *Economic Research Guide*, 2012, No. 4, pp. 172-176.

²¹ Александрова М.В. Внешнеэкономическая деятельность провинции Хэйлунцзян в период реформ (1978-2008 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIV.: сборник статей. Ответственный редактор-составитель Е.И. Сафронова. М.: Изд-во ИДВ РАН, 2009. С. 219. [Aleksandrova, M.V. Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' provintsii Kheyluntszyan v period reform (1978-2008 gg.) (Foreign Economic Activity of Heilongjiang Province in the Period of Reforms (1978–2008)) // *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost' (China in World and Regional Politics. History and Modernity)*. Iss. XIV. Ed. by Ye.I. Safronova. Moscow: Izd-vo IDV RAN, 2009. Pp. 219.]

вание снизился. Китайские и российские предприниматели осознали, что упадок российской приграничной торговли является временным явлением, и это необходимый этап для перехода торгово-экономического сотрудничества между двумя сторонами от нестандартного к стандартному.

В 1996 г. из-за истечения срока действия Правительственного указа (1992 г. №33) и отмены льготной политики в отношении товарообмена (с безналичным расчётом). В очередной раз была проведена кардинальная «чистка» участников приграничной торговли – с 3 тыс. до 100 (но через год их число вновь выросло в несколько раз – до 577)²². Общий объем товарооборота снизился до 400 млн долларов. В целях обеспечения и содействия здоровому и стабильному развитию внешнеторговых и экономических отношений в приграничных районах Государственный совет КНР издал «Уведомление по вопросам, связанных с приграничной торговлей». С 1 апреля были возвращены льготы для мелкооптовой приграничной торговли, тем самым поспособствовал ее дальнейшему развитию.

В 1996 г. общий объем приграничной торговли в провинции Хэйлунцзян достиг 650 млн долларов, что немного увеличилось на 2,4% по сравнению с 1995 г.²³

В соответствии с духом документа правительство провинции Хэйлунцзян немедленно приняло эффективные меры по исправлению порядка приграничной торговли. В связи с чрезмерным использованием агентств, занимающихся приграничной торговлей с Россией, пограничное управление экономики и торговли провинции Хэйлунцзян проверило все доверенные агентства, отменило лицензии большого числа нена-

дежных доверенных агентств, и улучшило доверие к пограничной торговой компании. Ввиду того, что падение объемов торговли отчасти было связано с качеством товаров, правительство провинции Хэйлунцзян создало строгую систему таможенного контроля, которая препятствовало созданию контрафакта и его вывоза за пределы страны.

Серьезное внимание было обращено провинцией Хэйлунцзян на качество товаров, предлагаемых для экспорта в Россию. Китайские власти сделали акцент на создание ориентированных на российский рынок баз оптовой торговли в открытых городах провинции и на территории России. За 10 месяцев 1997 г. объем торговли на приграничных рынках Хэйлунцзяна достиг 250 млн долл. (рост на 50% по сравнению с 1996 г.) Приграничный рынок на острове Дахэйхэ посетили свыше 9 тыс. групп из России, в торговле с обеих сторон принимали участие более 1 млн чел. За 11 месяцев 1997 г. объем торговли приграничного населения на этом рынке превысил 50 млн долл. (470 млн. юаней), тогда как за весь 1996 г. составил 260 млн²⁴. 9 ноября 1997 г. президент Б. Ельцин совершил третий государственный визит в Китай. Лидеры двух стран согласились с тем, что совместными усилиями была создана правовая основа для взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и Россией в области экономики, торговли, инвестиций, науки и техники и гуманитарных наук. С целью полной демонстрации того, что Китай и Россия придают большое значение отношениям между двумя странами, 11 ноября президент Б. Ельцин совершил однодневный визит в административный центр провинции Хэйлунцзян. В Харбине президент Б. Ельцин совместно с губернаторами Амурской и Читинской областей провел встречу с главами трех северо-восточных провинций Китая и Автономного района Внутренней Монголии. Основной темой переговоров был вопрос о развитии приграничной торговли. Визит президента Б. Ельцина в Харбин свидетельствует

²² Провинция Хэйлунцзян: Распахнутая дверь в Россию. Режим доступа: <https://scicenter.online/vneshnyaya-politika-scicenter/provintsiya-heyluntszyan-raspahnutaya-dver-37130.html>

²³ Li Run Ming, Hei Long Jiang Sheng Fui E Jing Mao Liu Shi Nian Bian Qian, Hei Long Jiang Dui Wai Jing Mao (Li Runmin, ekonomicheskkiye i trgovyye izmeneniya v provintsii Kheyhluntszyan v Rossii za 60 let (Changes in Economic Trade with Russia in Heilongjiang for 60 Years) // *Foreign Trade of Heilongjiang*, 2010, No. 3, p. 26.

²⁴ Провинция Хэйлунцзян: Распахнутая дверь в Россию. Режим доступа: <https://scicenter.online/vneshnyaya-politika-scicenter/provintsiya-heyluntszyan-raspahnutaya-dver-37130.html>

от том, что экономические и торговые отношения между провинцией Хэйлунцзян и Россией играют очень важную роль во всех китайско-российских отношениях.

Визит президента Ельцина создал условия для эффективного решения некоторых важных вопросов экономического и торгового сотрудничества между двумя странами. Стоит отметить, что этот предопределил созыв правительством провинции Хэйлунцзян в декабре 1997 г. «Областной рабочей конференции по торгово-экономическим отношениям с Россией»²⁵. Эта конференция эффективно способствовала развитию экономических и торговых отношений провинции Хэйлунцзян с Россией в 1998 г. Объем приграничной торговли Хэйлунцзяна с Россией в 1997 г. удалось довести до 1 млрд долл., что позволило специалистам считать этот год началом нового этапа приграничной торговли, этапа упорядочения и подъема. Доля бартера в экономических связях Хэйлунцзяна с Россией упала до 63%, а Харбина – до 20,2%.

В начале 1998 г. в провинции Хэйлунцзян были утверждены новые правила управления районами приграничного экономического сотрудничества, которые дают приоритет в развитии двум зонам экономического сотрудничества, показавшим себя как наиболее жизнеспособные и эффективные: Хэйхэ и Суйфэнхэ. 1 июня и 17 июня 1998 г. были учреждены зоны обработки для экспорта в Россию. Первая специально нацелена на производство новых видов продукции для российского рынка. Перед второй поставлена задача технико-экономического сотрудничества с Россией. Одним из главных направлений политики провинции Хэйлунцзян в последний период стало расширение опыта и практики создания произ-

водственных центров в Китае и товарных рынков в России, перерабатывающих предприятий и баз по производству овощей и фруктов, ориентированных на Россию.

17 февраля 1998 г. правительства России и КНР заключили «Соглашение об упрощенном пропуске российских и китайских граждан в торговые комплексы, действующие в районе российско-китайской государственной границы»²⁶. Соглашение, вступившее в силу 2 июня 1999 г., предусматривало практику упрощенного пропуска граждан Российской Федерации, транспортных средств и товаров, следующих в торговые комплексы, Пропуск осуществлялся по действительным проездным документам и в соответствии с положениями, предусмотренными законодательством Российской Федерации и Китайской Народной Республики в области пограничного и таможенного контроля, через действующие на российско-китайской государственной границе пункты пропуска Благовещенск²⁷.

До августа 1998 г. приграничная торговля стабильно развивалась. За 9 месяцев того года ее объем составил 897 млн долл. (75% от плана на этот год и на 29,8% больше соответствующего уровня прошлого года. В течение января – сентября 1998 г. провинцией Хэйлунцзян было подписано с Россией 133 протокола о технико-экономическом сотрудничестве на сумму в 50,2 млн долл. (прирост на 69,72%)²⁸.

За десять лет полномасштабной реализации стратегического развития приграничных районов, из малодоступной отсталой приграничной провинции, Хэйлунцзян

²⁵ Сютин Ц., Суслов Д.В. Состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества между Северо-востоком Китая и Россией // *Власть и управление на Востоке России*. 2017. №2(79). С. 48. [Syutin, Ts., Suslov, D.V. Sostoyaniye i perspektivy torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva mezhd Severo-vostokom Kitayem i Rossiiyey (State and Prospects of Trade and Economic Cooperation between Northeast China and Russia) // *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii*, 2017, No. 2, p. 48.]

²⁶ Mode of access: <http://www.chinanews.com/2000-07-17/26/38013.htm>

²⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о распространении практики упрощенного пропуска граждан Российской Федерации в торговые комплексы в г.г. Хэйхэ и Суйфэнхэ, действующие по китайскую сторону российско-китайской границы, в форме обмена нотами от 2 июня 1999 г. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901748481>

²⁸ Режим доступа: <https://scicenter.online/vneshnyaya-politika-scicenter/provintsiya-heyhluntszyan-raspahnutaya-dver-37130.html>

превратилась в динамичную, быстро расширяющуюся территорию. Это явилось доказательством того, что стратегия развития приграничных районов провинции Хэйлунцзян, с ее географическим преимуществом и богатыми природными ресурсами, была реализована.

После того, как экономика Китая прошла этапы урегулирования, национальная экономика вступила в новый этап развития. Этот период был самым благоприятным в истории развития отношений между Китаем и Россией. С 1999 г. комплекс благоприятных факторов способствовал постепенному восстановлению китайско-российских приграничных торгово-экономических отношений. После падения в 1998 г. товарооборот провинции Хэйлунцзян с Россией возобновился до 920 млн долл. США в 1999 г., что на 37,3% больше по сравнению с тем же периодом прошлого года. В последующем наблюдался устойчивый рост товарооборота из года в год²⁹ В 2000 г. объем торговли провинции Хэйлунцзян с Россией увеличился на 49% по сравнению с предыдущим годом.

Провинция Хэйлунцзян смогла воспользоваться благоприятными условиями и выгодной экономической конъюнктурой для полезного и для себя, и для всего Китая расширения связей с соседними российскими территориями и проникновения на российский рынок, но эти же естественные преимущества.

Бросая ретроспективный взгляд на 1990-е гг., отчетливо наблюдаются успехи, достигнутые провинцией Хэйлунцзян в течение 10 лет полномасштабной реализации стратегии «открытости» на территории приграничных районов. Тенденция роста приграничной торговли между провинцией Хэйлунцзян и Дальним Востоком России в начале 1990-х гг. сохранялась до 1993 г. Однако в 1994 г. произошел резкий спад приграничной торговли. Спад в российско-китайских торгово-экономических отноше-

ниях был вызван как корректировкой российской политики в отношении с Китаем, так и изменениями в китайской внешнеэкономической политике. После сокращения приграничного товарооборота в 1994-1995 гг. рыночный механизм приграничной торговли начал приспосабливаться к новым условиям рынка. Таким образом, торговый туризм все больше стимулировал увеличение объема приграничного товарооборота, тем самым способствуя его быстрому восстановлению. Несмотря на проводимые макроэкономические преобразования, экономика Китая испытала на себе влияние азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг.: произошло снижение темпов роста внешней торговли. Так, в 1999 г. объем экспортно-импортных операций Хэйлунцзяна составил 2,19 млрд долл., что было на 9 % выше, чем в 1998 г., но на 9,9% ниже, чем в 1994 г.³⁰ Период с 1994 по 1999 гг. вошел в историю как «этап корректировки отношений» между Китаем и Россией. Однако, из-за нестабильности российской экономики объем торговли между провинцией Хэйлунцзян и Россией сократился. Годовой объем товарооборота на тот момент колебался в районе от 670 до 920 млн долл. За последние 6 лет (с 1994 по 1999 гг.) общий объем торговли составил 4,69 млрд долл.

Заключение

В начале основания Нового Китая советско-китайские отношения переживали расцвет, успешно развивалась и торговля. В начале 1960-х гг. китайско-советские отно-

³⁰ Александрова М.В. Внешнеэкономическая деятельность провинции Хэйлунцзян в период реформ (1978-2008 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIV.: сборник статей. Ответственный редактор-составитель Е.И. Сафронова. М.: Изд-во ИДВ РАН, 2009. С. 219. [Aleksandrova, M.V. Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' provintsii Kheyluntszyan v period reform (1978-2008 gg.) (Foreign Economic Activity of Heilongjiang Province in the Period of Reforms (1978-2008)) // Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost' (China in World and Regional Politics. History and Modernity). Iss. XIV. Ed. by Ye.I. Safronova. Moscow: Izd-vo IDV RAN, 2009. P. 219.]

²⁹ Li Run Ming. Hei Long Jiang Sheng Fui E Jing Mao Liu Shi Nian Bian Qian, Hei Long Jiang Dui Wai Jing Mao (Changes in Economic Trade with Russia in Heilongjiang for 60 Years) // *Foreign Trade of Heilongjiang*, 2010, No. 3, p. 26.

шения были прекращены, а торговля с Россией пришла к своему резкому спаду.

В период до 80-х гг. XX в. советско-китайские отношения находились в нестабильном состоянии. Провинция Хэйлунцзян и все приграничные города переживали период «высокой чувствительности» в районах военного и пограничного противостояния. Люди в вопросе «отношения между двумя странами» были озабочены проблемами границ, из-за чего вопросы торговли отходили на второй план. Возобновление торговых отношений между двумя странами и новые правила рыночных отношений были утверждены правительствами обеих сторон. Провинция Хэйлунцзян и Дальний Восток Советского Союза были относительно отсталыми территориями. Главной причиной плохой экономической структуры являлся фактор сосредоточенного развития военной промышленности, в то время как легкая промышленность и сельское хозяйство являлись относительно отсталыми. Продукты легкой промышленности, фрукты и овощи должны поставляться из других регионов. Советский Союз нуждался в потребительских товарах и продуктах легкой промышленности, которые могли поставляться из Китая.

В 80-х гг. XX в. отношения между двумя странами были восстановлены, а торговля возобновилась. Ускоренное развитие богатых ресурсами восточных регионов, помогло не только сбалансировать распределение производительных сил Советского Союза, но и сделало этот регион экспортной базой, а также поспособствовало поддержанию открытости Советского Союза. Препятствовали успешному развитию восточных территорий такие трудности, как нехватка технологий, инвестиций, рабочей силы и продовольствия, что объективно требовало развития экономических и торговых отношений с соседними странами. Таким образом, Советский Союз ускоряет развитие и продолжает проводить политику открытости на Дальнем Востоке, что в свою очередь является хорошей возможностью для Китая развивать китайско-советские экономические и торговые отношения, а также расширять возможности экономического сотруд-

ничества. В 1980-х гг. китайско-российские отношения постепенно нормализовались, в связи с тем Китай начал активное продвижение политики открытости прибрежных и приграничных районов. Самый пик приграничной торговли в провинции Хэйлунцзян пришелся на период с 1989 по 1993 гг.

В 1990-х гг. торговля быстро развивалась, двухсторонние отношения достигли своего лучшего исторического уровня, а китайско-российская торговля показала пример успешного развития. Рост товарооборота в приграничной торговле между провинцией Хэйлунцзян и Дальним Востоком России сохранялся до 1993 г. Однако в 1994 г. произошел резкий спад приграничной торговли. В 1994-1995 гг. рыночный механизм приграничной торговли начал приспособляться к новым условиям рынка. Период с 1994 по 1999 г. вошел в историю как «этап корректировки отношений» между Китаем и Россией. В 1999 г. объем экспортно-импортных операций Хэйлунцзяна составил 2,19 млрд долл., что было на 9% выше, чем в 1998 г., но на 9,9% ниже, чем в 1994 г.³¹. Это период оказался очень важным, так как после этого начался стабильный рост объемов торговли. Таким образом, на рубеже XX и XXI в. начался современный этап русско-китайских пограничных торгово-экономических отношений. Успешность современных отношений была обусловлена важными и плодот-

³¹ Александрова М.В. Внешнеэкономическая деятельность провинции Хэйлунцзян в период реформ (1978-2008 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIV: сборник статей. Ответственный редактор-составитель Е.И. Сафронова – М.: Изд-во ИДВ РАН, 2009. С. 219. [Aleksandrova M.V., Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' provintsii Kheyluntszyan v period reform (1978-2008gg.) // Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'. Вып. XIV: sbornik statey. Otvetstvennyy redaktor-sostavitel' Ye.I.Safronova, - M.: Izd-vo IDV RAN, 2009. (Aleksandrova M.V. Foreign Economic Activity of Heilongjiang Province in the Period of Reforms (1978–2008) // China in World and Regional Politics. History and modernity. Issue XIV: the collection of articles. Responsible editor and compiler of E.I. Safronov. – Moscow: Publishing house of the IFES RAS, 2009. P. 219].

ворными двумя предыдущими периодами, когда была выработана и апробирована политика двух стран относительно приграничного сотрудничества.

Провинция Хэйлунцзян смогла воспользоваться благоприятными условиями и выгодной экономической конъюнктурой для полезного и для себя, и для всего Китая расширения связей с соседними российскими территориями.

Учитывая историю развития приграничной торговли между провинцией Хэйлунцзян и Российским Дальним Востоком, мы признаем, что в настоящее время сложились наилучшие условия для развития российско-китайских отношений.

Литература:

Авдокушин Е.Ф. Международные экономические отношения. М.: Экономист, 2009.

Александрова М.В. Внешнеэкономическая деятельность провинции Хэйлунцзян в период реформ (1978-2008 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIV.: сборник статей. Ответственный редактор-составитель Е.И. Сафронова. М.: Изд-во ИДВ РАН, 2009. С. 217-240.

Вергер Я.М. XVI съезд КПК и стратегия социально-экономического развития Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2003. №2.

Сютин Ц., Суслов Д.В. Состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества между Северо-востоком Китая и Россией // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 2(79).

Hei Long Jiang Sheng Ting Ji Ju. Hei Long Jiang Ju Bian 1949-1989 (Statistical Bureau of Heilongjiang Province, Heilongjiang Has Changed a lot over the Past Forty Years, the period from 1949-1989). Beijing: Chinese Statistical Publishing, 1989.

Huang Ding Tian. Zhong E Jiang Mao Yu Wen Hua Jiao Liu Shi Yan Jiu. M.: Ha Er Bin. Hei Long Jiang Ren Min Chu Ban She, 1999.

Kong Jing Wei, Zhou Ling Zhen, Ben Shi Ji 20-80 Nian Dai Zhong Guo Dong Bei Di Qu Dui Su Mao Yi Guan Xi Xue Shu Jiao Liu (Relationships between Northeast China and the Soviet Union in the 1920's and 1980's) // *Academic exchange*, 1990, No. 5, 44 p.

Li Run Ming. Hei Long Jiang Sheng Fui E Jing Mao Liu Shi Nian Bian Qian, Hei Long Jiang Dui Wai Jing Mao (Changes in Economic Trade with Russia in Heilongjiang for 60 Years) // *Foreign Trade of Heilongjiang*, 2010, No. 3.

Liu Jie Feng. Hei Long Jiang Dui Wai Bian Jing Ji Mao Yi Nian Jian.1987/1988/1989/1990/1991/1992 Nian (Heilongjiang Province Annual Economic and Trade Yearbook, 1987/1988/1989/1990/1991/1992), Heilongjiang People's Publishing House, 2002.

Meng Fan Ce. Zhong E Hei Long Jiang Bian Jing Mao Yi Li Shi Hui Gu Yu Zhan Wang // Zhong Guo Bian Jiang Shi Di Yan Jiu (Historical Overview and Perspectives of the Heilongjiang Chinese-Russian Border Trade) // Study of the History and Geography of the Border Regions of China Research and Communication Issue, 1996, No. 1, 109 p.

Sun Kui, He Long Jiang Sheng Tong Su Lian Bian Jing Mao Yi De Hui Gu Yu Zhan Wang (Retrospectives and a Review of Border Trade between Heilongjiang Province and the Soviet Union, Border Trade) // *Journal of international Trade*, 1990, No.1, 59 p.

Yang Xin Mo. Gai Ge Kai Fang Yi Lai Hei Long Jiang Sheng Yu E Luo Si Yuan Dong Di Qu Bian Jing Mao Yi De Gui Gu Yu Jie Xi // Jing Ji Yan Jiu Dao Bao (Review and Analysis of Economic and Trade Relations between the Heilongjiang Province and the Russian Far East since the Reform and Preparation of a Manual on Economics and Trade) // *Economic Research Guide*, 2012, No. 4, pp. 172-176.

References:

Aleksandrova, M.V. Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' provintsii Kheyluntszyan v period reform (1978-2008 gg.) (Foreign Economic Activity of Heilongjiang Province in the Period of Reforms (1978-2008)) // Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost' (China in World and Regional Politics. History and Modernity). Iss. XIV. Ed. by Ye.I. Safronova. Moscow: Izd-vo IDV RAN, 2009. Pp. 217-240.

Avdokushin, Ye.F. Mezhdunarodnyye ekonomicheskiye otosheniya (International Economic Relations). Moscow: Ekonomist, 2009.

Hei Long Jiang Sheng Ting Ji Ju. Hei Long Jiang Ju Bian 1949-1989 (Statistical Bureau of Heilongjiang Province, Heilongjiang Has Changed a lot over the Past Forty Years, the period from 1949-1989). Beijing: Chinese Statistical Publishing, 1989.

Huang Ding Tian. Zhong E Jiang Mao Yu Wen Hua Jiao Liu Shi Yan Jiu. M.: Ha Er Bin. Hei Long Jiang Ren Min Chu Ban She, 1999.

Kong Jing Wei, Zhou Ling Zhen, Ben Shi Ji 20-80 Nian Dai Zhong Guo Dong Bei Di Qu Dui Su Mao Yi Guan Xi Xue Shu Jiao Liu (Relationships between Northeast China and the Soviet Union in the 1920's and 1980's) // *Academic exchange*, 1990, No. 5, 44 p.

Li Run Ming. Hei Long Jiang Sheng Fui E Jing Mao Liu Shi Nian Bian Qian, Hei Long Jiang Dui Wai Jing Mao (Changes in Economic Trade with Russia in Heilongjiang for 60 Years) // *Foreign Trade of Heilongjiang*, 2010, No. 3.

Liu Jie Feng. Hei Long Jiang Dui Wai Bian Jing Ji Mao Yi Nian Jian.1987/1988/1989/1990/1991/1992 Nian (Heilongjiang Province Annual Economic and Trade Yearbook, 1987/1988/1989/1990/1991/1992), Heilongjiang People's Publishing House, 2002.

Meng Fan Ce. Zhong E Hei Long Jiang Bian Jing Mao Yi Li Shi Hui Gu Yu Zhan Wang // Zhong Guo Bian Jiang Shi Di Yan Jiu (Historical Overview and Perspectives of the Heilongjiang Chinese-Russian Border Trade) // Study of the History and Geography of the Border Regions of China Research and Communication Issue, 1996, No. 1, 109 p.

Sun Kui, He Long Jiang Sheng Tong Su Lian Bian Jing Mao Yi De Hui Gu Yu Zhan Wang (Retrospectives and a Review of Border Trade between Heilongjiang Province and the Soviet Union, Border Trade) // *Journal of international Trade*, 1990, No.1, 59 p.

Syutin, Ts., Suslov, D.V. Sostoyaniye i perespektivy trgovno-ekonomicheskogo sotrudnichestva mezhd Severovostokom Kitayem i Rossiyei (State and Prospects of Trade and Economic Cooperation between Northeast China and Russia) // *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii*, 2017, No. 2.

Verger, Ya.M. XVI syezd KPK i strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kitaya (The XVI CPC

Congress and the Strategy of China's Social and Economic Development) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2003, No. 2. *Yang Xin Mo. Gai Ge Kai Fang Yi Lai Hei Long Jiang Sheng Yu E Luo Si Yuan Dong Di Qu Bian Jing Mao Yi De Gui Gu Yu Jie Xi* // *Jing Ji Yan Jiu Dao Bao* (Review and Analysis

of Economic and Trade Relations between the Heilongjiang Province and the Russian Far East since the Reform and Preparation of a Manual on Economics and Trade) // *Economic Research Guide*, 2012, No. 4, pp. 172-176.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10026

TRADE AND ECONOMIC RELATIONS OF THE HEILONGJIANG PROVINCE WITH THE RUSSIAN FAR EAST: A COMPARATIVE ANALYSIS OF POLICIES AT TWO STAGES OF DEVELOPMENT

Chunyue Lu

*Changchun Normal University,
Changchun, China*

Vladimir G. Datsyshen

*Siberian Federal University,
Krasnoyarsk State Pedagogical University,
Krasnoyarsk, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 01.01.2020 <i>Accepted:</i> 21.03.2020</p>	<p>Abstract: From the 1980s of the last century to the beginning of the 21st century, frontier trade between the Far East of Russia and the Heilongjiang Province of China went through two stages. 1. In the 1980s There was a restoration of trade and economic relations between the two neighbouring regions in the context of the transformation of socialist economies. 2. After the collapse of the Soviet Union, China's policy was transformed in accordance with new economic and political realities. The governments of China and Russia adjusted the direction of cross-border trade, leading to instability and fluctuations in the volume of trade between the two countries. The development policy of trade and economic relations between the two regions played a crucial role in the development of Russian-Chinese relations. The Far East of Russia and the Heilongjiang Province should not stop at an early level of development, the province should "keep up with the times" and adapt to new conditions.</p>
<p>About the authors: <i>Chunyue Lu</i>, Professor, Changchun Normal University e-mail: 1134784777@qq.com <i>Vladimir G. Datsyshen</i>, Doctor of History, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk State Pedagogical University e-mail: dazishen@mail.ru</p>	
<p>Key words: Heilongjiang Province; Russian Far East; cross-border trade; Russian-Chinese relations</p>	

Для цитирования: Лу Ч., Дацышен В.Г. Торгово-экономические связи провинции Хэйлунцзян с Российским Дальним Востоком: сравнительный анализ политики на двух этапах развития // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 151-165.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10026

For citation: Lu, Ch.; Datsyshen, Vladimir G. Torgovo-ekonomicheskiye svyazi provintsii Kheyluntszyan s Rossiyskim Dal'nim Vostokom: sravnitel'nyy analiz politiki na dvukh etapakh razvitiya (Trade and Economic Relations of the Heilongjiang Province with the Russian Far East: a Comparative Analysis of Policies at Two Stages of Development) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 151-165.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10026

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10027

УРОКИ ИСТОРИИ: ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКО-КИТАЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КВЖД В 1920-Е ГОДЫ

Мария Владимировна Кротова

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i> 21 октября 2019</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 10 февраля 2020</p> <p><i>Принята к печати:</i> 20 марта 2020</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена теме советско-китайского управления КВЖД, которая до сих пор остается малоизученной, полной противоречий. Несмотря на разнообразные исследования по истории КВЖД, остается ряд вопросов, которые нуждаются в уточнении: чем была КВЖД для СССР и Китая, был ли паритет действительным, а не номинальным, насколько обоснованными были претензии советской и китайской сторон друг к другу, в чем интересы сторон совпадали. В статье на основе неопубликованных архивных источников, в частности протоколов заседания Правления и Управления КВЖД из Российского государственного исторического архива, рассматриваются точки зрения как советской, так и китайской сторон на деятельность и значение КВЖД, проанализирован состав Правления и Управления КВЖД, служащих и рабочих дороги с советским и китайским гражданством, выявлены случаи нарушения паритета. Автор приходит к выводу, что совместное советско-китайское управление КВЖД столкнулось с рядом проблем, связанных как со значительными политическими, социальными, культурными различиями двух стран, так и международной и внутриполитической ситуацией. Обе стороны подозревали друг друга в нарушении паритета и превышении полномочий, по-разному относились к вопросам иерархии. Кроме языковых трудностей и проблем межкультурной коммуникации, свою роль сыграли неясные перспективы положения СССР в Северной Маньчжурии, возросший китайский национализм и стремление китайцев освободиться от иностранной зависимости. Тем не менее, как советская, так и китайская стороны показали себя прагматиками и реалистами, используя различные стратегии укрепления и удержания власти на КВЖД.</p>
<p>Об авторе: д.и.н., доцент, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет</p> <p>e-mail: mary_krot@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД); советско-китайское управление; СССР; Китайская Республика; Северная Маньчжурия; 1920-е гг.; Российский государственный исторический архив (РГИА)</p>	

Тема советско-китайского управления КВЖД до сих пор остается малоизученной, полной противоречий. Еще в 1920-х гг. среди русской эмиграции утвердилось мнение, что фактически КВЖД находится «в руках советской власти», и для «пресечения разрушительных работ в Китае действительным средством является только полное изгнание советских агентов из Маньчжурии»¹. Отдель-

ные китайские историки утверждают, что созданная после 1924 г. система управления КВЖД «явно ущемляла права и интересы китайской стороны», хотя они и признают, что именно китайская сторона была ответственна за нарушение действовавших международных договоров². В работах современных

¹ Урядова А.В. Руководство РОВС и советско-китайские отношения второй половины 1920-х годов // Вестник ДВО РАН. 2010. №2(150). С. 37. [Uryadova, A.V. Rukovodstvo ROVS i sovetsko-kitaiskie otnosheniya vtoroi poloviny 1920 godov (ROVS Leadership and Soviet-Chinese Relations of the Second Half of the 1920's) // Vestnik DVO RAN (Bulletin of DVO RAN), 2010, Vol. 2(150), p. 37.]

² Писарев А.А. Советско-китайский конфликт 1929 года: причины и последствия / Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюций и модернизаций. М.: ИВ РАН, 2013. С. 191. [Pisarev, A.A. Sovetsko-kitaiskii konflikt 1929 goda: prichiny i posledstviya (The Soviet-Chinese Conflict of 1929: Causes and Consequences) / Sin'khaiskaya revoliutsiya i respublikanskii Kitai: vek revoliutsii, evoliutsii i modernizatsii (Xinhai Revolution and Republican China: a Century of Revolutions,

исследователей история КВЖД и совместно-го управления рассматривается через призму международных отношений, советской политики в Китае, советско-китайских конфликтов³, где даются разные оценки советско-китайского управления КВЖД. Н.А. Аблова в своей работе указывает, что итоги совместного управления за 1924-1928 гг. «оказались не очень утешительными», однако вину за это возлагает на китайскую администрацию, которая «в большей степени дезорганизовывала нормальную работу дороги»⁴. М. Алексеев писал об «отвратительном хозяйничанье советских представителей» на КВЖД, в ре-

Evolution and Modernizations). Moscow: IV RAN, 2013. P. 191.]

- ³ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2005. [Ablova, N.E. KVZhD i rossiiskaya emigratsiya v Kitae: mezhdunarodnyye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX veka) (CER and Russian Emigration in China: International and Political Aspects of History (The First half of the Twentieth Century)). Moscow: Russkaya panorama, 2005.]; Дацышен В.Г. «Конфликт на КВЖД 1926 г.» и «конфликт на КВЖД 1929 г.»: сравнительно-исторический анализ советской политики // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 4. С. 67-82 [Datsyshen, V.G. «Konflikt na KVZhD 1926 g.» i «konflikt na KVZhD 1929 g.»: sravnitel'noistoricheskii analiz sovetskoi politiki ("The Conflict on the CER in 1926" and "the Conflict on the CER 1929": Comparative Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 4, pp. 67-82]; Системная история международных отношений. В 4 т. 1918-2000 / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 1. М.: Московский рабочий, 2000. [Sistemnaia istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v chetyrekh tomakh. Sobytiia i dokumenty (System History of International Relations in Four Volumes. Events and Documents) 1918-2000. Ed. by A.D. Bogaturov. V. 1. Moscow, 2000.]
- ⁴ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2005. С. 176. [Ablova, N.E. KVZhD i rossiiskaya emigratsiya v Kitae: mezhdunarodnyye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX veka) (CER and Russian Emigration in China: International and Political Aspects of History (The First half of the Twentieth Century)). Moscow: Russkaya panorama, 2005. P. 176.]

зультате которого было создано «типично китайское массовое «кормление», разлагающе действовавшее на весь аппарат»⁵. Большинство исследователей в своих работах подчеркивают превышение полномочий советской стороной⁶. Н.Н. Аблажей в статье о советско-китайском конфликте упоминает о том, что «фактически ... во второй половине 1920-х гг. дорога почти полностью превратилась в советское предприятие»⁷. Вопрос о паритете на КВЖД поднимался В.М. и М.В. Крюковыми в их исследованиях о советской политике в Китае в 1920-е гг. и истории советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г., где на основе уникальных источников был дан всесторонний взвешенный анализ ситуации на КВЖД⁸.

- ⁵ Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922-1929). М.: Кучково поле, 2010. С. 311. [Alekseev, M.M. Sovetskaya voennaya razvedka v Kitae i khronika "kitaiskoi smuty" (1922-1929) (Soviet Military Intelligence in China and the Chronicle of the "Chinese Turmoil" (1922-1929)). Moscow: Kuchkovo pole, 2010. P. 311.]
- ⁶ Кротова М.В. Советское присутствие на КВЖД в 1924-1935 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 139-150. [Krotova, M.V. Sovetskoe prisutstvie na KVZhD v 1924-1935 gg. (The Soviet Presence in the CER in 1924-1935) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2013, No. 1, pp. 139-150.]; Молодяков В.Э. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891-1945): историческое исследование. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. 447 с. [Molodyakov, V.E. Rossiya i Yaponiya: rel'sy gudyat. Zheleznodorozhnyi uzel rossiiskoyaponskikh otnoshenii (1891-1945) (Russia and Japan: the Rails are Humming. Railway Junction of Russian-Japanese Relations (1891-1945)). Moscow: AST, 2006.]; Яхимович С.Ю. Советские граждане в Северной Маньчжурии (1924-1935 гг.). Хабаровск: ДВУИ МВД России, 2015. [Yakhimovich, S.U. Sovetskie grazhdane v Severnoi Manchzhurii (1921-1935 gg.) (Soviet Citizens in Northern Manchuria (1924-1935)). Khabarovsk: DVUI MVD, 2015.]
- ⁷ Аблажей Н.Н. Конфликт на КВЖД и его последствия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 1. С. 57. [Ablazhei, N.N. Konflikt na KVZhD i ego posledstviya (The Conflict on the CER and Its Consequences) // *Vestnik NGU*, 2006, No. 5(1), p. 57.]
- ⁸ Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии. Первое деся-

Однако необходимо прояснить ряд вопросов, которые остались вне поля зрения исследователей: чем была КВЖД для СССР и Китая, был ли паритет действительным, какова была практика совместного управления, насколько обоснованными были претензии советской и китайской сторон друг к другу, в чем интересы сторон совпадали. Представляется необходимым, используя неопубликованные архивные документы, в частности, протоколы заседаний Правления КВЖД, эмигрантские источники, уточнить особенности советско-китайского управления дорогой на паритетных началах, проанализировать состав Правления и Управления КВЖД, выявить случаи нарушения паритета, рассмотреть точки зрения как советской, так и китайской сторон на деятельность и значение КВЖД. Проблема паритета на КВЖД была тесно увязана с целями советской политики в Маньчжурии и националистической внешней политикой Нанкина, направленной на ликвидацию системы неравноправных соглашений. Одним из аспектов этой темы является явное противоречие между декларативными лозунгами СССР – уничтожения особых прав и привилегий империалистических держав в Китае – и имперскими практиками советских представителей. Поэтому в статье предпринята попытка очистить оценку совместного управления КВЖД от идеологических напластований с помощью детализации исторического материала, анализа состава Правления КВЖД, практики решения спорных вопросов, выявления закономерностей, обстоятельств и факторов, повлиявших на специфику совместного управления.

титлетие советской политики в Китае. Т. 2: 1922-1926 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2015. [Kriukov, V.M.; Kriukov, M.V. *Vesna i osen' revoliutsionnoi diplomatii: Pervoe desiatiletie sovetskoj politiki v Kitae*. (Spring and Autumn of Revolutionary Diplomacy: The First Decade of Soviet Politics in China). Vol. 2.: 1922-1926. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2015]; Крюков В.М., Крюков М.В. КВЖД 1929: Взрыв, которого ждали, и его эхо. М.: ИВ РАН, 2017. [Kriukov, V.M.; Kriukov, M.V. *Vzryv, kotorogo zhdali, i ego echo* (The Explosion, Which Was Expected, and Its Echo). Moscow: IV RAN, 2017.]

Совместное советско-китайское управление КВЖД было установлено Пекинским соглашением между СССР и Китайской Республикой (КР) 31 мая 1924 г. и Мукденским соглашением между правительством СССР и автономным правительством трех восточных провинций КР 20 сентября 1924 г.⁹ Эти соглашения определили коммерческий характер КВЖД, право выкупа дороги Китаем, условия бесплатной передачи КВЖД китайскому правительству. Согласно Мукденскому соглашению, высшее управление делами дороги было возложено на Правление КВЖД в составе 10 членов, из которых 5 назначались китайским правительством и 5 – правительством СССР. Председателя Правления КВЖД назначало китайское правительство, товарища (заместителя) председателя Правления – правительство СССР. Управляющий дорогой был гражданином СССР, два его помощника – гражданами СССР и Китая. Начальники различных служб и отделов дороги назначались Правлением КВЖД, причем, если начальником службы являлся китайский гражданин, его помощником должен был быть советский гражданин и наоборот. Служащие дороги также должны были назначаться по принципу равномерного распределения (паритета).

Это позволило советским представителям заявить о том, что соглашение с СССР открыло «эру освобождения Китая от иностранного засилья, эпоху борьбы китайского народа за политическую независимость своей страны»¹⁰. Однако, надо заметить, что уже с 1920 г. существовала форма совместного управления КВЖД: 2 октября 1920 г. между Русско-Азиатским банком и китайским правительством состоялось «допол-

⁹ Советско-китайские отношения, 1917-1957 гг.: Сб. документов. М.: Изд-во вост. лит., 1959. С. 94-98. [Sovetsko-kitaiskie otnosheniya, 1917-1957: sbornik dokumentov (Soviet-Chinese Relations, 1917-1957: Collection of Documents). Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi litratury, 1959. Pp. 94-98.]

¹⁰ Тринадцатая годовщина китайской революции // Новости жизни (Харбин). 1924. 10 октября. С. 1 [Trinadtsataya godovshchina kitaiskoi revoliutsii (Thirteenth Anniversary of the Chinese Revolution) // *Novosti zhizni*. Harbin, 1924. 10th October. P. 1.]

нительное соглашение о контракте на постройку и эксплуатацию КВЖД»¹¹, согласно которому в состав Правления Общества КВЖД вошли, кроме Председателя - китайца, еще четыре китайских представителя, двое китайцев вошли в Ревизионный комитет. Это же соглашение установило принцип «справедливого разделения должностей на дороге между русскими и китайцами». В соглашении подтверждалось, что Управляющим дорогой должно быть «лицо русской национальности», а помощником его должен быть китаец. Такое же правило паритета было установлено для важнейших служб Управления дорогой.

Советская сторона всячески подчеркивала отличия новой советской политики в отношении КВЖД: превращение КВЖД в чисто коммерческое предприятие, установление в ее управлении равенства двух сторон, признание за китайским правительством права досрочного выкупа. Еще во время советско-китайских переговоров в одной из своих речей в Пекине 18 сентября 1923 г. Л.М. Карахан подчеркнул: «КВЖД была дорогой насилия и нарушения прав китайского народа. ...Мы должны сделать ее проводником культуры, должны заставить ее служить развитию братских отношений между обоими народами и к процветанию области, через которую дорога пролегает»¹². Однако в переписке с Г.В. Чичериным Л.М. Карахан 10 марта 1924 г. недвусмысленно писал о декларативном характере паритета: «Мы сохранили в своих руках все те права и льготы, которые имелись, согласно устава, у русского правительства»¹³. Для Карахана

главным было то, что советская сторона будет определять бюджет дороги, а это, по его словам, было «основным орудием нашего давления на китайцев, на служащих, на все судьбы дороги»¹⁴. Отчасти он оказался прав, и советская сторона активно использовала инструменты нажима и подкупа по отношению к китайцам.

В октябре 1924 г. было сформировано новое Правление КВЖД, состоявшее из китайских и советских представителей¹⁵. Стоит подчеркнуть, что с китайской стороны в высших административных органах КВЖД и ОРВП было немало так называемых «харбинских китайцев», которые хорошо знали русский язык, русские порядки и особенности. Это были инженеры, окончившие Институт путей сообщения в Петербурге – такие, как Фань Цигуань, Чен Хань¹⁶, и так называемый «посев генерала Хорвата». Так называли китайцев, воспитывавшихся в русских семьях еще при Управляющем КВЖД Д.Л. Хорвате, который руководил дорогой с 1903 по 1918 гг. Тогда, в 1910-х гг. российская администрация КВЖД надеялась, что «харбинские китайцы» станут носителями русской культуры, будущими администраторами русской Маньчжурии. В 1911 г. в Харбинских коммерческих училищах были созданы китайские классы, где учились дети китайских чиновников – 9 девочек и 20 мальчиков. Китайских детей привезли из разных частей Китая – Шанхая, Чифу, Мукдена и других городов и сначала поместили в русские семьи, где их учили русскому

¹¹ Краткий обзор работы КВЖД и края. Харбин: типография КВЖД, 1928-1929. С. 8. [Kratkii obzor raboty KVZhD i kraia (A Brief Overview of the Work of CER and the Region). Harbin: tipografiya KVZhD, 1928-1929. P. 8].

¹² Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф.04. Оп.22. П.164. Д. 29. Л. 87. [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). F. 04. Op. 22. P. 164. D. 29. L. 87.]

¹³ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г.–1926 г. / Сост., отв. ред. А.И. Картунова. М.: Наталис, 2008. С. 186. [Perepiska, I.V. Stalina i G.V. Chicherina

s polpredom SSSR v Kitae L.M. Karakhanom: dokumenty, avgust 1923 g. – 1926 g. (Correspondence of J. Stalin and G.V. Chicherin with the Plenipotentiary Representative of the USSR in China L.M. Karakhan: Documents, August 1923-1926). Ed. by A.I. Kartunova. Moscow: Natalis, 2008. P. 186.]

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 9. Д. 1382. Л. 105. [Russian State Historical Archive (RGIA). F. 323. Op. 9. D. 1382. L. 105.]

¹⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 381. Оп. 1. Д. 591. Л. 1376. [Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA SPb). F. 381. Op. 1. D. 591. L. 1376.]

языку. Почти все они успешно закончили училище, многие впоследствии поступили и закончили Харбинский политехнический институт или Юридический факультет, сделали успешную карьеру¹⁷.

Представителей, командированных из СССР на КВЖД, было не так много: из 1127 человек, принятых на КВЖД с 3 октября 1924 г. по 4 марта 1926 г., командированных из СССР было принято только 53 чел., практически все были направлены для работы в Правление и Управление КВЖД на высшие должности¹⁸. Однако советские представители, командированные на КВЖД, не задерживались на своих постах, что нарушало нормальную работу Правления. За неполных пять лет с 1924 по 1929 гг. на посту товарища председателя Правления КВЖД (товпреда) сменилось 6 человек: Л.П. Серебряков (с 3 октября по 17 декабря 1924 г.), В.П. Поздеев (с 17 декабря 1924 по 1 мая 1925 г.), И.П. Грандт (с 1 мая по 1 ноября 1925 г.), Л.А. Саврасов (1 ноября 1925 г. – 21 ноября 1926 г.), М.М. Лашевич (21 ноября 1926 г. – 1 сентября 1928 гг.), В.Г. Чиркин (1 октября 1928 – 23 июля 1929 гг.). За это же время сменилось 10 членов Ревизионного комитета и 15 членов Правления. Многие даже не успевали вникнуть в дела КВЖД, совмещая свои должности с работой по дипломатической, партийной или разведывательной линии.

КВЖД рассматривалась как инструмент экономического и политического влияния Советской России в Маньчжурии. Л.М. Карахан видел главный интерес СССР в том, чтобы «пользуясь КВЖД, развивать народное хозяйство Приморья», содействуя, таким образом, развитию советского Дальнего Востока¹⁹. И.В. Сталин в беседе с

Г. Беседовским 23 октября 1927 г. проговорился: «Какие доводы за продолжение нашего пребывания на КВЖД? Это – доход от КВЖД и сохранение там базы своего влияния в Северной Маньчжурии, благодаря советским служащим на КВЖД»²⁰. Однако деятельность советских представителей на КВЖД столкнулась с возросшим китайским национализмом, с требованиями китайцев уважать их законы и суверенитет. Китайцы настаивали на соблюдении интересов Китая в распределении доходов КВЖД, обвиняя СССР в «жестокости русского империализма». С другой стороны, советские служащие КВЖД считали, что Китай «получил повинину русского имущества, не вложив никаких трудов»²¹.

Свою роль сыграли культурные различия двух стран. Так, споры о терминологии и об обязанностях дубаня (председателя Правления КВЖД) начались задолго до октября 1924 г. и продолжались при совместном советско-китайском управлении. Китайцы называли председателя Правления КВЖД «главным начальником для всей дороги», «лицом первостепенной важности» и считали, что все дела о приеме, увольнении, повышении, понижении по службе, расходах денежных сумм должны были быть в ведении непосредственно председателя Правления КВЖД²². Советская сторона Правления утверждала, что взгляд на права и обязанности дубаня неправилен, противоречит Мукденскому соглашению, и настаивала на совместном ведении дел и решении всех вопросов Председателем и товпредом²³.

(Correspondence of J. Stalin and G.V. Chicherin with the Plenipotentiary Representative of the USSR in China L.M. Karakhan: Documents, August 1923-1926). Ed. by A.I. Kartunova. Moscow: Natalis, 2008. P. 244.]

¹⁷ Харбинские коммерческие училища КВЖД. 1973. № 11. С. 24. [Kharbinskie kommercheskie uchilishcha KVZhD (Harbin Commercial Schools of CER). 1973. No. 11. P. 24.]

¹⁸ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 330. Л. 194. [РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 330. Л. 194.]

¹⁹ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. / Сост., отв. ред. А. И. Каргунова. М.: Нагалис, 2008. С. 244. [Perepiska I.V. Stalina i G.V. Chicherina s polpredom SSSR v Kitae L.M. Karakhanom: dokumenty, avgust 1923g. – 1926 g.

²⁰ Беседовский Г. На путях к термидору. М.: Современник, 1997. С. 251. [Besedovskii, G. Na putyach k termidoru (On the Way to Thermidor). Moscow: Sovremennik, 1997. P. 251.]

²¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 1. Д. 729. Л. 77. [State archive of the Russian Federation (GARF). F. 5881. Op. 1. D. 729. L. 77.]

²² РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 225. Л. 1. [РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 225. Л. 1.]

²³ Ibid. L. 16.

Дело в том, что Правление КВЖД хотя и считалось высшим органом, утверждавшим все важные решения, но фактически дорогой руководил Управляющий КВЖД. Г.В. Чичерин прямо писал Я.Э. Рудзутаку 21 февраля 1925 г.: «Один из основных вопросов нашей политики на КВЖД есть отношения между Управляющим и Правлением. Управляющий наш, Правление же паритетное, поэтому наша политика должна быть направлена на то, чтобы увеличивать значение Управляющего в ущерб Правлению»²⁴. Так и случилось. Повестка заседаний Правления КВЖД состояла обыкновенно из 50–60 пунктов, причем даже незначительный вопрос вызывал длительные прения. Обыкновенной практикой было откладывание нерешенных проблем из-за отсутствия кворума из 7 человек (советские члены Правления часто отсутствовали из-за командировок в Москву или отзыва представителей, а назначение новых членов зачастую затягивалось). Таким образом работа Правления КВЖД была практически парализована, и ключевые решения по всем вопросам принимал советский Управляющий дорогой, чем были недовольны китайцы, расценивавшие это как превышение полномочий советской стороны. Так, в октябре 1929 г. в «Китайском экономическом журнале» (издание Промышленного бюро при Министерстве торговли и промышленности Нанкинского правительства в Шанхае) анализировалась работа совместного управления КВЖД: «Власть Председателя Правления или дубаня была лишь номинальной. Реальная власть была в руках Управляющего дорогой. Необходимо подчеркнуть, что русские, несмотря на свою простоватость и бесхитрость, выявили большое умение в деле разрешения вопросов дипломатического характера. <...> Когда

выяснилось, что фактически Правление не может функционировать в качестве административного органа, то все как мелкие, так и крупные вопросы перешли в ведение Управляющего, который стал единой верховной властью на дороге»²⁵. Скорее всего, идея паритета не воспринималась всерьез советскими представителями. А.И. Емшанов, Управляющий КВЖД с 1926 по 1929 г., а затем товарищ Председателя Правления КВЖД в 1930–1931 гг., в письме народному комиссару путей сообщения СССР в апреле 1931 г. писал с раздражением: «Китайцы стремятся убить дорогу как рентабельное коммерческое предприятие и, кроме того, теперь же вытеснить нас фактически из Управления дорогой путем создания параллельного аппарата, дублированием должностей» Здесь же он сообщал о главных претензиях китайцев – «паритет и самостоятельные действия Управляющего дорогой», указывал на то, что китайцы используют всякий повод, «чтобы сократить явочным порядком права Управляющего дорогой»²⁶.

В трениях между советскими и китайскими служащими КВЖД особую роль сыграло непонимание китайских обычаев и практик. Советские представители, командированные из Москвы, часто неверно интерпретировали поведение и слова китайских руководителей, не понимая, что у китайцев иное понятие времени, статуса, отношения к службе. Инженер материальной службы КВЖД В.Ю. Массов, работавший на КВЖД с 1927 по 1929 гг., в докладе «КВЖД и особенности работы на ней», сделанном в Союзе русских инженеров в Германии 7 ноября 1929 г., говорил о советской и китайской частях КВЖД как о двух антиподах, говоривших на разных языках в прямом и переносном смысле: в частности, он использовал понятие «китайская грамота», потому что китайский язык, по его мнению, был мало приспособлен к железнодорож-

²⁴ Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии. Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 2: 1922–1926 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2015. С. 1058. [Kriukov, V.M.; Kriukov, M.V. Vesna i osen' revoliutsionnoi diplomatii: Pervoe desiatiletie sovetsoi politiki v Kitae. (Spring and Autumn of Revolutionary Diplomacy: The First Decade of Soviet Politics in China). Vol. 2.: 1922–1926. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2015. P. 1058.]

²⁵ РГИА. Ф.323. Оп. 5. Д. 1355. Л. 206. [РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1335. Л. 206.]

²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 613. Оп. 3. Д. 50. Л. 14–15. [Russian State Archive of Socio-Political History (PGASPI). F. 613. Op. 3. D. 50. L. 14–15.]

ным и техническим терминам. Часто при переводе с русского на китайский и наоборот возникали противоречия и терялся смысл. Массов отмечал скрытный, малообщительный характер китайцев («любят больше слушать, чем говорить»), так что при контактах с ними было трудно определить, когда китаец говорит искренне: «Часто, если китайцу сообщалось что-либо не вполне ему приятное и желательное, он делал вид, что ему это невозможно понять»²⁷. В итоге инженер заключил, что взаимного доверия двух сторон не было, а без доверия паритет на КВЖД был невозможен.

В любом случае обеим сторонам приходилось искать компромисс, так как КВЖД являлась чрезвычайно доходным коммерческим предприятием. Одним из главных условий паритета было равное разделение доходов от КВЖД. После долгих обсуждений на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 8 марта 1928 г. было решено 17 млн иен, находившихся на счетах Правления КВЖД, распределить поровну между обеими сторонами²⁸. С 20 марта 1928 года по 20 июня 1932 года правительству СССР через Дальбанк и китайскому правительству через Банк Трех Восточных провинций и Пограничный банк были переведены одинаковые суммы – по 15 322 205, 46 золотых рублей²⁹.

Внешне совместное советско-китайское управление выглядело благополучным – постоянные торжественные встречи и проводы тех или иных советских и китайских чиновников, официальные и неофициальные приемы, вечера, банкеты, торжественные речи, подчеркивание дружбы на пользу общему делу с отчетами в прессе. Паритет выражался в равном количестве китайских и советских служащих, делопроизводстве на русском и китайском языках, распределении средств от КВЖД между правительствами СССР и Китайской Республики. Даже неприсутственные дни на КВЖД были связаны как с русскими, так

и китайскими праздниками: кроме воскресений, выходными днями на КВЖД считались 7 праздников Китайской республики, 5 советских праздников и 6 православных. Однако на деле все было не так гладко. Китайцы считали, что паритет в действительности не соблюдался, имея в виду качественный состав служб. Так, например, из 745 старших агентов дороги (тех, кто получал больше 200 золотых руб. в мес.) на 1 января 1929 г. было 597 советских граждан и 148 китайских³⁰. Всего на 1 января 1929 г. на КВЖД работало 23038 человек: 12986 советских граждан (56,78%) и 9882 человека с китайским подданством (43,22%) (остальные с невыясненным гражданством). В Управлении дороги работало 2769 человек, из них 1953 советских гражданина (70, 58%) и 572 китаец (20,7%), а также 240 русских с китайским подданством. На линии работало 20268 человек, из них 11033 советских граждан (54,88%) и 8565 китайцев (в том числе 1077 русских китайских подданных)³¹. В такой диспропорции китайцы усматривали «ущемление прав».

С другой стороны, китайцы, принятые на дорогу, с удовольствием пользовались всеми привилегиями службы на КВЖД: бесплатными квартирами, проездом по КВЖД, медицинским обслуживанием, школами, курортами, пособиями на погребения членов семьи, пособиями по инвалидности, при увольнении по болезни и т.д. Высшие агенты получали высокие оклады, занимали роскошные особняки, пользовались спецвагонами, роскошными автомобилями. По китайской традиции, начальник любого уровня принимал на работу «своих» людей, часто без всякого образовательного ценза и опыта. В одном из эмигрантских агентурных донесений из Харбина генералу Д.Л. Хорвату за 1927 г. сообщалось о низком уровне китайского персонала: «За исключением единиц (например, инженер Фань Цигуань, Лю Вэнь, Го Фумянь и еще несколько лиц) на своих местах только низшие служащие и

²⁷ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 272. Л. 3. [GARF. F. 5856. Op. 1. D. 272. L. 3.]

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 676-2. Л. 5. [PGASPI. F. 17 Op. 3. D. 676-2. L. 5.]

²⁹ РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1042. Л. 68-69. [PGIA. F. 323. Op. 5. D. 1042. L. 68-69.]

³⁰ РГИА. Ф. 323. Оп. 11. Д. 447. Л. 139. [PGIA. F. 323. Op. 11. D. 447. L. 139.]

³¹ РГИА. Ф. 323. Оп. 5. Д. 1243. Л. 2. [PGIA. F. 323. Op. 5. D. 1243. L. 2.]

драгоманы. <...> Главное – большие оклады получай, не мешай и молчи»³².

Советские представители умело играли на прагматизме и меркантильности китайцев, давая замаскированные взятки высшим чиновникам (консул СССР в Харбине Орлов писал о заражении китайцев «гнуснейшей язвой лихоимства»³³), активно использовали неформальные связи с китайцами, перенимали китайский стиль деловых отношений для установления контактов – разнообразные подарки и подношения, обеды в ресторанах и т.п. Н.С. Байтелин, старослужащий, работавший в Правлении КВЖД, писал генералу Д.Л. Хорвату 8 апреля 1926 г. об «обработке» председателя Ревизионного комитета КВЖД Чен Ханя: «Большевики курыт ему фирмам, поют дифирамбы, что он самый умный, интеллигентный из китайцев, что он является единственным китайцем, с которым можно работать, что его давно знают и ценят в Москве и т.п. Ему делаются многочисленные одолжения, вроде проведения 5 тысяч рублей лично присвоенных [денег] и много другого. Эгоистичный, завистливый, алчный и ограниченный Чен Хань попался на эту удочку. Он считает, что при всяком положении место на дороге ему будет сохранено, и поэтому у него теперь большой альянс с советской администрацией КВЖД»³⁴. По словам эмигрантов, советские агенты сумели завербовать в Харбине большинство китайских чиновников во всех почти органах и учреждениях³⁵.

Надо сказать, что в первые четыре года совместного управления численность служа-

щих КВЖД возросла почти на 7 тыс. человек. Кроме того, среди командированных из СССР специалистов было немало людей, которые не имели никакого отношения к железнодорожной деятельности – профсоюзных и партийных лидеров, которые официально числились служащими КВЖД и получали жалованье. В.Ю. Массов сообщал в своем докладе: «Целый ряд лиц советского облика, занимая ответственные посты, не соответствовали своему назначению. На должности начальника канцелярии материальной службы и секретаря начальника службы, в руках которого сосредоточен фактически весь наличный состав служб (до 800 чел.) – сидел сравнительно молодой парнишка, который был не только без всякого образования, но про которого я даже с уверенностью не мог сказать, был ли он вообще в состоянии написать самостоятельно какую-либо бумажку самого простого содержания»³⁶.

Кроме того, КВЖД стала основной базой для советских спецслужб благодаря возможности устройства своих резидентов на официальные должности агентов для поручений, секретарей, коммерческих агентов с бесплатным проездом по КВЖД и беспрепятственным передвижением по всему Китаю. В разведывательную работу были втянуты драгоманы и переводчики с китайского и японского языков, члены партийных и профсоюзных, комсомольских организаций (подпольных), разделенных на пятки. Из документов бывших работников КВЖД, коммунистов и комсомольцев, прибывших в СССР в 1930-х гг., можно узнать, что все они так или иначе были связаны с различными спецзаданиями в Маньчжурии: содержали конспиративные квартиры, собирали различные данные, разрабатывали чертежи, переправляли людей и материалы. Несомненно, китайцы догадывались о наличии разветвленной сети агентов советских разведок на КВЖД, тайной работе советских профсоюзов и т.п. В сборе информации о действиях СССР помогали русские эмигранты, в т. ч. и служащие китайской полиции. Так, в руки одного из русских эмигрантских деятелей Н.А. Митаревского попали докумен-

³² Государственный музей-заповедник (ГМЗ) «Петергоф». Ф. Архив музея семьи Бенуа. ПДМБ 4976 – ар. Л.1. [State Museum-reserve (GMZ) “Peterhof”. F. Archives of the Museum of the Benois family. PDMB 4976-ar. L. 1.]

³³ АВР РФ. Ф. 0100. Оп. 12. П. 18. Д. 5. Л. 143. [AVP RF. F. 0100. Op. 12. P. 18. D. 5 L. 143.]

³⁴ ГМЗ «Петергоф». Ф. Архив музея семьи Бенуа. ПДМБ 4428-ар. Л. 1. [GMZ “Peterhof”. F. Archives of the Museum of the Benois family. PDMB 4428-ar. L. 1.]

³⁵ Мартынов Н.А. Воспоминания [Martynov N.A. Memoirs] //Collection of N.A. Martynov. Box #1. Bahmeteff Archive. Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York.

³⁶ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 272. Л. 7. [GARF. F. 5856. Op. 1. D. 272. L. 7.]

ты советской разведки, в частности, письмо советского резидента Северского (наст. имя Влас Степанович Рахманин – М.К.) от 15 мая 1926 г.: «КВЖД при персональном сращивании представляет для нас большой интерес. Там много свежих, ценных, пропажающих для нас материалов. Нередки поездки агентов и партийцев для обследования районов. <...> 11 мая у Москвича встретился с Н. (Управляющим дорогой А.И. Емшановым – М.К.). Говорили о: 1. Использование материалов; 2. Обработка прессы; 3. Использование командировок агентов дороги и организации их; 4. Устройство лиц в Управление, на линии и в агентствах; 5. Денежная поддержка»³⁷.

Работа КВЖД сопровождалась серией скандалов, связанных с работой Коминтерна, партийных и комсомольских организаций, спецслужб в Маньчжурии. Одно из громких дел было связано с генералом Ян Чжо, членом Ревизионного комитета КВЖД, одним из «харбинских китайцев»: еще мальчиком он был подобран во время русско-японской войны, крещен, после революции предложил свои услуги Чжан Цзолину, и тот назначил его в Ревизионный комитет КВЖД³⁸. Считалось, что он был завербован советскими спецслужбами, участвовал в подготовке заговора против Мукденского правительства, который был раскрыт, а Ян Чжо казнен 4 января 1927 г. При обыске у него были найдены компрометирующие документы и большие суммы денег якобы «в обмен на услуги Москве»³⁹. Другим крупным событием стал «налет» китайской полиции на Генеральное консульство СССР в Харбине 27 мая 1929 г., где были арестованы служащие КВЖД, обвиненные в «антиправительственной работе». Все задержанные были признаны судом «виновными в устройстве незаконного коммунистического собрания, целью которого была разработка ряда действий,

направленных против китайской революции», осуждены на различные сроки карательной тюрьмы – от 2 до 9 лет⁴⁰.

Позже собранные материалы стали основанием для обвинений СССР во вмешательстве во внутренние дела Китая и распространении коммунистической пропаганды. Харбинская газета «Русское слово» в номере от 2 июня 1929 года в статье под заголовком «В китайских кругах» отмечала, что «вещественные доказательства и документы ... выдвигают вопрос о возглавлении Управления дорогой китайцем», что «советский подданный на посту управляющего КВЖД не свободен от преступных посторонних влияний»⁴¹. 10 июля 1929 г. Управляющий дорогой А.И. Емшанов и его помощник А.А. Эйсмонт были отстранены от своих обязанностей Председателем Правления дороги Люй Жунхуанем и заменены китайскими гражданами. Мотивами для увольнения стал их отказ согласиться с подписью дел совместно с китайским помощником – это было расценено как превышение советской стороной своих прав⁴².

В совместном советско-китайском управлении КВЖД в 1924-1929 гг. существовали разногласия, связанные с вопросом о паритете на КВЖД, качественным составом и диспропорцией советских и китайских рабочих и служащих, функциями Председателя Правления и Управляющего КВЖД. Отношения нельзя было назвать гармоничными, а заявленный паритет носил, скорее, декларативный характер. Совместное советско-китайское управле-

³⁷ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 390. Л. 86. [GARF. F. 5881. Op. 1. D. 390. L. 86.]

³⁸ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 729. Л. 23. [GARF. F. 5881. Op. 1. D. 729. L. 23.]

³⁹ Заря (Харбин). Юбилейный номер. 1940. 6 октября. С. 27. [Zarya (Dawn). Anniversary issue. Harbin, 1940. 6th October. P. 27.]

⁴⁰ Процесс 38. Стенограмма процесса 38 граждан, арестованных при налете 27 мая 1929 года на советское консульство в Харбине, ОРВП. Харбин: изд. «Харбин обсервер», 1929. [Process 38. Stenogramma processa 38 grazhdan, arestovannykh pri nalete 27 maya 1929 goda na sovetskoe konsul'stvo v Harbine, ORVP (Process 38. Transcript of the Trial of 38 Citizens Arrested in the May 27, 1929 during the Raid on the Soviet Consulate in Harbin, ORVP). Harbin: Harbin Observer, 1929.]

⁴¹ Русское слово (Харбин). 1929. 2 июня. С. 3. [Russkoe slovo (Russian Word). Harbin, 1929. 2nd June. P. 3.]

⁴² Гун бао (Харбин). 1929. 10 июля. Экстренный выпуск. С. 1. [Gun-bao. Harbin, 1929. 10th July. P. 1.]

ние КВЖД столкнулось с рядом проблем, связанных как со значительными политическими, социальными, культурными различиями двух стран, так и международной и внутривосточной ситуацией. Обе стороны подозревали друг друга в нарушении паритета и превышении полномочий, по-разному относились к вопросам иерархии. Кроме языковых трудностей и проблем межкультурной коммуникации, свою роль сыграли неясные перспективы положения СССР в Северной Маньчжурии, возросший китайский национализм и стремление китайцев освободиться от иностранной зависимости. Тем не менее, как советская, так и китайская стороны показали себя прагматиками и реалистами, используя различные стратегии укрепления и удержания власти на КВЖД.

Литература:

- Аблазей Н.Н.* Конфликт на КВЖД и его последствия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 1.
- Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2005.
- Алексеев М.* Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922-1929). М.: Кучково поле, 2010.
- Беседовский Г.* На путях к термидору. М.: Современник, 1997.
- Дацзышен В.Г.* «Конфликт на КВЖД 1926 г.» и «конфликт на КВЖД 1929 г.»: сравнительно-исторический анализ советской политики // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 4. С. 67-82.
- Кротова М.В.* Советское присутствие на КВЖД в 1924-1935 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 139-150.
- Крюков В.М., Крюков М.В.* Весна и осень революционной дипломатии. Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 2: 1922-1926 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2015.
- Крюков В.М., Крюков М.В.* КВЖД 1929: Взрыв, которого ждали, и его эхо. М.: ИВ РАН, 2017.
- Молодяков В.Э.* Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891-1945): историческое исследование. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. 447 с.
- Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г.–1926 г. / Сост., отв. ред. А.И. Картунова. М.: Наталис, 2008.
- Писарев А.А.* Советско-китайский конфликт 1929 года: причины и последствия / Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюций и модернизаций. М.: ИВ РАН, 2013.
- Системная история международных отношений. В 4 т. 1918-2000 / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 1. М.: Московский рабочий, 2000.
- Советско-китайские отношения, 1917-1957 гг.: Сб. документов. М.: Изд-во вост. лит., 1959.
- Урядова А.В.* Руководство РОВС и советско-китайские отношения второй половины 1920-х годов // Вестник ДВО РАН. 2010. № 2(150).
- Якимович С.Ю.* Советские граждане в Северной Маньчжурии (1924-1935 гг.). Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2015.

References:

- Ablazhei, N.N.* Konflikt na KVZhD i ego posledstviya (The Conflict on the CER and Its Consequences) // Vestnik NGU, 2006, No. 5(1).
- Ablova, N.E.* KVZhD i rossiiskaya emigratsiya v Kitae: mezhdunarodnyye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX veka) (CER and Russian Emigration in China: International and Political Aspects of History (The First half of the Twentieth Century)). Moscow: Russkaya panorama, 2005.
- Alekseev, M.M.* Sovetskaya voennaya razvedka v Kitae i khronika "kitaiskoi smuty" (1922-1929) (Soviet Military Intelligence in China and the Chronicle of the "Chinese Turmoil" (1922-1929)). Moscow: Kuchkovo pole, 2010.
- Besedovskii, G.* Na putyach k termidoru (On the Way to Thermidor). Moscow: Sovremennik, 1997.
- Datsyshen, V.G.* «Konflikt na KVZhD 1926 g.» i «konflikt na KVZhD 1929 g.»: sravnitel'noistoricheskii analiz sovetskoi politiki ("The Conflict on the CER in 1926" and "the Conflict on the CER 1929": Comparative Analysis) // Comparative Politics Russia, 2018, No. 4, pp. 67-82.
- Kriukov, V.M.; Kriukov, M.V.* Vesna i osen' revoliutsionnoi diplomatii: Pervoe desiatilietie sovetskoi politiki v Kitae. (Spring and Autumn of Revolutionary Diplomacy: The First Decade of Soviet Politics in China). Vol. 2.: 1922-1926. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2015.
- Kriukov, V.M.; Kriukov, M.V.* Vzryv, kotorogo zhdali, i ego echo (The Explosion, Which Was Expected, and Its Echo). Moscow: IV RAN, 2017.
- Krotova, M.V.* Sovetskoe prisutstvie na KVZhD v 1924-1935 gg. (The Soviet Presence in the CER in 1924-1935) // Problemy Dal'nego Vostoka, 2013, No. 1, pp. 139-150.
- Molodyakov, V.E.* Rossiya i Yaponiya: rel'sy gudyat. Zheleznodorozhnyi uzel rossiisko-yaponskikh otnoshenii (1891-1945) (Russia and Japan: the Rails are Humming. Railway Junction of Russian-Japanese Relations (1891-1945)). Moscow: AST, 2006. 447 p.
- Perepiska, I.V.* Stalina i G.V. Chicherina s polpredom SSSR v Kitae L.M. Karakhanom: dokumenty, avgust 1923 g. - 1926 g. (Correspondence of J. Stalin and G.V. Chicherin with the Plenipotentiary Representative of the USSR in China L.M. Karakhan: Documents, August 1923-1926). Ed. by A. I. Kartunova. Moscow: Natalis, 2008.
- Pisarev, A.A.* Sovetsko-kitaiskii konflikt 1929 goda: prichiny i posledstviya (The Soviet-Chinese Conflict of 1929: Causes and Consequences) / Sin'khaiskaya revoliutsiya i respublikanskii Kitai: vek revoliutsii, evoliutsii i modernizatsii (Xinhai Revolution and Republican China: a Century of Revolutions, Evolutions and Modernizations). Moscow: IV RAN, 2013
- Sistemnaia istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v chetyrekh tomakh. Sobytiia i dokumenty (System History of International Relations in Four Volumes. Events and Documents) 1918-2000. Ed. by A.D. Bogaturov. V. 1. Moscow, 2000.

Sovetsko-kitaiskie otnosheniya, 1917-1957: sbornik dokumentov (Soviet-Chinese Relations, 1917-1957: Collection of Documents). Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi litratury, 1959.

Uryadova, A.V. Rukovodstvo ROVS i sovetsko-kitaiskie otnosheniya vtoroi poloviny 1920 godov (ROVS

Leadership and Soviet-Chinese Relations of the Second Half of the 1920's) // *Vestnik DVO RAN* (Bulletin of DVO RAN), 2010, Vol. 2(150).

Yakhimovich, S.U. Sovetskie grazhdane v Severnoi Manchzhurii (1921-1935 gg.) (Soviet Citizens in Northern Manchuria (1924-1935)). Khabarovsk: DVUI MVD, 2015.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10027

HISTORY LESSONS: FEATURES OF THE SINO-SOVIET MANAGEMENT OF CER IN THE 1920'S

Maria V. Krotova

*St. Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russia*

<p>Article history: <i>Declared:</i> 21.10.2019 <i>Received:</i> 10.02.2020 <i>Accepted:</i> 20.03.2020</p>	<p>Abstract: The article is devoted to the Sino-Soviet management of Chinese Eastern railway (CER), which still stays poorly studied, full of contradictions. Despite the variety of studies on the history of CER there is a number of questions that need clarification. What was CER for the USSR and China? Was the equal terms real, not nominal? How justified were the claims of the Soviet and Chinese sides to each other? On the basis of unpublished archival sources, (in particular, Russian State Historical Archive), the article examines the points of view of both the Soviet and Chinese sides on the activities and importance of the CER, analyzes the composition of the CER Board and Management, employees and workers with Soviet and Chinese citizenship, identifies cases of parity violation. The author comes to the conclusion that the joint Sino-Soviet management of CER faced a number of problems related to the political, social and cultural differences between the two countries, as well as the international and domestic political situation. Both sides suspected each other of violating parity and exceeding authority, and treated hierarchy issues differently. In addition to language difficulties and problems of intercultural communication, the unclear prospects of the USSR in Northern Manchuria and increased Chinese nationalism played a role. Nevertheless, both the Soviet and Chinese sides have shown themselves being pragmatists and realists, using various strategies to strengthen and keep power at the CER.</p>
<p>About the author: Dr. of History, Professor, Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, St. Petersburg State University of Economics e-mail: mary_krot@mail.ru</p>	
<p>Key words: China-Eastern Railway (CER); Sino-Soviet management; USSR; Republic of China; Northern Manchuria; 1920's; Russian State Historical Archive (RGIA)</p>	

Для цитирования: Кротова М.В. Уроки истории: особенности советско-китайского управления КВЖД в 1920-е годы // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 166-176.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10027

For citation: Krotova, Maria V. Uroki istorii: osobennosti sovetsko-kitayskogo upravleniya KVZHD v 1920-ye gody. (History Lessons: Features of the Sino-Soviet Management of CER in the 1920's) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 166-176.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10027

КИТАЙ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10028

РЯДОМ ШАГАЕТ НОВЫЙ КИТАЙ

Рецензия на коллективную монографию:
Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы /
 под ред. А.Д. Воскресенского.
 М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.

Александр Владимирович Акимов

*Институт востоковедения РАН,
 Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 15 февраля 2020 <i>Принята к печати:</i> 16 марта 2020</p>	<p>Аннотация: Рецензия на коллективную монографию: Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы» / под ред. А.Д. Воскресенского; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.</p>
<p>Об авторе: д.э.н., заведующий отделом экономических исследований, Институт востоковедения РАН e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Китай; модель развития Китая; международные отношения; китаеведение; регионоведение)</p>	

В качестве названия этой рецензии использована строка песни о советско-китайской дружбе 70-летней давности. Все эти десятилетия Китай все время менялся, был новым, но можно выделить два периода интереса к КНР в эти десятилетия. Еще лет 50 тому назад всех интересовал вопрос: как же так можно жить, выживать в Китае в таких тяжелых условиях? Сейчас вопросы другие: как же такого успеха можно добиться такой большой стране и так быстро, и чего же теперь ждать от этого нового Китая? Ответу на эти вопросы и посвящена рецензируемая монография. Это большое, почти на 60 авторских листов исследование международного российско-китайского коллектива, в составе которого более 30 авторов¹.

¹ Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы» / под ред. А.Д. Воскресенского; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с. [Development Model of Modern China: Assessments, Discussions, Forecasts. Ed. by Alexei D. Voskressenski; Moscow State Institute

Рецензируемая монография относится, что подтверждается и самими авторами на с. 27, к направлению комплексного регионоведения. Как важную составляющую этого направления нужно отметить учебник «Мировое комплексное регионоведение» под редакцией проф. А.Д. Воскресенского², но к этому же направлению можно отнести и значительно более раннюю работу «Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии» под редакцией академика РАН А.В. Торкунова и проф. А.Д. Воскресенского³. Таким образом, ре-

of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow: Strategic Research, 2019. 736 p.]

² Мировое комплексное регионоведение / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр / Инфра-М, 2018. [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie (World Comprehensive Regional Studies). Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr / Infra-M, 2018.]

³ Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под рук. и с предисл. А.В. Торкунова, научн. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2007. С. 1040. [Energeticheskie izmereniya mezhdunarodnyh otnoshenij i bezopasnosti v Vostochnoj Azii (Energy Dimensions

цензируемая монография может рассматриваться не только как весьма полезное исследование в области международных отношений и китаистики, но и как успешное продвижение направления коллективных исследований, дающее ценные научные результаты.

В заглавии монографии использовано слово «модель» для характеристики развития современного Китая, но можно смело сказать, что в работе представлены две связанные между собой модели современного Китая: внутривластная и международная. Описанию первой посвящены разделы «Внутривластное и социальное измерения», «Экономическое измерение» и «Культура, историческая самоидентификация, образование», второй – «Внеправительственное измерение», «Региональные аспекты политики КНР: ответы на внутренние и внешние вызовы» и «Геополитика региональных проектов КНР». Вторая составляющая написана более детально, что неудивительно для проекта, выполняемого в МГИМО.

Как отмечается во вступительной главе на с. 27: «Сегодня, когда Китай становится глобальной державой и оказывает усиленное влияние по периферии своих взаимоотношений с внешним миром, исключительно важно понимать, как Китай и окружающие его страны реально развились и с какими сложностями встречались на пути своего исторического развития, в том числе и в деле выстраивания своих отношений с Китаем». О том, как развивался Китай, в той или иной степени написали все авторы. Характеристику современного состояния страны, ее экономики, политической системы и международных отношений читатель должен синтезировать из 32 глав, вступительной статьи, введения и заключения. Это дает возможность каждому читателю в зависимости от его знаний, склонностей и взглядов построить свою модель современного Китая на фундаменте материала, предложенного специалистами разных направлений китаеведения и международных отношений.

Сказанное не означает, что в тексте нет четких характеристик современного Китая. Например, на с. 70 приведены десять аспектов внешнеполитических идей социализма с китайской спецификой новой эпохи, выдвинутых Генеральным секретарем Си Цзиньпином в июне 2018 г. На с. 342 дается емкая характеристика противоречивой ситуации в регулировании экономического развития: «Вместе с тем, не может не вызывать потенциальную тревогу следующее обстоятельство: описанные события наглядно продемонстрировали дефицит мотивации к углублению рыночных реформ в банковской сфере

и реальном секторе экономики КНР. Ключевые игроки «многоколейного договорного» поля в равной мере опасаются как возвращения к плановой экономике, так и перехода к экономике рыночной с ужесточением бюджетных ограничений, укреплением финансовой дисциплины и реально высокой самостоятельностью в принятии финансово-кредитных и инвестиционных решений». На с. 721 перечислены недавние меры по «ужесточению авторитарного характера внутренней политики»: создание Государственной контрольной комиссии, имеющей право проводить аресты помимо прокуратуры, ужесточение правил работы неправительственных организаций, решение о создании партийных ячеек во всех частных иностранных предприятиях с правами влиять на инвестиционную политику фирм, ужесточение контроля за западными IT-компаниями.

Таким образом, читатель может получить краткое четкое описание модели развития современного Китая, его состояния, достижений и проблем, опираясь на факты и оценки, представленные в тексте. Чрезвычайно важно то, что все основные сведения в монографии почерпнуты из китайских источников. Авторы-китаисты прочитали в оригинале и интерпретировали для читателя все необходимые документы и другие источники.

В главах про экономику хорошо описаны механизмы финансирования экономического роста в современном Китае, практика принятия решений по кредитованию проектов. Эти процессы весьма важны для определения особенностей деловой среды, а также характеристики механизмов развития страны, но они незаметны при макроэкономическом анализе, и только страноведы имеют возможность их наблюдать, описать и сделать понятными для некитаистов.

Сильной стороной монографии является то, что в ней подняты правильные вопросы. Например, глава 11 называется «Пределы экономической мощи Китая и перспективы китайского глобального экономического лидерства». Действительно, как это многократно, отмечается в рецензируемой монографии, Китай решил задачи догоняющего развития и стоит перед необходимостью формировать новую модель роста. Пока сохраняется большая неопределенность относительно дальнейших перспектив экономического роста КНР, и в этой связи представляется, что в монографии слишком мало внимания уделено четырем аспектам развития Китая. Это демографическая проблема, экология, место китайской индустрии в мире и развитие в КНР технологической четвертой промышленной революции. В монографии упоминается об отмене демографической политики «Одна семья, один ребенок», но хотелось бы знать мнение китаистов о роли этой политики в успехе социально-экономического

of International Relations and Security in East Asia) / Ed. by A.V. Torokunov, A.D. Voskressenski. Moscow: MGIMO, 2007. P. 1040.]

развития КНР в последние десятилетия и перспективах демографического развития Китая, а также влияния демографических процессов на ситуацию в стране.

Нарастание экологических проблем – это жертва, которую приносят все страны на пути быстрого индустриального роста. В КНР эта жертва оказалась очень велика. Только в последние годы проблему стали решать всерьез. Жаль, что об этом в монографии о модели развития современного Китая нет специального раздела, проблема лишь упоминается разными авторами.

Книга написана китайцами, поэтому неизбежно сосредоточение внимание на чисто китайских проблемах, например, весьма подробно в монографии анализируются вопросы регионального развития и различия в уровне социально-экономического развития регионов. Однако при взгляде с точки зрения мирового хозяйства видны две важные особенности китайской экономики, о которых в монографии также написано мало. Это успехи китайской обрабатывающей промышленности и развитие в КНР технологий четвертой промышленной революции. Например, китайская черная металлургия по объемам производства равна всей остальной мировой металлургии. Китай производит больше всех стран в мире автомобилей, обогнав США более чем в два раза. КНР – мировой лидер в производстве металлообрабатывающих станков, опережающий следующую за ним Японию почти также в два раза. В такой группе товаров как компьютеры, электроника и оптика Китай на первом месте в мире, опережая США в два раза. По установке промышленных роботов Китай также номер один в мире и также с двукратным опережением второго номера в мире – Южной Кореи⁴.

В рецензируемой монографии авторы острожно называют Китай второй по масштабам экономикой в мире, но это верно лишь при анализе ВВП по текущим обменным курсам. В современной экономике велика доля услуг, а услуги китайских шоферов, поваров, официантов, врачей и адвокатов дешевле аналогичных услуг в США. Применяемые сравнения по паритетам покупательной способности отчасти решают эту проблему, но лишь отчасти, так что по объему производства товаров и услуг Китай не уступает США.

Китай со всей очевидностью сделал ставку на быстрое развитие технологий четвертой промышленной революции. Такой путь снимает проблемы старения населения и сокращения рабочей

силы, но это и социальная проблема в стране с большим сельским населением. Сделав ставку на развитие новой системы производительных сил⁵, *supple side*, обеспечивающие предложение в рыночной экономике, Китай создал себе хорошие возможности для экономического роста в будущем. Большое сельское население, нерешенные экологические проблемы, необходимость улучшить социальные гарантии населению, а также международные проекты, входящие в проект «Один пояс, один путь», способны обеспечить *demand side*, спрос, который должны обеспечить модернизированные производительные силы. Таким образом, Китай может еще долго развивать свою экономику достаточными высокими темпами.

С проблемой избыточных производительных мощностей, которая неоднократно упоминается в главах, посвященных экономическому развитию КНР, Китай может справиться, повторив то, что было сделано в японской экономике в 1970-е и 1980-е годы, когда потребовался структурный сдвиг в развитии. Большие объемы производительных мощностей были просто скрапированы.

Существующие ныне региональные диспропорции в КНР, разная степень социально-экономического развития провинций также может стать импульсом для дальнейшего экономического роста, поскольку догоняющая модель развития может переместиться с национального уровня (по средним по стране показателям Китай по существу вошел в категорию развитых стран) на региональный. Отстающие провинции будут догонять передовые, поднимая национальные показатели экономического роста. Таким образом, вполне вероятно, может сложиться ситуация, при которой проблемы, детально описанные в разделе «Экономическое измерение», могут быть решены.

Очень системно и подробно описаны внешнеполитические и внешнеэкономические связи КНР со всеми основными игроками мировой политики: США, ЕС, БРИКС, а также странами Южной и Юго-Восточной Азии. В результате получается хоть и специфическая, ориентированная на Китай и его проблемы, но глобальная картина международных отношений.

Много внимания в монографии уделено проекту «Один пояс, один путь». В разделе «Геополитика региональных проектов КНР» рассматриваются разные аспекты этого проекта, но и в других разделах есть анализ этого начинания. Такое внимание к этому проекту не удивительно. Он имеет, как это показано в монографии, глобальное значение. На с. 560-561 показано, что

⁴ Акимов А.В. Обрабатывающая промышленность стран Востока в мировых показателях: статистический очерк // Экономист. 2018. №4. С. 10-20. [Akimov, A.V. Obrabatyvajushhaja promyshlennost' stran Vostoka v mirovyh pokazateljah: statisticheskij ocherk (Manufacturing Industry of the Countries of the East in World Indicators: a Statistical Essay) // *Ekonomist*, 2018, No. 4, pp. 10-20.]

⁵ Новая система производительных сил и страны Востока. Колл. монография. / отв. ред. Акимов А.В., Панарин С.А. М., 2019. 276 с. [Novaja sistema proizvoditel'nyh sil i strany Vostoka (The New System of Productive Forces and the Countries of the East). Ed. by Akimov A.V., Panarin S.A. Moscow, 2019. 276 p.]

этот проект получил импульс к развитию после того, как США инициировали создание Транстихоокеанского партнерства, направленного против Китая. Таким образом, «Один пояс, один путь» – начало успешного глобального противостояния Китая в соперничестве с США.

Конечные точки проекта на западе расположены в Европе. Страны ЕС оказываются вовлеченными в проект, как покупатели товаров из Китая, но и как поставщики своей продукции на Восток.

Для развивающихся стран ситуация с проектом «Один пояс, один путь» неоднозначна. Для самых бедных и отсталых это воистину удача, поскольку строительство дорогостоящей транспортной инфраструктуры для них экономически, технологически и организационно непосильная задача. В гл. 28 показано, что наиболее успешно продвижение китайского проекта идет в Лаосе, Камбодже и Мьянме. В то же время, Индия и Вьетнам не склонны участвовать в этом начинании.

Понятно, что для КНР большое транспортное строительство за рубежом китайскими фирмами, китайским оборудованием, с использованием продукции китайской промышленности, в частности, черной металлургии, в которой наблюдается переизбыток мощностей, является выгодным вариантом поддержания экономического роста в стране, а также способом расширения международного влияния.

Во вступительной статье профессор Юй Хунцзюнь, описывая принципы внешней политики Китая в современных условиях, подчеркивает важность для КНР внести вклад в прогресс человечества. Это идеологическая позиция, которая поддерживает гуманистические и коллективистские принципы, восходящие к европейскому марксизму. В ней заложено противопоставление существующему мировому порядку, основанному на национальных интересах и рыночных отношениях. В качестве реализации этой политики китайская сторона позиционирует проект «Один пояс, один путь».

Вместе с тем, экономические эффекты могут сильно отличаться от провозглашенных целей. В этой связи интересным фактом является то, что для стран Африки большой проблемой является импорт одежды second-hand и не проданных остатков⁶. Импорт не позволяет развиваться легкой промышленности, которая всегда была стартовой площадкой для индустриализации. Транспортная инфраструктура в условиях рыночной экономики может быть использована покупателями и продавцами из разных стран, так что стихийно, чисто по законам рынка развивающиеся страны будут лишены возможностей для развития.

Аналогичная проблема стоит и перед Россией и странами СНГ, через которые пройдут трассы

⁶ Взятые с вторичным / Коммерсант-Онлайн. Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/33883629/?frommail=1> [Vzjaty s vtorichnym / Kommersant-Online. Mode of access: <https://news.mail.ru/economics/33883629/?frommail=1>]

проекта «Один пояс, один путь». Российской стороне необходимо детально рассмотреть последствия участия в этом проекте. В монографии нет однозначной оценки проекта «Один пояс, один путь», какого-то общего мнения по его поводу, но в ней собрана большая, полезная, разнообразная информация по этому проекту, которая позволяет объективно оценить его достоинства и недостатки для участников. Это полезно для выработки отношения к этому проекту в России.

Безусловно, сильной стороной монографии является то, что в ней нет единого мнения авторского коллектива. Собраны разные авторы, представлены разные мнения. В коллективе три автора из КНР. Вместе с тем, на с. 157 есть такая рекомендация отечественным чиновникам, бизнесменам, работникам образования и науки и работникам СМИ: «Нужно исключить работу по принципу «поддакивания» пропаганде китайской стороны и работу фактически на содержании у китайской стороны».

В этой связи важно отметить, что Китай стал весьма важным партнером России в условиях экономических санкций Запада. В 2019 г. на КНР пришлось более четверти импорта Россией товаров инвестиционной группы по статье 84 товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (машины, оборудование, механические устройства)⁷. Китай почти в два раза опередил Германию, которая традиционно была поставщиком товаров этой группы в Россию.

Сильной стороной монографии является многосторонность и комплексность, энциклопедичность построения, дающая читателю возможность возвращаться к ее главам многократно после первого прочтения для уяснения самых разных вопросов жизни современного Китая.

Литература:

Акимов А.В. Обращающаяся промышленность стран Востока в мировых показателях: статистический очерк // Экономист. 2018. № 4. С. 10-20.

Мировое комплексное регионоведение / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр / Инфра-М, 2018.

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы» / под ред. А.Д. Воскресенского; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.

⁷ Экспорт и импорт Российской Федерации по странам и товарным группам за второй квартал 2019 г. / Федеральная таможенная служба. Режим доступа: <http://stat.customs.ru/apex/?p=201:7:3321979068533079::NO> [Jeksport i import Rossijskoj Federacii po stranam i tovarnym gruppam za vtoroj kvartal 2019 g. (Export and Import of the Russian Federation by Country and Product Group for the Second Quarter of 2019) / Federal Customs Service. Mode of access: <http://stat.customs.ru/apex/?p=201:7:3321979068533079::NO>]

Новая система производительных сил и страны Востока. Колл. монография. / отв. ред. Акимов А.В., Панарин С.А. М., 2019. 276 с.

Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под рук. и с предисл. А.В. Торкунова, научн. ред.- сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2007.

References:

Akimov, A.V. Obrabatyvajushhaja promyshlennost' stran Vostoka v mirovyh pokazatel'jah: statisticheskij ocherk (Manufacturing Industry of the Countries of the East in World Indicators: a Statistical Essay) // Ekonomist, 2018, No. 4, pp. 10-20.

Development Model of Modern China: Assessments, Discussions, Forecasts. Ed. by Alexei D. Voskressenski;

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow: Strategic Research, 2019. 736 p.

Energeticheskie izmerenija mezhdunarodnyh odnoshenij i bezopasnosti v Vostochnoj Azii (Energy Dimensions of International Relations and Security in East Asia) / Ed. by A.V. Torkunov, A.D. Voskressenski. Moscow: MGIMO, 2007.

Mirovoe kompleksnoe regionovedenie (World Comprehensive Regional Studies). Ed. by A.D. Voskressenski. Moscow: Magistr / Infra-M, 2018.

Novaja sistema proizvoditel'nyh sil i strany Vostoka (The New System of Productive Forces and the Countries of the East). Ed. by Akimov A.V., Panarin S.A. Moscow, 2019. 276 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10028

NEW CHINA IS WALKING NEARBY

**Review of the Collective Monograph:
Development Model of Modern China: Assessments, Discussions, Forecasts.
Ed. by Alexei D. Voskressenski.
Moscow: Strategic Research, 2019. 736 p.**

Alexander V. Akimov

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

<p>Article history: <i>Received</i> <i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">15.02.2020 16.03.2020</p>	<p>Abstract: Review of the collective monograph: Development Model of Modern China: Assessments, Discussions, Forecasts. Ed. by Alexei D. Voskressenski; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow: Strategic Research, 2019. 736 p</p>
<p>About the author: Dr. of Economics, Head of the Department of Economic Research, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	
<p>Key words: China; China's development model; international relationships; sinology; regional studies</p>	

Для цитирования: Акимов А.В. Рядом шагает новый Китай // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 177-181.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10028

For citation: Akimov, Alexander V. Ryadom shagayet novyy Kitay (New China Is Walking Nearby) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 177-181.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10028

К ПОЗНАНИЮ «НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ» КИТАЯ XXI ВЕКА

Рецензия на коллективную монографию:

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы /

под ред. А.Д. Воскресенского.

М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.

Виктор Лаврентьевич Ларин

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

Дальневосточного отделения Российской академии наук,

Владивосток, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i></p> <p style="text-align: right;">20 февраля 2020</p> <p><i>Принята к печати:</i></p> <p style="text-align: right;">23 марта 2020</p>	<p>Аннотация: Рецензия на коллективную монографию: Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы» / под ред. А.Д. Воскресенского; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.</p>
<p>Об авторе:</p> <p>Академик РАН, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук</p> <p>e-mail: victorlar@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>Китай; Китай в XXI веке; комплексное регионоведение; Восточная Азия</p>	

В последние годы российское китаеведение нечасто балует научный мир фундаментальными научными трудами, посвященными современному Китаю. Это удивительно и не очень. Удивительно потому, что Китай сегодня требует пристального внимания и понимания как главный мотор мировой экономики и разрушитель евроцентричной модели глобального управления, который настойчиво продвигает своё видение мироустройства и принципов международных отношений. И если в Пекине чихают, то аукается это в самых разных уголках мира. Нынешняя ситуация с коронавирусом это подтверждает. И не только ведущие мировые игроки, страны-соседи, но и далекие от Китая страны внимательно отслеживают и анализируют происходящие в нём процессы, прогнозируют перспективы его развития. Но не в России, где китаеведение серьёзно подорвано реформами в сфере образования и на-

уки. Поэтому каждый подобный труд, сделанный основательно и качественно, требует поистине героических усилий. Появление его воспринимается как праздник, который позволяет востоковедному сообществу воспрянуть духом и надеяться, что даже вопреки усилиям наших записных реформаторов российская синология не только живет, но и сохраняет в себе потенциал для очередного возрождения.

Эта прелюдия необходима, чтобы по достоинству оценить смелость и усилия коллектива московских и питерских ученых, собранных профессором Воскресенским, чтобы, как сообщает ответственный редактор в предисловии, «объективно и непредвзято в дискуссионной форме показать как развивается Китай», с какими вызовами он сталкивается и к каким последствиям это может привести. Забегая вперед, скажу: получилось. Однако цель этого комплексного и

весьма объемного труда, как мне кажется, много глубже, чем чисто описание и оценка модели развития современного Китая. Это еще и попытка проявить замысловатые связи между процессами внутреннего развития страны и трансформацией окружающего её мира, оценить влияние на эти процессы историко-культурного и философского наследия китайской цивилизации и, в конечном итоге, попытаться найти возможности для приложения опыта китайских реформ к российской действительности.

Китай находится в модернизационном поиске уже полтора столетия, начиная с «политики самоусиления» 60-х годов XIX в. Однако лишь последняя – условно говоря, дэнсяопиновская модель – позволила достичь той цели, к которой стремились все китайские политики эти годы: вернуть Поднебесной статус великой державы, как минимум, уравнивая её политический, экономический и военный вес с государствами-лидерами, снять напряженность по периметру границ и восстановить её культурное влияние в мире. Но и этот этап для Китая уже в прошлом. Пятое поколение китайских руководителей убеждено, что и Китай, и весь мир вступают в «новую эпоху». Так что коллективная монография, которой посвящена эта рецензия, призвана максимально широко описать и оценить ту стартовую площадку, с которой начинается движение Китая в будущее.

Китайскую официальную интерпретацию «новой эпохи» представляет во вводной статье китайский дипломат, политик и ученый Юй Хуцзюнь. Прежде всего, он постулирует и частично раскрывает некоторые концептуальные характеристики и принципы дипломатии Пекина и «китайскую специфику» его политики. Китай – великая держава, которая в наступившую «новую эпоху» больших неопределенностей берет на себя трудное бремя лидерства в строительстве нового мирового порядка, а Компартия Китая, обеспечивающая теоретическую базу стратегии и тактики китайской политики, считает своей стратегической целью не больше, не меньше как прогресс всего человечества. И вот этот китайский зачин призваны подтвердить или опровергнуть три десятка авторов монографии.

Вступительная и глубоко теоретическая глава профессора А. Воскресенского как раз и посвящена обоснованию неизбежности перехода Китая от дэнсяопиновского этапа развития, основанного на расширяющемся внешнем спросе, дешевой рабочей силе и мировой взаимосвязанности в торговых отношениях, к созданию новой модели, ответственность за которую решил возложить на свои плечи Си Цзиньпин. В отличие от многих западных авторов, которые обнаруживают в последних

внутриполитических решениях и действиях КПК лишь зажим демократии, усиление авторитаризма и чуть ли не конец политики модернизации и реформ, А. Воскресенский смотрит вглубь этих процессов и видит не только централизацию «сверху» во имя сохранения политической стабильности, но и демократизацию снизу, как экономическую, так и управленческо-политическую, которая «корректирует 'снизу' централизацию 'сверху'» (с. 52). В целом, в главе содержится немало существенных оценок разных этапов модернизации коммунистического Китая – политической и социальной моделей развития, экономической и политической трансформации, идеологической платформы прежних, нынешних и будущих реформ, над которыми стоит внимательно поразмыслить.

Основной массив монографии состоит как бы из двух блоков. Первый из них (и по расположению, и как мне видится, по своей важности) посвящен различным аспектам внешней политики КНР последнего десятилетия. Второй – политическим, экономическим и социальным новациям китайского руководства внутри страны. В первом разделе – «Внешнеполитическое измерение» – читателю предлагаются история формирования, содержание и иерархия «внешнеполитических идей Си Цзиньпина» (А. Ломанов), прогноз развития российско-китайских и китайско-американских отношений на основе детального разбора доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК (Ю. Галенович), анализ одной из базовых внешнеполитических концепций китайского лидера – «сообщества единой судьбы человечества» (К. Санин) и существующих в стране подходов к пониманию и использованию механизма «мягкой силы» в международных делах (С. Кривохиж). Особое внимание в этом разделе, как мне кажется, следует обратить на замечания А. Ломанова по поводу заметно усилившихся в последние годы в КНР трендов к «рекитаизации» (широкого использования традиционных ценностей и концепций в современной политике) и «реидеологизации» (активизации идейно-воспитательной работы), которые не совсем адекватно толкуются и, соответственно, вызывают преимущественно негативную реакцию экспертного сообщества за рубежом.

Важно, что все авторы этого раздела не ограничиваются пересказом и толкованием теоретических изысков китайских политиков, а видят в этом анализе инструмент для понимания логики людей, которые вырабатывают практическую политику и тем самым для её прогнозирования. Читая эти главы, хочется верить, что лица, принимающие в России принципиальные решения по вопросам внешней политики России, её кадрового и научного обеспечения (а вдруг, каким-то сверхъестествен-

ным случаем, у кого-то из них найдется время по-настоящему вдуматься в то, что происходит сегодня в Китае?), обратят внимание на практические рекомендации одного из старейших и опытных российских дипломатов и китаеведов Ю. Галеновича, касающихся формирования китайской политики России и изучения Китая (с. 155-160). Заметят и примут во внимание утверждение ученого, что «вопрос об отношениях с Китаем – это главный вопрос во внешней политике России». И поразмышляют над вычитанными им между строк витиеватой дипломатической риторикой китайских руководителей (а Ю. Галенович любит и умеет делать это профессионально) достаточно жесткие послы/рекомендации в адрес Москвы и Вашингтона.

Конкретная внешнеполитическая практика современного Китая представлена в четвертом («Региональные аспекты политики КНР») и пятом («Геополитика региональных проектов КНР») разделах монографии. Замысел составителей очевиден: продемонстрировать, насколько умело и эффективно внешнеполитические идеологемы и планы китайского руководства воплощаются в разных регионах мира посредством использования соответствующих инструментов, инициатив и проектов. Получилось, к сожалению, не очень гармонично и связано. Представленные в этих разделах материалы, посвященные отношениям Китая с США, Европейским Союзом, Южной и Юго-Восточной Азией, а также использованию Пекином таких институтов и инструментов, как БРИКС и инициатива «Пояса и пути», по-своему интересны, информативны и познавательны. Но они явно не синхронизированы с теоретическими посылами, содержащимися в первом разделе монографии, да и по уровню осмысления материала заметно им уступают. Придираюсь? Безусловно. Но от монографии такого уровня всегда хочется получить по максимуму.

Не могу не отреагировать особым порядком на две главы, посвященные российско-китайским региональным связям, а конкретнее – отношениям между российским Дальним Востоком и Китаем. Тем более, что это единственная конкретная тема, по которой получили возможность изложить свои взгляды ученые по обе стороны границы. Материал хэйлунцзянского исследователя Цзинь Хуэйсиня, посвященный, с одной стороны, новым шагам российского руководства по развитию восточных районов России, а с другой – экономическому сотрудничеству между этими районами и Китаем, является ярким образцом того, как понимают и интерпретируют эти вопросы его коллеги из приграничных с Россией провинций. Основной блок составляет перечисление оптимистичных заявлений российских

политиков и чиновников, перечисление важнейших решений и некоторых конкретных действий властей, нацеленных на приоритетное развитие региона. К ней добавляется позитивная информация о некоторых сдвигах в российско-китайских приграничных связях. Однако, казалось бы, возникающий на этой основе положительный настрой быстро развеивается при ознакомлении с приводимыми далее скромными результатами развития региона, фундаментальными проблемами которого, как полагает автор главы, являются «медленное развитие экономики и низкий уровень жизни» (с. 510), а также безжалостной оценкой «настоящих трудностей» в торгово-экономическом сотрудничестве Китая с Дальним Востоком. Таковыми автор считает «отсутствие передовых систем управления, идей и интернациональных кадров» (с. 519).

Взгляд с российской стороны составители тома доверили изложить группе якутских ученых, вероятно, как наиболее нейтральным в своих взглядах и суждениях. Якутия – один из немногих регионов Дальневосточного федерального округа, для которого Китай не является важным экономическим партнером (доля Китая во внешнеэкономических связях республики составляет немногим более 10%). Да и для самих авторов главы тема российско-китайских отношений, очевидно, является новой. В результате получился добросовестный обзор усилий российской власти по развитию Дальнего Востока, перечисление декларированных проектов и потенциальных возможностей отношений региона с Китаем, разбавленные отдельными, иногда даже критическими, но мало связанными с основным текстом замечаниями в адрес федерального центра в части его азиатской политики, как в собственной стране, так и в отношении Китая.

Три раздела монографии отведены ключевым вопросам внутреннего развития КНР. Они посвящены, соответственно, вопросам кадровой, социальной и национальной политики КПК (раздел «Внутриполитические и социальные измерения»), экономике («Экономическое измерение»), культуре и образованию («Культура, историческая самоидентификация, образование»). Предваряет их, так же как и внешнеполитический раздел, теоретическая глава: обстоятельный анализ концепции Си Цзиньпина о «социализме с китайской спецификой новой эпохи». Её автор (А. Виноградов), основываясь на анализе истории возникновения и трансформации теории строительства социализма с китайской спецификой и партийных документов последних лет, приходит к выводу о неизбежности наступления этой самой «новой эпохи» вследствие исчерпания потенциала ныне действующей модели индустриальной экономики. По его мнению, 19-й съезд

КПК «придал новое направление развитию Китая», особенностью которого становится перенос центра тяжести с экономического строительства на совершенствование системы государственной власти и общественных отношений (с. 185).

То, что эта система требует улучшения, подтверждают главы, посвященные кадровой (Е. Румянцев) и социальной (Д. Борисова) политике КПК. В обеих сферах существуют очень серьезные проблемы. Как убедительно показывают авторы, несмотря на немалые усилия, прилагаемые нынешним руководством, до их решения пока далеко. Прежде всего, они связаны с наличием «многочисленных застарелых проблем в кадровой области» (с. 205), которые борьба с коррупцией решает лишь частично, порождая при этом новые. Острой остается тема социального неравенства, проявляющаяся, как минимум, в трёх плоскостях (между регионами, городом и деревней, жителями городов) и уже выплескивающаяся на улицы китайских городов в форме социальных протестов. А вот китайская модель национальной политики, по мнению автора следующей главы (М. Солощева), в основе которой лежит «баланс между репрессивной политикой и позитивной дискриминацией», «является весьма эффективной и результативной» (с. 259).

Экономический блок монографии вызывает двойственные чувства. С одной стороны, четкой картины современного состояния китайской экономики и трендов её дальнейшей модернизации (что хотелось бы видеть в такой фундаментальной работе) он не дает. Есть какая-то мозаика, которая, вдобавок, отодвинута от сегодняшнего дня на четыре-пять лет, что в условиях нынешнего динамизма кажется чуть ли не древностью. По каким-то причинам составители не стали привлекать к работе ведущих российских специалистов по экономике Китая и дали высказаться молодежи, которой общие планы оказались пока не под силу. С другой стороны, в этом разделе присутствуют интересные размышления более зрелых авторов о возможностях китайского глобального экономического лидерства (Я. Лексютина) и актуальных угрозах для поступательного развития китайской экономики (П. Мозиас). Рассуждения не бесспорные, но эти главы, безусловно, заслуживают внимания.

Глава, открывающая раздел «Культура» (С. Торопцев), формально никак не привязана ни к «новой эпохе» развития Китая, ни к прогнозам относительно путей его дальнейшей модернизации. Ведущий российский специалист по истории китайского кино делится своими мыслями о том, в каком состоянии пребывает сегодня та этнопсихологическая модель культуры, в которой Поднебесная империя существовала на протяжении многих столетий. И

находит художественные подтверждения тому, что традиционная китайская ментальность в своих основных характеристиках остается неизменной (с. 681). Фактически к этому же выводу приходит автор следующей главы, посвященной поискам элементов конфуцианства в идеологических новациях Си Цзиньпина (В. Сухомлинова). Выявление конфуцианской терминологии в риторике лидеров КПК позволяет ей констатировать, что конфуцианство «становится новым структурообразующим элементом доктрины «социализма с китайской спецификой» (с. 695).

Итак, книга получилась. Я уверен, что каждый читатель найдет в ней что-то важное, интересное и познавательное для себя. Составители тома признаются, что они дали возможность изложить свои взгляды представителям четырех поколений исследователей. Такой подход, с одной стороны, предопределил разный уровень теоретического осмысления описываемых авторами событий и проблем, а с другой, – дает широкий диапазон теоретических подходов, от марксистского до агрессивно вторгающейся в российское Китаеведение американской «либеральной парадигмы в рамках теории международных отношений». По крайней мере, молодой апологет этого подхода заставил меня поразмышлять над предложенным им лихим определением политического режима современного Китая, который он заклеил как «гибридный посттоталитарный режим с полупарламентной системой...», который постепенно трансформируется в классический авторитарный режим» (с. 282).

Таким образом, «Модель развития» представляет на сегодняшний день наиболее полный и всесторонний, особенно с теоретической точки зрения, многоаспектный анализ нынешнего этапа трансформации Китая, предложенный российским Китаеведением. «Сравнительная политология» присутствует в этой книге во всевозможных измерениях: хронологическом, географическом, теоретическом и пр., как и история, экономика, философия, культура... Тот читатель, кто внимательно прочитает эту книгу, действительно сможет понять: чего хочет и к чему стремится современное китайское руководство, увидеть логику его действий и подоплеку принимаемых решений.

Составитель тома проф. А. Воскресенский скромно пишет в заключении, что книга написана для нового поколения российских специалистов по Китаю. По моему мнению, она будет полезна всем поколениям, и не только синологам. Полезна как источник информации, повод для размышлений, стимул для дискуссий и основа для адекватного понимания очень и очень непростого Китая, каким он был вчера, остается сегодня и, несомненно, будет завтра.

Литература:

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы» / под ред. А.Д. Воскресенского; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.

References:

Development Model of Modern China: Assessments, Discussions, Forecasts. Ed. by Alexei D. Voskressenski; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow: Strategic Research, 2019. 736 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10029

EXPLORING “NEW REALITY” OF CHINA IN THE 21ST CENTURY

Review of the Collective Monograph:
Development Model of Modern China: Assessments, Discussions, Forecasts.
 Ed. by Alexei D. Voskressenski.
 Moscow: Strategic Research, 2019. 736 p.

Viktor L. Larin

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East,
 Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences,
 Vladivostok, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received</i></p> <p style="text-align: right;">20.01.2020</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">23.03.2020</p>	<p>Abstract: Review of the collective monograph: Development Model of Modern China: Assessments, Discussions, Forecasts. Ed. by Alexei D. Voskressenski; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow: Strategic Research, 2019. 736 p.</p>
<p>About the author: Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: victorlar@mail.ru</p>	
<p>Key words: China; China in the 21st century; comprehensive regional studies; East Asia</p>	

Для цитирования: Ларин В.Л. К познанию «новой реальности» Китая XXI века // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 182-186.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10029

For citation: Larin, Viktor V. K poznaniyu «novoy real'nosti» Kitaya XXI veka (Exploring “New Reality” of China in the 21st Century) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 182-186.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10029

КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА «ПОЯСА И ПУТИ» И ОЦЕНКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Рецензия на книгу:
China's Belt and Road Initiative. Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus
Ed. by Harinder S. Kohli, Johannes F. Linn, Leo M. Zucker.
Sage Publications Pvt. Ltd, 2020. 300 p.

Денис Андреевич Кузнецов

*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 28 февраля 2020</p> <p><i>Принята к печати:</i> 25 марта 2020</p>	<p>Аннотация: Рецензия на книгу: China's Belt and Road Initiative. Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus. Ed. by Harinder S. Kohli, Johannes F. Linn, Leo M. Zucker. Sage Publications Pvt. Ltd, 2020. 300 p.</p>
<p>Об авторе:</p> <p>преподаватель, кафедра мировых политических процессов; научно-технический сотрудник, Центр комплексного китаеведения и региональных процессов, МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>Пояс и путь; Один Пояс – Один Путь; Китай; трансрегионализм; Евразия; международные отношения</p>	

Ускоренное развитие трансрегиональных процессов в рамках современной мировой политической системы в первые два десятилетия нынешнего века привело к формированию высоко конкурентной международно-политической среды в Евразии. Усиление межтриадических связей – в частности ЕС и АСЕАН, дискуссии о формировании «асеаноцентричного» регионального порядка в процессе прожизнения нескольких макрорегиональных проектов в Большой Восточной Азии, успехи в достижении соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), выдвижение инициативы «Пояса и пути» и концепции «Большой Евразии» – все это отражает процессы формирования сложной трансрегиональной архитектуры на масштабном евразийском пространстве. Развитие трансрегионализма на континенте и в мире было обусловлено конкуренцией между

крупнейшими центрами влияния в Евразии, перешедшей в формат соревнования проектов новых регионов функционального типа, стянутых альтернативными ценностями и альтернативными моделями социально-экономического, национального и международно-политического развития.

Особое место в этой новой архитектуре занимает китайская инициатива «Пояса и пути» (一帶一路). Задумку проекта можно рассматривать как трансрегиональную альтернативу западным моделям интеграции, формирование конкурентоспособной модели международной кооперации нового типа, одновременно сочетающей в себе как элементы трансрегионального «соразвития», провозглашенного китайской стороной, так и преследования национальных интересов усиливающегося Китая, усматрива-

ющего в проекте возможности и для расширения влияния вовне, и для решения внутренних проблем.

Оценка потенциала данного трансрегионального проекта, интерес к которому на данном этапе проявили более ста государств мира, а также проблем его реализации и вероятных последствий незамедлительно стало предметом исследований, в том числе международного уровня¹. Одной из таких коллективных работ, ставящих целью комплексного анализа проекта, является книга «Китайская инициатива «Пояса и пути». Потенциальные трансформации в Центральной Азии и Закавказье»². Книга вышла под редакцией трех известных ученых и практиков – основателя и директора Форума развивающихся рынков Хариндера Коли (*Harinder S. Kohli*), старшего научного сотрудника Бруклинского института Йоханнеса Линна (*Johannes F. Linn*) и проектного исследователя «Centennial International Group» Лео Цукера *Leo M. Zucker (Leo M. Zucker)*, объединивших в коллектив более десяти авторов из разных стран мира – Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Грузии, Китая, Бельгии, Индии, Японии, России, США. Такая география авторов гармонично легла в текстуру исследования, «разбитую» по страновому принципу, поскольку один из основных вопросов, которые задают себе авторы монографии: каким образом реализация «Пояса и пути» затронет ключевые субрегионы Азии и интересы ведущих держав современного мира?

Необходимо отметить, что сама идея такого исследования родилась на полях глобального Форума развивающихся рынков, который традиционно объединяет не только представителей правительств и бизнес-сообществ развивающихся экономик, но и крупнейших региональных

валютно-финансовых институтов – Азиатского банка развития, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Европейского банка реконструкции и развития – то есть тех опор современной евразийской финансовой архитектуры, которые проявили интерес или участие к развитию Инициативы. Таким образом, обсуждение результатов исследования выносилось на большие международные научные и профессиональные площадки и включали в себя проблематику преимуществ и вызовов проекта «Пояса и пути», прежде всего, для Центральной Азии и Закавказья. Сама структура книги явно отражает ориентированность исследования на понимание экспертного взгляда «изнутри» стран-участниц, обеспеченного сотрудниками ведущих национальных научных, аналитических и консалтинговых центров вышеуказанных государств.

Уникальность и новизна исследования связана с оценкой макроэкономического эффекта реализации инициативы «Пояса и пути» как на относительно развитые и объемные рынки, так и на рынки наименее развитых государств Евразии, а также оценкой социальных эффектов. Авторы подтверждают, что главными общими благами от реализации проекта остаются снижение транспортных расходов и интенсификация взаимной торговли. Потенциально к ним могут подключиться рост взаимных инвестиций, прежде всего, в секторах тяжелой промышленности, энергетики и сельского хозяйства, являющихся стратегическими для значительной части государств Евразии. Государства Центральной Азии и Закавказья видят в реализации Инициативы уникальную возможность не только для улучшения инвестиционного климата, но и для диверсификации своей внешней торговли, модернизации инфраструктуры, использования новых стимулов роста и социально-экономического развития. Другой фокус исследования – проблема устойчивости долговой и фискальной политики государств Центральной Азии и Закавказья, многие из которых не относятся ни к экономикам высокого уровня дохода, ни к странам устойчивого развития. Подключение к инициативе, по мнению исследователей, потребует от данных экономик более тесного сотрудничества с региональными финансовыми институтами, чье «организационное» участие в реализации Инициативы видится авторам необходимым для управления рисками и для оформления системы макрорегионального управления вообще. Тезис авторов относительно необходимости «институционального» строительства «Пояса и пути» с участием многосторонних региональных финансовых институтов представляется убедительным, так как это может, во-первых, смягчить негативное восприятие проекта – главным образом со стороны Индии, во-вторых, обеспечить аналитическую и

¹ The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski & Boglárka Koller. Lexington Books, 2019. 242 p.; Mações, B. Belt and Road: A Chinese World Order. Hurst, 2019. 299 p.; Frankopan, P. The New Silk Roads: The New Asia and the Remaking of the World Order. Vintage, 2019. 320 p.; Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения. Под ред. А.В. Лукина и В.И. Якунина. М.: Издательство «Весь Мир», 2019. 416 с. [Puti i poyasa Yevrazii. Natsional'nyye i mezhdunarodnyye proyekty razvitiya na Yevraziyskom prostranstve i perspektivy ikh sopryazheniya (Roads and Belts of Eurasia. National and International Development Projects in the Eurasian Space and the Prospects for Their Integration). Ed. by A.V. Lukin & V.I. Yakunin. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2019. 416 p.]; Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с. [Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy (Development Model of Modern China: Assessments, Discussions, Forecasts). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategic Research, 2019. 736 p.] и др.

² China's Belt and Road Initiative. Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus. Ed. by Harinder S. Kohli, Johannes F. Linn, Leo M. Zucker. Sage Publications Pvt. Ltd, 2020. 300 p.

координационную поддержку реализации проекта, требующего взвешивания инфраструктурного, логистического, социально-экономического и экологического факторов. С точки зрения практической ценности в части рекомендаций авторы выступают за «двойной подход», который для государств-участниц означает как взвешивание национальных интересов и оценку собственных возможностей дабы не подорвать устойчивость развития, так и наращивание взаимодействия с региональными финансовыми институтами.

Хотя монография и сфокусирована на финансово-экономических и инвестиционных факторах развития трансрегиональной инициативы, тем не менее, ее содержание имеет несомненную ценность для дальнейшей дискуссии по политической экономии и китайского проекта и трансрегионализма, уже развернутой отечественными и зарубежными авторами, но зачастую страдающей от недостатка «фактуры», прежде всего экономического толка. Кроме того, анализ потенциальных геэкономических сдвигов в Евразии – среди которых рост уязвимости центральноазиатских государств – является важной аналитической опорой для концептуального и фактического наполнения российского видения «Большой Евразии» и инициативы по сопряжению «Пояса и пути» и Евразийского экономического союза. Вероятно, «коллективное» подключение к новому проекту в рамках ЕАЭС сможет смягчить потенциальные экономические шоки, с одной стороны, и способствовать менее конкурентному и острому характеру макроэкономических трансформаций в Евразии, объединяющей несколько крупных держав, в том числе Россию, Индию и Китай. Инициатива «сопряжения», однако, никакого серьезного осмысления в работе в контексте рассматриваемой проблематики не получает, что может быть отнесено к ее недостаткам.

По мнению авторов, Инициатива «Пояса и пути» изменит международные «правила игры» в Евразии. Представляется, что речь может также идти об усилении новой роли регионов функционального типа в мировой политике, об их трансформирующем влиянии не только «снизу-вверх», то есть в отношении современной системы международных отношений, но и «сверху-вниз» – на уровне национальных государств, вынужденных реформировать собственные экономические системы и искать пути встраивания в новую региональную архитектуру.

Данный монолитный труд может быть интересен не только исследователям, но и практикам – лицам принимающим решения в отдельных государствах, потенциально вовлеченных в новые «пути» в Евразии. Широкий географический охват рассматриваемых государств и потенциала их участия в Инициативе (не только

страны Центральной Азии и Закавказья, но и Европа (16+1), Россия и США), а также качественная аналитика, поддержанная интеллектуальными ресурсами Форума развивающихся рынков определяют ценность работы.

В начале 2020 г. в нескольких как отечественных, так и зарубежных изданиях появились экспертные оценки относительно кризиса и вероятного краха «Пояса и пути», как в связи с актуализацией проекта «Индо-Пацифики», так и, прежде всего, в условиях экономического спада, вызванного эпидемией коронавируса нового типа. Однако уже сегодня понятно, что Китай не только не оставил своего проекта (хотя вероятно и вынужден будет снизить свою инвестиционную активность), но и усиливает его и за счет нового витка гуманитарной политики, и за счет необходимости оживления роста в Евразии, стимулом для которого остается многосторонние проекты мягкой интеграции и торгово-экономической кооперации. Таким вариантом кооперации остается инициатива «Пояса и пути», и выводы авторов коллективной монографии «Китайская инициатива «Пояса и пути». Потенциальные трансформации в Центральной Азии и Закавказье» убедительно аргументируют данный тезис. Так или иначе, потенциал трансрегионального проекта «Пояса и пути» должен стать одним из основных фокусов анализа и предметов международной дискуссии на ближайшие годы.

Литература:

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.

Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения. Под ред. А.В. Лукина и В.И. Якунина. М.: Издательство «Весь Мир», 2019. 416 с.

China's Belt and Road Initiative. Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus. Ed. by Harinder S. Kohli, Johannes F. Linn, Leo M. Zucker. Sage Publications Pvt. Ltd, 2020. 300 p.

Frankopan, P. The New Silk Roads: The New Asia and the Remaking of the World Order. Vintage, 2019. 320 p.

Maçães, B. Belt and Road: A Chinese World Order. Hurst, 2019. 299 p.; Frankopan, P. The New Silk Roads: The New Asia and the Remaking of the World Order. Vintage, 2019. 320 p.

The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski & Boglárka Koller. Lexington Books, 2019. 242 p.

References:

Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy (Development Model of Modern China: Assessments, Discussions, Forecasts). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategic Research, 2019. 736 p.

Puti i poyasa Yevrazii. Natsional'nyye i mezhdunarodnyye proyekty razvitiya na Yevraziyskom prostranstve i perspektivy ikh sopryazheniya (Roads and Belts of Eurasia. National and International Development Projects in the Eurasian Space and the Prospects for Their Integration). Ed. by A.V. Lukin & V.I. Yakunin. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2019. 416 p.

China's Belt and Road Initiative. Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus. Ed. by Harinder S. Kohli, Johannes F. Linn, Leo M. Zucker. Sage Publications Pvt. Ltd, 2020. 300 p.

Frankopan, P. The New Silk Roads: The New Asia and the Remaking of the World Order. Vintage, 2019. 320 p.

Maçães, B. Belt and Road: A Chinese World Order. Hurst, 2019. 299 p.; Frankopan, P. The New Silk Roads: The New Asia and the Remaking of the World Order. Vintage, 2019. 320 p.

The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski & Boglárka Koller. Lexington Books, 2019. 242 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10030

CHINESE “BELT AND ROAD” INITIATIVE, AND ASSESSMENT OF REGIONAL TRANSFORMATIONS

Review of the book:

China's Belt and Road Initiative. Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus.
Ed. by Harinder S. Kohli, Johannes F. Linn, Leo M. Zucker.
Sage Publications Pvt. Ltd, 2020. 300 p.

Denis A. Kuznetsov

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p style="text-align: right;">20.01.2020</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">23.03.2020</p>	<p>Abstract: Review of the book “China's Belt and Road Initiative. Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus. Ed. by Harinder S. Kohli, Johannes F. Linn, Leo M. Zucker. Sage Publications Pvt. Ltd, 2020. 300 p.”</p>
<p>About the author: Lecturer, Department of World Politics; Researcher, Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University</p> <p>e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru</p>	
<p>Key words: Belt and Road; One Belt – One Road; China; transregionalism; Eurasia; international relations</p>	

Для цитирования: Кузнецов Д.А. Китайская инициатива «Пояса и Пути» и оценка региональных трансформаций // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 187-190.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10030

For citation: Kuznetsov, Denis A. Kitayskaya initsiativa «Poyasa i Puti» i otsenka regional'nyh transformatsiy (Chinese “Belt and Road” Initiative, and Assessment of Regional Transformations) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 187-190.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10030

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10031

ИНТЕРНЕТ И КИТАЙ

Обзор книг:

Negro, Gianluigi. The Internet in China: From Infrastructure to a Nascent Civil Society.
Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 276 p.

Kuang, Wenbo. Social Media in China (Sociology, Media and Journalism in China). Springer Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. 293 p.

Griffiths, James. Great Firewall of China: How to Build and Control an Alternative Version of the Internet. London: Zed Books, 2019. 400 p.

Тимур Прокопенко

*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 10 марта 2020 <i>Принята к печати:</i> 24 марта 2020</p>	<p>Аннотация: Обзор книг: 1) Negro, Gianluigi. The Internet in China: From Infrastructure to a Nascent Civil Society. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 276 p.; 2) Kuang, Wenbo. Social Media in China (Sociology, Media and Journalism in China). Springer Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. 293 p.; 3) Griffiths, James. Great Firewall of China: How to Build and Control an Alternative Version of the Internet. London: Zed Books, 2019. 400 p.</p>
<p>e-mail: timur.prokopenko@list.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Интернет; Китай; коэволюционные процессы; WeChat; коэволюционная модель; СМИ</p>	

Процесс трансформации роли Интернета и социальных сетей в китайском обществе представляет несомненный интерес для западных экспертов. Интернет в целом и социальные сети в частности изменили контекст китайской публичной сферы, способствуя усилению влияния общественного мнения, онлайн-дискуссий и политической критики. Традиционные средства массовой информации уже не в состоянии так же эффективно воздействовать на общественное мнение. Китайское правительство учится реагировать на оппозиционную онлайн-повестку и усиливает свой контроль над Интернетом, продолжая при этом стимулировать прогресс информационной экономики. Результаты трансформационных процессов в китайском обществе представлены в трёх рассматриваемых в данном обзоре книгах.

Монография «Интернет в Китае: от инфраструктуры к рождению гражданского общест-

ва»¹ посвящена особенностям развития Интернета в Китае. Цель исследования – выявить посредством изучения конкретных китайских исторических, политических и экономических контекстов, насколько гражданское общество жизнеспособно в Китае. В книге подчеркивается, что развитие Интернета в Китае изначально не было подчинено пропагандистским мотивам, как это было в случае с традиционными китайскими СМИ. Интернет рассматривался в качестве «стратегического инструмента развития национальной экономики»², который призван был обеспечить условия для развития гражданского общества в Китае. В третьей главе книги отмечается, что в целях защиты от негативного влияния и нанесения непоправимого ущерба репутации руковод-

¹ Negro, Gianluigi. The Internet in China: From Infrastructure to a Nascent Civil Society. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 276 p.

² Ibid. P. 10.

ства Коммунистическая партия Китая развернула различные программы цензуры. В то же время правительство страны осознаёт необходимость соблюдения «баланса между преимуществами, ресурсами и интересами и правами, силой и контролем»³. Автор предлагает рассматривать китайское «гражданское общество с точки зрения коэволюционной модели»⁴. Отдельное внимание в книге уделено исследованию феномена китайской социальной сети *WeChat*, которая способствует созданию альтернативной публичной сферы и организации оффлайн-протестов. По мнению автора, вопрос о том, может ли *WeChat* поддерживать коэволюцию государства, рынка и гражданского общества, остается неопределенным.

В монографии «Великий китайский файрвол: как построить и контролировать альтернативную версию интернета»⁵ автор детально исследует, как менялся подход китайских властей к регулированию интернета на протяжении тридцати лет. В отличие от выше указанной книги в монографии делается акцент именно на технологической составляющей вопроса, а именно – «великий китайский файрвол» рассматривается как совокупность программного обеспечения, осуществляющего фильтрацию запрещенного властями контента извне, установленного в трех точках подключения, которые соединяют Китай с остальной частью всемирной паутины, и программного обеспечения, отвечающего за внутреннюю фильтрацию и цензуру, которое автоматически «нейтрализует подозрительные веб-ресурсы»⁶. В отличие от Дж. Негро, который анализирует влияние внутренней политики на развитие интернета в Китае, Дж. Гриффитс делает акцент на международном влиянии китайского модели регулирования онлайн-пространства. Так, в главе четвертой автор исследует влияние Китая на развитие российской интернет-цензуры, отмечая, что «история Павла Дурова демонстрирует, как Кремль перешел от классической модели к модели великого файрвола, не без помощи создателей последнего». Автор также показывает, как в настоящее время китайские технологии экспортируются не только в западные, но и в африканские страны.

Если в данных монографиях особенности социальных сетей в Китае рассматриваются косвенно и преимущественно на примере социальной сети *WeChat* в контексте развития интернета, то в книге «Социальные медиа в Китае (социоло-

гия, медиа и журналистика в Китае)»⁷ автор делает акцент именно на влиянии социальных сетей и медиа на публичную сферу. В. Куанг проводит разделительную линию между интернетом, мобильными телефонами, «социальными чатами и микро-блоггингом»⁸, которые представляют различные платформы для новых медиа, а также дает определение социальным медиа, именуя их «носителем, который коммуницирует информацию при помощи компьютерных средств или диджитал-оборудования»⁹. Автор анализирует новое поведение пользователей СМИ в Китае на базе модели «Эффект бабочки» для общественного мнения, а также исследует в качестве феномена группу авторов «интернет-призраков», которым платят за размещение определенного контента в Интернете.

Материалы книг будут полезны широкому кругу студентов, аспирантов и специалистов, исследующих особенности правового регулирования Интернета и развития социальных медиа в Китае.

References:

Negro, Gianluigi. The Internet in China: From Infrastructure to a Nascent Civil Society. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 276 p.

Kuang, Wenbo. Social Media in China (Sociology, Media and Journalism in China). Springer Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. 293 p.

Griffiths, James. Great Firewall of China: How to Build and Control an Alternative Version of the Internet. London: Zed Books, 2019. 400 p.

³ Ibid. P. 41.

⁴ Ibid. P. 203.

⁵ Griffiths, James. Great Firewall of China: How to Build and Control an Alternative Version of the Internet. London: Zed Books, 2019. 400 p.

⁶ Ibid. P. 139.

⁷ Kuang, Wenbo. Social Media in China (Sociology, Media and Journalism in China). Springer Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. 293 p.

⁸ Ibid. P. 194.

⁹ Ibid. P. 9.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10031

INTERNET AND CHINA

Review:

Negro, Gianluigi. *The Internet in China: From Infrastructure to a Nascent Civil Society*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 276 p.

Kuang, Wenbo. *Social Media in China (Sociology, Media and Journalism in China)*. Springer Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. 293 p.

Griffiths, James. *Great Firewall of China: How to Build and Control an Alternative Version of the Internet*. London: Zed Books, 2019. 400 p.

Timur Prokopenko

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

Article history:		Abstract: Review of the books: 1) Negro, Gianluigi. <i>The Internet in China: From Infrastructure to a Nascent Civil Society</i> . Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 276 p.; 2) Kuang, Wenbo. <i>Social Media in China (Sociology, Media and Journalism in China)</i> . Springer Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. 293 p.; 3) Griffiths, James. <i>Great Firewall of China: How to Build and Control an Alternative Version of the Internet</i> . London: Zed Books, 2019. 400 p.
	10.03.2020	
<i>Accepted:</i>	24.03.2020	
e-mail: timur.prokopenko@list.ru		
Key words: China; China in the 21 st century; Comprehensive Regional Studies; East Asia		

Для цитирования: Прокопенко Т. Интернет и Китай// *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 191-193.
DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10031

For citation: Prokopenko, Timur. Internet I Kitay (Internet and China) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 191-193.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10031

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают *авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительно-политического и сравнительно-исторического анализа*. К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту svavnitpolit@mail.ru, или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакционный цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; A4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
- поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
- все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);
- фамилия, имя, отчество автора(ов);
- резюме статьи на русском языке (200-250 слов);
- ключевые слова (7-12 слов на русском языке);
- основной текст статьи;
- информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя фамилия (английская транскрипция);

– abstract (резюме на английском языке, 200-250 слов);

- key words (7-12 слов на английском языке);
- about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Примеры и требования оформления литературы смотрите на сайте журнала:

<https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider *original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals*. The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy (svavnitpolit@mail.ru), or delivered to the Editorial office in hard and

electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 см, upper, lower and right – 2 см;
- tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
- Surname and author(s) initials;
- Abstract (in English, 200-250 words);
- Key words (in English, 7-12 words);
- Main body of the text;
- About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Title in Russian in capital letters;
- Surname and author(s) initials (Russian transcription);
- Abstract (in Russian, 200-250 words);

- Key words (in Russian, 7-12 words);
- About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. Literature guide is available at journal web-site:

<https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Submissions which violate these requirements will be rejected.

ПОДПИСКА

Сравнительная политика

Индекс по каталогу:

«Роспечать» – 37237

Периодичность в год – 4, 150 стр.

Стоимость одного номера при подписке
через редакцию – 450 руб.

Журнал посвящен актуальным проблемам политической жизни России. Рассматриваются вопросы взаимодействия между законодательной, судебной и исполнительной властью, политическими элитами и другими субъектами российской политики, а также такие проблемы, как становление правового государства и гражданского общества, демократизация и демократический транзит, модернизация и политические режимы, структурные реформы политической, партийной и избирательной систем.

Извещение	<p style="text-align: right;"><i>Форма № ПД-4</i></p> <p style="text-align: center;">ООО "Юридическая периодика"</p> <p style="text-align: center;"><small>наименование получателя платежа</small></p> <p><u>7705790921</u> <u>40702810500000010326</u></p> <p><small>ИНН получателя платежа</small> <small>(номер счета получателя платежа)</small></p> <p>в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> БИК <u>044525272</u></p> <p><small>(наименование банка получателя платежа)</small></p> <p>Номер кор./сч. банка получателя платежа: <u>30101810000000000272</u></p> <p>Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2021</p> <p><small>(наименование платежа)</small> <small>(номер лицевого счета (код) плательщика)</small></p> <p>Ф.И.О. плательщика _____</p> <p>Адрес плательщика: _____</p> <p>Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</p> <p>Итого _____ руб. _____ коп. " " _____ 20 _____ г.</p> <p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____</p>
	Кассир
Квитанция	<p style="text-align: right;"><i>Форма № ПД-4</i></p> <p style="text-align: center;">ООО "Юридическая периодика"</p> <p style="text-align: center;"><small>наименование получателя платежа</small></p> <p><u>7705790921</u> <u>40702810500000010326</u></p> <p><small>ИНН получателя платежа</small> <small>(номер счета получателя платежа)</small></p> <p>в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> БИК <u>044525272</u></p> <p><small>(наименование банка получателя платежа)</small></p> <p>Номер кор./сч. банка получателя платежа: <u>30101810000000000272</u></p> <p>Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2021</p> <p><small>(наименование платежа)</small> <small>(номер лицевого счета (код) плательщика)</small></p> <p>Ф.И.О. плательщика _____</p> <p>Адрес плательщика: _____</p> <p>Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</p> <p>Итого _____ руб. _____ коп. " " _____ 20 _____ г.</p> <p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись плательщика: _____</p>
	Кассир

Центр редакционной подписки:
тел. (495) 617-18-88 (многоканальный)
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)